

История арабских стран

Р.Г. Ланда

ВОСТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. Г. Ланда

ИСТОРИЯ АРАБСКИХ СТРАН

Учебник

Москва
2005

ББК 83.35
Л 22

Л22 **Ланда Р. Г.**
ИСТОРИЯ АРАБСКИХ СТРАН. –
М.: Восточный университет, 2005, 320 с.

ISBN 5-98196-002-7

ББК 83.35

ISBN 5-98196-002-7

© Р.Г Ланда, 2004

© Восточный университет, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРАБСКИЙ МИР СЕГОДНЯ (вместо предисловия)..... 5

Часть I. АРАБЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава 1. Арабы, ислам и халифат	11
Аравия в начале VII в	11
Возникновение ислама	16
Арабские завоевания	21
Омейяды и Аббасиды	29
Глава 2. Дифференциация арабского мира	38
Сельджукиды и Фатимиды	38
Арабский Запад (Магриб)	45
Страна Аль-Андалус	49
Альморавиды и Альмохады	53
Магриб и Гранада	57
Государство мамлюков	61
Глава 3. Арабо-исламская культура	67
Культура Арабского Востока	70
Культура Арабского Запада	85
Влияние арабов на культуру Европы	94

ЧАСТЬ II. АРАБЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава 4. Османское господство	103
Арабо-османское общество	103
Децентрализация империи	110
Глава 5. Египет и Магриб на рубеже XVIII–XIX вв	120
Экспедиция Наполеона Бонапарта	120
Правление Мухаммеда Али	123
Страны Магриба и Европа	126
Глава 6. Арабский Восток и османы в XIX в	134
Ваххабиты Аравии и их разгром	134
Ирак и Сирия в начале века	137
Период Танзимата	142
Глава 7. Египет и Магриб в 1840–1914 гг	146
Колониализм в арабской Африке	146
Закабаление Египта	151
Движение махдистов в Судане	154

Сенуситы Западного Триполи	158
Колонизация Алжира	161
Тунис: режим протектората	166
Захват Марокко	170
Глава 8. Крушение господства османов	172
Арабы в эпоху «зулюма»	172
Арабы и младотурецкая революция	177
Арабские страны в Первой мировой войне	178

ЧАСТЬ III. АРАБЫ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Глава 9. Арабские страны в 1919–1939 гг	190
Страны Аравии	190
Египет и Судан	192
Ирак и Палестина	197
Сирия и Ливан	203
Страны Магриба	207
Глава 10. Арабские страны во Второй мировой войне	214
Державы «оси» и арабский мир	214
Военные действия в Египте и Магрибе	218
Последствия войны для арабских стран	219
Глава 11. Арабские революции XX века	226
«Свободные офицеры» и Гамаль Абдель Насер	227
Война и революция в Алжире	233
Палестинское движение сопротивления	249
Глава 12. Арабский мир в эпоху модернизации и глобализации	245
Сирия: правление Асадов	246
Египет: от Садата к Мубараку	247
Палестинский вопрос	249
Алжир – цивилизационные мутации	256
Ирак: время Саддама Хусейна	262
Старина и новь в жизни арабов XXI в	270

ХРОНОЛОГИЯ	275
-------------------------	-----

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	318
---------------------------------------	-----

АРАБСКИЙ МИР СЕГОДНЯ

(вместо предисловия)

Арабский мир – понятие, не раз менявшееся на протяжении почти полутора тысяч лет его существования. Когда-то он далеко выходил за свои нынешние пределы, на западе доходя до юга Франции, а на востоке – до Средней Азии и Синьцзяна. Но и сегодня арабские страны занимают довольно значительную территорию (до 14 млн. кв. км), простираясь от Атлантики до Индийского океана. Существует (с марта 1945 г.) Лига арабских государств (ЛАГ), в которую, однако, наряду с 19 арабскими странами, среди которых Палестинская автономия пока что не имеет статуса государства, входят также республики Джибути и Сомали с неарабским населением, но с арабским языком в качестве одного из государственных.

Экономическая, политическая, идеологическая и культурная роль арабских стран в современном мире неуклонно возрастает, что, естественно, питает и постоянно растущий интерес к арабскому миру, его истории и культуре, его жизни и особенностям. Одной из таких особенностей всегда была национально-этническая и религиозная неоднородность населения этой части земного шара. Она являлась источником особой сложности исторического развития проживавших здесь народов, давала пищу различным конфликтам и столкновениям. Издавна многие из них потрясали весь цивилизованный мир, выходя за пределы региона, сама расположенность которого на стыке разных континентов как бы обрекала его на роль посредника между Средиземноморьем и Индийским океаном, между Европой, Африкой и Азией. Кстати, арабы за долгие века совместной жизни с другими народами выработали в себе умение адаптироваться и решать спорные вопросы мирным путем («сульхан»).

Именно здесь, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, зарождались древнейшие в истории человечества цивилизации. Именно здесь находится традиционная арена их встреч, плодотворных контактов и взаимных влияний, порождавших все новые и новые формы культуры и духовной жизни. Не случайно здесь

возникли и в дальнейшем отсюда распространились основные мировые религии, особенно – христианство и ислам, что само по себе привлекает внимание сотен миллионов приверженцев этих религий к их центрам, расположенным в Палестине, Аравии, Ливане, Ираке. Массовые паломничества, конфликты из-за священных реликвий и «святых мест» еще с эпохи раннего средневековья превратили данный регион в пороховой погреб. Происходившие здесь взрывы религиозных, этнических и социально-политических страстей нередко служили поводами для острых конфликтов и затяжных войн не только на Востоке, но и далеко за его пределами.

Наше время, не изжив (во всяком случае радикально) прежних противоречий в регионе, добавило к ним новые. Это, прежде всего, противоречия экономического характера. Только в арабских странах Ближнего Востока сосредоточено свыше двух третей доказанных к началу 80-х годов запасов нефти всего мира, добываемой с рекордно низкими издержками производства. За счет арабской нефти удовлетворяются на 60% потребности в жидком топливе Западной Европы и Японии, на 25% – США. Это обстоятельство ранее, в колониальную эпоху, вызывало острое межимпериалистическое соперничество за монопольное обладание нефтяными концессиями. В период независимого развития нефтедобывающих государств возникли новые противоречия: благодаря росту цен на нефть и суверенной политике производителей нефти впервые в мировой истории поток денежных средств из развитых капиталистических держав в свои бывшие владения в 1973–1981 гг. стал перекрывать объем прибылей, получаемых от неоколониалистской эксплуатации.

Разумеется, наиболее развитые центры мирового хозяйства в той или иной мере возвращали себе часть этой нефтяной ренты, в том числе – путем вовлечения нефтедолларов, хранящихся в западных банках, в финансирование экономики США и Западной Европы. Тем не менее, создалось новое положение, которое западноевропейские и североамериканские государства сумели к началу 80-х годов изменить в свою пользу путем систематического сбивания цен на нефть (в том числе – с помощью сокращения потребления нефти и ориентации на развитие энергоэкономных отраслей), наращивания грабительских процентов на постоянно увеличивающийся внешний долг развивающихся (включая и

нефтедобывающие) стран, поощрение в этих странах потребительского «импортного бума» и т.п.

Тем не менее, значение нефти (и газа, добыче которого стало сейчас уделяться дополнительное внимание) в мировой экономике в целом сохраняется, хотя и несколько снизилось. Сохраняется также и все многообразие связанных с нефтью и газом экономических, финансовых, технологических и иных противоречий. А это не может не оказывать существенного влияния и на социальные факторы, определяющие, например, характер общественного развития и трудовых миграций в арабских странах, в том числе – нефти и газа не добывающих, на темпы и направления их индустриализации и урбанизации, уровень и распределение расходов на культуру и образование, занятость и социальные нужды. От всего этого зависит и быстрота общественных перемен, эволюция социальных связей и отношений, в конечном итоге определяющих и политические изменения.

Но далеко не только экономическими факторами определяется наш интерес к арабам сегодня, хотя, конечно, не стоит забывать, что одна лишь Саудовская Аравия владеет четвертью мировых запасов нефти и по их объему в 11 раз превосходит США. Человечество прежде всего обязано арабам великолепными достижениями в области науки и культуры, литературы и искусства, музыки и поэзии, медицины и архитектуры, философии и историографии, земледелия и кулинарии, ирригации и бытового комфорта. Редко какой другой народ так обогатил мировую цивилизацию и столь сильно повлиял на духовное развитие и культуру других народов, в том числе – народов Европы.

Арабский язык («латынь Востока»), как называли его еще недавно) сохраняет свое значение языка науки, культуры, религии и юриспруденции во всех странах ислама, далеко за пределами арабского мира, от Сомали до Дагестана и от Сенегала до Синьцзяна. Возникшая среди арабов религия ислама неуклонно расширяет свое влияние и в наши дни, привлекая к себе все новых сторонников. В 90-е годы численность ее приверженцев составила уже 1 млрд. 200 млн. чел. Из них примерно пятую часть (около 240 млн. чел. по данным 1994 г.) следует отнести к жителям арабских стран, количество которых за минувшие полвека возросло примерно втрое.

Однако среди населения государств – членов ЛАГ – не только арабы и мусульмане. Почти в каждой из арабских стран значи-

телен процент неарабов и немусульман, что является следствием выше уже упоминавшейся исторически сложившейся этноконфессиональной пестроты арабского мира. В Египте, по разным подсчетам, из примерно 60 млн. жителей 7–11% составляют христиане-копты, в Сирии, Иордании и Палестине христиан самых разных конфессий – не менее 10–12%, в Ираке – около 6%, в Ливане (по разным данным) – от 30 до 44%, в Судане – до 4% христиан и более 20% анимистов (на юге). В то же время в Судане до 1/3 населения – негроиды, не исповедующие ислама и говорящие на различных нилотских языках, в Ираке – свыше 20% составляют курды и более 5% – ассирийцы, армяне, турки, туркмены, в Сирии и Ливане до 10% – греки, курды, армяне, черкесы, турки и туркмены, в Иордании более 3% – черкесы, чеченцы, армяне, турки и другие. В Магрибе, т.е. на западе арабского мира, основным неарабским этносом являются берберы, составляющие до 40% населения Марокко, свыше 20% в Алжире, 2% в Ливии и 1% в Тунисе.

Но сложность этно-национального вопроса в арабском мире всеми этими цифрами не исчерпывается. В подавляющем большинстве случаев представители неарабских этносов (и немусульманских конфессий) говорят на арабском языке, знакомы с арабской культурой и часто близки арабам в социальном, духовном и бытовом плане. Многие берберы Алжира и Марокко двуязычны, т.е. говорят и на своем языке, и по-арабски. Есть области (Малая, или Баборская, Кабилия в Алжире), где разговорный язык представляет собой удивительную смесь арабского и берберского диалектов. А, например, в Мавритании, которая входит в ЛАГ и считается арабской страной, хотя свыше 25% ее населения составляют африканцы, говорящие на языках нигеро-конголезской группы, основу населения (75%) составляют мавры, т.е. арабо-берберы, говорящие на особом арабском диалекте «хасанийя», но сохранившие в повседневной жизни многое из старинного уклада берберских племен.

Характерная для арабского мира политизация накладывает свою печать и на этноконфессиональную обстановку. В результате национальные и религиозные общины, веками жившие в мире, последние 100–150 лет нередко враждуют, воюют или же находятся в весьма напряженных отношениях. Такова природа арабо-курдского и суннитско-шиитского противоборства в Ираке, христианско-мусульманского противостояния в Ливане, нескончаемой

борьбы севера и юга в Судане, но главное – затянувшейся трагедии в Палестине. Последствием ее является изгнание большей части арабов Палестины с родных земель, превращение их в беженцев, вынужденно проживающих (в том числе – в специальных лагерях) на территории других арабских стран, где они нередко оказывались (особенно в Ливане и Иордании) в центре острых социально-политических и военных столкновений. Таким же последствием было изгнание в Израиль евреев из арабских стран, проживавших там тысячелетиями. Это обстоятельство (как и воздействие на враждующие стороны извне) сильно мешает мирному урегулированию ближневосточного конфликта в целом, в том числе – соглашению между Израилем и Палестинской автономией, не раз намечавшемуся, но в конце концов срывавшемуся.

На состав населения арабских стран влияет также экономическая миграция, сказывающаяся, естественно, на социальном и политическом положении. Только из арабских стран Африки на рубеже XX–XXI вв. более 12 млн. чел. работали за пределами своих стран в качестве трудовых мигрантов. При этом около 3 млн. чел. из их числа находились в Европе, примерно 5 млн. – в странах Персидского залива и около 4 млн. – в США и других развитых странах. Миграция, во многом порожденная безработицей (достигавшей в условиях бурного демографического роста в 90-е годы 16–19% активного населения в Египте, 21–25% в Марокко и 26–30% в Алжире), сказывалась на многих сторонах жизни. Египетским мигрантам за несколько десятилетий она позволила создать валютный резерв в 180–250 млрд. долларов, значительно способствовавший улучшению экономического положения страны. А 600 тыс. тунисцев (7% населения Туниса), трудящимся в Европе, удалось своими переводами (до 900 млн. долларов к концу XX в.) существенно снизить дефицит внешнеторгового баланса государства. Не секрет к тому же, что очень часто арабские мигранты обзаводятся семьями в период работы во Франции, Испании и Италии. Это способствует по их возвращении на родину увеличению за счет детей от смешанных браков доли лиц двойной культуры, двуязычных от рождения, особенно многочисленных в странах Магриба. В этом же направлении действует постоянный приток в Ливию мигрантов из Турции (в том числе – курдов), стран Тропической Африки и Восточной Европы (особенно Албании, Греции, островов Средиземноморья).

Еще более многообразно в этноконфессиональном отношении население нефтедобывающих стран Аравии. Здесь, помимо палестинцев, сирийцев, иорданцев и выходцев из других арабских стран, везде очень высока доля мигрантов из Индии, Ирана, Пакистана, Индонезии, Кореи, Японии и стран Африки. В Кувейте они составляют 60% населения, в Катаре – 70%, на Бахрейне – 30%, в Омане – 10%, в Объединенных Арабских Эмиратах – 850 тыс. из 1,2 млн. чел., т.е. 70%, в Саудовской Аравии – до 2 млн. из 16 млн. чел., т.е. около 13%. Точные данные по Йемену отсутствуют, но известно, что доля мигрантов из этой страны значительна в странах Персидского залива и в Малайзии, что также способствует процессам этно-национального смешения. Достаточно сказать, что среди приезжих мигрантов в аравийских государствах – лица 22 национальностей.

В то же время арабы лидируют среди мусульман-иммигрантов, осевших в США и Западной Европе, где их соответственно 2,5 млн. и 15 млн. чел. Это – гигантские диаспоры со своими особенностями, проблемами, трудностями адаптации, специфическим восприятием западного мира, который они видят не только с парадной витрины. Они как бы авангард Востока на Западе. И во многом от понимания последним их проблем и проблем всего Востока в целом будет зависеть, станет ли этот авангард посланцем дружбы или «пятой колонной». После трагедии 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке принято говорить в основном об «исламском терроризме» и «угрозе с Востока» всемирным центрам цивилизации. И основания для этого есть. Но в любом конфликте – всегда две стороны. И поведение каждой из них слишком часто зависит от поведения соперника.

Чтобы разобраться в непростых и, к сожалению, очень запутанных вопросах противостояния Востока и Запада, в данном случае – Арабского Востока и американско-европейского Запада, надо обратиться к истории, к тем традициям военно-политического противостояния и религиозной непримиримости, которые веками сеяли ненависть и недоверие между арабами и людьми Запада. Вместе с тем стоит вспомнить и о периодах взаимной учебы и взаимообогащения, о межцивилизационных, межнациональных и просто человеческих контактах, о всем том, за что и Запад, и вообще весь мир до сих пор в долгу перед арабами.

Часть I. АРАБЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава I. Арабы, ислам и халифат

Понятия «арабский мир», «арабские страны», как отмечалось выше, непостояны. Их содержание то расширялось, то сужалось в зависимости от хода истории и перемен в судьбах арабов и стран, ими занимаемых. Решающий вклад в формирование цивилизации арабов и их государственности внес ислам, представляющий собой не только религию, но также философию, миропонимание, кодекс нравственности, источник законодательства и образ жизни. Поэтому политическую историю арабов, историю их культуры и общества необходимо рассматривать в неразрывном единстве с историей возникновения и распространения ислама. Поэтому и цивилизация арабов считается серьезными исследователями «арабо-исламской», так как создавалась она арабами совместно с представителями других народов, как исповедующих ислам, так и немусульманских. Ее значение и роль выходят за рамки арабского региона и даже за пределы мира ислама.

Аравия в начале VII в. Аравийский полуостров (сами арабы его называют Джазират аль-араб, т.е. «Остров арабов») площадью более чем 3 млн. кв. км (преимущественно пустынь, полупустынь и сухих степей) был, очевидно, прародиной всех семитских народов (хотя, по некоторым предположениям, они пришли сюда в V тысячелетии до н.э. из Сахары). Именно отсюда периодически выплескивались волны кочевников, захлестывавшие Переднюю Азию: ханаанцев, заселивших Сирию и Палестину в IV (по другим данным раньше) тысячелетии до н.э. и создававших уникальную культуру, впоследствии под именем финикийской распространившуюся по всему Средиземноморью, аккадцев, пришедших в начале III тысячелетия до н.э. в южное Двуречье и положивших начало цивилизациям Ассирии и Вавилона; амореев, примерно через тысячу лет после этого заселивших весь Ближний Восток; гиксосов, владевших в XVI вв. до н.э. Палестиной и северо-востоком Египта; арамейев, появившихся в XIV в. до н.э. и постепенно распространивших свой язык от Персидско-

го залива до Палестины; *древних евреев*, подчинивших себе Палестину в XIII–XI вв. до н.э. Последней, пожалуй, наиболее значительной, особенно по своим последствиям, волной расселения семитов за пределы Аравии стали арабские завоевания VII–VIII вв. н.э.

О жизни арабских племен до этого времени сведений очень мало. Чуть ли не единственным источником этих сведений является древнеарабская или доисламская поэзия. Она, по мнению выдающегося знатока арабов академика И.Ю. Крачковского, «с фотографической точностью отражает все стороны жизни арабского племени»¹. Сами арабы называют этот период «джахилийя», т.е. «невежество», подразумевая под этим не столько то, что они тогда не знали письменности и созданной впоследствии культуры, сколько незнание ислама. Впрочем, более полные сведения имеются о жизни арабов до ислама в южной Аравии, где уже в I тысячелетии до н.э. существовали развитая земледельческая культура, ирригационные сооружения, торговля, ремесла и оживленная городская жизнь. С XII в. (а по другим данным – с V в.) до н.э. здесь, на юго-западе полуострова, примерно на территории нынешнего Йемена, сменяли друг друга Минейское, Сабейское, Химьяритское и некоторые более мелкие царства. Легендарная «царица Савская», якобы посетившая царя Соломона и родившая от него родоначальника династии эфиопских правителей Менелика, почитается арабами как правившая Сабейским царством Балкис. Известно, что Химьяритское царство, государственной религией которого был иудаизм, подверглось в 525 г. н.э. нашествию эфиопов. Его последний правитель Зу-Нуvas погиб, бросившись в море с высокого утеса. Захватившие страну эфиопы ввели в ней христианство. Однако в 575 г. их изгнали персы, господствовавшие до 628 г. и навязавшие местным жителям зороастризм.

Все эти события, как и, очевидно, то, что им предшествовало (и пока что изучено недостаточно), привели к переселению многих арабских племен на север полуострова. Там с VI в. до н.э. существовало арабское Набатейское царство на территории между Мертвым и Красным морями. Римляне называли его «Арабия Петре», т.е. Каменистая Аравия (ее столица Петра сохранилась до наших дней), в отличие от «Арабия Феликсе», т.е. Счастливой

¹ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.– Л., т. II, 1956, с. 238.

Аравии, на юге полуострова. Будучи вассалом Египта времен Птолемеев, а затем Рима, Набатей участвовала в их походах, испытав значительное влияние эллинистической и латинской культур. В 106 г. н.э. она была превращена императором Траяном в римскую провинцию Аравия. Однако проникновение арабов из аравийских пустынь в более культурные регионы Ближнего Востока продолжалось вплоть до Средиземного моря и Малой Азии. В дальнейшем арабские отряды включались в состав римской армии, а выходцы из среды связанных с римлянами представителей арабской военной и прочей знати даже были, правда на короткое время, римскими императорами – Гелиогабал (218–222), Филипп Аравитянин (244–249).

В I–III вв. н.э. в состав римской провинции Сирия (с 64 г.) входило государство Пальмира (по-арамейски Тадмор). Оно было фактически автономно, обладало развитым сельским хозяйством и техникой орошения, в его культуре, архитектуре, ремеслах и религии был заметен синтез эллинизма и местных традиций. Жители Пальмиры говорили по-арамейски и по-гречески. После тайного убийства римлянами слишком усилившегося, по их мнению, повелителя Пальмиры Одената (по-арабски Удайна, правил в 261–267 гг.) власть перешла к его жене Бат-Заббай (Зенобии). Эта женщина, превосходя своих подданных-мужчин «силой и мудростью», сама командовала своей армией, во главе которой завоевала весь Ближний Восток, включая Египет. Потерпев в 272 г. поражение от римлян, она погибла тогда же в Риме. Но ее 5-летнее правление до сих пор высоко оценивается арабами, которые считают Тадмор одним из первых своих государств, а Зенобию – своей национальной героиней.

Арабы в первом тысячелетии до н.э. и в первые века н.э. были практически в постоянном контакте с эллинистической цивилизацией и цивилизацией Древнего Рима. Более того, они активно включались в жизнь этих цивилизаций и в той или иной степени способствовали тем самым обогащению своего опыта, в том числе – за счет последующих контактов с персами, эфиопами и византийцами, с религиями зороастризма, христианства и иудаизма.

Римляне, а потом византийцы, непрерывно воюя с персами, поощряли образование в своих пограничных областях буферных арабских государств-вассалов в качестве барьера и против персов, и против периодически выдвигавшихся из Аравии кочевых

племен. В частности, всю Сирийскую пустыню заняло царство Лахмидов (во главе с племенем бану лахм) со столицей в Хире. Однако в V в. н.э. Лахмиды, принявшие сторону несториан в шедших в Византии религиозных спорах, перешли на службу к персидским правителям Сасанидам. В то же время Византия поддержала вновь образовавшееся к востоку от Иордана арабское государство Гассанидов, придерживавшееся другого христианского направления – монофизитства. О значении для византийцев этого государства говорят почести, которые воздал царю Гассанидов в VI в. знаменитый император Юстиниан. Вследствие этого, арабы, участвовавшие в ирано-византийских войнах на той и на другой стороне, многое переняли у своих покровителей и их противников в области быта, военного дела, управления, культуры и языка, поскольку и у Гассанидов, и у Лахмидов наряду с арабским (тогда еще формировавшимся из племенных наречий) был принят арамейский язык, на котором (вернее на его сирийском диалекте – сирьяке) тогда говорило большинство жителей Ближнего Востока.

В самой Аравии к тому времени тоже происходили социокультурные перемены. Эфиопские и персидские завоевания на юге Аравии, а также природные катаклизмы (в частности – прорыв в 570 г. н.э. плотины у г. Мариб в Йемене, что привело к гибели существовавшей более 1 тыс. лет искусной системы орошения) вызвали уход на север и в центр полуострова многих южно-арабских племен. Это не могло не создать известной напряженности в Аравии, не отличавшейся обилием земель, пригодных для пастбищ, тем более – для пахоты. Исторически образ жизни и повседневный быт араба был связан с пустыней и кочевым хозяйством. Типичный для Аравии араб – это бедуин, привычный к кочевью, скотоводству и особенно верблюдоводству. Мясом и молоком верблюда он питается, из его шерсти выделывает ткани и мешки, из шкуры – обувь, сбрую и прочие кожаные изделия. Даже всевозможные отходы от верблюда идут на топливо, косметику и прочие нужды. Кроме того, верблюды – «корабль пустыни», незаменимый в ее условиях благодаря своей неприхотливости и способности долгое время обходиться без пищи и даже без воды. Продажа молодняка и продуктов верблюдоводства – основной вид бедуинской торговли. Остальной скот – обычно показатель богатства, за исключением лошадей, которых специально отбира-

ли и холили прежде всего для участия в сражениях. Тем не менее, верблюды на шкале ценностей стоял выше, а сравнение своей возлюбленной с верблудицей – обычный прием арабской любовной лирики. Вообще все, связанное с кочевой жизнью, арабами уважалось, поэтизировалось и являлось предметом гордости. Это – неотъемлемая часть их культуры еще с доисламских времен.

Естественно, конфликты между племенами обычно случались из-за захвата пастбищ, угона скота и похищения женщин (часто даже – с согласия последних). Приход новых племен с юга усилил все эти конфликты и умножил их. Города, издавна бывшие в Аравии центрами торговли и ремесел, были немногочисленны и во многом зависели от племен. Прежде всего, в городах люди тоже жили в основном племенами и кланами. Наряду с ними среди горожан было немало «бану хаDIR», т.е. осевших на землю людей, утративших связи со своим племенем. Тем не менее все они – торговцы, ремесленники, садоводы и пальмоводы (в редких оазисах) – преклонялись перед бедуинами, нередко будучи связаны с ними родственными узами, и искали у них защиты в беспокойное время. Кроме настоящих и бывших бедуинов, в городах немало было и пришлых людей, потомков рабов или военнопленных, которые обычно старались прибиться к тому или иному племени, приняв соответствующее имя и генеалогию.

Земли и пастбища находились в коллективной собственности племен, но распоряжалась ими знать, имевшая рабов и «мауля» – зависимых от патрона клиентов. «Асабийя» – племенной патриотизм, чувство достоинства племени и принадлежности к нему – стимулировалась межплеменными войнами из-за скота и пастбищ. Однако торговля племен с оазисами способствовала общности их интересов, росту городов и образованию племенных союзов (например, Кинд в V–VI вв.). Возникали и другие тенденции к объединению арабов: племенные диалекты постепенно сливались в два основных языка – северных и южных арабов, сохранение культа племенных богов сочеталось с размещением всех фетишей племен в общем храме Кааба (храме Черного камня) в Мекке.

Мекка упоминалась еще географом Птолемеем во II в. н.э. как Макораб (от южноарабского «макраб», т.е. «святилище»). Кроме храма, в городе постоянно действовала ярмарка, на которой бедуины (кочевники) обменивали кожи, шерсть и скот на зерно, фини-

ки и изделия горожан-ремесленников. Мекка была также перевалом на караванном пути из Сирии в Йемен и обратно, местом складов товаров многочисленных местных и приезжих купцов. Основная часть мекканцев принадлежала к североарабскому племени курейш. Каждый род этого племени занимал особый квартал. Наиболее богатые (например, род Омейя) промышляли торговлей и ростовщичеством. Бедные курейшиты (в том числе известный впоследствии род Хашим) были ремесленниками, скотоводами, погонщиками верблюдов. Почти все рабы были пленными иноземцами, в основном – эфиопами и неграми.

Мекканские купцы имели много рабов в домашнем хозяйстве, а также – в качестве слуг, пастухов, садоводов в окрестных оазисах. Кроме того, снаряжая богатые караваны в Палестину и Сирию, они нуждались в проводниках и многочисленной охране, набиравшейся как из африканских рабов («ахабиш»), так и из наемников-бедуинов. На пути этих караванов, в 300 км к северу от Мекки, лежал оазис Ясриб. В нем находилось пять поселений отдельных племен, владевших пашнями и виноградниками. Из пяти племен в VII в. два были языческими, остальные исповедовали иудаизм.

Возникновение ислама. Среди арабов в доисламский период («джахилийи», т.е. неведения, невежества) наряду с культом племенных божеств бытовали различные религиозные верования. Христианство (в форме монофизитства и несторианства) восприняли арабские племена, поселившиеся в Сирии, Палестине и Двуречье. Его влиянием были затронуты и некоторые племена севера и запада Аравии. В доисламской поэзии фигурирует образ христианского отшельника (рахиб): свет лампы из его кельи привлекал путника в пустыне. С христианством конкурировал иудаизм, также распространившийся в некоторых оазисах северо-западной Аравии. В 517 г. иудаизм был даже провозглашен официальной религией Химьяритского царства в Йемене, но вскоре был практически подавлен в связи с захватом Йемена христианами-эфиопами, а потом персами-зороастрийцами.

Помимо иудеев и христиан, в Аравии были также поклонники новой формы монотеизма – ханифизма. Ханифы жили в основном в земледельческой Йемаме – области на востоке Аравии. Испытав влияние христианства и иудаизма, они противопоставляли многобожию Мекки и окружавших ее племен свою веру в

единого бога – рахмана («милостивого»). Осуждая политеизм и идолопоклонство мекканцев, ханифы в то же время проповедовали естественный для крестьян бедной страны пустынь аскетизм как бы в укор богатым купцам, ростовщикам и землевладельцам Мекки. Кроме того, они выражали идею всеарабской религии в противовес местничеству и раздробленности племенных культов. Их влияние росло и распространялось постепенно и на запад Аравии.

В этих условиях в роли основателя и пророка новой религии выступил Мухаммед, сын небогатого торговца Абдаллаха из рода Хашим. Родившись около 570 г., Мухаммед в 6 лет остался сиротой и в детстве пас овец своего дяди Абу Талиба, а в юности стал погонщиком верблюдов, не раз сопровождавшим караваны в Сирию и Палестину. Много странствуя, он часто встречался и беседовал о религии с представителями самых разных общин. Особенно известны его встречи с христианским монахом Бухейрой, судя по имени – арабом, в Бусре на юге Сирии. Оставшись на всю жизнь неграмотным, Мухаммед, тем не менее, обладал блестящей памятью и хорошо запоминал многое из того, что видел и слышал. Женившись на богатой вдове Хадидже, он стал материально независим. Это дало ему время и возможности для выработки нового учения, с проповедью которого он выступил около 610 г.

Мухаммед объединил в учении знания о всех монотеистических религиях, попытавшись применить их к обществу, в котором он жил. Его учение называлось «ислам» (покорность), а его сторонники – «муслимун» (мусульмане). Символом ислама стала «шахада» (свидетельство веры): «Нет божества кроме Аллаха и Мухаммед посланник Аллаха». Тем самым он утверждал принцип единобожия, отвергая всякое идолопоклонство и культ племенных фетишей. Сам Мухаммед признавался пророком, но не единственным, «ибо он – посланник, до которого были посланники» (Коран, сура 3, 138). В этом выражалась преемственность с другими монотеистическими религиями. Кроме того, Мухаммед на первых порах старался сплотить всех сторонников единобожия – христиан, иудеев, ханифов – против всех язычников и идолопоклонников. Именно последние тогда составляли большинство среди арабов. Мухаммед называл Бога не «рахманом», а Аллахом, т.е. именем племенного божества курайшитов,

а слово «рахман» (в значении «милостивый») оставил в качестве одного из главных эпитетов Аллаха (как и слово «рахим», т.е. «милосердный»).

Пророк излагал свое учение обычно в форме откровений, ниспосланных ему Аллахом. Последователи заучивали их наизусть, много раз повторяя и декламируя. Потом их стали записывать на пальмовых листьях, камнях и костях. Впоследствии, уже после смерти Мухаммеда, они составили священную книгу мусульман – Коран. По убеждению верующих мусульман, Коран существовал вечно и был передан Мухаммеду в течение 22 лет (продиктован) через архангела Джабраила (Гавриила).

Несмотря на ряд уступок мекканской верхушке, в целом новое учение было отвергнуто знатью курейшитов во главе с богатейшим кланом Омейя. Глава этого клана Абу Суфьян опасался, что сама по себе проповедь единобожия и осуждение идолопоклонства подорвут значение Каабы, вызовут упадок паломничества в Мекку (совершавшегося бедуинами к их племенным божествам), а следовательно подорвут ее авторитет и торговые интересы. Кроме того, богатым курейшитам не нравилось осуждение в откровениях Мухаммеда (впоследствии зафиксированное в ранних сурах, т.е. главах Корана) практики ростовщичества, обмеривания и обвешивания покупателей. Но Мухаммед, сам будучи небогатым торговцем, а тем более в юности, страдал от этой практики и знал, как относились к ней бедуины, торгово-ремесленный люд и городская беднота Мекки.

Преследования со стороны родовых старейшин Мекки сделали невозможным пребывание в городе небольшой общины сторонников пророка. Мухаммед, убедившись в этом, переселился со своими последователями в Ясриб, где он нашел поддержку двух земледельческих племен, издавна враждовавших с мекканскими купцами и ростовщиками. Кроме того, мать Мухаммеда – Амина была родом из Ясриба. Переселение – хиджра – произошло 8-го числа месяца раби аль-авваль (по мусульманскому лунному календарю), т.е. 20 сентября 622 г. С этого дня началось мусульманское летосчисление (по календарю хиджры). Пришедшие вместе с пророком мекканцы стали называться мухаджирами («переселенцами»), а гостеприимно принявшие их – ансарами («помощниками, сторонниками»). Сам Ясриб с этого момента стал именоваться Медина (полное название: Мадинат ан-наби,

т.е. «Город пророка»). Все более увеличивавшаяся община мусульман (умма) становилась более организованной, ее члены – асхабы («соратники, последователи»), непосредственно общавшиеся с пророком, составили в дальнейшем (после смерти Мухаммеда) элиту арабо-мусульманского общества.

В Медине была построена первая мечеть («масджид»), которая служила не только для молитв, но и для собраний общины, приемов знатных гостей и послов. Были установлены часы для ежедневных молитв (салат), упорядочена выплата налога закят, средства которого тратились на нужды уммы. Обязанности имама, т.е. предстоятеля на молитве, обычно выполняли сам Мухаммед и наиболее близкие к нему мухаджиры Абу Бекр и Омар ибн аль-Хаттаб, на дочерях которых Айше и Хафсе он был женат.

Постепенно Мухаммед стал полновластным главой Медины. Сначала он обратил в ислам два языческих племени, но еще долго боролся с тайно действовавшими среди новообращенных «мунафиками» («лицемерами, сомневающимися»). С тремя другими племенами, исповедовавшими иудаизм, он заключил договор. Однако их нежелание принять новую религию и признать ее пророка, а также прямая или косвенная поддержка мекканцам, с которыми Мухаммед с 623 г. фактически вел войну, постепенно привели к открытой вражде. Два племени были выселены из Медины в 624 г., их земли – переданы мусульманам. Третье племя, обвиненное в прямом сообщничестве при осаде Медины мекканцам в 626 г., постигла более тяжелая участь: его мужчины были казнены, женщины и дети проданы в рабство. После этого обогатившаяся верхушка уммы решила пойти на компромисс с мекканцами, которые также склонялись к этому, устав от непрерывных нападений мединских отрядов на их караваны.

Постепенно мусульмане в 628–630 гг. достигли согласия с мекканцами. Последние решили принять ислам, но при условии превращения Мекки в центр новой религии и признания паломничества к храму Каабы (хадж) одной из главных обязанностей мусульман. Тем самым обе стороны достигали своих целей: мусульмане – дальнейшего распространения ислама на Мекку и бедуинов окрестных племен, мекканцы – сохранения и даже умножения своих доходов от паломничества.

Лично Мухаммед не стремился к богатству и роскоши, даже к власти, оставаясь формально идеологом новой религии. Но фак-

тически он продолжал руководить из Медины борьбой за распространение ислама по всей Аравии. Хотя он не принял титула «малик» (царь, властитель), пятая часть любой военной добычи мусульман (хумс) должна была идти на содержание его семьи и родственников, а также вдов и сирот воинов, погибших в священной войне за веру (джихад). Умер Мухаммед 8 июня 632 г. Его гробница в Медине стала второй после Каабы в Мекке святыней ислама и объектом паломничества.

Ислам продолжал развиваться и после смерти его основателя. Но первоначально в целостном виде он сложился именно в Медине, восприняв многие элементы других монотеистических религий. Он предписал верующим единобожие, признание пророческой миссии Мухаммеда, ежедневно пятикратную молитву, паломничество (хадж), пост в месяц рамадан, отчисление в виде закята 1/40 дохода от ремесла, торговли и скотовладения. От иудеев и христиан было взято учение о пророках, которыми признавались Адам, Нух (Ной), Ибрахим (Авраам), Муса (Моисей), Иса (Иисус Христос) и Мухаммед. Мало чем отличаются от христианских и представления мусульман об ангелах, о воскрешении умерших и Страшном суде, о загробном воздаянии за добрые и злые дела. Но заметны и наметившиеся с самого начала отличия мусульман от других «ахль аль-китаб» (людей Писания): ориентация на арабский быт, арабский язык (на котором изложен Коран), на исключительную роль Мухаммеда и некоторые доисламские обычаи арабов (хадж, поклонение храму Каабы), на чувственные представления о райском блаженстве. Важное значение приобрело и учение о джихаде, родившееся в разгар сражений с язычниками и иудеями Медины. Практика дележа военной добычи, освященная Кораном, стала дополнительным стимулом участия мусульман в войнах с неверными. При преемниках Мухаммеда учение о джихаде стало идейным обоснованием арабских завоеваний. Наконец, в Медине, под непосредственным руководством пророка, сложился принцип исламской теократии, предусматривавший неразделимость светской и духовной власти, религии и права, мусульманской общины и мусульманского государства.

После смерти основателя ислама возник Арабский халифат, ибо преемники пророка именовались халифами («заместитель, помощник» по-арабски). Первые четверо из них назывались «праведными халифами» (аль-хулафа ар-рашидун), т.е. как бы на-

ибо более адекватно следовавшим заветам пророка. Это были уже упоминавшиеся Абу Бекр (632–634), Омар ибн аль-Хаттаб (634–644), «дважды зять пророка» (последовательно женатый на двух его дочерях) Осман ибн Аффан (644–656), двоюродный брат и также зять пророка Али ибн Аби Талиб (656–661). На самом деле они, руководившие начавшимися еще при Мухаммеде арабскими завоеваниями, многое вынуждены были менять и в исламе, и в управлении разраставшимся государством. По ходу этих перемен нарушались многие сложившиеся ранее обычаи арабов. Кое-какие заветы пророка группы и течения, возникавшие внутри уммы, интерпретировали по-разному.

Арабские завоевания. Главой уммы после смерти Мухаммеда стал его ближайший сподвижник Абу Бекр. Как мухаджир и мекканский купец, он отстаивал приоритет курейшитов, что вызывало недовольство ансаров Медины. Он продолжал политику распространения ислама среди племен Аравии, многие из которых либо не имели об исламе представления, либо подчинялись Медине только политически, по-прежнему исповедуя многобожие, христианство, ханифизм. Выступление многих из них против власти Медины в мусульманской литературе называется «ар-ридда» (отпадение, отступничество). На самом деле они были направлены не против ислама, а против власти курейшитов, с чем не могли примириться другие племена. Например, Мусейлима, проповедник ханифизма в Йемене, был союзником и почти единомышленником Мухаммеда в его борьбе с аристократией Мекки, но точно так же не хотел никакой зависимости от Медины. Еще при жизни Мухаммеда против господства Ирана в Йемене выступил «йеменский рахман» аль-Асвад (Черный). Но он же был и против господства Медины.

Объединение арабских племен в рамках единой новой религии и прекращение межплеменных столкновений (постепенно и далеко не повсеместно) как бы аккумулировало общую энергию арабов, обращая ее против издавна противостоявших им и преграждавшим им выход из песков Аравии могучих ближневосточных держав того времени – Византии и Ирана. Но, помимо экономических (борьбы за пастбища), социальных (обогащения верхушки), демографических (после наплыва племен с юга) и политических (борьбы за власть в Аравии) причин, с появлением ислама появились и идеологические причины завоеваний – необхо-

димось распространения ислама, проповеди новой веры и обращения в нее язычников. Кроме того, после смерти Мухаммеда возникли внутри все более численно увеличивавшейся уммы и другие проблемы.

Это обстоятельство также подтолкнуло наследников пророка, начиная с Абу Бекра, на то, чтобы направить энергию племен на внешние завоевания, в ходе которых могли если не исчезнуть, то серьезно смягчиться и сгладиться межарабские противоречия, ибо уход многих племен из Аравии на новые земли и обретение ими военной добычи (включая рабов из военнопленных) давал шансы на спад внутриарабской социальной напряженности и решение многих проблем.

Поэтому продолжавшаяся война с непокорными аравийскими племенами слилась уже в 633 г. с выходом войск халифата за пределы Аравии. Низкая боеспособность византийской армии во многом определялась ее этноконфессиональной пестротой и внутренней непрочностью в условиях связанных с преследованиями разных общин императорского деспотизма и религиозного догматизма. В частности, жители Сирии, Палестины, Египта совершенно не желали сопротивляться мусульманам, предпочитая их власть тяжелому гнету византийцев. Поэтому они или не сражались против арабов, или переходили на их сторону. Открыто примкнули к своим братьям из Аравии и племена арабов, исповедовавших христианство и издавна живших на границе между владениями Византии и Ирана. Они имели давний опыт общения с греками и персами, борьбы с ними и знания их слабых сторон.

Были случаи (при взятии в 634 г. Хиры, бывшей столицы Лахмидов), когда в бою главную роль играли не малочисленные выходцы из Аравии, формально всем руководившие, а могущественные племена местных арабов, такие как бекр ибн ваиль. В битве на реке Ярмук в 636 г. сирийские арабы во главе с маликом (царем) из династии Гассанидов в решающий момент перешли на сторону мусульман. Ослабленное византийское войско (в котором к тому же вспыхнула распря между греками и армянами) было разбито. Конечно, большую роль сыграли и военные таланты арабских полководцев Халида ибн аль-Валида, Амра ибн аль-Аса и других. Не менее важен был обычай арабов (выработанный в ходе бесконечных межплеменных войн) уметь дости-

гать своей цели не только силой, но и путем соглашения, компромисса с противником. В результате многие города и целые области сдавались им при условии сохранения жизни и имущества жителей, признания ими власти халифа и обязанности платить ему подати. Нередко при этом местная знать оставалась у власти, сохраняя даже возможность исповедовать прежнюю религию.

Все это объясняет довольно быстрые темпы арабских завоеваний. Заняв в 636 г. Дамаск, а в 638 г. Иерусалим, арабы завершили к 640 г. захват Сирии и Палестины. К 641 г. закончено было завоевание Ирака (тогда входившего в состав персидской империи Сасанидов), к 652 г. – Ирана. Тогда же признали власть халифа правители Армении, столкнувшиеся с арабами впервые еще в 640 г. В 644 г. арабы прошли через Белуджистан к границам Индии, в 651 г. – к берегам Аму-Дарьи, в 654 г. заняли Тбилиси. На западе они встретили более сильное сопротивление. За Египет они вели борьбу в 639–646 гг., одновременно продвинувшись до Триполи в 643 г. Их первое вторжение в Ифрикийю (современный Тунис) имело место в 647 г., но далее продвижение застопорилось не столько из-за византийцев, владевших тогда всей Северной Африкой, сколько из-за берберских племен, занимавших в горах и предгорьях Атласа почти неприступные позиции. Поэтому арабы перешли здесь к тактике постепенного осваивания равнин и вытеснения берберов в горы, где арабская кавалерия (особенно верблюжья) воевать не могла. В 670 г. они выстроили свой первый город в Ифрикийе – Кайруан, ставший с тех пор важным военно-религиозным и политическим центром их власти. Только к 683 г. арабский полководец Окба ибн Нафи прошел от Кайруана к Атлантике, но на обратном пути был убит берберами.

Снова выйти к Атлантике арабам удалось лишь к 709 г. Но и тогда установленный ими над всем Магрибом (т.е. «западом, местом заката»), как называли они север Африки к западу от Египта, контроль во многом был формальным. Племена берберов лишь на равнинах и лишь частично признали власть халифа. Остальные остались независимы или полузависимы, особенно это относилось к племенам, еще в римскую эпоху принявшим иудаизм. Наиболее выдающуюся предводительницу этих племен арабы называли «Кахина» (жрица), что говорит об объединении ею функций религиозных и политических. Но, по преданию, она на

смертном одре завещала своим сыновьям примириться с арабами и принять ислам.

Темпы завоеваний снизились во второй половине VII в., что объяснялось первым религиозно-политическим кризисом в халифате. Абу Бекра и Омара, считавшихся с уравнительными традициями ранней мусульманской общины и обычаями военной демократии племен, сменил на посту халифа Осман, выдвиженец богатого рода Омейя, когда-то противостоявшего Мухаммеду. Но после 630 г. этот род выдвинулся в первые ряды мусульманской элиты, существенно обогатившись в ходе завоеваний и заняв важные посты, в частности – получив в управление Сирию. Халиф Осман, еще до ислама бывший богатым купцом, ростовщиком и рабовладельцем, представлял собой полный контраст своему предшественнику Омару, связанному с асхабами, жившему весьма скромно и осуждавшему мздоимство. К тому же Осман стал халифом после убийства Омара рабом-персом при весьма сомнительных обстоятельствах.

Простые арабы, особенно недолюбливавшие род Омейя асхабы и отстраненные Османом сторонники Омара, были недовольны начавшимся расслоением мусульманской уммы и выделением из нее богатой верхушки. Воплощением этой верхушки был сам Осман, окруживший себя роскошью и всячески способствовавший обогащению и возвышению своих родичей. Его противники объединились вокруг Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, мужа его любимой дочери Фатимы. Их стали называть «шиат Али» (буквально – «партия, группировка Али»), а в дальнейшем – шииты. Их основным принципом была наследственность имамата (халифата) в роду Али, как ближайшего родственника пророка, и его потомков от Фатимы – Алидов. Всеобщее недовольство Османом способствовало росту популярности Али.

В 656 г. халиф Осман, попытавшийся расправиться с группой своих противников, был ими убит. Халифом провозгласили Али. Но разбогатевшая за 12 лет правления Османа часть асхабов не признала Али, а родственник убитого халифа Муавия, правивший Сирией, обвинил Али в сообщничестве с убийцами Османа. Али согласился на переговоры, что вызвало раскол в его лагере. Ряды его приверженцев покинули хариджиты (от «хараджа аля» – «восстать, возмутиться») – первая секта в истории ислама. Они требовали возврата к раннему эгалитаризму уммы и выборности

халифа, каким, по их представлениям, мог быть не только курейшит и вообще араб, но даже «раб-эфиоп», если он этого достоин. Таким образом, с одной стороны, хариджиты пытались возродить первоначальный демократизм мусульманской общины, а с другой – уравнивать арабов, включая курейшитов, с другими жителями халифата, ставшего в результате завоеваний весьма полиэтничным государством. При этом хариджиты требовали от всех мусульман безоговорочного признания их учения, а всех несогласных отлучали от ислама и объявляли им джихад.

В результате неурядиц халифат фактически разделился на три главных и ряд второстепенных центров. Халиф Али правил в Ираке, Муавия – в Сирии, полководец Амр ибн аль-Ас, уже 20 лет фактически управлявший Египтом, выжидал. Хариджиты, стремясь сделать халифом своего человека, решили убить всех троих. Но им удалось устранить лишь Али, убитого в Куфе в январе 661 г. После этого халифом был провозглашен Муавия, положивший начало династии Омейядов (661–750). Хариджиты были вытеснены на периферию политической жизни, но сохранили вооруженные отряды почти во всех провинциях халифата. Их весьма негибкая тактическая установка – постоянно вести борьбу с армией халифа при всех обстоятельствах, а также со всеми остальными мыслящими не так, как они, вела к большим потерям и частым поражениям. Тем не менее, при самых разных обстоятельствах и в разных концах мира ислама хариджиты периодически выходили на авансцену и иногда играли важную политическую роль.

Постепенно, однако, хариджиты просто физически были уничтожены халифскими войсками. От них осталась только немногочисленная секта ибадитов, сохранившаяся на юго-востоке Аравии до наших дней и еще в XX в. занимавшая определенное место в Омани. Более заметны были хариджиты в Магрибе, где они даже основали свое государство с центром в Тахерте, существовавшее с 777 по 909 г. После его гибели наиболее последовательные хариджиты ушли в Сахару, где и проживают до сих пор в области Мзаб (мзабиты), став своеобразной и достаточно архаичной сектой средневекового типа.

Гораздо более опасны для халифата были шииты, которые не отказались от политической борьбы и постоянно вели ее против власти халифов, организуя восстания, заговоры и массовые дви-

жения, особенно в Ираке, Иране, на юге Кавказа и на востоке Аравии. Жестокие преследования их не укрощали, а лишь заставляли адаптироваться к ситуации (пользуясь, в частности, принципом «такыйя», согласно которому шиит в случае опасности может для вида отказаться от своих убеждений).

Муавия (661–680) и его преемники сделали центром своих владений Сирию, а столицей халифата – Дамаск. Они продолжили завоевания. Еще до кризиса, в 648 г., Муавия лично командовал первой морской экспедицией арабов, захватившей Кипр, после этого много раз переходивший из рук в руки, пока не стал владением халифов в 806–904 гг. Лишь в ходе упорной борьбы в 906–965 гг. Византия вернула себе этот остров с помощью русских дружин, присланных из Киева княгиней Ольгой.

В 711 г. арабы высадились на Иберийском полуострове и завоевали его (за исключением гористого северо-запада) в течение нескольких лет. В 712 г. арабы вторглись в Индию и завоевали долину Инда-Синд, ставший колыбелью ислама в Индии. В 705–715 гг. арабы завоевали Мавераннахр («Ма вара ан-нахр» – «То, что за рекой»), т.е. области Средней Азии за Аму-Дарьей. В 751 г. они столкнулись с китайцами и одержали победу, положив начало исламу на северо-западе Китая (в Кашгаре – современном Синьцзяне).

Перейдя через Пиренеи, арабы напали в 721 г. на Тулузу, взяли в 725 г. Нарбонн и Каркассон, в 731 г. достигли Дижона и были всего в 100 км от Парижа. В 732 г. они сожгли Бордо и пытались овладеть Туром, но были остановлены под Пуатье Карлом Мартеллом, основателем династии Каролингов. Тем не менее, юго-восток Галлии (Арль, Авиньон, низовья Роны) в 735–760 гг. находился в их руках. Вытесненные франками за Пиренеи, они продолжали еще несколько столетий нападать на Прованс. В 737 г. арабы разгромили хазар, подчинив себе до этого все Закавказье, и заставили кагана Хазарии принять ислам. Хазарская элита вновь вернулась к иудаизму только в 809 г. после ослабления халифата. Но среди населения Хазарии ислам (впрочем, как христианство и язычество) кое-где сохранился. Соперничая с VIII в. с викингами за господство в Средиземном море, арабы в разное время владели почти всеми средиземноморскими островами: Критом в 825–961 гг., Сицилией (на которой они впервые появились в 652 г.) в 827–1091 гг., Сардинией в 821–1022 гг., Корси-

кой в 810–1014 гг., Мальтой в 870–1229 гг. Мальту с тех пор многие считают «осколком арабоязычного мира», хотя сами мальтийцы это отрицают. Почти 100 лет арабы пытались завоевать Малую Азию и даже Константинополь (в 673–677 гг. и 717 г.), но потерпели неудачу.

Вместе с тем в Европе их успехи выглядели довольно впечатляюще. Параллельно с закреплением на островах и на Иберийском полуострове они нападали на самые крупные города юга Италии – Неаполь (812 г., 837 г. и далее вплоть до 916 г.), Бари (с 845 г. – база арабских операций в Адриатике в течение 30 лет), Рим (в 846 г. и 849 г.), причем папа римский одно время платил им дань, как и крупнейший торговый город юга Италии – Амальфи. К востоку от Марселя они захватили обширную область Фраксинетум (ныне Плато мавров), которой владели в 890–973 гг., назвав ее Джибаль аль-Киляль («Горные вершины») и используя как базу для нападений на побережье Лигурии и горные селения в Альпах, а также – на Гренобль, которым они владели почти 20 лет.

Громадный по территории и пестрый по населению, разнообразный по природным условиям, формам хозяйства, историческим и прочим традициям Арабский халифат был трудноуправляем и политически нестабилен. Внутренняя борьба в нем не прекращалась как в верхах, так и в низах общества, где формы и нормы управления, нравы, обычаи, каноны постоянно менялись, сталкивались, с трудом обретая лишь временные стабильность и равновесие, являвшиеся результатом компромисса (обычно недолговечного) разных социальных и этноконфессиональных групп. Поэтому политическая история халифата чрезвычайно калейдоскопична, противоречива и многоцветна. Относительно малочисленные арабы, оказавшись среди других народов, вынуждены были вступать в соглашения и союзы с неарабами, опираясь на те или иные группировки персов, турок, берберов, «мусалимов», т.е. принявших ислам, но еще не арабизированных жителей завоеванных территорий.

Говорившие по-арамейски жители Сирии, Палестины и Ирака, среди которых к тому же арабы (набатейцы, бедуины Гассаниды и Лахмиды) жили веками, арабизировались достаточно быстро, хотя даже в XIII в. в Сирии еще бытовал сирийский диалект арамейского языка (сирьяк). Арабизации способствовало

строительство городов-лагерей (Шираз в Иране, Басра и Куфа в Ираке, Рамла в Палестине, Фустат в Египте, Кайруан в Ифрикийе), в которых смешение арабов и местного населения шло особенно интенсивно, хотя формально целью этих лагерей было именно сохранение арабами своего особого положения. Однако им не возбранялось заводить себе одновременно до четырех жен местного происхождения (а сановникам, военачальникам и чиновникам – наложниц без счета), за которыми нередко тянулись и родственники, стремясь в каком-либо качестве получить место рядом с завоевателями и соответствующие преимущества. Поскольку мусульманин имел право развестись по собственному желанию со своими женами и взять в супруги новую «четверку» (причем мог поступать так много раз), масштабы арабизации возрастали уже во втором-третьем поколении буквально в геометрической прогрессии!

Особую роль играли «мауля» (мн.ч. – мавали). Это были местные жители, принявшие ислам по соображениям карьеры, политическим, экономическим, идейным мотивам. Став мусульманами, они как бы оказывались вне своей привычной среды, но не могли стать и полноценными членами какого-либо арабского племени. Однако, по старому арабскому обычаю, они могли стать под защиту или покровительство какого-нибудь влиятельного араба и, следовательно, его племени. Тем самым они оказывались на положении «мауля» (т.е. клиента, вольноотпущенника, получившего свободу бывшего раба) и обязаны были периодически одаривать и обслуживать своего покровителя. Многие арабские аристократы были постоянно окружены толпой таких мавали, в основном – ремесленников, лекарей, писарей, астрологов, поэтов и т.п. Позднее вокруг арабских городов-крепостей возникали целые слободы лиц вышеназванных профессий, а также – лавочников, менял и люмпенов. Эти слободы постепенно сливались с городами, особенно привлекая новообращенных мусульман из деревень. Различия происхождения между жителями этих городов постепенно стирались, поскольку исламизация обычно сопровождалась арабизацией, так как арабский язык был не только языком религии, но также языком политики, культуры, управления, судопроизводства, торговли.

Одной из особенностей жизни в халифате была веротерпимость. Арабы не принуждали население завоеванных стран при-

нимать ислам. Это происходило добровольно, так как было связано с политическими или экономическими привилегиями (например, с неуплатой подушной подати «джизья» с немусульман), желанием сделать карьеру, сменить статус (например, перестать быть рабом немусульманина) или иными обстоятельствами. Стремление облегчить иноверцам переход под власть халифов и выплату ими податей побуждало мусульман терпимо относиться не только к христианам и иудеям (как к ахль аль-китаб, т.е. «людям Писания», чтящим единобожие и пророков), но и к зороастрийцам (в Иране, Азербайджане, Мавераннахре). Иноверцы были ограничены в правах, особенно политических, но считались «зиммиями», т.е. покровительствуемыми общинами, которые пользовались самоуправлением, свободой отправления своего культа и судопроизводства.

Омейяды и Аббасиды. При Омейядах в халифате происходила постепенная феодализация сложного многоукладного общества при все усиливавшемся деспотизме обогащавшейся знати, на первых порах мирившейся с всевластием теократического правителя – халифа. Укрепление позиций феодалов в бывших провинциях Византии и Ирана, в том числе – крупных землевладельцев персидского, армянского и греческого происхождения, соседствовало с широким распространением рабовладения и сохранением патриархальной общины, прежде всего у бедуинских племен, из Аравии распространившихся до Индии и Атлантики, но также – у горцев Гиндукуша, Кавказа, Атласа. Омейяды опирались в основном на арабскую знать Сирии и Египта. Но ими были недовольны другие группы арабской знати и асхабов, в том числе – Алиды, Аббасиды (потомки Аббаса, дяди пророка), теологи Мекки и Медины, с которыми Омейяды мало считались. Недовольны были и угнетенные массы рабов и крестьян-неарабов, а также мусульман-неарабов, вынужденных признавать себя мавали того или иного арабского племени. В оппозиции нередко были даже неарабские феодалы, права которых часто ущемлялись.

Поэтому после смерти властного Муавии в 680 г. вспыхнуло сразу несколько восстаний. Первым было подавлено восстание Хусейна, сына Али и Фатимы. Погибший в Кербеле в октябре 680 г. Хусейн с тех пор признан главным мучеником шиитского культа, а шииты окончательно разошлись с суннитами. Последние, считавшиеся ортодоксальными мусульманами, наряду с

Кораном, признавали и сунну («образ действия, поведение»), представляющую собой собрание хадисов (рассказов о жизни Мухаммеда). Шииты признают лишь часть сунны (где упомянут Али) и имеют свои священные предания (ахбар). В 685–687 гг. шииты вновь восстали. Еще раньше, в 684 г., началось гигантское восстание хариджитов Ирана и Ирака. Назначенный халифом Абд аль-Маликом (685–705) в качестве наместника Ирака, Ирана и Мавераннахра энергичный аль-Хаджадж сумел подавить и восстание аз-Зубейра, провозгласившего себя халифом в Медине в 680–692 гг., и восстание хариджитов (к 697 г.), и восстание арабов Ирака и Хузистана (на западе Ирана) в 701 г. Всего за 20 лет правления аль-Хаджаджа было казнено 130 тыс. чел. Он ввел в 700 г. закон об обложении хараджем (поземельным налогом) новообращенных мусульман, сажал в тюрьму за неуплату податей (в день его смерти 30 тыс. чел. были в заключении). Но он же восстановил оросительную систему Двуречья, строил дворцы, крепости, города, добился регулярной выплаты налогов. Тогда же в канцеляриях стал вводиться арабский язык (вместо греческого в Сирии, коптского в Египте, персидского в Ираке и Иране), а византийские и сасанидские монеты были заменены арабскими – золотыми динарами и серебряными дирхемами.

Несмотря на укрепление финансов и госаппарата, власть Омейядов была непрочной. Они пользовались поддержкой лишь в Сирии, встречая постоянно открытое или тайное сопротивление во всех остальных частях халифата, особенно среди набожных жителей Мекки и Медины, склонявшихся к Алидам арабов Ирака, персов и других неарабов – мавали, недовольных своим зависимым положением. Поэтому никакие усилия Омейядов по внедрению взятых у Византии и Сасанидов административных порядков и обычаев не помогали. Халиф Омар II (717–720) отменил харадж для неомусульман, но после его смерти налог снова стали взимать особенно жестоко, с применением пыток и заключением в тюрьму. При халифе Хишаме (724–743) это привело к обнищанию и возмущению народных масс от Магриба до Ирана и южной Аравии, восстаниям согдийцев в Мавераннахре, берберов, шиитов и хариджитов, начиная с 728 г. вплоть до падения Омейядов в 750 г. К тому же некоторые Омейяды, например, Валид II (743–744), в основном предавались удовольствиям (охоте, кутежам, разврату, различным дорогостоящим развлечениям),

забросив государственные дела. Валид II гораздо больше, чем управлением халифатом, интересовался поэзией, музыкой, беспорядочно пьянствовал, стреляя из лука по рукописи Корана, эпатировал верующих, посылая свою наложницу в мечеть вместо себя в качестве имама на богослужение в пятницу. Он пал жертвой заговора своей же родни. Его преемник Язид III (744) ан-Накис (т.е. «уменьшающий», имелось в виду – казну) урезал выдачу денег войску, что подрывало военную мощь халифата. Почти в каждом джунде (армии) появились самозванцы из Омейядов, претендовавшие на звание халифа. Казнокрадство и воровство чиновников приняли массовый характер.

Последний Омейяд Мерван II (744–750), опытный полководец, завоеватель Кавказа, в целом правитель серьезный и достойный, много сделал для наведения порядка и для подавления многочисленных восстаний в Ираке и Сирии, но при этом рассорился с сирийцами, по традиции поддерживавшими династию, а также – истощил армию в непрерывных сражениях. Поэтому у него не хватило сил отразить новое восстание, вспыхнувшее в 747 г. в Мавераннахре и Хорасане во главе с бывшим рабом-персом Абу Муслимом. Повстанцы одевались в черные одежды и поднимали черные знамена (черный – цвет Аббасидов, потомков дяди пророка Аббаса, которым повстанцы требовали передать престол). Разбив войско халифа в четырех сражениях, они изгнали его в Египет, где Мерван II погиб в 750 г.

Еще до этого, в ноябре 749 г., Абу ль-Аббас ас-Саффах («проливающий кровь»), первый из Аббасидов, был провозглашен халифом. Почти все Омейяды (около 80 чел.) были истреблены, за немногими исключениями. Сопrotивление было оказано в основном в Дамаске и на западе халифата (вскоре отделившемся). Рано умерший Абу ль-Аббас назначил преемником своего брата Абу Джафара (754–775), принявшего имя аль-Мансур («победоносный»). При новом халифе была выстроена новая столица Мадина ас-Салам («Город мира») на месте персидской деревни Багдад, название которой в дальнейшем вытеснило первое. Поэтому халифат Аббасидов называли также Багдадским. Под ним понималась не только светская власть халифов (она практически была ими утрачена в 945 г.), но и форма мусульманской теократии, согласно которой Аббасидам принадлежала религиозная власть над суннитами (до 1258 г. – в Багдаде, до 1517 г. – в Каире).

В отличие от Омейядов, опиравшихся на часть арабской родовой знати и население Сирии, Аббасиды пытались опираться на аристократию всех стран, входивших в состав халифата. Аль-Мансур, опасаясь влияния Абу Муслима, который, собственно, и привел Аббасидов к власти, предательски убил его в 755 г. Администрацию халифата при нем возглавило влиятельное семейство иранских феодалов Бармакидов, а Багдад был окружен двойным кольцом крепостных стен. Место ополчения арабских племен, ранее – основы армии халифата, стали все чаще занимать наемники разного происхождения, особенно – рабы из пленных тюрок (гулямы). Разраставшаяся бюрократия плела сеть дворцовых интриг при халифе Махди (775–785), вследствие которых был убит следующий халиф Хади (785–786), смененный своим братом Харуном (786–809), прозванным ар-Рашид («праведный, правильный»). Его не вполне заслуженная репутация как самого мудрого и справедливого государя отчасти объясняется последующей идеализацией в мусульманской историографии (а еще больше – в сказках «Тысячи и одной ночи»), отчасти же тем, что он был на деле последним из Аббасидов, власть которого была незыблема на всей территории халифата, а авторитет за рубежом чрезвычайно высок. Сам же Харун был не менее алчен, коварен и жесток, чем прочие халифы. Обычно он жил вне Багдада, в загородном замке, в столице появлялся в основном для сбора недоимок (в том числе – с помощью побоев, которым подвергались неплательщики). Никому не доверяя, халиф любил таинственность и внезапно появлялся там, где его не ждали. По этим же соображениям он отстранил и казнил слишком усилившихся, на его взгляд, Бармакидов. Волну возмущения иранских и прочих феодалов, связанных с казненными, халиф сбил путем ловкого маневра, назначив своего сына от иранской наложницы Мамуна несменяемым наместником всех восточных провинций. В результате Мамун, опираясь на иранскую армию, впоследствии сверг своего брата Амина (809–813) в ходе междоусобной войны.

Правление Мамуна (813–833) было примечательно в области культуры: были учреждены Дар аль-Хикма («Дом мудрости») и обсерватория в Багдаде, переведены на арабский язык сочинения многих древнегреческих, иранских и индийских авторов, развивалась наука и литература, возникло при прямом покровительстве халифа учение мутазилитов, признававшее свободу воли чело-

века, рационализм и сотворенность Корана. Вместе с тем весь период власти Мамуна заполнен подавлением народных восстаний, особенно – хурремитов (маздакитов) во главе с Бабеком в 815–837 гг. в Азербайджане и Иране, арабских военных поселенцев и христиан-коптов в Египте в 829–832 гг., шиитов в 814–815 гг. и даже цыган в 820–838 гг. в Ираке. Опасаясь особенно хурремитов (выступавших за социальное равенство, справедливость и право всех людей на землю и имущество), Мамун, умирая, завещал своему брату Мутасиму (833–842) продолжать борьбу с ними «с твердостью и жестокостью». Мутасим добился этого, перетянув на свою сторону некоторых христианских (кавказо-албанских и армянских) и зороастрийских (иранских) феодалов, ранее – союзников Бабека, предоставив им новые земли, а также противопоставив повстанцам тюрок из Мавераннахра. Но после гибели Бабека хурремиты вскоре вновь восстали. Их усмирение было недолгим – самоуправляемые общины прикаспийского Ирана, ранее изгонявшие под водительством хурремитов арабских феодалов, вскоре стали опорой шиитской секты зейдитов, создавшей здесь государство имамов Алидов (864–928 гг.).

Безнравственность и развращенность халифского окружения способствовали падению авторитета халифов. И в глазах знати, и в глазах подданных они все меньше и меньше воспринимались как «заместители» пророка. В связи с необходимостью постоянно подавлять восстания и арабов, и неарабов все большее значение стала приобретать тюркская гвардия из пленников-гулямов. Она была сильна уже при Мамуне, но особенно усилилась при Мутасиме, который, опасаясь мятежных багдадцев, вообще переселился в роскошную загородную резиденцию Самарру (от «сурра ман раа» – «обрадован, кто увидит»). Здесь же расположилась и гвардия, командиры которой приобретали все больше и больше влияния. Халиф Васик (842–847), сын рабыни-гречанки, был приверженцем мутазилитов и пытался продолжать культурную политику Мамуна. Однако его правление было кратким и после его смерти тюрки возвели на трон его брата Мутаваккиля (847–861), полухорезмийца по рождению. Мутаваккиль подверг гонениям мутазилитов и зиммиев, искал поддержки у духовенства и пытался избавиться от засилья тюрок, которыми и был убит. Гулямы устранили его сына Мунтасира (861–862) и превратили в свою марионетку халифа Мустаина (862–866), сына рабыни-сла-

вянки. Они же убили его, заменив Мутаазом (866–869), который даже при еде не выпускал из рук меч и копье. Но его попытка избавиться от тюрок с помощью наемников-берберов стоила ему жизни. Благочестивый и трезвый Мухтади (869–870) тщетно пытался укротить тюрок: пьяные гвардейцы ворвались ночью в его спальню и убили халифа.

Начавшееся при этом халифе восстание зинджей (рабов-африканцев) длилось более 14 лет, до 883 г., потрясло все государство (особенно юг Ирака и Хузистан, где зинджи рыли оросительные каналы и возделывали хлопчатник и сахарный тростник) и с трудом было подавлено. После этого значение рабского труда в хозяйстве стало падать, но увеличилась эксплуатация свободных крестьян, превращавшихся из патриархальных общинников в закабаленных должников и крепостных. Численно и экономически усиливались «мукта» или «иктадары», т.е. феодалы, не заинтересованные в укреплении центральной власти.

Халиф Мутамид (870–892), бездарный развратник, не занимался делами государства и умер от обжорства. Фактически правил его брат Муваффах, успешно справлявшийся с народными восстаниями. Его сын Мутаид (892–902), тщеславный скупец и садист, прославился красивыми постройками и так и не осуществленным планом войны с Византией (последние успехи в борьбе с ней были достигнуты при Мамуне и Мутасиме, при которых, как и при Харун ар-Рашиде, Византия даже платила дань халифату).

Постепенное ослабление власти было характерно и для последующих Аббасидов. Некоторые из них правили довольно долго: аль-Муктадир – 24 года (908–932), аль-Кадир – 40 лет (991–1031), аль-Каим – 44 года (1031–1075), аль-Муктафи – 24 года (1136–1160). Основная причина этого – фактическое их безвластие. От их имени власть осуществляли другие – до 945 г. тюрки-гулямы, в 945–1055 гг. шахиншахи западного Ирана Бувейхиды (Буиды), превратившие халифов в чисто религиозных суверенов. Но и власть Буидов распространялась реально только на Ирак и западный Иран. На остальной территории халифата постепенно возникали местные династии, на деле становившиеся самостоятельными. Первым отделился (в середине VIII в.) арабский Запад (об этом – ниже) или Магриб. С 821 г. началось отпадение Ирана, где, формально оставаясь наместниками халифа, на

деле передавали власть по наследству и были независимы Тахириды в Нишапуре (821–873), Саманиды в Хорасане и Мавераннахре (819–1005), боровшиеся с ними Саффариды в Систане и Афганистане (867–1003), Газневиды в Хорасане, Афганистане и на севере Индии (977–1186). С 875 г. в Армении воцарились Багратиды. Еще раньше возникли некоторые более мелкие династии – иранцы Бавандиды в Прикаспии (688–1074), курды Раввадиды (951–1071) и дейлемиты (иранцы) Мусафириды (916–1090) в Азербайджане, курды Шаддадиды в Иране и Армении (951–1174). Бухарцы Тулуниды (868–905) и ферганцы Ихшидиды (935–969) правили Египтом, а также Сирией и Палестиной, за которые вели борьбу с Хамданидами (905–1004), укоренившимися на севере Ирака и Сирии.

Помимо анархии множества мелких правителей, этнического сепаратизма и социальных волнений, халифат Аббасидов подрывался изнутри религиозными противоречиями. Еще в середине VIII в. шестой имам шиитов Джафар ас-Садик отстранил от наследования своего старшего сына Исмаила и назначил вместо него другого сына – Мусу Казима. Часть шиитов признала Мусу Казима. Их стали называть имамами (или иснаашаритами, т.е. «дванадесятниками»), ибо всего у них было 12 имамов). Но сторонники Исмаила признали седьмым имамом Мухаммеда, сына Исмаила (умершего раньше отца). Так возникла новая ветвь шиизма – исмаилизм, впоследствии разделившаяся на два течения – считавших Мухаммеда ибн Исмаила последним имамом («семиричники») и признававших имамами его потомков, имена и местопребывание которых оставались неизвестны основной массе сектантов (последователей «скрытых имамов»).

Обе ветви исмаилизма создали сильные тайные организации и вели энергичную пропаганду своего учения среди городских низов, крестьян и бедуинов. Поначалу активнее были «семиричники», принимавшие участие уже в восстании зинджей, а в 890 г. поднявшие восстание своих приверженцев в Ираке во главе с Хамданом Карматом. Потом их так и называли – карматы. Их центр близ Куфы существовал на отчисления верующими 1/5 доходов. Карматы провозгласили всеобщее равенство (кроме рабов), общность имущества и уравнительное распределение всех благ. Их восстание, распространившееся также в 900–902 гг. на Сирию, было подавлено только в 906 г. Руководитель повстанцев

Сирии Убайдаллах (по некоторым данным – перс), впоследствии названный «аль-Махди» (мессия), бежал в Магриб (см. ниже), где основал знаменитую династию Фатимидов (ибо он претендовал на связь с седьмым имамом и происхождение от Фатимы, дочери пророка Мухаммеда).

Карматские восстания в дальнейшем неоднократно происходили в Сирии, Ираке, Иране и Мавераннахре на всем протяжении X–XI вв. Карматы захватывали многие города, грабили караваны купцов по всей Аравии, даже взяли в 930 г. штурмом Мекку и увезли с собой Черный камень, который вернули лишь в 951 г. Разгромив войска халифа, они едва не захватили в 928 г. Багдад. Созданное ими в 899 г. государство на Бахрейне существовало два столетия и получало дань с Египта и Сирии. Его жители не платили налогов, не исполняли никаких обрядов ислама, даже не имели мечетей и бесплатно пользовались трудом государственных рабов, захватывавшихся в плен во время постоянных войн и нападений на Иран, Ирак и Аравию. Как и хариджиты, карматы жестоко расправлялись со всеми инакомыслящими.

Политическая раздробленность халифата Аббасидов, в чем-то отражавшая его этническую и религиозную пестроту (помимо наличия христиан, иудеев, зороастрийцев и язычников, наметились расколы и среди мусульман на суннитов, шиитов, хариджитов и их подразделения), во многом вызывалась также давно сложившимися различиями географически и экономически определенных областей, сепаратизмом усиливавшихся местных феодалов, а также – феодализацией самой арабской знати и верхушки арабских племен, оказавшихся на огромной территории от Атлантики до Индийского океана. Однако общность многих процессов экономического, социального, культурного и идеологического развития позволяет считать халифат Аббасидов (как и Омейядов) единым социокультурным комплексом с объединяющими его процессами межцивилизационного взаимодействия.

Результатом арабских завоеваний стало расселение на громадном пространстве от Тибета до Атлантики многих арабов – воинов, чиновников, священнослужителей, а в ряде случаев – целых племен. Причем эти племена в первые века жизни Арабского халифата достаточно свободно перемещались по самым разным завоеванным арабами странам и областям. Например, известно, что в X в. на мусульманской тогда Сицилии прожива-

ли арабские племена Хигази (из Хиджаза, т.е. западной Аравии), Кайс и Джаут (из северной Аравии), а также пришедшие совсем уж издалека и, возможно, не чисто арабские, а арабизировавшиеся в ходе завоеваний племена Айн Синди («Глаз Синда») из Индии, Бану ат-Табари («сыновья Табари») из Ирана и Баррани («пришлые, посторонние») из Бухары. Все они, как и перебравшиеся вместе с арабами на Сицилию из Африки берберские племена Андара, Кутама и Санхаджа, оставили свой след в 328 названиях мест на Сицилии – Андрани, Буккери, Кассаро, Кутамия, Мелили, Санаджия и т.д. Еще больше таких следов на Мальте, где доказано арабское или берберское происхождение 300 имен собственных, 200 прозвищ и 3200 названий местностей. Оказывается, что даже звучащие ныне вполне по-итальянски весьма распространенные мальтийские фамилии Вассало, Банавиа, Грима непосредственно произошли от названий арабских племен Бени Уассил, Бен Ауийя и Аль-Крима и сохраняли свою арабскую форму до XVI в.

Арабизация, как правило, отставала от исламизации. В странах Закавказья, Иране, Индии и Средней Азии арабы сами ассимилировались с местным населением, хотя и передали ему многое из своей лексики (до 30–50% слов у тюрков и иранцев, особенно в сфере политики, культуры, военного дела), организации, бытовых особенностей. Сохранившиеся до наших дней группы арабов в Средней Азии и иранском Хузистане, как правило, двуязычны. Среди мусульман Индии и Пакистана вплоть до XX в. сохранялось сословие саидов, возводивших свою генеалогию к арабским завоевателям VII–VIII вв.

В ряде стран арабизация прошла позднее (в Египте большинство населения в XI в. еще говорило по-коптски и исповедовало христианство, в странах Магриба тогда же преобладал берберский язык в сельской местности, латынь и пунический – в городах). В целом на громадном пространстве халифата, несмотря на неравномерность развития разных его частей, постепенно складывалась общая синкретическая культура, вобравшая в себя, кроме арабского начала, также иранский, сирийский, коптский, греческий, позднее – тюркский и берберский элементы. Тем самым весь ареал от Иберийского полуострова до Индии и Средней Азии стал зоной распространения единой арабо-исламской культуры, в созидании которой, помимо арабов, участвовали предста-

вители самых разных народов – от вестготов (например, известного арабо-андалусийского историка Ибн аль-Кутыйя, т.е. «сына готянки») до таких уроженцев Средней Азии, как Ибн Сина, аль-Бируни и аль-Фараби. Вместе с тем на территории халифата жило немало людей, даже мусульман, не знавших арабского языка. В Кордове, например, шариатские судьи говорили по-романски с некоторыми мусульманами и по-арабски с христианами-мосарабами (от «мустаараб» – арабизированный).

Глава 2. Дифференциация арабского мира

Широкое распространение арабов и ислама на самые разные регионы Азии, Африки и Европы, необходимость их адаптации к совершенно различным природным, историко-культурным и прочим условиям, различные темпы и результаты как арабизации, так и исламизации буквально необъятных пространств, не без труда и часто весьма условно осваиваемых арабами, не могли не привести к многообразию возникавшего в ходе завоеваний нового арабского мира, к появлению внутри него центробежных и сепаратистских тенденций. Появившееся уже в VIII в. движение «шуубийя» выражало стремления неарабских народов отвергнуть лидерство арабов, сначала – в сфере культуры, а потом – и политики. В дальнейшем подобные тенденции, проявившиеся впервые в Иране, в разное время и в разной степени возникали и в других частях халифата.

Сельджукиды и Фатимиды. Власть Аббасидов стала терять мощь и влияние буквально с первых лет своего существования. От халифата отделился запад арабского мира в VIII в. В IX в. халифат фактически распался, а захватившие власть в центре персы Буиды сами разделились на шесть ветвей, правившие в различных областях Ирака и Ирана. Вследствие этого несколько истощивших свою политическую энергию арабов (к тому же расколотых на враждующие племена, кланы и фракции северян – кайситов и южан – кельбитов) сменили другие народы, которые, по выражению французского историка Жана-Клода Гарсэна, «явившись с разных концов мусульманского мира, двинулись в центральные области и навязали им свое господство под предлогом лучшего служения делу ислама. Речь идет о тюрках и берберах».

Практически оказывая сопротивление арабам еще в VII в., оба народа по-настоящему вышли на арену в VIII в., когда их представители появились в гвардии халифов, а затем стали опорой сепаратистских движений, раздробивших халифат. Но если берберы в основном остались на западе халифата, приняв лишь эпизодическое участие в делах Египта, тюрки сыграли в судьбах халифата более важную роль. Их движение вглубь мира ислама возглавили туркмены-огузы, названные сельджуками по имени их предводителя Сельджука из рода кынык. Позднее созданная ими династия была названа Сельджукидами. Первый из них, Тогрул-бек (1038–1063), провозгласив себя султаном, последовательно захватил Хорасан и Хорезм (куда сельджуки вместе с другими тюркскими племенами пришли из Прикаспия и Приаралья, приняв ислам в X в.), Иран, Азербайджан, Курдистан и Ирак. Во многом его успех объяснялся официально провозглашенной целью защиты суннизма и освобождения халифов от опеки шиитов Буидов. В 1055 г. султан вступил в Багдад, где халиф аль-Каим подтвердил его титул.

Уничтожив Буидов, Тогрул-бек не ограничился присвоением их функций, создав более четкую иерархию чиновников (в основном персов), опиравшихся на разноплеменную армию во главе с туркменскими предводителями-беками. Эта армия при следующем султани Альп-Арслане (1063–1072) завоевала Армению (1064) и разгромила византийцев при Манцикерте (1071 г.). Его сын, Малик-шах (1072–1092), завоевал Малую Азию, Грузию, Сирию, Мавераннахр и даже хана Кашгара (современного Синьцзяна) заставил признать свой сюзеренитет. Его отряды проникли в Аравию до Бахрейна и Йемена, захватили запад Афганистана. При нем могущество Сельджукидов (или Великих Сельджуков) достигло апогея. Во многом этому способствовала как военная сила племен и заинтересованность бюрократии в сильной центральной власти, так и деятельность Низам аль-Мулька (хорасанца Абу Али ат-Туси, 1017–1092), выдающегося администратора и мыслителя, автора знаменитой «Сиясет-намэ» («Книги о правлении»), ставшего с 1063 г. везиром Сельджукидов и много сделавшего для укрепления их империи и идейного разгрома шиитов.

Однако после смерти Малик-шаха империя стала разваливаться. Внутри нее образовались султанаты, лишь номинально зависимые от «Великого Сельджука» в Хорасане. Постепенно при

Сельджукидах различных ветвей (в Иране, Ираке, Сирии, Кермане) на первый план выходили атабеки («отцы-военачальники»), назначавшиеся наместниками, но фактически прибиравшие власть к своим рукам. Еще при Малик-шахе попытались отделиться Сельджукиды Рума, т.е. Анатолии, которые в дальнейшем правили (в 1077–1307 гг.) значительной частью Малой Азии, а их государство (Конийский султанат) стало зародышем современной Турции, хотя поначалу тюрки составляли здесь меньшинство и уступали по численности грекам, грузинам, армянам и лазам. Некоторые мелкие феодальные династии, созданные пришедшими вместе с Сельджукидами тюрками, были весьма долговечны (например, Артукиды в 1102–1408 гг.), другие – не очень: Зангиды (1127–1222) в Сирии, Ильдегизиды или Пахлаваниды (1137–1225) в Азербайджане, Салгуриды (1148–1270) в Иране. Междоусобицами и анархией в державе Сельджукидов воспользовались к тому же Аббасиды, восстановившие в 1132 г. свою светскую власть над частью Ирака. В борьбе с ними иранский Сельджукид Мухаммед II даже осадил Багдад в 1157 г., но вынужден был отступить. С этого момента влияние Аббасидов снова стало расти от Египта до Хорезма, особенно при халифе ан-Насире (1180–1225), который покровительствовал военно-религиозному братству «Ахиев» («братьев»), целью которого была «священная война с неверными», и содействовал распространению деятельности этого братства по всему миру ислама. Халиф сумел даже распространить свою власть на Хузистан.

С самого начала Сельджукидам пришлось бороться с могущественными противниками – Фатимидами и крестоносцами. Шииты-исмаилиты Фатимиды (сунниты называли их «Убайдийун», т.е. потомками бежавшего в Магриб из Сирии перса Убайдаллаха аль-Махди) еще в Магрибе провозгласили себя халифами, оспаривая тем самым религиозную власть Аббасидов. Они в 969 г. завоевали Египет, вторгнувшись туда из Магриба с преимущественно берберской по составу армией, которую возглавлял полководец-бербер (по последним данным – «сакалиба», т.е. принявший ислам славянин из Сицилии) Джаухар, основавший на месте взятого им Фустата новую столицу – Каир (от аль-Мадина аль-Кахира, т.е. «Победоносный город»). Используя недовольство народа, умелую пропаганду исмаилитских «даи» (проповедников) и разветвленное шиитское подполье по всему Ближнему Востоку, Фатимиды до конца X в. завоевали Палестину, Сирию,

Хиджаз и Йемен, установив контроль над всеми святынями ислама в Мекке, Медине, Иерусалиме и Дамаске. Их империя простерлась от гор Атласа до пустынь Аравии и от Сицилии до Судана включительно. Исламизм стал официальным вероисповеданием, но иноверцев сначала не преследовали. Более того, среди чиновников Фатимидской державы в Египте преобладали христиане-копты и даже иудеи, злоупотреблениями которых власти обычно объясняли все причины народных волнений. Мусульман в Египте тогда было не более трети населения.

Фатимиды, на словах выступая за «равенство и справедливость», на деле установили тоталитарный режим: торговля и ремесло были поставлены под контроль государства, крестьяне стали государственными крепостными, все производство отслеживалось «назирами» (надзирателями, управителями) и «арифами» (знатоками, мастерами). Огромное войско состояло из берберов, тюрок, принявших ислам бывших рабов (славян и западных европейцев) и африканцев (особенно славилась суданская пехота). При всей жестокости режим был весьма эффективен поначалу: армия была высокобоеспособна, налоги исправно поступали в казну. Сказывался военно-теократический характер исмаилитского имамата. В 970–972 гг. в Каире возник университет Аль-Азхар, долго бывший крупнейшим в мире ислама. Египет переживал расцвет, а Каир затмил Багдад, в немалой степени – благодаря оживленной торговле с Индией и средиземноморской Европой, в том числе продукцией художественных ремесел, переживших взлет при Фатимидах.

Политика равновесия и веротерпимости была нарушена халифом аль-Хакимом (996–1021), сумасбродным деспотом, жестоко преследовавшим то христиан, то иудеев, то мусульман-суннитов, а также умеренных шиитов-имамитов. Он велел разрушить все церкви и синагоги, конфисковал земли монастырей. Кстати, именно разрушение христианских церквей, особенно – в принадлежавшей Фатимидам Палестине, и прежде всего храма Гроба Господня в Иерусалиме, вызвало возмущение в христианском мире и усиление антиисламской агитации папской резиденции в Риме. Нагнетание подобных настроений в течение десятилетий постепенно привело к крестовым походам.

Халиф аль-Хаким был скрытен, нелюдим и, отличаясь от большинства своих подданных даже внешне (он был светлоглазым блондином), казался в высшей степени таинственной лично-

стью. С детства наблюдавший борьбу при дворе различных этнических и религиозных фракций, он никому не доверял и всех подозревал в заговоре на его жизнь. Интересуясь медициной, астрономией и другими науками, он открыто пренебрегал дворцовым церемониалом и по вечерам, одевшись нищим, ездил на осле по кладбищам и пустынным окрестностям Каира. Он жестоко карал женщин, строго предписав им не покидать свои дома. Его попытка объединить суннитов и шиитов кончилась ничем, а его запрет хаджа в Мекку вызвал всеобщее недовольство. В 1021 г. он исчез при неясных обстоятельствах, скорее всего – в результате заговора его сестры Ситт аль-Мульк. Еще при жизни аль-Хаким был провозглашен живым богом группой его почитателей, отвергавших все религии (включая исмаилизм) и все традиции ислама (кроме чтения Корана), веривших в переселение душ. Эта новая вера, взявшая многое от зороастризма (первые ее последователи почти все были персами), эллинистических и древневосточных традиций, в Египте почти не привилась. Однако в Сирии и Ливане ее приверженцы образовали довольно сплоченную секту друзов (по имени ад-Дарази, наиболее известного проповедника этой веры), выработавших свою доктрину и ждущих и сейчас воскресения аль-Хакима.

Халиф аз-Захир (1021–1036) восстановил веротерпимость, церкви и синагоги в Египте, а при аль-Мустансире (1036–1094) Фатимиды достигли зенита своей славы, действуя в Сирии и Палестине против Сельджукидов в союзе с Византией. Но тогда же Фатимиды утратили отделившийся от них Магриб (1048 г.) и Сицилию, завоеванную норманнами в 1061–1091 гг. Вторжение крестоносцев на Восток во многом было облегчено соперничеством Сельджукидов и Фатимидов. В результате 1-го крестового похода (1096–1099) западноевропейские рыцари захватили Палестину, Ливан и часть Сирии, взяли штурмом Иерусалим, где вырезали не только мусульман и иудеев, но и местных христиан, как правило – не признававших главенства Рима православных, к тому же по одежде и внешности сильно отличавшихся от христиан Европы. Всего в Иерусалиме погибло свыше 30 тыс. чел.

Крестоносцами были созданы четыре государства – Иерусалимское королевство, княжество Антиохийское, графства Триполи и Эдесса с правящими династиями, дружинами, обычаями и военно-идеологической организацией европейских феодалов и местными подданными, в основном мусульманами (кроме Эдес-

сы, где было много христиан, в основном армян). С помощью крестоносцев возникло и армянское Киликийское королевство (1080–1375), имевшее выход к Средиземному морю. Роль армян тогда на Ближнем Востоке не сводилась к поддержке крестоносцев: их было много среди наемников и гулямов как Сельджукидов, так и Фатимидов, а один из них – Бадр аль-Джамали (принявший ислам маула одного из атабеков Сирии) – спас халифат Фатимидов в 1073 г., подавив мятеж тюркских гвардейцев с помощью армянских и сирийских отрядов.

Став главнокомандующим, везиром и главным хатибом, т.е. главой духовенства, Бадр добился того, что халиф отстранил своего старшего сына Низара и сделал наследником другого – Мустаали (1094–1101). Это вызвало очередной раскол среди исмаилитов: мустаалиты, преобладая в Египте, в дальнейшем явились духовными предками современной исмаилитской общины в Индии; более активные низариты возобладали вне досягаемости Бадра и даже создали в горных крепостях Ирана (1090–1256) и Сирии (1100–1273) своего рода династии своих правителей – «старцев гор». Они занимались религиозными убийствами и держали в страхе и Аббасидов, и Сельджукидов, и крестоносцев. Им приписывают убийства главного везира Сельджукидов Низам аль-Мулька, аббасидского халифа аль-Мустаршида (1118–1135), одного из вождей крестоносцев Конрада Монфератского. Аббасид ан-Насир пытался привлечь их на свою сторону и будто бы даже вернул в лоно суннизма их имама Хасана III (1210–1221). В Европе их называли «ассасинами» (от «хашшашин» – «употребляющие гашиш»), так как они будто бы для смелости одурманивали себя наркотиками. Лишь появившиеся в Иране монголы, а в Сирии мамлюки положили конец террору ассасинов, взяв штурмом их крепости в горах.

После смерти халифа аль-Амира (1101–1130) в державе Фатимидов наступил упадок. Соперничество феодальных клик и гвардейских предводителей стало определять все поступки халифов. При этом если ранее Фатимиды как бы потворствовали крестоносцам в их борьбе с Сельджукидами и атабеками, то в XII в. они уже вынуждены были воевать против крестоносцев в союзе с Зангидами, правившими на севере Сирии и Ирака, а в 1144 г. отвоевавшими у крестоносцев Эдессу. Однако в 1153 г. крестоносцы отняли у Фатимидов их главную крепость в Палестине – Аскалон, а в 1163 г. иерусалимский король Амори I вторгся в Еги-

пет, повторив это и в 1167 г. Оба раза от него с трудом откупались. В создавшейся обстановке последний Фатимид аль-Аидид (1160–1171) фактически не правил. В 1169 г. власть реально перешла к Салах ад-Дину (Саладину европейских хроник), командиру присланного Зангидами отряда, который после смерти халифа стал султаном официально, основав новую династию Айюбидов (по имени его дяди Айюба), по происхождению – курдов из северного Ирака.

Салах ад-Дин (1171–1193), сам будучи суннитом, упразднил шиитский халифат Фатимидов и признал духовным главой аббасидского халифа, восстановив тем самым господство суннизма в Египте, а затем – на всем Арабском Востоке. Под этим лозунгом он сплотил вокруг себя основные силы мусульман, присоединив к владениям Египта также Сирию, Йемен и подчинив своему влиянию Ирак (к 1181 г.). Разбив крестоносцев при Хитине в 1187 г., Салах ад-Дин овладел Иерусалимом и почти всей территорией королевства, что спровоцировало третий крестовый поход (1189–1192) с участием королей Англии и Франции, а также германского императора («Священной Римской империи») Фридриха Барбароссы, утонувшего по дороге. После трех лет войны рыцари отвоевали у Салах ад-Дина лишь приморье с Аккой, Сидоном и Бейрутом. По соглашению Ричарда Львиное Сердце с султаном христиане получили право посещать Иерусалим и Вифлеем. Ревностный мусульманин-суннит, талантливый полководец и правитель, Салах ад-Дин был храбр, благочестив, великодушен к пленным и достаточно справедлив (по понятиям своего времени) к подданным. Он был веротерпим в отношении христиан (особенно восточных) и иудеев, ничего не взял лично из богатств Фатимидов, все раздав своим воинам. Практически он объединил в борьбе с крестоносцами основную часть арабского мира. Однако после его смерти эта огромная держава была вновь поделена между разными ветвями Айюбидов, правивших в Египте и Хиджазе (до 1252 г.), Дамаске, Халебе и Синджаре (до 1260 г.), в Диярбакыре (до 1462 г.), Йемене (до 1229 г.). Представители этой династии в разное время управляли и более мелкими эмиратами в Сирии и Ливане.

Таким образом, Айюбиды как бы завладели наследством и Фатимидов, и Сельджукидов. При них большое развитие получила система земельных пожалований за военную службу (икта), смягчилась эксплуатация крестьян и государственная регламен-

тация ремесел и торговли, оживились связи с Западной Европой, особенно с Венецией и Генуей. В области культуры, наряду с тюркоперсидскими традициями времен Фатимидов и Сельджукидов, усилилась ориентация на Багдад и рост значения арабского языка и суннитского ислама. В Египте именно при Айюбидах завершилась исламизация страны (в XIV в. христиан-коптов здесь стало всего 7–8%). Айюбиды Египта, будучи самой сильной ветвью династии, успешно противостояли попыткам крестоносцев восстановить свои позиции. В 1250 г. рыцари во главе с королем Франции Луи Святым были разбиты в устье Нила, а сам король взят в плен. Этот крах фактически ознаменовал окончание крестовых походов. В то же время в борьбе против крестоносцев тюркские военачальники, считавшие себя наследниками Сельджукидов, нашли как в Египте, так и в Сирии дополнительный аргумент в пользу навязывания своей политической гегемонии. С 1250 г. они становятся властителями Египта на последующие 267 лет.

Арабский Запад (Магриб). Запад арабского мира или Магриб («место заката») довольно рано был фактически отделен от прочих частей халифата как географически (далекими расстояниями и Ливийской пустыней) и этнически (ввиду невозможности быстрой арабизации труднодоступных горных областей, населенных непокорными берберами), так и в политико-идеологическом отношении, ибо берберские племена долго не принимали ни власти арабов, ни ислама, от которого, по словам великого арабского историка и философа Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна, отрекались 17 раз. В городах большинство жителей (потомков римлян карфагенян, берберов, греков), будучи христианами, говорили на латыни и пуническом языке, а иудаизм был распространен не только среди еврейских общин, но и среди части берберов. Все это крайне затрудняло аккультурацию и ассимиляцию столь отдаленного и малодоступного во всех отношениях края. Даже после перехода в ислам части жителей Магриба, они были весьма не тверды в новой вере и восприимчивы ко всякого рода уклонам. Восстание берберов (в основном хариджитов и даже язычников) в 740–741 гг. фактически положило здесь конец власти халифата, за исключением «Ближнего Магриба», т.е. наиболее восточной, равнинной и плодородной Ифрикии, где наличие Кайруана и других городов с арабскими гарнизонами помешало отделению. Но и здесь с 800 г. утвердилась династия наследст-

венных эмиров (формально – наместников халифа) Аглабидов. Подавив мятеж берберов-хариджитов, Аглабиды затем завоевали Сицилию в 827–878 гг. и Мальту в 868 г., которые оставались под господством арабов до конца XI в. и служили базой для набегов на Италию и Францию.

Более сильны оказались хариджиты, особенно их умеренная ветвь – ибадиты, в центре и на западе Магриба. Их вождь Абд ар-Рахман ибн Рустам, перс по происхождению, в 761 г. основал в Тахерте (на западе Алжира) ибадитское государство и в 777 г. стал имамом всех ибадитов Магриба. Его власть признали общины ибадитов в горах Атласа, на юге Ифрикийи и в пустыне. Прцветание государства и правившей в нем династии Рустамидов (777–909) основывалось на торговле (Тахерт был конечным пунктом караванных путей из Сахары), ремеслах и привлечении многих ученых и сведущих людей, среди которых было много персов и христиан. За это Тахерт даже называли «малым Ираком». В то же время он был одним из центров арабизации берберов, ибо верующим хариджитам-берберам надо было знать Коран, мусульманские предания и право, что было связано с хорошим знанием арабского языка.

На западе от Тахерта возникло государство Идрисидов (789–926). Его основал Идрис, праправнук халифа Али, один из шиитских имамов. Вынужденный бежать после подавления восстания шиитов Аравии в 786 г., Идрис прибыл на запад Магриба, где несколько вождей берберских племен признали его своим главой. При нем начал строиться город Фес, ставший сначала религиозным центром шиитов, а потом – и всех мусульман Магриба и также местом приобщения берберов к арабо-исламской культуре, носителями которой выступали выходцы из Кордовы, бежавшие от подавившего их мятеж эмира, и эмигранты из Кайруана, которым претили беспутство, пьянство и несовместимое с канонами ислама поведение эмиров Аглабидов. Первые основали квартал и мечеть Андалусцев, вторые – квартал и мечеть Кайруанцев (Карауин). Впоследствии при этой второй мечети возник мусульманский университет, который считался тогда и считается сейчас одним из мировых центров исламского образования.

При Мухаммеде аль-Мунтасире (828–836) владения Идрисидов были розданы в удел братьям правителя. Под натиском берберов-сельчан разобщенные Идрисиды, контролировавшие в ос-

новном города, стали постепенно все более и более утрачивать свои позиции.

Прибывший в 906 г. из Сирии Убайдаллах аль-Махди (см. выше), опираясь на племя берберов – кутама, развернул борьбу за власть в Магрибе. В 909 г. его войска уничтожили имамат Рустамидов и государство Аглабидов, провозгласив халифат Фатимидов. Идрисид Яхья IV (905–922) признал себя их вассалом, но в 921 г. армия Фатимидов заняла его столицу. К 943 г. власть Идрисидов на западе Магриба практически была ликвидирована. Различные ветви Идрисидов еще сохранялись кое-где, но после захвата северо-запада Магриба в 972–986 гг. халифом Кордовы исчезли с политической арены. Некоторые из них (в частности, Хаммудида) перебрались на Иберийский полуостров, особенно после падения халифата в Кордове в 1016 г.

После переезда Фатимидов в Египет управлять Магрибом стали их наместники Зириды (972–1148), которые до этого помогали Фатимидам усмирять мятежи хариджитов Магриба. Будучи кочевыми берберами санхаджа, Зириды подвергали опустошительным набегам оседлых берберов зената по всему Магрибу. В 1015 г. они передоверили управление средним Магрибом своим родственникам Хаммадидам (1015–1152), а сами, оставшись в богатой Ифрикийе, провозгласили в 1041 г. ее независимость от Фатимидов. Тогда Фатимиды организовали поход на Ифрикийю бедуинских племен бану хиляль и бану сулайм. «Подобно нашествию саранчи, – писал о них позже Ибн Халдун, – они уничтожали все на своем пути». Бедуины заволокли не только Ифрикийю, но и Средний Магриб в 1050–1052 гг., вытаптывая посевы, разоряя деревни и города, в том числе Кайруан, уничтожая сопротивляющихся и забирая себе их жен. Последствия их прихода были губительны, особенно для экономики и культуры. В дальнейшем они медленно продвигались в глубь Магриба, превращая в пастбища его цветущие долины и степные равнины, но обходя горы, куда и устремилось в поисках спасения оседлое берберское население. Собственно XI–XII вв. и явились началом массовой (в том числе – этноантропологической) арабизации сельского Магриба и распространения по всему его пространству бедуинских диалектов арабского языка. Именно после этого Ифрикийя и стала бесповоротно арабской, где берберы остались в незначительном меньшинстве (ныне – около 1%).

Зириды и Хаммадида вынуждены были перенести свои резиденции в хорошо укрепленные порты Махдию и Биджайю, занявшись строительством сильного флота, не брезговавшего и пиратством. Изгнанные вскоре бедуинами, Хаммадида даже переместились на запад и несколько раз захватывали Фес в 1038–1062 гг. Не сумев предотвратить захват Сицилии норманнами в 1091 г., Зириды в XII в. столкнулись уже в самой Ифрикии с агрессией норманнов, захвативших Махдию и заставивших последнего Зирида платить им дань.

В то время как Зириды и Хаммадида, зажатые между захватившими внутренние области кочевниками и нападавшими с моря норманнами, доживали последние дни, на западе Магриба без конца враждовали, взаимно истребляя друг друга, берберы зената – масмуда, гомара, бергвата и другие. Они не зависели ни друг от друга, ни от мелких княжеств, беспорядочно возникавших на западе и в центре Магриба вокруг отдельных городов и племен. Разъединенные и неорганизованные, все они стали легкой добычей другой ветви кочевых берберов санхаджа – племен лемтуна и годала, которых еще называли «аль-мулассамун», т.е. «носящие покрывало», ибо они закрывали нижнюю часть лица (будто бы от «дурного глаза»). Кочуя в Сахаре между Магрибом и Сенегалом, они занимались скотоводством, собирали дань с африканцев Западного Судана и контролировали караванную торговлю в пустыне. С 1053 г. они стали захватывать оазисы на юге Магриба, навязывая их жителям свое учение.

Это учение проповедовал Абдаллах ибн Ясин, бербер-богослов из Суса (области на западе Магриба), выступавший за аскетизм, строжайшее выполнение всех предписаний ислама, жестокую палочную дисциплину и тяжелые кары за малейшие нарушения ритуала молитв, пищевых запретов и т.п. Последователями Ибн Ясина были выстроены на речных островах Сенегала своего рода крепости-монастыри (рибаты), где они вели суровый образ жизни в соответствии с идеалами своего вероучителя и готовы были пожертвовать жизнью ради полного торжества ислама. В связи с этим они стали известны как мурабиты («люди рибатов»), во множественном числе «аль-мурабитун». Впоследствии этим словом (по-французски и по-русски «марабут») в Магрибе стали называть местных «святых», дервишей, носителей «барака» (благодати Аллаха). Это движение и его лидеров испанцы

назвали «Альморавидес», откуда и произошло русское «Альморавиды».

Хотя Альморавиды создали огромную для условий Сахары армию в 30 тыс. чел., их сражения с берберами Магриба были далеко не всегда успешны (в одном из них в 1059 г. погиб Ибн Ясин). К тому же на первых порах угрозой для них были и сидевшие в Фесе Хаммакиды. Но с 1060 г. они стали добиваться одного успеха за другим под эгидой нового вождя Юсуфа ибн Ташфина. Это был 50-летний аскет, храбрый и решительный, талантливый полководец, многого достигший, как правитель, личной скромностью, кипучей деятельностью и справедливостью. При строительстве города Марракеша, ставшего впоследствии его столицей, Юсуф месил глину как простой рабочий, наряду со всеми. О его благочестивости и доброте ходили легенды, что способствовало успехам его армии, которая свергала власть многочисленных тогда в Магрибе феодалов как «нечестивую», а собираемые ими налоги объявляла незаконными. Все это помогло Юсуфу взять в 1069 г. Фес, затем горные области Атласа и завоевать к 1082 г. весь западный и часть среднего Магриба, объединив их в одно государство.

Страна Аль-Андалус. Наиболее быстры и значительны успехи арабизации и исламизации были заметны уже с VIII в. на Иберийском полуострове, в стране Аль-Андалус (названной так от слова «вандалус», ибо в Магрибе арабы узнали, что туда с полуострова приходили вандалы). Здесь в 756 г. власть захватил Абд ар-Рахман ад-Дахиль («Пришелец»), один из немногих Омейядов, уцелевший после резни 750 г. и бежавший в Магриб, в племя своей матери-берберки. Магриб к тому времени уже фактически отделился от халифата и не был подвластен Багдаду. Абд ар-Рахман сумел перебраться на полуостров и, свергнув местного эмира, примирить враждовавшие даже здесь фракции арабов – северян (кайситов) и южан (кяльбитов), берберов (недовольных своим неравноправием по сравнению с арабами), мусалимов (недавно принявших ислам местных жителей) и их потомков – мувалладов (т.е. «урожденных» мусульман).

Новый эмир, сентиментальный и поэтичный, сильно тосковавший по родной Сирии, тем не менее, отделил свое государство от халифата Аббасидов и положил начало особой ветви Омейядов, правивших в Кордове 275 лет до 1031 г. Им пришлось вес-

ти долгую борьбу с христианскими государствами на севере полуострова, с горцами-басками и франками, захватившими северо-восток страны – Испанскую Марку (ядро будущей Каталонии). Один из эпизодов этой борьбы – неудачный поход на Сарагосу в 778 г. короля франков Карла Великого, аррьергард которого во главе с маркграфом Руоландусом был уничтожен басками в Ронсевальском ущелье – был впоследствии прославлен самым известным произведением французского эпоса «Песнью о Роланде». Врагов хватало и внутри эмирата. Особенно опасна была борьба с аристократами из мувалладов – Бану Каси в Сарагосе, Ибн Мерваном в Эстремадуре, Омаром ибн Хафсуном, создавшим в 880–917 гг. независимое королевство на юго-востоке страны.

Только Абд ар-Рахману III (912–961), восьмому из Омейядов Кордовы, провозгласившему себя в 929 г. халифом, удалось покончить со всеми этими смутами. Он же захватил северо-запад Магриба у Фатимидов и области басков в Пиренеях. Его называли «Ан-Насир» (Победитель). И хотя сам он насчитал за 50 лет своего правления не более 14 счастливых дней, время его царствования было наивысшим взлетом могущества Омейядов в Аль-Андалусе. Халиф был выдающимся полководцем и строителем, хорошо разбирался в искусстве, был выше многих предрассудков своего времени. В его загородной резиденции Мадинат аз-Захра стояли, вопреки запретам Корана, статуи людей и животных, а главным везиром у него был еврей Хасдай ибн Шафрут, личный врач и переводчик халифа, переписка которого с хазарским каганом Иосифом является ценным источником по истории Хазарии. Абд ар-Рахман III наладил хорошие отношения и оживленную торговлю с Византией и другими странами Средиземноморья, а также – с императором Германии.

Правивший после него его сын Хакам II (961–976) отличался слабым здоровьем, но большими познаниями. Он мало занимался государственными делами, вследствие чего его царствование называли «неподвижным халифатом». Не интересуясь войнами и завоеваниями, халиф основное внимание уделял наукам, искусству и литературе. Пленившись пением басконской пленницы Авроры, он сделал ее своей женой под именем Субх («Заря»), которая в ущерб своему сыну, будущему халифу Хишаму II, стала продвигать к власти своего фаворита Мухаммада ибн Аби Амира, разносторонне талантливого и честолюбивого, но крайне нераз-

борчивого в средствах. Успешно сделав карьеру при дворе, Ибн Аби Амир коварно устранял не только почти всех, кто ему помогал ее сделать, но в дальнейшем мог явиться помехой.

Вскоре после смерти Хакама II Ибн Аби Амир с помощью Субх и «сицилийских молодцов» (придворной гвардии из «сакалиба», т.е. принявших ислам славян, набравшихся в Сицилии) оттеснил всех других соперников в борьбе за власть и постепенно занял в 978–981 гг. все высшие должности в халифате. Фактически лишив законного халифа Хишама II (976–1010) всякой власти, он принял в 981 г. звание «Аль-Мансур» (Победоносный) и стал абсолютным повелителем Аль-Андалуса. Он впервые в истории халифата подчинил себе весь север полуострова (Галисию, Леон, Кастилию), дважды захватывал Барселону и разорил священный для христиан город Сантьяго-де-Компостела. Он же выстроил собственную резиденцию, соперничавшую по роскоши с халифской, и вновь завоевал в 998 г. восставший против его власти Фес в Магрибе. За 26 лет правления он совершил 57 победоносных походов, построил Мадинат ас-Салям (ныне – Мединасели) и Мадинат аз-Захира, выстроил флот, одел армию в кольчуги и пополнил ее берберами из Магриба, «сакалиба» из Сицилии и наемниками из христиан-каталонцев, отказавшись от услуг ополчений арабских феодалов, недовольных его властью. Приняв в 991 г. титул «малик» (король), он и формально закрепил за собой светскую власть в государстве, оставив бессильному халифу лишь иллюзию духовной власти.

После смерти Аль-Мансура («Альманзора» и «великого канцлера Кордовы» европейских хроник) в 1002 г. халифат стал ослабевать. С 1009 г. началась «фитна» (смута): следует ряд переворотов и в течение 22 лет власть в Кордове менялась 14 раз, причем все халифы (и последние Омейяды, и оспаривавшие у них трон берберы Хаммудиды) были игрушкой в руках различных группировок придворной знати, столичной черни и наемников-берберов, ставших тогда основой армии. В 1031 г. халифат окончательно распался и начался период «мулюк ат-таваиф» («удельных королей»), когда в аль-Андалусе соперничали 23 (иногда – до 29) независимых эмирата, которыми правили и арабы (Аббадиды в Севилье, Худида в Сарагосе), и берберы (Афтасиды в Бадахосе, Зу-н-Нуниды в Толедо, Хаммудиды в Малаге), и «сакалиба» (Дения, Тортоса), и потомки Аль-Мансура (Амириды), делившие

власть со своими мауля-«сакалиба» в Валенсии и Мурсии. В политическом плане это было время междоусобиц, интриг, коварства, войн и непрерывного сведения счетов. Однако именно эпоха «мулюк ат-таваиф» явилась временем наивысшего культурного взлета аль-Андалуса.

В 1085 г. под напором христиан с севера (а во многом – благодаря успешным интригам короля Кастилии Альфонсо VI, женатого на арабской принцессе) пал Толедо. Мусульманские богословы (улемы) и юристы (факихи) стали объяснять это «забвением ислама» (большинство «мулюк ат-таваиф» действительно думало больше об удовольствиях, чем о религии) и «предательством неверных», т.е. весьма многочисленных в Толедо мосарабов и евреев. Начавшиеся вскоре репрессии покончили с прежней веротерпимостью в Аль-Андалусе, вызвав массовое бегство на север и мосарабов, и евреев. Отныне они стали содействовать реконкисте (что ее несомненно усилило), поставив на службу католическим королям Кастилии и Арагона (а впоследствии также и Португалии) свои знания ученых и врачей, свои деньги, свое умение ремесленников (особенно оружейников), наконец – свою молодежь, пополнившую войска королей.

В поисках спасения от нараставшей реконкисты («отвоевания» христианами полуострова) эмир Севильи Мутамид, самый влиятельный из «мулюк ат-таваиф», обратился за помощью к берберам Магриба, сказав знаменитую фразу «Лучше пасти коз в горах Атласа, чем стать свинопасом в Кастилии». Запад Магриба (ныне Марокко) был с VIII в. тесно связан с Аль-Андалусом торговлей рабами, золотом, пшеницей, скотом и т.п., а с X в. – частичным подчинением Кордове. Родом из Магриба были и некоторые династии «мулюк ат-таваиф» (не менее семи, включая Зиридов Гранады и ветвь Идрисидов–Хаммудидов, правивших в разное время в Малаге, Кордове и Севилье). В самом Магрибе в это время возникло новое движение во главе с династией Альморавидов, которое с яростным фанатизмом боролось против «неверных» и «отступников», какowymi считало не только христиан, иудеев и язычников (в частности, среди берберов), но и всякого мусульманина, допускавшего отступление от предписаний ислама (см. выше). У Альморавидов к тому времени была сильная армия, успешно завоевавшая запад и центр Магриба к 1083 г. Основатель этой династии Юсуф ибн Ташфин

(1061–1106) откликнулся на призыв Мутамида и многих улемов (богословов) Аль-Андалуса. Вследствие этого в 1086 г. Юсуф высадился со своей армией в Аль-Андалусе и разбил кастильцев при Заллаке. Однако вскоре (в 1088 г.) Юсуф был вынужден вернуться и вновь выручать своих единоверцев. В этот раз он прислушался к жалобам улемов и факихов (законоучителей) Аль-Андалуса на беспутство, гедонизм и безверие их эмиров, враждующих друг с другом, вместо того чтобы объединиться и дать отпор христианам. Тогда, убедившись в неспособности «мулюк ат-тавайф» противостоять реконкисте, Юсуф, суровый воин и глубоко верующий мусульманин, один за другим завоевал в 1089–1091 гг. все эмираты Аль-Андалуса (кроме Валенсии и Сарагосы) и присоединил их к своему государству.

Альморавиды и Альмохады. Эпоха Альморавидов началась в Магрибе и аль-Андалусе с жестоких репрессий против иноверцев, движения наиболее набожных улемов и фанатичных факихов, борьбы против роскоши, музыки, свободного (в Аль-Андалусе) поведения женщин. Мосарабов и евреев выслали в Магриб, войска штурмовали Валенсию, которую взяли в 1102 г. (позже, в 1110 г., и Сарагосу), а на кострах пылали книги неугодных философов и писателей. Однако вскоре Альморавиды постепенно стали отходить от аскетизма и набожности, попадая под влияние более изощренной арабо-андалусской культуры. Уже второй «эмир мусульман» их династии (Альморавиды признавали своим духовным главой халифа-Аббасида), Али (1106–1142), сын Юсуфа ибн Ташфина, воспитанный в Аль-Андалусе, полностью был «андалусийцем», а не магрибинцем. Это вызвало недовольство берберов, особенно горцев-масмуда, которых в 1121 г. возглавил фанатичный проповедник Ибн Тумарт, объявивший себя махди (мессией). Али, который не был, в отличие от своего отца, ни политиком, ни полководцем, вынужден был сражаться одновременно с арагонцами (у которых он захватил в 1115 г. Балеары, но в 1118 г. сдал им Сарагосу), с мятежными берберами в Магрибе и с оппозицией суфиев (религиозных мистиков) в Аль-Андалусе, где под влиянием магрибинского марбутизма суфизм стал превращаться в организацию тайных военно-религиозных орденов в Севилье, Альмерии и Альгарви (на юге Португалии). Этому способствовала и доходившая до ханжества благочестивость Али.

Между тем в горах Атласа усиливалась община сторонников т.н. единобожия, «аль-муваххидун», которых европейцы называли потом Альмохадами. Возглавивший их Ибн Тумарт, учение которого отличалось еще большей строгостью, суровостью и аскетизмом, чем то, что проповедовали первые Альморавиды, ломал музыкальные инструменты и запрещал свадебные шествия как безнравственные, выливал вино на землю, вмешивался в торговлю, поучал богословов, устроил скандал сестре эмира, увидев ее на улице без чадры, осуждал танцы и пение как «праздность». Талантливый оратор и агитатор, проучившийся ранее 10 лет в Багдаде, Дамаске и Каире, Ибн Тумарт смог увлечь за собой широкие массы бедняков. В 1130 г. его сменил ученик махди Абд аль-Мумин, сын гончара, назвавший себя халифом. Пользуясь все возрастающим недовольством поборами и бесчинствами чиновников, а также – фактической анархией в государстве, он стал исподволь готовить свержение Али, а затем его сына Ташфина (1142–1145), распространив свою власть сначала на горные области севера, центра и юга.

Жившие здесь берберы считали Альморавидов разложившимися аморальными отступниками, предавшими свои прежние идеалы. К тому же Альморавиды быстро слабели в военном отношении. Набранная из наемников-христиан милиция, составившая ядро армии Альморавидов, была парализована после смерти ее шефа – каталонца Ревертера в 1144 г. В 1145 г. при осаде Орана погиб эмир Ташфин. Еще раньше восставшие в Аль-Андалусе суфии признали власть Абд аль-Мумина, которому в 1146 г. подчинились также Фес, Сале и Сеута в Магрибе. После падения в марте 1147 г. Марракеша и казни последнего Альморавида Исхака сопротивление Альмохадам фактически прекратилось. Отдельные мятежные племена и города подчинились к 1156 г. В Аль-Андалусе в руках ветви Альморавидов – эмиров Бану Ганийя – еще оставалась Гранада (до 1155 г.) и Балеарские острова (до 1228 г.).

Абд аль-Мумин, начавший строительство напротив Сале города Рибат аль-Фатх («Крепость победы»), впоследствии – Рабат, непрерывно воевал, отбивая нападения кастильцев в Аль-Андалусе и расширяя свою империю на восток. Под его властью к 1160 г. оказался весь Магриб до Триполи. В этом ему помогли бедуины бану хиляль, разгромленные им под Сетифом в 1152 г.

Часть их халиф направил на приатлантические равнины западного Магриба, что способствовало этнической арабизации сельского населения наиболее плодородных районов, опустошенных в ходе непрерывных с IX в. войн разных династий и взаимоистребления берберов в межплеменных междоусобицах. Новые обитатели равнин назывались «гиш» (от арабского «джейш» – армия) и за пользование землей обязаны были служить в войсках халифа.

Абд аль-Мумину наследовали его сын Абу Якуб Юсуф (1163–1184) и внук Якуб аль-Мансур (1184–1199), при которых держава Альмохадов достигла апогея могущества. Якуб аль-Мансур доходил с боями до Лиссабона и Мадрида, разбил в 1195 г. кастильцев при Аларкосе, прославился как меценат и строитель. Его сын Мухаммед ан-Насир (1199–1214), подавивший все мятежи в Магрибе, пользовался столь высоким авторитетом в Европе, что король Англии, не сомневаясь в грядущей победе халифа над Кастилией и Арагоном, именовал его в 1211 г. «повелителем правоверных, королем Марокко, Африки и Испании». Папа римский опасался даже, что халиф может завоевать Францию. Но в битве при Укабе (Лас Навас де Толоса) в июне 1212 г. халиф был разбит. Воины Аль-Андалуса предали его (накануне он по несправедливому обвинению казнил их военачальника Ибн Кадуса), а негритянская гвардия из пленных африканцев, склонные к анархии бедуины «гиш» и плохо понимавшие по-арабски тюрки-огузы, преобладавшие среди присланных добровольцев из Египта, не выдержали натиска объединенных сил рыцарей Кастилии, Арагона, Наварры, Франции и Италии, которым папа Иннокентий III обещал полное отпущение грехов, приравняв их помощь испанцам к участию в крестовом походе. Лишь эпидемия чумы помешала христианам захватить весь Аль-Андалус. Но в 1236 г. они взяли Кордову, а 1248 г. – Севилью. Уцелевший юго-восток Аль-Андалуса с центром в Гранаде с 1232 г. был уже отпавшим от державы Альмохадов самостоятельным эмиратом, платившим дань Кастилии и занимавшим не более двадцатой части бывшей территории ислама на полуострове.

После 1212 г. Альмохады стремительно деградировали. Халиф ан-Насир сам отрекся от престола в 1214 г. Сменивший его Юсуф аль-Мустансир (1214–1224) не смог дать отпора ни королям Испании, ни племенам Магриба, среди которых стало выделяться особенно воинственное бану мерин, вожди которого (Ме-

риниды) с 1216 г. постепенно стали подчинять себе другие племена и целые области. Халиф Абд аль-Вахид был задушен в 1224 г., не успев даже начать править, а сменивший его Абдаллах аль-Адиль через 3 года, в 1227 г., утоплен в бассейне. Против захватившего власть Яхьи выступил Идрис аль-Мамун и изгнал его с помощью кастильских войск в 1229 г. Устроив в Марракеше резню альмохадских шейхов, Идрис проклял учение Ибн Тумарта и даже указал на Ису (Иисуса Христа) как подлинного махди. Наследовавший ему ар-Рашид (1232–1242) снова вынужден был отвоевывать столицу. Впавшая в анархию держава разваливалась на глазах: в 1236 г. берберы Зайяниды создали свое государство в западном Алжире, в 1237 г. альмохадский наместник Ифрикии Абу Закария Яхья из клана Хафса провозгласил независимость и основал династию Хафсидов. Халиф Али ас-Саид (1242–1248) попытался восстановить мощь империи, но погиб в Алжире, а его армия на обратном пути была уничтожена Меринидами. Их вождь Абу Яхья занял в 1248 г. Фес и другие города севера, оставив предпоследнему Альмохаду прозябать на юге в качестве жалкого данника Меринидов. В 1269 г. Мериниды завершили историю Альмохадов, присоединив Марракеш к своему государству.

Время Альморавидов и Альмохадов на Арабском Западе трактуется историками по-разному. Некоторые считают его двумя веками религиозной нетерпимости, сектантского догматизма и господства более отсталых берберов над просвещенными андалусийцами. Однако нельзя отрицать, что за эти два века с лишним Магриб, объединившись с Аль-Андалусом, т. е. слив свои людские ресурсы и военную мощь с развитой экономикой и утонченной культурой мусульман полуострова, смог задержать экспансию христианской Европы, начатую крестовыми походами. Альморавиды и Альмохады, фанатики и суровые аскеты вначале, в дальнейшем много сделали для процветания замечательной цивилизации Аль-Андалуса и внедрения ее достижений в Магрибе, для своего рода аккультурации магрибинцев, особенно горожан, среди которых доля выходцев из Аль-Андалуса постоянно увеличивалась, начиная с XI в.

Жизнь Арабского Запады в XIII–XV вв. в основном была примечательна постоянной борьбой Хафсидов, владевших Тунисом и востоком Алжира, с Зайянидами, периодически признававшими себя вассалами Хафсидов, а также – с Меринидами, дважды

(в 1348 г. и 1357 г.) завоевывавшими весь Магриб. Тем не менее, Хафсиды были наиболее могущественны, в 1270 г. отразили последний крестовый поход Луи Святого (погибшего в Тунисе) и Карла Анжуйского (короля Неаполя), после чего султан Мухаммед аль-Мунтасир (1249–1277) принял титулы халифа и «повелителя правоверных», провозгласив себя (после убийства монголами в 1258 г. в Багдаде последнего из Аббасидов) наследником Аббасидов. Расцвет Туниса при Хафсидах во многом объяснялся интенсивной торговлей с Арагоном, югом Франции и Италии, а также переездом сюда вместе с основателем династии (который ранее от имени Альмохадов правил Севильей) более 100 тыс. мавров Аль-Андалуса. Среди них, по свидетельству Ибн Халдуна, было много «достойных поэтов, плодовитых писателей, блестящих ученых, знатных князей, смелых воителей». Сам Ибн Халдун (1332–1406) принадлежал к их среде (его предки 500 лет прожили в Аль-Андалусе) и служил поочередно эмиру Гранады и всем султанам Магриба, закончив жизнь на посту великого кади в Каире. Его жизнь как бы явилась одним из последних примеров единства культуры и судьбы Арабского Запада. С XIV в. это единство начинает постепенно исчезать ввиду поэтапного поглощения Аль-Андалуса реконкистой и отступления слабеющих государств Магриба перед первыми европейскими колонизаторами – Португалией и Испанией.

Магриб и Гранада. Мериниды пытались продолжить политику Альмохадов. Они периодически появлялись в Аль-Андалусе по зову эмиров Гранады и в 1275 г. даже разбили кастильцев под Эсихой. Но в 1340 г. султан Абу-ль-Хасан Али (1331–1348) был разгромлен при Рио-Саладо объединенной армией Кастилии и Португалии. После этого Мериниды прекратили свои рейды на полуостров и успеха добивались в основном в борьбе со своими конкурентами в Африке, в частности с Зайянидами и, гораздо реже, Хафсидами. В 1411 г. кастильцы перенесли войну в Магриб, разорив Тетуан. Португальцы захватили Сеуту в 1415 г. и приступили к созданию сети своих «фронтейраш» (пограничных крепостей) в Магрибе, заняв в 1458 г. Эль-Ксар эс-Сегир, в 1468 г. Анфу, которую назвали Казабранка (ныне – Касабланка), в 1471 г. – Арсилу и Танжер, в 1475 г. – Аземмур, в 1480 г. – Сафи, в 1489 г. – Лараш. С захватом в 1502–1505 гг. Мазагана и Агадира в их руках оказалось почти все побережье Марокко.

Неудачи Меринидов в борьбе с иберийцами вызвали подъем патриотизма и религиозного рвения. Усилился культ марабутов и суфийских братств, вместе с шейхами племен возглавившими освободительную борьбу. Авторитет Меринидов падал, власть их слабела в постоянной борьбе с мятежными марабутами, племенными вождями, наместниками-сепаратистами и придворными интриганам. Дело дошло до того, что в 1420–1428 гг. трон захватил Абд аль-Вахид из династии Зайянидов, бывших вассалов Меринидов, а последний Меринид, будучи зависим от своих родственников Ваттасидов, в 1465 г. был казнен марабутами. Сменившие Меринидов Ваттасиды (1465–1549) тщетно пытались бороться с децентрализацией страны и засильем марабутов, опираясь на арабскую гвардию и племена «гиш». Особенно ухудшилось положение при Мухаммеде аль-Буртукали (1501–1525), который, будучи в детстве заложником в Португалии, пасовал перед португальцами, уступая им при каждом удобном случае. Недовольство султанами подогревали и мавры, постоянно переселявшиеся в Магриб из Аль-Андалуса, особенно в Тунис и Марокко.

Гранадский эмират в XIII–XV вв. был наиболее богатым государством Иберийского полуострова. Посредничая в торговле между христианами полуострова и остальным Средиземноморьем, эмират процветал, при поддержке Генуи сбывая продукты своего ремесла и сельского хозяйства в Европе и Магрибе. Гранада славилась своими университетами и книгохранилищами, мечетями и дворцами, особенно жемчужиной арабо-андалусской архитектуры Альхамброй (от арабского Калаат аль-хамра, т.е. «Красная крепость»), которая возводилась в XIII–XIV вв. и с тех пор служит образцом для подражания во всех странах ислама. Здесь работал в 1362–1364 гг. Ибн Халдун, писали стихи утонченный эстет и изощренный в интригах политик Ибн Замрак (1333–1393) и Лисан ад-Дин Ибн аль-Хатиб (1313–1374), не только поэт и политический деятель, но также видный врач, философ и историк, оставивший множество сочинений по истории Африки, Аль-Андалуса и Гранады, по музыке, праву и медицине.

Вместе с тем правившие Гранадой эмиры Насриды (1232–1492), сталкиваясь между собой Кастилию, Арагон и Меринидов, никак не могли преодолеть ссор в собственном семействе, конфликтовали со знатью и славились не только роскошью и изы-

сканностью своего двора, но и бесконечными заговорами, интригами и кровавыми расправами, в том числе – друг с другом. Из них лишь основатель династии Мухаммед I (1232–1273) отличался мудростью и гибкостью, никогда не кичился своими успехами, всегда повторяя: «Ля галиб илля-ллах» (Нет победителя, кроме Аллаха). Выдающимся правителем считается также Мухаммед V (1354–1359 и 1362–1391). Остальные так или иначе способствовали подрыву мощи эмирата изнутри, погрязнув в соперничестве и сведении личных счетов. Из 22 эмиров 8 свергались и возвращались к власти по 3–4 раза, многие были убиты, изгнаны, брошены в заключение своими же близкими. В конце концов «католические короли» Изабелла Кастильская и Фернандо Арагонский, объединившие Испанию в 1469 г., вынудили Гранаду капитулировать.

Задача «католических королей» намного облегчалась не только военным и численным превосходством испанцев, но также тем, что последние 10 лет существования Гранадский эмират был ареной борьбы свергнутого эмира Абу-ль-Хасана Али (1464–1482), его брата Мухаммеда аз-Загала и сыновей Юсуфа и Абу Абдаллаха Мухаммеда. Последний официально правил в 1482–1492 гг. как Мухаммед XII, но неоднократно свергался, оказываясь в темнице или в плену у испанцев, из которого освобождался ценой значительных уступок. В европейской историографии он именовался Боабдиль (от диалектального произношения его имени – Бу Абдилла) и был персонажем множества легенд и любовных историй, подавляющее большинство которых не имели реальной основы и принадлежали фольклору. Истиной было лишь то, что Боабдиль был лично храбр, но политически не очень одарен, что сам он чуть не погиб (как его брат Юсуф) в междоусобице со своим дядей, позднее сдавшим испанцам Малагу, и что он не мог положиться ни на кого, ибо рассорился почти со всей родней, начиная с отца, и с самым влиятельным аристократическим кланом Ибн Сарраджей, мстившим всему семейству Насридов за казни многих своих представителей.

В конце концов, изнемогая в неравной борьбе с «католическими королями», Боабдиль сдал им Гранаду в январе 1492 г. на условиях свободы исповедания ислама, неприкосновенности личности и имущества ее жителей. В 1493 г. он выехал в Магриб, где вскоре и умер. Нарушение всех условий капитуляции Гранады,

особенно насильственное крещение всех мусульман и превращение их в 1499–1525 гг. в морисков («маврены»), вызывали в течение всего XVI в. восстания, протесты и бегство в Магриб. Особенно значительным было восстание 1568–1570 гг. в горной области Альпухарра, когда испанцы вынуждены были бросить против повстанцев значительные силы своей армии во главе с лучшим полководцем королевства принцем Хуаном Австрийским. Это привело к жестокой расправе с морисками на всей территории бывшего Гранадского эмирата. Тысячи из них погибли, около 50 тыс. были выселены в другие области (в том числе – проданы в рабство), свыше 100 тыс. чел. – насильно изгнаны или сами бежали в Африку. Оставшимся 3 тыс. чел., как и прочим морискам королевства, было запрещено занимать любые посты в государственной и церковной иерархии, говорить по-арабски, носить мусульманскую одежду и соблюдать любые обычаи, похожие на мусульманские (например, мытье рук перед едой).

Фактически люди, подвергавшиеся подобным ограничениям, были частью формирующегося испанского этноса, так как еще в XIV в. в Гранадском эмирате насчитывалось всего 500 чистокровных арабов, а остальные 200 тыс. чел. были мувалладами или неомусульманами или пленниками из числа христиан. Сами испанцы отличали их от себя только по одежде и выговору. Тем не менее, инквизиция преследовала их особенно ожесточенно, подозревая (часто – не без оснований) в тайном исповедании ислама или же в следовании каким-то обычаям и привычкам, характерным для мусульман. Кончилось все это поголовным изгнанием морисков в 1609–1614 гг. с полуострова. Многие при этом погибли во время кораблекрушений, от голода, болезней или же (чаще всего) от рук перевозивших их моряков, захватывавших имущество убитых. Поэтому из более 300 тыс. изгнанников уцелело менее 200 тыс. чел., расселившихся в первую очередь в Магрибе (особенно в Тунисе), меньше – в Египте, Палестине и Сирии. Несколько сот семей осели во Франции с разрешения короля Генриха IV.

Перебравшиеся в арабские страны мориски сыграли значительную роль в передаче своим собратьям духовного и материального наследия исчезнувшей в ходе реконкисты страны Аль-Андалус. Они много сделали для повышения боеспособности армии и флота, градостроительства, развития сельского хозяйства,

различных ремесел, искусств, торговли арабских регионов в Османской империи. Архитекторы, врачи, музыканты, художники из их среды оставили заметный след в жизни Алжира, Туниса и Марокко.

Марокко к этому времени было единственной арабской страной, не вошедшей в состав Османской империи. Династию берберов Ваттасидов сменила начавшая с ними борьбу еще в 1525 г. арабская династия Саадийских шерифов, претендовавших на родство с пророком Мухаммедом. Устояв против натиска османов, марокканцы сумели отразить и агрессию португальцев в 1578 г., когда молодой король Дон Себастьян во главе 20-тысячной армии вторгся в страну вопреки советам своего дяди испанского короля Филиппа II и во многом по просьбе свергнутого султана аль-Мутаваккиля, желавшего вернуть себе трон. В «битве трех королей» под Эль-Ксар эль-Кебиром 4 августа 1578 г. погибли сам Дон Себастьян, сопровождавший его аль-Мутаваккиль и раненый накануне саадийский султан Абд аль-Малик. Плодами победы воспользовался брат последнего Ахмед (1578–1603), получивший звание «Аль-Мансур». В дальнейшем его прозвали также аз-Захаби («Золотой»), поскольку во время войн на западе Африки он захватил много золота. Его власть признавалась на всей территории страны, даже мятежными берберами горных областей, что было редкостью и до него, и после. Ахмед аль-Мансур сумел добиться также уважения Европы и даже дружбы с Испанией, в союзе с которой он противостоял османам. Однако после его смерти вновь начались мятежи и смуты.

Государство мамлюков. В то время как на Арабском Западе гибла цивилизация Аль-Андалуса (успевшая многое передать Магрибу), сменяли друг друга берберские династии и широко развернулась иберийская экспансия с захватом португальцами побережья Марокко, а испанцами – Алжира (с 1505 г.) и Туниса (с 1518 г.), на Арабском Востоке мусульманская элита (в основном тюркско-курдская по происхождению) столкнулась с не менее значительной угрозой монгольского порабощения. Монгольский хан Хулагу сломил в 1256 г. сопротивление исмаилитов-ассасинов в Северном Иране, захватил Иран, Ирак, Кавказ и Малую Азию, разгромив в 1258 г. Багдад и убив халифа Мустасима, последнего из Аббасидов. В Сирии монголы уничтожили большинство эмиров Айюбидов, к тому времени уже утративших власть и

в Египте, где в 1250 г. султаном стал атабек гвардии мамлюков Айбек (мамлюк по-арабски означает «раб», «принадлежащий»). В основном мамлюки (их было в разное время 9–12 тыс. чел. под командой 24 беев) были кипчаками (половцами) с некоторой примесью курдов, монголов и даже принявших ислам славян. Первая их династия говорила по-тюркски и называлась Бахриты (т.е. речные, ибо их центр был на острове посреди Нила). В 1260 г. они разгромили монголов при Айн Джалуте (в Палестине) и заставили их уйти из Сирии, где заодно сокрушили остатки Айюбидов. Султан Бейбарс (1260–1277) окончательно изгнал монголов, формально восстановил в 1261 г. халифат, пригласив в Каир одного из уцелевших Аббасидов (которые, как и при Сельджукидах, стали пользоваться лишь религиозной властью, да и то формально), и очистил от крестоносцев побережье Сирии и Палестины, а в 1273 г. разгромил ассасинов, ликвидировав последние их оплоты. Вместе с тем Бейбарс уничтожил царство Рубенидов в Киликийской Армении, присоединив его к своим владениям. Будучи родом из Крыма, он построил там великолепную мечеть, способствуя тем самым исламизации Золотой Орды, которая тогда владела Крымом. В руках монголов после побед Бейбарса оставался лишь Ирак. Все остальные земли арабского Востока, особенно – при султанах Калауне (1280–1290), от Киренаики до Евфрата и от Анатолии до Судана (включая Аравию) вошли в состав государства мамлюков. В 1291 г. они изгнали крестоносцев из последних крепостей (Акры, Тира, Бейрута), а в 1303 г. разбили монголов под Дамаском.

При мамлюках (как тюрках Бахритах в 1250–1382 гг., так и кавказцах Бурджитах, т.е. «башенных», обосновавшихся в цитадели Каира черкесах и абхазах, в 1382–1517 гг.) продолжались процессы, начавшиеся при Айюбидах: дальнейшая бюрократизация и иерархизация госаппарата, развитие системы икта (земельных уделов) и других форм землевладения – частного (мульк), временного (ризк), мусульманской общины (вакф), закрепление суннизма и позиций арабского языка (хотя сами мамлюки говорили на родных языках, как бы отгораживаясь от подданных). Воюя с христианами, мамлюки тем не менее поддерживали торговые отношения с Европой, особенно с Венецией, Сицилией и Арагоном. С XIV в. они противостояли в Малой Азии туркам-османам, в Ираке – туркменам Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, потом – иран-

ским Сефевидам. В 1400 г. среднеазиатский завоеватель Тимур, разбив мамлюков у Халеба, занял всю Сирию, но затем его отвлекли другие походы. Мамлюки впоследствии извлекли выгоду из этого, воспользовавшись ослаблением (как выяснилось вскоре – временным) разгромленных Тимуром османов. Благодаря этому мамлюки полностью восстановили свою державу, даже расширив ее (особенно в Ираке, где им противостояли теперь туркмены-кочевники). Они даже пытались завоевать Кипр в 1425–1426 гг. и взяли в плен его короля. Тем самым они ослабили католическое пиратство, пытавшееся подорвать их монополию на торговлю пряностями в Средиземном море. С этой же целью они взяли под более жесткий контроль Аравию и Красное море. Тем не менее пиратство христиан продолжало процветать, опираясь, помимо Кипра, еще на остров Родос, тогда – оплот рыцарей-иоаннитов (госпитальеров). С 1509 г. иоанниты успешно разоряли побережье Египта и Сирии. С 1498 г. серьезной угрозой мамлюкам стали португальцы, появившиеся на востоке и юге Аравии, которым они угрожали, опираясь на свои крепости в Индии (Гоа, Диу, Даман).

Само государство мамлюков, трудноуправляемое хотя бы из-за своих размеров, постепенно подрывалось изнутри самими же мамлюками. Они улучшили управление и систему ирригации, но разоряли народ всевозможными поборами, устанавливали произвольные налоги и повинности, конкурировали друг с другом в борьбе за всякого рода должности, поблажки, привилегии. Беи и «эмиры тысяч» были крупнейшими феодалами, «эмиры сотен» – средними, «эмиры десятков» – мелкими феодалами. Все они владели землей, ремесленными предприятиями, доходами таможи, торговли и т.п. Их первоначально чисто военная иерархия постепенно разлагалась ввиду распространения системы «ильтизам» (откупа налогов). Многие мультазимы (откупщики) получали право сбора налогов обычно на 30 лет с прикреплением крестьян к земле, что, ввиду постоянных злоупотреблений, вело к быстрому обогащению. Чаще всего мультазимами были сами же мамлюки, но иногда к этому доходному вследствие постоянных злоупотреблений занятию допускались и улемы (богословы), шейхи бедуинских племен (в Сирии, Аравии, Палестине), богатые купцы крупных городов. Их лихоимство вызывало постоянные восстания крестьян, бедуинов, ремесленников, городской бедноты.

Жестокое подавление восстаний мало что меняло, ибо кричащая роскошь дворцовой знати и военной аристократии мамлюков на фоне убожества, голода, нищеты и болезней, бывших уделом простого народа, становилась все более нестерпимой для большинства населения.

Разбойничьи нравы, работорговля, широко распространенные среди мамлюков извращения и скотские удовольствия ускоряли их разложение. Постепенно моральная деградация и дискредитация мамлюкской державы, во многом явившаяся следствием ее экономического ослабления, уменьшения боеспособности ее армии и динамизма правителей (которые почти все занимали трон в 60–80 лет), стали очевидными для всех. Этому способствовал прежде всего отказ помочь мусульманам Гранады и Магриба, Йемена и Гуджарата в XV в. в борьбе против испанцев и португальцев, суннитам Багдада и других областей – в борьбе против шиитов Сефевидов. Нечестность и порочность мамлюков стали к тому же общим местом. Историки отмечали, что иностранцев потрясала жадность египетской солдатни, продажность чиновников и всеобщая погоня за легкой наживой. Неправый суд Египта был притчей во языцех. Верховные судьи и их бесчисленные помощники имели прочную репутацию продажных дельцов. Судопроизводство сводилось к состязанию взятокдателей. Пьянство и наркомания распространились даже среди факихов (мусульманских правоведов). Каир, который тогда был в три раза больше Парижа, кишел нищими, калекami, наркоманами, проститутками. Воздействие этого духовного упадка было значительным во всем мире ислама, поскольку государство мамлюков было в нем самым большим, контролировало священные города – Мекку и Медину, было резиденцией халифа. Поэтому нет ничего удивительного, что и на Арабском Востоке, и в Магрибе простой народ считал, что шарият забыт, что на земле ислама нет больше места справедливости.

Разумеется, период мамлюков в истории Египта и Арабского Востока в целом не был только «черным». В это время было усовершенствовано орошение в Египте, развернулось строительство замков, крепостей, мечетей, особенно при султанах Калауне и Каит-Бее (1468–1496), а также султane Хасане (1347–1361). Был выработан архитектурный стиль медресе и ханках (завия в Магрибе), т.е. духовной обители суфиев, представлявшей собой ком-

плекс мечети, школы и хранилища рукописей. Иногда такой комплекс возникал при мавзолее или гробнице дервиша, а также султана (например – первого «черкесского» султана Баркука в 1382–1399 гг.). В отделке этих и других зданий и комплексов, например – выстроенной в XIII–XIV вв. грандиозной цитадели Халеба, чувствуется и влияние мастеров Аль-Андалуса, выезжавших в то время (наряду с улемами, врачами и учеными) в Египет и Сирию. К эпохе мамлюков относится также возникновение, частично – под влиянием Ирана, частично – Магриба и Аль-Андалуса, различных форм резного или лепного декора. Влиянием Ирана и даже Китая объясняют распространение при мамлюках бело-синей керамики. До XV в. славилась изготовлением стекла Сирия, пока Тимур не вывез всех стеклодувов в Самарканд. Были развиты также возникшие еще при Фатимидах традиции ткачества, инкрустации, резьбы по камню и дереву, выделка кожи. В духовной сфере большое развитие получили богословие и правописание, во многом – благодаря трудам Ибн аль-Араби (умер в 1250 г. в Дамаске, хотя родом был из Мурсии), Ибн Таймийи (умер в 1328 г.). В Каире умер в 1406 г. «арабский Монтескье» Ибн Халдун, отстаивавший светское происхождение государства и материальную первооснову общества. Его ученик Али аль-Макризи (1364–1442), бывший судьей и чиновником в Египте и Сирии, стал крупнейшим историком Египта эпохи мамлюков.

Государство мамлюков, обессилев, пало под ударами османов, после захвата в 1453 г. Константинополя решившими оспорить первенство мамлюков в мире ислама. Приток свежих сил в ряды мамлюков был ослаблен уже в начале XV в., когда правитель Золотой Орды легендарный Едигей запретил обращать тюрок в рабство и вывозить их на Ближний Восток в качестве невольников. Перехватив, в свою очередь, пути пополнения мамлюкского войска за счет молодежи Крыма и Кавказа (османы ради этого даже совершили в 1475 г. поход в Крым, а в 1484 г. поход в Черкесию), турецкие султаны с 1486 г. переходят к военному давлению на мамлюков. Разгромив в 1514 г. Иран (руками которого мамлюки думали остановить османов), султан Селим Явуз (Грозный) использовал османфильские настроения рядовых жителей государства мамлюков для подрыва духа войск противника.

Мамлюкский правитель Кансух аль-Гури (1501–1516) всячески оттягивал начало войны. Но в августе 1516 г. он был вынуж-

ден встретить армию Селима, вторгшегося в Сирию и, потерпев поражение в битве у Мардж Дабика, покончил с собой. После этого начался массовый переход на сторону османов населения многих городов, части чиновничества и даже войск. Султан Селим, вступив в Халеб, присвоил себе титулы мамлюкских правителей – «служитель обоих священных городов» и «падишах ислама». Позднее он стал именовать себя «халифом Аллаха на его земле», а последнего Аббасида, который готов был служить ему так же, как раньше служил мамлюкам, сначала обласкал (даже пообещав вернуть ему Багдад), но потом выслал в Стамбул, после чего, по словам В.В. Бартольда, халифат Аббасидов, и до того эфемерный, «прекратился сам собой». После этого продвижение Селима по Сирии и Палестине напоминало триумфальный марш. Сам Селим, называя себя «службой бедняков», усердно демонстрировал заботу о нищих, вдовах и сиротах, чем привлек на свою сторону самые широкие слои народа. Это сыграло не последнюю роль в успешном завоевании османами в апреле 1517 г. Египта, в 1517–1520 гг. – Аравии, Киренаики и Судана, в 1520–1533 гг. – Алжира, в 1534–1546 гг. – Ирака, в 1534–1574 гг. – Туниса. При этом османы почти не встречали сопротивления со стороны арабского населения (за исключением верхушки) и вели борьбу преимущественно с испанцами – за Алжир и Тунис, с персами – за Ирак и Аравию. По завершении османских завоеваний арабский мир, за исключением Марокко, стал частью Османской империи.

Секрет успеха османских завоеваний во многом объясняется поддержкой со стороны арабского крестьянства, уставшего от насилий, поборов, жестокости и беспутства мамлюков, к тому же – неарабов и бывших рабов. За потраву урожая и вытаптывание полевых османы строго наказывали не только бедуинов (от разбоя которых крестьяне тоже немало страдали), но и кавалеристов султанской армии. Поэтому крестьяне поддерживали османов до начала XVII в., т. е. пока Османская империя процветала, одерживая военные победы и грабя в основном немусульманское население завоеванных областей – греков, армян, сербов, болгар, венгров и других. Но после прекращения военных успехов ситуация в Османской империи, в том числе в ее арабских провинциях, изменилась.

Глава 3. Арабо-исламская культура

Культура, созданная арабами совместно с другими народами, вошедшими в состав Арабского халифата, определила духовное содержание нового этапа цивилизационного развития всего ареала Ближнего Востока и Северной Африки. Новое общество, новые социальные отношения, новые формы хозяйственной деятельности и государственно-политической практики были немислимы без обновления быта и повседневной жизни, без новой идеологии, стимулировавшей это обновление, и новой культуры, закрепившей достигнутое. Предшественницами этой культуры были древняя культура Южной Аравии на сабейском языке и культура Сирии, Палестины и Месопотамии на арамейском языке. Значительную роль сыграло создание северными арабами в IV в. н.э. буквенного письма на основе варианта арамейской скорописи. Но еще большую, во многом определяющую роль сыграло возникновение ислама, который стал идейной основой новой культуры и средством вовлечения в ее созидание всех народов Халифата. Ввиду этого культура арабов стала именоваться арабо-исламской.

Формирование арабо-исламской культуры началось не с нуля. Еще в период «джахилийи» северные арабы были знакомы с элементами эллинистической, древнеримской, арамейской и иранской культур. Их соединение с основными положениями ислама и традициями доисламской бедуинской поэзии, а также – с распространявшимися сирийскими несторианами и сабиями (сектантами-гностиками) города Харран философско-этическими идеями и вообще культурным наследием греко-римской античности составило первооснову для последующего развития исламской учености и образования на арабском языке. Уже с VII в. Мекка и Медина в Аравии, Куфа и Басра в Ираке наряду с Дамаском в Сирии становятся ведущими центрами бурно развивавшейся новой культуры, наиболее быстро распространявшейся как в этих городах, так и в основанных арабами Фустате в Египте, Рамле в Палестине, а также – в хадирах (пригородах, буквально – «местах оседания») сирийских городов Харран, Рака, Халеб, Хама, Киннасрин и палестинской Кайсарии.

Первое время главной наукой считалась теология, что отразилось даже в языке: по-арабски «ильм» – это «наука», в первом значении – «богословие», а «алим» (мн. число «улама») – это «ученый», но прежде всего «ученый богослов». Наряду с теологией и грамматикой (которой арабы в средние века придавали очень большое значение), было положено начало и другим наукам, главным образом – путем перевода на арабский язык многих научных и литературных памятников с греческого, персидского и арамейского. В переводах и обработках эти, а также индийские источники вошли в арабскую культурную традицию и способствовали установлению ее преемственности с античными и древневосточными цивилизациями. Благодаря, кстати, этим переводам Европа впоследствии познакомилась со многими сочинениями древнегреческих и древнеримских авторов, которые были утрачены при крахе Римской империи в V в.

В создании арабо-исламской цивилизации огромную роль сыграло умение арабов учиться у других, даже у своих противников, с которыми они всегда в конечном итоге стремились достичь возможного компромисса. Очевидно, в этом проявился многовековой опыт бедуинских войн, всегда заканчивавшихся в подавляющем большинстве случаев межплеменными или межклановыми соглашениями. Но период ученичества, продолжавшийся почти два с половиной столетия (VIII–IX вв. были временем наиболее интенсивной работы переводчиков с греческого, латыни, персидского и арамейского), практически уже с конца VII в. шел параллельно с периодом творчества.

Выйдя за пределы Аравии, арабы прежде всего стали известны культурному миру своей устной словесностью. Ее ранние записи начала VIII в., среди которых знаменитые «муаллаки» (7 шедевров семи лучших поэтов «джахилии»), уже демонстрировали разнообразие жанров при почти полном отсутствии иноземных влияний. Доисламские поэты идеализировали кочевой быт, жизнь и подвиги своего племени, сражения, охоту. В памяти арабов сохранилось 125 имен этих поэтов, среди которых особенно выделялись создатель классического жанра касыды Имру-ль-Кайс, замечательный стихотворец Тарафа, чернокожий богатырь Антара ибн Шаддад и другие. Появление ислама сначала негативно сказалось на развитии поэзии, ибо первые мусульмане считали ее средством самовыражения племенного патриотизма, свой-

ственного племенам в период «джахилийи», язычества и племенного сепаратизма. Но затем поэзия вновь возродилась во всем своем многообразии жанров – похвальбы (фахр), поношения врага (хиджа), элегии (риса), мести (сар), любовной лирики (насиб), описаний лирического характера (васф). При дворе Омейядов (а затем – и всех последующих мусульманских правителей) появилось много поэтов-панегиристов, среди которых были и выдающиеся творцы (аль-Ахталь, аль-Фараздик), поднимавшиеся над уровнем только придворной поэзии. Образы и приемы поэзии V–VII вв., ее темы и формы составили базу последующего, чрезвычайно богатого по жанрам и направлениям развития арабской поэзии и вообще арабской словесности на долгие века вперед. И если рассказы о битвах племен («Айям аль-араб»), самобытный арабийский эпос, остались памятником своего времени, то охотничьи, караванные, трудовые, колыбельные и другие песни и повествования и сейчас являются достоянием как бедуинов в пустыне, так и оседлых и полукочевых жителей городов и селений. Небывалое развитие получила любовная лирика. Певцы идеальной любви создали множество стихов и романтических повестей. Из них некоторые (например, о Лейле и Меджнуне) известны всему миру.

Но арабская литература все же началась с Корана – первого памятника арабской письменности, составление которого было завершено в середине VII в. при халифе Османе.

В Коране собраны проповеди пророка Мухаммеда как мекканского, так и мединского периодов, рассказы на библейские сюжеты (сближающие мусульман с другими «людьми Писания»), назидания и указания пророка, первые законоположения, выработанные мусульманской уммой. Влияние Корана в дальнейшем ощущалось во всей арабской (да и прочей мусульманской) литературе, так как Коран – не только священная книга и религиозный документ, но также первый опыт превращения арабского языка (к тому же тогда еще не единого для всех арабов) из устного в письменный, из разнившихся между собой бедуинских диалектов в единый язык более культурных горожан. Язык Корана стал основой классического литературного арабского языка (аль-лугат аль-фусха).

Развитию арабской литературы во многом способствовало участие в ее созидании представителей завоеванных народов,

среди которых наиболее выделялся замечательный поэт-перс Абу Нувас (762–815). Фаворит халифа Харуна ар-Рашида, талантливый, хоть и беспутный гедонист, он дал великолепные образцы вольнодумной лирики и не только воспевал удовольствия и радости жизни, но и осмеливался высмеивать религиозные обряды. Он славился как изощренной техникой стихосложения, так и свободомыслием.

К тому времени на арабский язык были уже переведены многие произведения персидской и индийской литературы, включая «Калилу и Димну», книги о Маздаке (вожде восстания в V в. в Иране) и о Синдбаде-Мореходе. Поэзия превращалась постепенно из бедуинской в городскую и, утрачивая романтику кочевого быта (но лишь частично), все более менялась, воспринимая воздействие более связанных с городом культур Ирана, Византии, Индии.

Великолепен был обновивший арабский стих Абу-ль-Атахия (ум. в 825 г.), так же как и чтимые до наших дней Абу Таммам (796–845) и аль-Бухтури (821–897). Записи фольклора, изучение Корана, знакомство с художественной литературой персов, сирийцев, греков помогли рождению арабской прозы, черпавшей также многое из рассказов историков, географов, купцов и путешественников, их деловой переписки, которая постепенно стала вестись преимущественно на арабском языке, хотя не исчезли еще из употребления и другие языки. Самыми великими мастерами средневековой арабской прозы считаются аль-Джахиз (767–868) и Ибн Кутайба (828–889), которым многие впоследствии подражали. Арабский перевод персидского сборника «Хезар афсанс» («Тысяча сказок») в IX в. стал прототипом знаменитого цикла арабских сказок «Тысяча и одна ночь», создавшегося постепенно, в разное время (багдадский цикл до X в., каирский XII в.) и в разной социальной среде, с использованием мотивов арабского, иранского и индийского фольклора. Сказки «Тысячи и одной ночи» во многом повлияли на дальнейшее развитие арабского фольклора, несколько канонизировав, в частности, чувство юмора у арабов, основанного на довольно грубоватых шутках простонародья, не всегда приличных и заряженных эротизмом.

Культура Арабского Востока. После X в. фактический распад Халифата привел к децентрализации развития арабской литературы, которая перед этим еще успела дать миру двух вели-

ких поэтов Сирии аль-Мутанабби (915–965) и Абу-ль-Аля аль-Маари (973–1057). В дальнейшем сфера влияния арабского языка и литературы начинает сужаться под воздействием развернувшихся на востоке Халифата процессов формирования очагов иранского культурного возрождения. Еще в VIII в., после свержения Омейядов, среди неарабских народов Халифата началось движение «шуубийя» (от «шууб» – «народы»), отрицавшее ведущую роль арабов в культурной жизни. Его главными деятелями были писатель и переводчик Ибн аль-Мукаффа, казненный в 759 г., поэт Башшар ибн Бурд, убитый в 787 г., историк и филолог Хамза аль-Исфагани. Все они были персами, хотя и писали по-арабски и вообще много сделали для арабо-исламской культуры. Их голос заглушили тогда еще всевластные Аббасиды, но к X в. персидский язык начинает уже активно вытеснять арабский из литературы и поэзии, а затем – и из научной сферы. Арабский язык сохраняет свое значение как язык Корана и богословия, философии и естественных дисциплин. Но основные центры арабской культуры перемещаются в Сирию и Египет, где, однако, после XI в. не было создано в гуманитарной области ничего значительного. Исключение составляет, может быть, творчество сирийского писателя, ученого и врача Григория Иоанна Бар-Эбрея (1226–1286), писавшего по-арамейски, но под арабским псевдонимом Абу-ль-Фарадж. Будучи главой христиан-монофизитов, Абу-ль-Фарадж одновременно явился одной из последних крупных фигур сирийской неисламской культуры, успешно работавшей в преимущественно мусульманском аработоркском окружении.

Развитие естественных и точных наук в Халифате началось в Сирии, Ираке и на юго-западе Ирана сначала с многочисленных переводов античных авторов. Впоследствии Европа только в этих переводах ознакомилась, например, с «Механикой» Герона и рядом сочинений Архимеда. Одновременно с теоретической учебной арабы воспринимают и технические новшества у греков (византийцев), индийцев и китайцев (арабы почти не знали Китай, но не считали зазорным учиться у него, придумав многозначительную поговорку: «Ищи науку даже в Китае!»). Часть этих новшеств (компас, бумага, косой парус, незаслуженно названный европейцами «латинским», ряд технических приспособлений и т. п.) были переданы арабами европейцам. Ставший в VIII в. столицей Халифата, Багдад превратился в центр научной деятельности со

множеством библиотек, школ, кружков. При поддержке государства стали решаться прикладные задачи строительства, землепользования, торговли, требовавшие развития географии, математики, минералогии, астрономии. Именно поэтому VIII–X вв. становятся временем расцвета этих наук.

Опираясь на труды Птолемея и индийских астрономов, созданный в Багдаде «Дом мудрости» (Дар аль-хикма) и обсерватории при нем развернули исследования в области астрономии, разработали способы определения координат светил на небесной сфере и составления расчетных правил сферической астрономии. Составлялись «зиджи» – собрания таблиц этих правил. До нас дошли около 100 зиджей, но более позднего времени (XIII–XV вв.), хотя составлены они были на базе изучений VIII–IX вв., в частности проведенных при халифе Мамуне измерений наклона эклиптики и градуса меридиана для определения размера земного шара. Впоследствии труды арабских (и не только) астрономов Багдада составили базу для работы новых научных центров в X в. в Дамаске и Халебе (Сирия), Самарканде (Мавераннахр), Газни (Афганистан), а с XI в. – в Бухаре, Исфагане (Иран) и Каире, где при Фатимидах возник «Дом знания» (Дар аль-маариф) и обсерватория при нем. Наиболее известны арабские астрономы VIII в. отец и сын Фазари, Якуб ибн Тарик, а в IX–X вв. Абу Абдаллах аль-Баттани (858–929), более 40 лет работавший в г. Ракка, и особенно знаменитый иранский ученый-энциклопедист Абу Бакр ар-Рази (865–934), долго работавший в Багдаде и оставивший 184 труда по самым разным отраслям знаний, около трети которых были переведены в X–XIII вв. в Европе на латинский язык. В IX в. хивинцем аль-Хорезми были также составлены астрономические таблицы, написаны работы о солнечных часах и астролябии.

Позднее прославились как астрономы Ибн Юнус (950–1009) в Каире, среднеазиатский энциклопедист Абу Рейхан аль-Бируни (973–1048) в Газни, проповедовавший идеи «шуубийи», но писавший по-арабски, известный персидский поэт и ученый Омар Хайям (1048–1122) в Исфагане, Насирэддин Туси (1201–1280) в Мараге (Азербайджан) и другие. До XV–XVI вв. арабские достижения в астрономии оставались непревзойденными.

На развитии математики в арабо-исламском мире сказалось влияние как греков, так и индийцев, у которых были заимствованы цифры и десятичная система счисления с применением ну-

ля. Первым сочинением на арабском языке об арифметике был трактат работавшего в IX в. в Багдаде великого среднеазиатского ученого Мухаммеда аль-Хорезми «Книга о восстановлении и противопоставлении» (Китаб аль-джабр в-аль-мукабала). По названию операции с алгебраическими действиями (аль-джабр) с тех пор именуется целый раздел математики – алгебра. Само имя аль-Хорезми вошло в математику: от его латинизированной формы (трактат аль-Хорезми был переведен в XII в. на латынь) был образован термин «алгоритм». Тогда же, в IX в., были написаны трактаты по геометрии братьев Бану Муса («сыновей Мусы») – Ибн Курры и ан-Найризи. Сабит ибн Курра (830–901) перевел также на арабский «Начала» Эвклида, снабдив их собственным комментарием, а затем познакомил арабов с сочинением Архимеда о правильном семиугольнике. Методы извлечения корней были разработаны и систематизированы арабским ученым Абу-ль-Вафа (940–998) и уже упомянутыми О. Хайямом, Н. Туси, А. Бируни.

Ибн аль-Хайсам (965–1039) из Басры, изучая Эвклида, написал два трактата о математических определениях и аксиомах, о теории параллельных, а также – большой труд о квадратурах конических сечений и кубатурах тел, полученных от их вращения. Он, как и аль-Хорезми, Ибн Курра, аль-Батани и другие, много занимался геометрией и тригонометрией. Их усилиями были введены все шесть тригонометрических линий в круге, установлены зависимости между тригонометрическими функциями, получены важнейшие теоремы тригонометрии и составлены соответствующие таблицы большой точности. Аль-Баттани уже в IX в. ввел в употребление понятия синуса, тангенса и котангенса. В дальнейшем в качестве продолжателей традиций арабских математиков VIII–XI вв. выступали ученые преимущественно из неарабских стран ислама – Туси в Мараге XIII в., Джемшид аль-Каши, математик и астроном, работавший в 1420–1430 гг. в Самаркандской обсерватории. В его трудах «Ключ арифметики» и «Трактат об окружности» (1427 г.) были впервые введены в употребление десятичные дроби и вычислены значения числа «пи» с 17 верными десятичными знаками.

Почти все арабские математики занимались также физикой и механикой: Ибн Курра – рычажными весами «корастун», О. Хайям и аль-Хазини (XII в.) – определением удельного веса метал-

лов и минералов. Ценные комментарии к арабским переводам естественнонаучных сочинений Аристотеля дали в XI в. Аль-Бируни и Абу Али ибн Сина (980–1037). В физике наибольшие заслуги – у Ибн аль-Хайсама, давшего предельно полное изложение оптики своего времени, а также – получившего данные о строении глаза, близкие к современным. Знатком физики, как и химии, астрономии, медицины, был Абу Бакр ар-Рази.

Труды ар-Рази по медицине, переведенные на латинский язык, столетиями использовались врачами, в том числе – на Западе, как своего рода учебники и энциклопедии. Он впервые дал подробное описание многих болезней, ввел составление истории болезни для каждого больного, применял оспопрививание. Одним из первых он начал применять вату при перевязках, некоторые медицинские инструменты. Ему принадлежат работы о значении специализации врачей, о медицинской помощи и самопомощи для неимущих.

Не менее великим врачом был Ибн Сина, бывший в Средней Азии и Иране придворным лекарем и министром при разных правителях. Главный его труд – «Канон медицины» – многократно переводился впоследствии на языки Европы (только на латыни он издавался около 30 раз). Эта своего рода медицинская энциклопедия в 5 частях дольше века была обязательным руководством для врачей Востока и Запада. В ней рассматриваются причины болезней и здоровья, с редкой точностью даются полные клинические картины всевозможных заболеваний, в том числе – инфекционных, о которых тогда мало что было известно.

Для арабов эпохи завоеваний огромное практическое значение имела география. Поэтому они превзошли всех прочих средневековых географов по количеству географических трудов, разнообразию их жанров и обилию сведений. Арабские географы и путешественники оставили подробные описания всех стран ислама, а также многих частей Европы, Тропической Африки и Азии вплоть до Кореи. Эти материалы нередко являются единственным источником сведений о ряде народов средневековья, особенно Азии и Африки. В арабской научной географии применялись таблицы сферической астрономии. Поэтому среди арабских географов – многие астрономы и математики (Аль-Баттани, аль-Бируни, аль-Хорезми и др.). Первый труд по географии – «Книга царств и путей» – вышел в IX в. Его автор – перс Ибн Хордадбех

(826–885), который дал сведения о странах ислама и их соседях, в том числе о славянах. Но расцвет арабской географической литературы начался с X в., когда появились сочинения Ибн Джафара, аль-Якуби, аль-Истахри, Ибн Хаукаля. Тогда же возник жанр «рихля» (описание путешествий). В нем прославились многие, особенно Ибн Фадлан, ездивший в 922 г. на Волгу в качестве посла халифа в Булгарское царство, принявшее ислам. Накопленный географами и путешественниками громадный запас фактологии позволил следующим поколениям арабских ученых XI–XIV вв. (аль-Бакри, аль-Казвини, ад-Димашки и др.) составлять географические словари и описания вселенной.

В Европе наиболее известен был живший на Сицилии, но писавший по-арабски Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси (1110–1165), выходец из марокканской знати. Итогом его многочисленных путешествий и долгих занятий была весьма достоверная для его времени карта мира и книга «Развлечения истомленного в странствии по областям». В ней он делил землю на 7 климатов (по 10 частей в каждом). Их описание и приложенные к нему 70 карт – ценнейший источник по истории и географии Европы, Востока и Африки XI–XII вв. Во многом аль-Идриси как бы подвел итоги деятельности всех арабских географов IX–XI вв. После него развитие арабской географии шло в основном по пути подражаний и компиляций, хотя и дало ряд ценных описаний отдельных стран и городов. Таковы труды по истории и географии Египта Таки ад-Дина аль-Макризи (1364–1442), работавшего в Каире и Дамаске. Примечательны и географические разделы в сочинениях арабских историков XIII–XV вв. Последним арабским географом, известным в Европе, был Ахмед ибн Маджид, лоцман экспедиции португальского адмирала Васко да Гамы в Индию в 1498 г. Ибн Маджид написал около 40 работ (в основном стихотворных), в которых обобщил практику арабских мореплавателей и их маршруты от Занзибара и Мадагаскара до Индонезии и Китая. Это во многом помогло последующему судоходству европейцев в Индийском океане.

С географией была тесно связана историческая наука арабов. Первые записи исторического характера относятся уже к концу VII в. В них обычно фигурировали генеалогические предания арабских племен, сообщения (обычно полуполюгендарные) о доисламских государствах в Йемене, о княжествах Гассанидов и Лах-

мидов, о возникновении и распространении ислама. Большую роль в представлениях арабов об истории сыграла идея Корана о пророческих миссиях в прошлом. В то же время они разрабатывали хронологию всемирной истории с учетом астрономических знаний того времени, исторического эпоса «Книги царей» сасанидского Ирана, апокрифических иудейских и христианских преданий. Мухаммед аль-Кальби (ум. в 763 г.) и его сын Хишам (ум. в 819 г.) собрали и записали родословные и устные предания арабских племен, на основе которых потом в IX–XIV вв. было составлено более 10 общих генеалогий всех арабов. Первым историком, сочетавшим интерес к родословным и племенным легендам с записью политических событий (в частности военных походов Мухаммеда), был Мухаммед аз-Зухри (ум. в 742 г.). А первым значительным историческим сочинением стала история древних пророков и жизнеописание Мухаммеда, написанная Ибн Исхаком (704–767). Это произведение послужило образцом для всех последующих, посвященных той же теме.

В VIII–IX вв. появились описания отдельных завоеваний и событий из жизни Халифата. Но в IX–XI вв. арабская историография переживает расцвет: появляются обобщающие труды по всеобщей истории, претендующие на освещение всего исторического процесса, в том числе за пределами мира ислама. Таковы работы аль-Белазури и ад-Динавери, «История пророков и царей» ат-Табари в IX в. (самое крупное сочинение в этом жанре), «Золотые копи и россыпи самоцветов» Абу-ль-Хасана аль-Масуди (ум. в 947 г.), о котором видный британский арабист Х. Гибб писал: «На арабском языке нет более замечательного произведения». Действительно, для X в. это было очень глубокое и детальное, фактологически и литературно чрезвычайно богатое исследование истории арабов и ислама в VII–X вв. Не менее важна была написанная в начале XI в. «Книга опытов народов» Абу Али ибн Мискавайха, явившаяся наиболее значительным в арабской средневековой историографии трудом по всеобщей истории. Участие персов (ад-Динавери, ат-Табари, Ибн Мискавайха, Хамзы аль-Исфгани и других), как и прочих неарабов, использовавших ранее сложившиеся запасы накопленных знаний и приемы их передачи, в значительной мере ускорили формирование арабской историографии, сыгравшей большую роль и в культурном развитии вошедших в состав Халифата преимущественно неарабских

областей. До нас, к сожалению, дошли далеко не все труды арабских историков. Например, аль-Масуди создал 36 работ, но нам известны тексты только двух из них.

С середины X в. и позднее, наряду с общими сочинениями, начинавшимися с сотворения мира, возникают также жанры династических хроник, биографий отдельных правителей, их вазиров (министров) и секретарей, труды по истории отдельных стран и городов. Таковы истории Йемена (аль-Хамдани), Египта (Ибн Абу аль-Хакама), Багдада (аль-Хашиба аль-Багдади), Дамаска (Ибн Асакира), Халеба (Ибн аль-Адима) и др. Наряду с этим продолжалось написание и всеобщих историй, обычно – с использованием опыта предшественников: Иззатдин ибн аль-Асир (1160–1234) из Мосула в своих трудах, особенно в 12-томной «Полной истории», взял кое-что у ат-Табари, а Исмаил Абу-ль-Фида из Хамы (1273–1331) во многом опирался на то, что сделал Ибн аль-Асир. В XV–XVII вв. ведущее место заняли египетские историки, среди которых выделялись Таки ад-Дин аль-Макризи (1364–1442), автор многих трудов по истории и географии Египта и сопредельных стран, и его ученик Абу-ль-Махасин ибн Тагриберди (1409–1470), из сохранившихся работ которого чрезвычайно интересны хроники с изложением событий в Египте от арабского завоевания с 642 до 1469 г.

В дальнейшем основное место в работах арабских историков заняли биографические словари, биографии знаменитых людей и, особенно после XVI в., эпитонские компиляции по общей и местной истории. Тем не менее, исторические сочинения на арабском языке продолжали писать во всех странах распространения ислама, включая Кавказ, Среднюю Азию, Индию и восток Африки.

Громадное влияние на развитие арабо-исламской цивилизации оказала философская и общественная мысль. Собственно возникновение ислама и борьба Мухаммеда с его противниками и положили начало арабо-исламской общественной мысли, так как ислам в принципе не разделял духовное и светское начало. Но по мере успехов арабских завоеваний и расширения кругозора арабов, по мере формирования новой их культуры в духовной жизни Халифата возникали новые и достаточно сложные явления. Знакомство с переводами трудов античных философов, прежде всего Платона и Аристотеля, породило множество ком-

ментариев, новую арабскую научную и философскую терминологию («истилахат»), которая потом широко использовалась в трудах ученых и философов, писавших на арабском языке. Комментированием трудов античных философов занимались практически все арабские мыслители, начиная с основателя арабской философии аль-Кинди (800–879), который был при дворе халифа в Багдаде астрологом, переводчиком и воспитателем детей халифа. Он пытался согласовать «древние науки» с исламом и стал одним из мутазилитов².

В отличие от богословов, арабские философы считали философию «наукой наук». Поэтому аль-Кинди, занимаясь одновременно математикой, медициной, физикой и фармакологией, стремился объединить в единую систему учения Платона и Аристотеля и представить рациональное познание как приобщение разума человека к божественному разуму. Его поискам помогало благоприятное отношение халифов Мамуна и Мутасима (833–842) к мутазилитам. Но впоследствии, особенно при халифе аль-Мутаваккиле (847–861), мутазилиты подверглись гонениям. Аль-Кинди потерял положение при дворе, библиотека его была конфискована. Однако, несмотря на краткость, влияние мутазилитов, посеянные ими зерна не пропали даром.

Уже упоминавшийся перс Абу Бакр ар-Рази (865–934) внес огромный вклад в философию своими трудами по этике, теологии, логике и своим учением о пяти вечных началах («творец», «душа», «материя», «время», «пространство»), при этом разум внушает «душе» стремление к освобождению от гнета «материи»). Критикуя все религии, ар-Рази верил в абсолютное пространство, абсолютное время и множественность миров. Его антиклерикализм вызвал яростные нападки большинства последующих мусульманских мыслителей, в том числе – такого виднейше-

² Мутазилиты (буквально «обособившиеся, удалившиеся») были сторонниками рационализма в раннеисламском богословии, признавали свободу воли человека, отрицали извечность Корана, признавая его одним из творений Аллаха. Пытаясь совместить основные принципы ислама с античной диалектикой, они объявляли разум человека высшим критерием норм нравственности. Основоположником мутазилизма был Василь ибн ата (699–748). Проводя идею об аллегорическом толковании положений Корана, мутазилиты расчищали дорогу философскому свободомыслию и на деле подрывали веру во многие догматы ислама. Против них позже выступили ашариты, т.е. сторонники аль-Ашари (873–936), защищавшие догматы о божественном провидении и способности ежесекундно изменять реальность совершенно независимо от причинно-следственных отношений. Именно с ними связывают понятие «калам» (буквально «слова»), т.е. богословие, а их самих называют «мутакаллимами» (т.е. «словесниками»).

го энциклопедиста из Средней Азии (но жившего в основном в Багдаде, Халебе и Дамаске), как Абу Наср аль-Фараби (870–950). Но сам аль-Фараби считался среди философов Востока «вторым учителем» после Аристотеля, ставил разум выше веры, хотя и не видел разницы между «вечным создателем вечного мира» Платона и «божественным сознанием» Аристотеля. Всеми процессами у него управляет «активный интеллект». В своих социально-этических трактатах он впервые выдвинул учение о «добродетельном городе» под управлением философа, который, будучи одновременно главой (имамом) религиозной общины, знакомит народ с истинами, получаемыми им от «активного интеллекта». Аль-Фараби оказал большое влияние на все последующее развитие арабо-исламской философии, да и других гуманитарных наук. В частности, оно чувствуется в сочинениях ранее упомянутых аль-Масуди, Ибн Мискавайха, Ибн Сины.

Довольно эклектично было учение сообщества «Чистых братьев» (Ихван ас-сафа), объединившего в конце X в. целый ряд авторов примерно полусотни «посланий», в которых излагались взгляды, сочетавшие учения Платона, Аристотеля и Пифагора с элементами учений индо-иранских мыслителей. «Братья» признавали своими героями и Сократа, и христианских святых, и шитских мучеников Хасана и Хусейна. Вместе с тем они как бы продолжили поиски «идеального государства» и «чистого разума», начатые аль-Фараби. «Чистые братья» делили молитву на религиозную и философскую, под которой понимали моральное очищение и совершение добрых дел.

Под воздействием аль-Фараби творил и великий мыслитель всего мусульманского Востока, одновременно – врач, математик, естествоиспытатель, поэт и философ Абу Али Ибн Сина. Среди его трудов – «Трактат о душе», «Книга о справедливости», «О первичном разуме», «О движении». Ибн Сина считал, что мир возникает путем эманации божества, но не по его воле, а в силу объективной необходимости. Однако единый бог – необходимая первопричина всего сущего. Как и другие мусульманские философы, Ибн Сина стремился согласовать логику и религию. Он же делил науки на теоретические и практические. К первым относились физика и математика, причем к «первичной» физике – учение о материи, формах движения, растениях, животных, а ко «вторичной» – медицина, астрология, алхимия. «Практически-

ми» науками Ибн Сина считал учение об управлении государством и все проблемы семьи, хозяйства, имущества. Ибн Сина еще больше, чем аль-Фараби, повлиял на последующее развитие философии и многих наук в мире ислама.

Впрочем, с XI в. начинается упадок арабо-исламской философии. Одной из причин этого был суфизм (по-арабски «тасаввуф») – мистическое учение в исламе, возникшее уже в VIII в. в Сирии и Ираке. Суф – шерсть по-арабски. Мистики-суфии первоначально носили плащи из грубой шерсти, проповедовали аскетизм, мистическую любовь к познанию Бога и постепенное приближение к нему, вплоть до слияния с ним. Но для этого муриду (или мюриду) (послушнику, «жаждущему») надо пройти мистический путь («тарикат») под руководством муршида (наставника), иногда именуемого шейхом (в Иране – пиром), т.е. старцем, или устазом (учителем). Суфизм явился реакцией простых мусульман на лицемерие и ханжество духовенства (которого в исламе формально нет), на нарушение заповедей Корана и заветов пророка видными мусульманами – властителями, чиновниками и т.п. Теоретически суфизм был обобщен в IX в. египтянином Зу-н-Нуном аль-Мысри и багдадцем Абдаллахом аль-Мухасиби, который призывал к самонаблюдению над соотношением сокровенных намерений и поступков верующего, дабы установить, насколько он искренен перед Богом. Многие в суфийской практике строилось на интуиции, «озарении», достижении состояния экстаза на пути к Богу. Багдадец Джунайд (ум. в 909 г.) учил, что слияние с Богом приведет суфия к «сверхбытию» (бака) – абсолютной вечности. Он считал шариат (общий для всех мусульман закон) первым этапом становления суфия, тарикат – вторым этапом и «хакикат» (истину) – последним этапом постижения божественной истины. Один из видных суфиев, аль-Халладж, в моменты экстаза восклицал: «Я есть Истинный!» (т.е. Бог). За это он был казнен в 922 г.

Ортодоксальное духовенство преследовало суфиев, что лишь спланивало ряды последних и увеличивало их влияние, тем более что многие суфии (особенно на севере Африки) объявляли, что на них снизошла «барака» (божественная благодать, благословение). С XI в. складывается организация суфийских братств, которых в Европе долго называли «орденами» из-за их структурной и моральной близости к рыцарским орденам. Тогда же возникают обители этих братств (рибаты в Магрибе, хана-

ка – в Иране, текке – в тюркоязычных областях), представлявшие собой обычно комплекс мечети, школы или медресе, хранилища рукописей или библиотеки, могилы-мавзолея суфийского авторитета («кубба» в Магрибе, мазар на Ближнем Востоке) и, что особенно важно было в средние века, военной крепости. О беспрекословном повиновении мурида муршиду говорило правило, согласно которому первый в руках последнего «должен быть... подобен трупу в руках обмывателя трупов, который вертит им, как хочет».

Хотя споры о «допустимости» суфизма в исламе продолжают до сих пор и многие ортодоксальные богословы обвиняют суфиев в «язычестве» и претензиях на недопустимое посредничество между Богом и верующими, на рубеже XI–XII вв. отношение к суфизму изменилось. Во многом этому способствовал Абу Хамид аль-Газали (1058–1111), писавший по-арабски иранский теолог и философ. Придя к выводу о невозможности совместить веру и философию, он стал суфием и 11 лет вел жизнь странствующего дервиша (святого отшельника). В своем главном 4-томном сочинении «Возрождение наук о вере» он не отрицал достоверности научных знаний, полученных рациональным путем, и признавал их ценность. Но познание Бога аль-Газали допускал лишь путем экстатического переживания мистического характера, так как мир он считал результатом творения Божественной воли. Он резко критиковал почти все известные тогда философские учения, восходившие к наследию Аристотеля, особенно творчество аль-Фараби и Ибн Сины. Фактически аль-Газали примирил суфизм с умеренным ортодоксальным исламом, выступив в роли реформатора и того и другого, сделав ислам более терпимым к мистицизму, а суфизм сблизив с более строгим монотеизмом.

Примирению с суфизмом способствовало и начало в XI в. крестовых походов. До этого клерикалы-ортодоксы обрушивались на любые отклонения от богословской догматики как в сторону рационализма, так и мистицизма, ибо нередко под флагом этих еретических уклонов выступали разного рода мятежники против власти халифа, в том числе религиозной. Но вторжение крестоносцев вынудило всех мусульман к объединению. А именно суфийские братства с их организованностью, дисциплиной, самоотверженностью и фанатизмом были как бы уже готовой идеологизированной армией для джихада против «неверных».

Усиление фанатизма, мистицизма, иррационализма не способствовало дальнейшему развитию арабской философии. Многих философов и ученых, обвиненных в безбожии, приговаривали к смерти или тюремному заключению. Были сожжены на костре в Багдаде сочинения ар-Рази, Ибн Сины, трактаты «Чистых братьев». Халиф аль-Мустанджид (1146–1170) приказал сжечь целую библиотеку одного врача, только заподозренного в «вольномудстве». Бросая в огонь сочинения астронома Ибн аль-Хайсама (астрономы все были признаны «безбожниками»), кади (судья) возглашал: «Вот ужасное несчастье, вот причина адского пламени!»

Это время можно считать началом заката арабской культуры на Ближнем Востоке. Практически уже в X в. ее стала обгонять по темпам развития и блеску культура Арабского Запада, прежде всего аль-Андалуса (см. ниже), а также связанных с ней арабской Сицилии и других западносредиземноморских островов. В ареале этой же культуры развивались и страны Магриба, эволюция которых имела ряд особенностей, связанных с высокой долей берберов, преимущественно горцев и кочевников, медленно усваивавших достижения арабо-исламской цивилизации, прежде всего – во внутренних районах. Кроме того, восток Магриба, в первую очередь Ифрикийя, был больше арабизирован и больше связан с ближневосточными землями, чем остальной Магриб.

Ближневосточная арабская культура, тем не менее, во многом сохраняла свои позиции. Несмотря на то, что арабы практически были оттеснены на второй план персами, тюрками и (на западе) берберами, все правители, полководцы и выдвиженцы из этих этносов (как и из других, например курды Айюбиды, исламизированные кавказцы, славяне «сакалиба») заботились о развитии арабской культуры и ислама, говорили по-арабски (одно время, при первых Сельджуках, с арабским конкурировал, да и то в сфере «высоких наук» и поэзии, персидский язык, испытывавший к тому моменту сильное влияние арабского), способствовали закреплению ведущей роли арабского языка во всем мусульманском мире. Кроме того, и после XI–XII вв. продолжали развиваться некоторые ранее заложенные традиции арабо-мусульманской культуры, в первую очередь – в архитектуре, музыке, декоративно-прикладном и изобразительном искусстве.

В архитектуре – это мечети колонного и купольного типа, а также дворцы знати, крепости, медресе и мавзолеи XIII–XVI вв.

в Ираке, Сирии и Египте, образцами для которых служили первые арабские мечети VII–IX вв. в Басре, Куфе, Фустате, Кайруане, которые оказали также влияние на мусульманское зодчество последующих веков в Иране, Индии, на Кавказе и в Средней Азии.

Особо следует выделить самую первую мечеть Омейядов в Дамаске, выстроенную с учетом богатых эллинистических и местных византийских традиций, и знаменитую восьмигранную мечеть Куббат ас-Сахра в Иерусалиме, ставшую самым ранним (687–691) образцом монументальных купольных построек мусульман. Много строили в Египте и других подвластных им странах Фатимиды и мамлюки, в основном исходя из опыта строителей дворцов и замков Омейядов в Сирии и Самарры – своего рода «Версаля» Аббасидов IX в. с ее зиккуратообразными минаретами и декоративной росписью стен.

Музыка у арабов до ислама была неотделима от поэзии, поэтому древних певцов арабы называли шаирами, т.е. поэтами. После захвата Ирана, Средней Азии и бывших византийских владений арабы восприняли традиции более развитых музыкальных культур: их звукоряд расширился до двух октав. Ими были освоены новые жанры и инструменты. Каноны арабской музыки, потом ставшие классическими, вырабатывались постепенно. Эта музыка стала с конца VII в. основываться на 7-ступенных ладах, в которых наряду с основными звуками используются промежуточные интервалы – коммы (меньше 1/8 целого тона). Ладовые особенности арабской музыки определили и специфический колорит арабских мелодий и песен, и оригинальную манеру исполнения арабских певцов. Крупнейшим музыкантом аббасидского Багдада был Исхак аль-Маусили (767–850). Среди теоретиков арабской музыки – выходец из рода Омейядов Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани (897–967), аль-Фараби, Ибн Сина, Сафи ад-Дин Урмави (1230–1294) и другие.

В арабском искусстве огромную роль всегда играли декор, орнамент, умение украсить предметы быта. Арабами был создан новый тип узора – арабеска, основанный на причудливом сплетении геометрических и растительных элементов декора. Искусство каллиграфии, доведенное арабами до совершенства, также использовалось ими в декоративных сюжетах. Во всем мире были известны приемы архитектурного декора, применявшиеся араб-

скими мастерами уже с VII в., как и прославившие их изощренные формы орнамента, расписные вазы и сосуды, керамика, шелковые ткани, ворсовые ковры, чеканка, гравировка и инкрустация из золота и серебра на различных предметах утвари (обычно из бронзы). Большая заслуга в формировании жанров, приемов и техники арабского искусства принадлежит греческим, сирийским, иранским и коптским мастерам. За пределами мира ислама известны были прикладные изделия ремесленников Мосула в Ираке, ткани и покрытое эмалевой росписью стекло Сирии, украшенные резьбой предметы из горного хрусталя, слоновой кости и дорогих пород дерева, сработанные в Египте.

Определенным препятствием для развития арабо-исламского искусства был запрет изображения живых существ и прежде всего людей, идущий, очевидно, от борьбы первых мусульман с идолопоклонством. Однако до окончательного утверждения этого запрета в хадисах IX в. художники изображали человека и животных, да и потом этот запрет часто нарушался или обходился, прежде всего в Иране и ареале его влияния (Афганистане, Средней Азии, частично в Ираке). Домусульманские художественные традиции были так сильны, что сразу их подавить не удалось. Имели значение и политические факторы (Омейяды, их последователи и сторонники, дворцы которых в VII–VIII вв. были полны скульптурных изображений животных и людей, и потом, при Аббасидах, придерживались той же линии, как и оказавшиеся в разных странах ислама персы).

Тем не менее в XI–XIII вв. в связи с начавшимся упадком арабо-исламской культуры и наступлением клерикальной реакции (во многом – как ответа на крестовые походы) запрещение изображать живые существа стало в мире ислама повсеместным. Абу Хамид аль-Газали и большинство богословов объявили нарушение этого запрета тягчайшим грехом. И основная масса мусульман следовала этому предписанию, желая лишний раз подчеркнуть свое отличие от «неверных». При этом мало кто вспоминал, что еще в «Посланиях Чистых братьев» в X в. искусство художников мыслилось «как подражание образам существующих предметов, как искусственных, так и естественных, как людей, так и животных».

Вынужденные отказаться от воспроизведения всего живого, арабские и вообще мусульманские художники сосредоточились

в основном на изощренном декоре, богатейшем и разнообразном орнаменте, в исполнении которых они достигли удивительных высот художественной организации. Вместе с тем в Египте при Фатимидах в X–XII вв. изображения людей и жанровые сцены украшали стены дворцов, керамические блюда и вазы, встречались иногда в узорах резьбы по кости и дереву, в рисунках и тканях и коврах. Изготавливались даже бронзовые сосуды, изображавшие птиц и прочих животных. То же самое наблюдалось в Сирии и Ираке в то время и даже позже, в XIII–XIV вв., вследствие, возможно, инерции «фатимидского» периода и отчасти, очевидно, под влиянием более свободно относившегося к этой проблеме Ирана, нередко владевшего Ираком полностью или частично.

Стоит отметить арабскую книжную миниатюру IX–XII вв., стилистически связанную прежде всего с искусством египетских христиан – коптов. Многие арабские рукописи вообще были высокохудожественными произведениями, в которых внимание уделялось не только тексту, но виртуозности его написания тем или иным подчерком арабской вязи (куфическим, несхи и другими стилями), использованию этой вязи и в чисто декоративных целях (что часто затрудняло чтение), украшению рукописи яркими иллюстрациями, обрамляющими текст орнаментами и т.п. Особенно богато оформлялись рукописи (для того времени – фактически книги) в Ираке, где в XII–XIII вв. даже бытовало несколько стилей такого оформления. Многие арабские рукописи, выполненные в Ираке в XIII–XIV вв., ныне хранятся в лучших музеях мира и ценятся не только из-за содержащихся в них текстов, но и ввиду высокохудожественного уровня их эстетического оформления.

В целом же культура Арабского Востока с XII в. находилась в состоянии застоя. Лидерство в развитии и обновлении арабо-исламской цивилизации задолго до этого перешло к Арабскому Западу, породившему свой оригинальный вариант этой цивилизации.

Культура Арабского Запада. Магриб и Аль-Андалус всегда были интегральной частью арабо-исламского мира. Вместе с тем определенная географическая отдаленность Арабского Запада, как и довольно быстрое его отделение от Востока (фактически в 740–750-х годах), привели к тому, что местный вариант арабо-ис-

ламской культуры во многом формировался самостоятельно, по мере успехов арабизации и исламизации Магриба и Аль-Андалуса, хотя преимущественно, особенно первое время, по восточным образцам.

Наибольшему влиянию Востока была подвержена Ифрикийя, как наиболее быстро арабизировавшаяся и равнинная часть Магриба. Но и она всегда оставалась больше связана с Арабским Западом, чем с Арабским Востоком. Постепенно внутри Арабского Запада утвердилось культурное доминирование Аль-Андалуса. Это было связано с тем, что в Магрибе значительную, а кое-где преобладающую роль играли берберы, жившие патриархальными племенными общинами, преимущественно в горах и пустынях, во многом чуждые городской жизни и городской культуре, в том числе – исламу, который они принимали трудно, обычно в полуеретической оппозиционной форме (хариджизма, шиизма, суфизма или какого-либо сектантства, отвергавшего ортодоксальный суннизм Халифата).

Много сил они тратили на вражду друг с другом, а также – с пришедшими в Магриб арабскими племенами и правителями. Города, бывшие центрами арабизации и исламизации, либо оставались изолированными от враждебного им, как правило, сельского населения, либо вынуждены были принимать покровительство того или иного племени, обычно – кочевого, дабы защититься от грабежей и нападений других племен. Естественно, в подобной ситуации все культурные процессы протекали в замедленном темпе, развиваясь интенсивно лишь в приморских городах, которые были одновременно морскими и сухопутными крепостями, базами флота (нередко пиратского), центрами транзитной торговли (иногда работоторговли). Но эти города Магриба обычно были экономически, часто политически и даже генеалогически связаны с Аль-Андалусом.

Аль-Андалус, гораздо быстрее и глубже воспринявший арабскую культуру и ислам, давно знакомый с функционированием крупных городов как центров ремесла, просвещения и искусств, довольно рано стал влиять на Магриб. Процветавшие города, такие как Кордова, Ишбилийя (Севилья), Тулайтула (Толедо), Альмерия, Валенсия, Саракушта (Сарагоса) нуждались в экономической и демографической экспансии, объектом которой и стало побережье Магриба. Поэтому мусульмане Аль-Андалуса уже с кон-

ца VIII в. утверждаются в Магрибе (как, впрочем, и в Провансе, и на Балеарских островах), основывая здесь новые города (Тенес в 875 г., Оран в 903 г.) или заселяя старые – Танджу (Танжер), Фас (Фес), Сабту (Сеуту), Мелилью, Нокур, Тлемсен и другие. Впоследствии они основали также Дерну и Бенгази в Киренаике, расширили и заполонили главные порты Магриба – Алжир, Тунис, Бизерту, Биджайю, Бреск, Шершель, Хонайн, Рашгун. Все это определило лидирующую роль андалусийцев если не в политической, то почти всегда в экономической, социальной и культурной жизни Магриба. Они, бесспорно, доминировали в созидании культуры Арабского Запада.

Особенностью Аль-Андалуса на всех этапах его существования была значительная роль христиан-мосарабов, не отличавшихся от мусульман-мувалладов ничем, кроме религии. Мосарабы составляли всегда не менее 20% жителей страны. Совместная жизнь с ними оказывала влияние на мусульман Аль-Андалуса (арабов, берберов, мувалладов), так же как и на иудеев, говоривших и писавших по-арабски, и на христиан, знавших только романский язык (он был принят даже при дворе халифов в Кордове). Жители Аль-Андалуса, называвшие Средиземное море «Сирийским», хорошо знали, что делалось в Сирии и Египте, были знакомы с достижениями всего мира ислама и быстро их осваивали. В то же время секрет быстрого взлета культуры Аль-Андалуса заключался и в объединении усилий всех этнических групп – арабов, берберов, иудеев, мувалладов и мосарабов (потомков иберов и готов), славян «сакалиба» и других. Все они внесли свой неповторимый вклад в формирование местного варианта арабо-исламской культуры, которая продолжала процветать и после начавшегося в XI в. упадка культуры на Ближнем Востоке.

Культура Аль-Андалуса питалась и контактами с Востоком, и местными традициями, и воздействием Европы. Этносоциальный и конфессиональный плюрализм вел к многообразию культуры, творцами которой были все ее жители без различия происхождения или вероисповедания. Как и на Востоке, почти все ученые и деятели культуры Аль-Андалуса были энциклопедически образованы, сочетая знания и занятия в самых разных областях. Математики и химики обычно занимались также алхимией, астрономией и особенно медициной, прославившей их в Европе

вплоть до XV в. именами Асбаха ибн Мухаммеда (ум. в 1035), автора труда о геометрии, Амра ибн Кермани (ум. в 1066), Аббаса ибн Фирнаса, изобретателя «мискаля» (прибора для измерения времени) уже в IX в. Поэтами и врачами были многие поколения рода Бану Зухр, а 20-томный труд А. аз-Захрави (1013–1122) по теории и практике медицины вызвал интерес в Европе, как и «Словарь лекарств» Ибн аль-Байгара (ум. в 1248), врача и ботаника, потом уехавшего в Сирию.

Географы Аль-Андалуса всемирно известны: аль-Бекри (ум. в 1094), аль-Идриси (1100–1165), аль-Гарнати (1080–1170), ездивший вплоть до Кавказа и Волги. Велики заслуги Ибн Джубайра (1145–1217), географа, литератора и путешественника. Многие географы входили также в сословие «людей истории» (ахль ат-тарих), среди которых наиболее видные Ибн Хабиб, Ибн Алькама, Ахмад ар-Рази (888–955), известный европейцам как «Мавр Разис». Крупнейшими историками были Ибн Хайян (987–1076), Ибн Бассам (1087–1147), Ибн Башкуаль (1101–1182) и особенно Ибн аль-Хатиб (1313–1374) – автор более 60 трудов, поэт, врач, филолог и политик. Самым великим из них был Ибн Халдун, андалусийский эмигрант из Туниса, историк, философ и практически первый арабский социолог. Вклад Аль-Андалуса в арабскую философию особенно ярок. Это – Ибн Массара (883–931), поклонник античности и мистицизма, Ибн Баджа (1070–1139) – одновременно врач, астролог, физик, математик и теоретик музыки. Ибн Хазм (994–1063), Ибн Туфейль (1110–1185) и Ибн Рушд (1126–1198) были одновременно философами, врачами, юристами и политиками, оказавшими громадное влияние на общественную мысль и литературу всего мира.

Поэзия и проза Аль-Андалуса, помимо Ибн Хазма и Ибн Туфейля, представлены Ибн Хани (ум. в 972 г.), Ибн Дарраджем (958–1030), Ибн Шухейдом (992–1034), Ибн Кузманом (1080–1160), Ибн Зейдуном (1003–1071), эмиром Мутамидом (1040–1095), переехавшим из Сицилии Ибн Хамдисом (1055–1132). Архитектура Аль-Андалуса (дворцовый комплекс Альхамбра в Гранаде, мечеть Кордовы и др.), ее музыка и декоративно-прикладное искусство всемирно известны и оказали сильное влияние на культуру Западной Европы, особенно Испании, Португалии и стран Магриба, но также почти всех стран ислама. Рожденный этим влиянием «испано-мавританский

стиль» распространился на все Средиземноморье и Латинскую Америку.

Разумеется, культура Аль-Андалуса заслуживает более подробного разговора и ее роль вовсе не сводилась к тому, что она была какой-то периферией или отзвуком великой арабо-исламской цивилизации. Но подобный взгляд существует до сих пор, особенно среди российских и ближневосточных историков. Частично этому способствовали сами жители Аль-Андалуса, называвшие свою столицу Кордову «вторым Багдадом» или «западным Константинополем», частично же – арабы Ближнего Востока, еще со времен правления враждебных кордовским эмирам Аббасидов старавшиеся подчеркнуть свое превосходство над жителями Аль-Андалуса, большинство которых были неарабами по происхождению. Знаменитый арабский поэт XIX в. Ахмед Шауки сказал: «Если бы не Дамаск, то Толедо никогда не возник бы». У нас академик В.В. Бартольд в 1921 г. высказал мнение, что «Кордова была подражателем Багдаду и Самарре» и лишь следовала за «культурным прогрессом в Египте, Византии». Слов нет, андалусийцы многое взяли с Востока, ибо хорошо его знали, а вот жители Востока плохо знали Аль-Андалус, в том числе то, что Толедо (Толетум) существовал еще до прихода арабов и даже был столицей вестготов. Да и упадок арабо-исламской культуры на Востоке породил нечто вроде зависти к ее одновременному взлету в Аль-Андалусе.

В замечательном расцвете культуры Аль-Андалуса наблюдались разные периоды. Первый из них был связан с подъемом Кордовского эмирата (756–929 гг.), а потом – халифата (929–1031), когда столица Аль-Андалуса была самым значительным городом всего Арабского Запада, лидировавшим в торговле, производстве, строительстве, политической и духовной жизни.

Кордова периода Омейядов была центром науки и просвещения не только арабского мира, но и Западной Европы. В ней насчитывалось в 961–976 гг. 27 университетов, куда ехали учиться, помимо арабов, также европейцы и где преподавали арабскую грамматику, литературу, теологию, астрономию, математику, медицину, философию. В городе было около 1 млн. жителей, 60 тыс. домов знати и 113 тыс. домов простых людей, 3711 бань, 300 (по другим данным – 1600) мечетей, множество лавок и мастерских, производивших тончайшие изделия из ткани, шелка, мрамора,

кожи, меди, золота, серебра, бронзы, слоновой кости и хрусталя, секрет производства которого был открыт именно здесь в 850 г. В Кордове насчитывалось 70 библиотек и ежегодно переписывалось до 18 тыс. книг. Только в библиотеке халифа Хакама II – лучшей в мире того времени – было 400 тыс. томов. Прибывший сюда из Багдада в 822 г. перс Зириаб (Али Бен Нафи), выдающийся певец и композитор, создал каноны арабо-андалусской музыки, действующие до наших дней (в странах Магриба), выступил как законодатель мод, знаток кулинарии, хороших манер, правил поведения, причесок, косметики, гигиены, придворных обычаев и церемоний, усвоенных Кордовой и переданных впоследствии Европе. Сохранившаяся и сейчас мечеть Омейядов в Кордове была тогда самой большой в мире ислама (180 x 130 м) и поражает своей красотой и сегодня. Известно, что из 4 тыс. ее мраморных колонн многие (более 1 тыс.) были доставлены из Византии, Франции и Туниса.

Именно тогда возникло на Иберийском полуострове удивительное общество, сочетавшее элементы Востока и Запада в социальных отношениях, нравах, обычаях, представлениях, образе жизни. Женщины здесь были намного свободнее и самостоятельнее, чем на Востоке, участвуя наряду с мужчинами в хозяйственной деятельности и развлечениях. Отсюда в Европу перешли употребление стеклянной посуды вместо металлической, зубной пасты, одежды соответствующего цвета и материала по сезону, смены блюд (от супа до десерта) во время обеда.

Искусство «жить красиво» достигло в Аль-Андалусе совершенства в эпоху «мулюк ат-таваиф». Каждый из эмиров окружал себя не только роскошью, но и поэтами, музыкантами, архитекторами, философами, артистами, старавшимися превзойти друг друга. Именно в то время появились бродячие поэты-хуглары, нередко сочинявшие (как Ибн Кузман) на смеси арабского и романского языков, не знавшие ни границ, ни подданства. Под их непосредственным влиянием возникло творчество трубадуров и менестрелей на юге Европы, особенно в Провансе. То время дало многих выдающихся поэтов, таких как блистательный аристократ Ибн Шухейд, выдающийся лирик Ибн Зейдун, воспевший свою несчастную любовь к принцессе Валладе, тоже талантливой поэтессе. Выделялся среди них Ибн Хазм (994–1063), бывший одновременно политическим деятелем, философом, знатоком мате-

матики, истории, права, языков. Не раз оказываясь в темнице и часто переезжая из-за преследований из одного эмирата в другой, блестящий полемист и участник политических битв. Ибн Хазм оставил потомкам «Ожерелье голубки» – одно из самых проникновенных и мастерски выполненных произведений средневековой любовной прозы.

Блестящими поэтами были также эмир Севильи Мутамид и живший при его дворе Ибн Хамдис, покинувший родную Сицилию, завоеванную норманнами. Эмир Мутамид, прозванный «Аз-Зафир» (Победитель), образованный и разносторонне талантливый человек, объединивший вокруг Севильи многие земли Аль-Андалуса, отличался редким поэтическим даром, взял в жены христианскую рабыню Румейкийю, также одаренную поэтессу, и дружил со своим везиром Ибн Аммаром, тоже не лишенным таланта поэта. К его двору съезжались лучшие ученые, музыканты, архитекторы и мастера Аль-Андалуса, благодаря которым его дворец – Аль-Мубарак («Благословенный») в Севилье считался самым красивым на полуострове. Его верный друг Ибн Хамдис, впоследствии последовавший за Мутамидом, высланным в Марокко, ныне признан самым великим арабским поэтом того времени. Его многочисленные элегии посвящены захваченной врагами родине, а также – Мутамиду, которому он был благодарен за приют и поддержку.

Ибн Хамдис был не единственным мусульманином, покинувшим Сицилию после ее захвата норманнами. Владея островом в 827–1061 гг., арабы вместе с пришедшими с ними берберами, африканцами и некоторыми выходцами с Востока (особенно персами и сирийцами-христианами) сумели превратить его в оплот своего военного и торгового флота, а также – центр арабо-исламской культуры, уже к X в. известный именами многих богословов, историков, философов, врачей, математиков, архитекторов и литераторов как арабо-берберского, так и местного греко-латинского происхождения. Большинство этих деятелей культуры не согласились жить под властью норманнов, но многие, в том числе два арабских племени, остались и продолжили еще на два с половиной столетия традиции арабского языка, культуры и искусства арабов (в их числе – великий арабский географ аль-Идрис). Сходство культуры и повседневной жизни в Аль-Андалусе и Сицилии было столь значительным, что приезжавшие на полуос-

тров сицилийские мусульмане обычно чувствовали себя в Аль-Андалусе как дома.

Важную роль в развитии культуры Аль-Андалуса той эпохи сыграли и представители иудейской общины, из которых еще при Омейядах сложился значительный слой дипломатов, ученых, врачей и купцов. Выше всех из них поднялся Хасдай Ибн Шафрут (915–970), личный врач, казначей и первый везир халифа Абд ар-Рахмана III, известный историкам Руси своей перепиской с каганом Хазарии Иосифом. В эпоху «мулюк ат-таваиф» выдвинулись Самуэль Ибн Нагрела, знаток семи языков, математик, философ и поэт, ставший везиром эмира Гранады, писавший по-арабски философ и поэт Ибн Габириоль, чья книга «Источник жизни» оказала в свое время большее влияние на христианскую мысль Европы, нежели на его единоверцев, философ и астроном Бен Дауд, поэт Бен Галеви и разносторонний ученый Бен Эзра. Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси писал в XII в., что в Аль-Андалусе евреи живут «богаче, чем где бы то ни было в мусульманских странах».

Однако положение иноверцев в Аль-Андалусе резко изменилось после установления власти Альморавидов и Альмохадов, которые подвергли христиан-мосарабов и иудеев жестоким преследованиям, вынудив их к бегству на север или выслав их в Магриб. Естественно, культурная (да и экономическая) жизнь страны стала после этого беднее. Но постепенно правители обеих берберских династий, начиная с репрессий и нетерпимости, смягчались и попадали под влияние замечательной цивилизации Аль-Андалуса.

При них жили и работали прекрасные поэты Ибн Хафаджа (1058–1138), Ибн Зухр (1113–1199), известный испанцам как Бенсоар, такие мыслители, как Абу Бакр Ибн Туфейль (1110–1185) и Абу-ль-Валид Ибн Рушд (1126–1198), замечательный астроном, врач и философ Мухаммед Ибн Баджа (умер в 1139 г.). Личный врач и советник халифа, продолжатель этического учения Ибн Баджи, Ибн Туфейль был также географом, математиком, талантливым педагогом (его влияние на халифа во многом способствовало «андалусизации» Магриба) и писателем, чей роман о Хайе, сыне Якзана (младенце, выкормленном газелью на необитаемом острове) был переведен на многие языки и оказал впоследствии

воздействие на Дефо и Киплинга. Ибн Рушд (в Европе – Аверроэс) был величайшим философом арабо-исламского мира, астрономом, врачом, лингвистом и юристом (великим кади Кордовы и Севильи в 1168–1182 гг.). Во многом по-новому раскрыв миру Платона, Аристотеля и Галена, Ибн Рушд всю жизнь искал формулу гармонии элиты («хасса») и простонародья («амма»). Он выступал за свободу воли и мысли, за равноправие женщин и социальную справедливость.

Общность культуры Арабского Запада и Арабского Востока, при всех различиях между ними, по-разному проявлялась в XII–XIII вв., когда многие магрибинцы и андалусийцы выезжали в Египет и Сирию в качестве ученых, врачей, ремесленников, мыслителей, среди которых наиболее примечательны ботаник и химик Ибн аль-Байтар, философ-мистик Ибн аль-Араби, а также наиболее крупный еврейский философ средневековья Маймонид (Моисей Бен Маймун, 1135–1204), почти все труды которого написаны по-арабски. Переехав из Кордовы в Фес, он в 1165 г. переехал в Каир, где стал личным врачом султана Салах ад-Дина, грозы крестоносцев.

Последним выдающимся, пожалуй, даже гениальным представителем культуры Арабского Запада средних веков следует признать Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна (1332–1406). Глубокий мыслитель и блестящий историк, он в то же время стал первым не только среди арабов, но и вообще в мире социологом, открыв, что мера стоимости любого товара – вложенный в него труд. Он подробно описал взаимодействие разных социальных сил арабского общества – бедуинов, стремящихся подчинить себе всех оседлых жителей, крестьян, враждебных горожанам, горожан, богатеющих от торговли и ремесел, но неизбежно разоряемых бедуинами и крестьянами, которые стремятся занять их место. После чего этот же цикл возобновляется. Все эти и многие другие идеи были изложены Ибн Халдуном в его труде «Мукаддима» (Введение), явившемся первым опытом социологической теории в мире. При этом Ибн Халдун, родившийся в семье эмигрантов из Аль-Андалуса в Тунисе и усвоивший все традиции андалусийской культуры вместе с опытом политической жизни магрибинских государей, у которых он служил, может считаться одновременно человеком западноарабской и общеарабской культуры.

Влияние арабов на культуру Европы. Россия непосредственно не испытала влияния арабов. Но косвенно, через мусульман Золотой Орды, Кавказа, Крыма, Средней Азии, Турции и Ирана подобное влияние все же имело место. В частности, немногие россияне знают, что такие слова, как «казна», «магазин», «цифра», «тариф», «алкоголь» и ряд других – арабского происхождения. В странах же, более тесно общавшихся с арабами, особенно в Испании и Португалии, но также Италии и Франции, заимствования из арабского языка насчитываются сотнями и тысячами. И это не вызывает удивления, так как средиземноморская Европа уже с VII в., т.е. с первого появления арабов на принадлежавшем Византии Кипре в 648 г., находилась в постоянном контакте с арабо-мусульманским миром.

Взаимодействие и взаимовлияние осуществлялось по многим направлениям, практически – по всем каналам общения: в ходе военных действий, торговли, захвата пленных и заложников с последующим их возвращением на родину, обмена посольствами и миссиями, разведывательных операций, взаимного подражания и взаимной учебы при совместном проживании или близком соседстве. Европейцы общались с арабами во время их вторжений на юг Европы в VIII–IX вв. и достаточно длительного пребывания на многих европейских территориях: 780 лет – на Иберийском полуострове, примерно 440 лет – на Сицилии и юге Италии, 359 лет – на Мальте, 201 год – на Сардинии, около 300 лет (с перерывами) – на Кипре, 204 года – на Корсике, 136 лет – на Крите, 122 года (в общей сложности и в разное время) – на юге Франции. К этому надо также присовокупить более позднее общение арабов с европейцами в эпоху крестовых походов, длившееся 192 года (с 1099 по 1291 г.).

Помимо этого имели место и менее тесные, но не менее регулярные контакты, выразившиеся прежде всего в оживленных коммерческих связях, которые способствовали образованию постоянных колоний и землячеств арабских купцов и моряков (а также следовавших за ними ремесленников, врачей и мастеров различных профессий) в средиземноморских портах христианской Европы (Неаполе, Амальфи, Салерно, Марселе и других). Торговые отношения Европы с арабами практически не прерывались, несмотря на войны и различные препятствия (например, папский запрет на торговлю с мусульманами в 1300 г.). Все пре-

поны каким-то образом обходились, особенно при посредничестве существовавшего в 1189–1489 гг. королевства Лузиньянов на Кипре (считавших себя наследниками Иерусалимского королевства крестоносцев), многочисленных на Ближнем Востоке христиан-арабов, армян, греков, а также евреев, с торговой прослойкой которых на Востоке были особенно тесно связаны коммерсанты средневековых итальянских городов-республик, прежде всего – Генуи и Венеции. Практически генуэзцы и венецианцы с эпохи крестовых походов и до упадка Османской империи в XVIII в. имели свои конторы, склады товаров и гостиницы («фондако»), а кое-где даже крепости и укрепленные форты, почти во всех значительных торговых центрах арабского мира.

Итальянцы, наряду с арабами-христианами и евреями, сыграли видную роль в ознакомлении Европы с культурными достижениями арабов. Прежде всего речь шла о переводах с арабского на латынь, первые из которых появились уже в IX в. В следующем столетии известны трактаты, составленные на древнееврейском языке неким Донколо, бывшим в плену у арабов и включившим в свои труды переводы фрагментов из арабских сочинений. Трактаты Донколо предназначались для медицинского училища в Салерно, как и перевод труда иракского врача X в. Хали Аббаса, выполненный в монастыре Монте-Кассино Константином Африканским, медиком – христианином из Туниса. В Толедо XII в. прославились своими переводами с арабского архидьякон Сеговии Доминго Гонсалес, принявший христианство Ибн Дауд и особенно Джерардо из Кремоны, создавший целую школу переводчиков, среди которых был известен мосараб Галиб. В Барселоне тогда же переводили труды по геометрии и астрономии Абрахам бар Хийя и итальянец Платон из Тиволи. В XIII в. своими переводами с арабского (особенно по философии и медицине) стал широко известен в Англии, Италии и Испании Майкл Скотт (Шотландец). Тогда же под эгидой короля Кастилии Альфонсо X Мудрого и при участии представителей всех конфессий, включая мусульман, с арабского на латынь и кастильский было переведено множество сочинений научного, философского и прикладного характера.

Но знакомство Европы с арабами началось не с переводов, а с техники мореходства и кораблестроения, хотя арабы сами приобрели к ней лишь в ходе арабских завоеваний. Арабы передали

европейцам треугольный (впоследствии несправедливо названный «латинским») парус и научили их пользоваться «латинской» каравеллой, способной двигаться против ветра. Считается, что у арабов был заимствован и компас, полученный арабами от китайцев, хотя об этом до сих пор идут споры и не исключено, что компас – это совместное творение арабов и моряков Амальфи, которые обменивались познаниями в этом деле. Морские карты для Европы были впервые составлены генуэзцами на основе карт мусульманских мореплавателей, и особенно 70 карт, приложенных к знаменитому труду аль-Идриси. Логично, что при этом соответствующая терминология мореходства, начиная со слова «адмирал» (от арабского «амир аль-умара», т.е. эмир эмиров, главнокомандующий), почти во всех европейских языках – арабского происхождения.

В хозяйственной деятельности арабы больше всего произвели впечатление на Европу своей техникой ирригационных сооружений и выращиванием новых, ранее неизвестных культур, таких как сахарный тростник, рис, артишоки, лимоны, баклажаны, хлопок. Не случайно, что названия всех этих культур, как и водяных колес «нория» и прочей техники орошения, в большинстве европейских языков – арабского происхождения. На Иберийском полуострове, на юге Италии и островах Средиземноморья арабы внесли значительный вклад в архитектуру и градостроительство, что также отразилось в словарном составе местных языков, особенно – испанского и португальского.

Арабские города поражали европейцев более высоким качеством жизни, ее зажиточностью и утонченностью. Значительная часть ремесленников производила предметы роскоши – изделия из сукна, шелка и парчи, а также – из золота, серебра, хрусталя, перламутра, слоновой кости. Частью этой жизни были книги и музыка. В VIII в. арабы узнали от пленных китайцев секрет изготовления бумаги и построили в Багдаде в 800 г. первую бумажную фабрику, откуда производство бумаги через Сирию и Магриб дошло до Сицилии и Аль-Андалуса в XI в. Что касается музыки, то арабы в ней проявили себя и как теоретики, и как практики. Достаточно обратить внимание на арабское происхождение названий многих инструментов – лютни (от «аль-уд»), гитары (от «кытар»), литавр (от «ат-табал»).

Монах Леонардо Фибоначчи из Пизы, одно время возглавлявший пизанскую торговую колонию в Биджайе (Алжир), содействовал введению у себя на родине в 1202 г. арабских цифр, заменивших римские, и арабской десятиричной системы счисления (заимствованной, кстати, арабами у индийцев). Это сказалось на развитии в Европе математики и астрономии, также – на базе изучения соответствующих арабских традиций и переведенных арабских трудов, начатого в 1106 г. испанцем Педро де Альфонсо.

Огромным авторитетом в Европе пользовались арабские врачи и их труды по медицине. Особенно популярен был Ибн Сина (Авиценна). Джерардо из Кремоны, именно в Италии начавший заниматься процветающей на мусульманской Сицилии греко-арабской медициной, познакомил с ней впоследствии Францию и Испанию. При этом он опирался на переводы работ арабских медиков, математиков и астрономов, которые во многом помогли развитию медицинской школы в Салерно, от которой уже в 1137 г. отпочковалась такая же школа в Монпелье, где тогда проживало немало арабов (мусульман и христиан). Даже в XIII в. эта школа поддерживала контакты и с мусульманами Аль-Андалуса, и с арабами, проживавшими в христианских королевствах Испании.

Неудивительно, что именно в Монпелье на базе медицинской школы возник (за 25 лет до Сорбонны в Париже) первый во Франции университет. В 1252 г. Бруно да Лонгобурго из Павии составил на основе переводов с арабского и практического опыта общавшихся с арабами крестоносцев основополагающий трактат по хирургии. О том, что вплоть до XVI в. европейская медицина лишь подражала арабской, говорит то, что вплоть до 1650 г. в Европе печатались труды Ибн Сины, Ибн Рушда, ар-Рази, Хунайна ибн Исхака и других, а европейские авторы их лишь комментировали. В комментариях, например, Феррари да Градо из Павии к трудам ар-Рази Ибн Сина цитируется более 3 тысяч раз, ар-Рази – одну тысячу раз, а Гиппократ – всего сто раз.

Важной частью культурного влияния арабов на Европу была передача ими европейцам культурных достижений Ирана, Индии, Китая, причем – в синтезированном и усовершенствованном виде. Раскинувшийся от Пиренеев до Тибета арабо-исламский

мир был как бы естественным посредником между европейским Западом и азиатским Востоком. В переводившихся на латынь трудах Али ат-Табари, Хунайна ибн Исхака ар-Рази и особенно аль-Бируни, а также многих других арабских авторов уже был представлен, как правило, синтез достижений ученых Ирана, Индии и прочих стран в сочетании с оригинальными открытиями самих арабов. Однако было немало и таких случаев, когда какие-то индийские, иранские и прочие научные труды сначала переводились на арабский, а уж потом – на латынь.

Еще более существенно то, что арабы практически вернули Европе многое из ее же античного наследия, преданного забвению. Особенно это относится к произведениям древнегреческой философии, многие из которых, отвергаемые раннехристианской Европой, именно после образования Арабского халифата были переведены на сирийский (арамейский) язык, потом – на арабский, а уж затем – на латынь. Причем произошло это после того, как европейцы ознакомились с блестящими комментариями арабских философов к произведениям античных мыслителей, а также – с трудами таких выдающихся представителей арабо-исламской культуры, как Ибн Сина, аль-Фараби, Ибн Туфейль и Ибн Рушд, которые базировались на сочинениях прежде всего Платона и Аристотеля. Ибн Рушд (Аверроэс) был потом столь популярен в Европе, что даже повлиял на развитие западной философии, породив аверроизм – направление «жизнерадостного свободомыслия».

В основном культурное наследие арабов передавалось в Европу через Аль-Андалус, чему способствовали многие факторы: смешение и взаимопроникновение здесь нескольких культур, знание арабского языка не только мусульманами и христианами-мосарабами, но и иудеями и многими христианами с севера полуострова, более высокий, чем в других частях арабского мира, уровень грамотности и образованности населения в целом.

Первым ученым в Европе, занявшимся арабской наукой, был французский монах Жербер из Ориьяка (945–1003), ставший впоследствии римским папой Сильвестром II (999–1003). Известно, что он три года (в 967–970 гг.) учился в Каталонии и, возможно, тайно штудировал «запретные» для христиан науки в Кордове, откуда вывез немало книг. Точно это не установлено, но, оче-

видно, Жербер был знаком с трудами арабских ученых хотя бы в переводах, так как сам он далеко опередил свое время и как физик, химик, математик и астроном был на голову выше любого современного ему христианского ученого, но – вполне на уровне арабских ученых своего времени. Он же сконструировал в Магдебурге в 996 г. солнечные часы, в Европе тогда неизвестные, но уже более века бытовавшие на Востоке и в Аль-Андалусе, а также участвовал в создании некоторых оптических средств наблюдения за звездами.

В дальнейшем трудно было проследить, кто конкретно был посредником между наукой и культурой арабов и Европы, так как это посредничество, особенно на Иберийском полуострове и юге Франции, издавна связанных в политическом и культурном отношении, носило массовый характер. Бродячие поэты (хуглары) и певцы, торговцы и моряки, представители немусульманских общин (иудеи, мосарабы), еще до начала их преследований Альморавидами часто выезжавшие за пределы Аль-Андалуса, беглые рабы и военнопленные, христианские наемники (особенно каталонцы), служившие в армии Аль-Андалуса со времен Аль-Мансура («Альманзора»), все они свободно перемещались от Севильи и Гранады до Лангедока и Прованса, связанных в X–XV вв. с Каталонией, Наваррой и Арагоном, и все они, будучи в той или иной степени носителями замечательной культуры Аль-Андалуса, знакомили с ее достижениями каталонцев, кастильцев, наваррцев, арагонцев, лангедокцев, провансальцев.

После успехов реконкисты в XI–XII вв. то же самое относилось к мудехарам (от арабского «мудадджан» – прирученный), т.е. к мусульманам, оставшимся на завоеванных христианами землях и продолжавшим (до рубежа XV–XVI вв.) жить там своими общинами (альхамами), соблюдая свои обычаи и сохраняя свою религию и культуру. Совместное с ними проживание наложило глубокий отпечаток на жизнь, обычаи, культуру и искусство испанцев, особенно в Арагоне и Каталонии. Как отмечают британские ученые У. Монтгомери Уотт и П. Какиа, культура всех жителей Испании тогда была единой, «мусульманской настолько же, насколько христианской». И они же указывают, что «сегодняшние художники и ремесленники Испании до сих пор черпают вдохновение из мусульманских источников». То же самое можно сказать о мастерах культуры Португалии, в меньшей сте-

пени юга Италии и островов Средиземноморья. Об этом же свидетельствуют свыше 4 тыс. арабских слов в испанском и чуть меньше в португальском языке, как и общепризнанное влияние арабов на поэзию, фольклор, музыку, архитектуру, кулинарию, эстетику и быт жителей всего европейского Средиземноморья, особенно западного.

В качестве иллюстрации этого стоит вспомнить о значительном сходстве материальной культуры, зодчества, хозяйственной и военной техники, некоторых нравов и обычаев, литературных и иных традиций Магриба, Аль-Андалуса, Испании, Португалии, юга Франции и Италии вплоть до XVI в. В провансальском (окситанском) языке, господствовавшем много столетий на юге Франции, было немало арабских заимствований, а в фольклоре, танцах, легендах, росписях посуды Прованса легко обнаруживается арабское влияние, как и в традиционных праздничных обрядах, шествиях, кукольных представлениях, сюжетах народных преданий.

Особую роль в передаче культурного наследия арабов Европе сыграли арабо-мусульмане Сицилии, связи которых с Аль-Андалусом в IX–XI вв. были особенно крепки. Жителей обеих стран отличало удивительное сходство образа жизни, форм хозяйства, архитектуры и искусства, не говоря уже о повседневном быте, художественных и иных вкусах. То время оставило на Сицилии след в виде 328 географических названий арабского происхождения и сотен арабских заимствований в сицилийском диалекте итальянского языка. Арабская культура процветала на острове и при господстве мусульман (859–1086), и при владычестве сменивших их норманнов (1086–1194), и при королях из династии Гогенштауфенов, особенно при Фридрихе II (1198–1250), совмещавшем титулы короля Сицилии, Иерусалима и Священной Римской империи (фактически – Германии). Фридриха II, как и его деда, норманнского короля Рожера II (1112–1154), за любовь ко всему арабскому даже прозвали «крещеными султанами Сицилии». Авторитет и объективное для того времени превосходство арабской культуры над только еще поднимавшейся европейской были столь значительны, что арабы и при королях-христианах продолжали занимать важные должности, служить в госаппарате и войсках, имели свои кварталы с мечетями и собственными привилегиями, а при дворе были приняты арабские учителя и поэты,

арабские костюмы, некоторые обычаи и монеты с арабскими надписями. Сицилия тогда вместе с Магрибом и Аль-Андалусом была «воротами мусульманского Востока» в Европу.

Есть данные, что именно тогда возникло на Сицилии слово «мафия», обозначавшее прятавшихся в горах на западе острова арабских бунтарей, неуловимых и невидимых для властей (от арабского «ма фи» – «отсутствует, нет»). И тогда же, судя по всему, Гогенштауфенов и их приверженцев стали в Италии называть «гибеллинами» (в отличие от «гвельфов» – сторонников римского папы), что восходит к латино-арабскому «джибеллини», т.е. «горцы», «люди гор» (от арабского «джебель» – гора), ибо Гогенштауфены укрывались от своих многочисленных противников в труднодоступных горных замках Сицилии. Они репрессировали многих своих мусульманских подданных (что и породило «мафию»), но покровительствовали арабским ученым и поэтам, музыкантам и архитекторам, продолжали составление официальных документов государства (наряду с латынью) на арабском языке.

Фридрих II, находясь в постоянной переписке с учеными мира ислама, собирал труды арабских математиков, астрономов и врачей, многие из которых были посвящены ему. По его приказу были переведены на латынь работы Ибн Рушда и Ибн Сины. При нем врачи Салерно продолжали учиться у арабских медиков Сицилии и Магриба. Фридрих собрал ценную библиотеку арабских рукописей по оптике, зоологии, механике, космографии, физике и логике. Часть из них он подарил университету Болоньи, другую – основанному им в 1224 г. университету Неаполя. С 1236 г. у него служил сириец-христианин Теодор Антиохийский, знакомивший подданных короля с достижениями наук в Багдаде и Мосуле, где он раньше преподавал. И после Фридриха эти традиции, как и переводы (например, энциклопедии ар-Рази сицилийским мусульманином Фараджем ибн Салимом) на латынь, были продолжены. Следы арабской архитектуры до наших дней сохранились от Палермо до Амальфи и Салерно, а также в фасадах ряда зданий Сиены, Флоренции, Пизы и Генуи. Патрициат этих и других городов Италии содействовал усвоению соотечественниками культурного наследия арабов Сицилии.

Еще более в культуру Италии стали проникать сюжеты, приемы, особенности, образы и мотивы Востока после наплыва в

страну тканей, домашней утвари, посуды и других предметов быта из арабских стран после начала крестовых походов. Но решающую роль сыграло все же соединение искусства арабских ткачей, ремесленников и других умельцев Сицилии с умением греческих мастеров, вывезенных норманнами в 1147 г. с Эгейских островов. Именно это дало толчок с начала XIII в. развитию промышленности (прежде всего – производству шелка и других тканей) в ряде городов Италии.

Влияние арабов, таким образом, шло по многим направлениям в IX–XIII вв., а кое-где и в XIV–XV вв., одновременно из Аль-Андалуса, Сицилии и Ближнего Востока, охватывая, прежде всего, средиземноморскую, а потом – и остальную Европу. Оно было, естественно, сильнее на юге и постепенно ослабевало к северу. Но оно сыграло важную роль в истории Европы, став серьезным фактором культурного взаимодействия и междивилизационных контактов, судя по всему, подготовившим почву для эпохи Возрождения в Европе.

Часть II. АРАБЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава 4. Османское господство

Арабо-османское общество. Стремясь утвердиться в арабском мире, османы на первых порах старались привлечь на свою сторону и крестьян, которым всячески помогали, и феодалов, за которыми в основном сохранялись их привилегии, и горожан, которые выгадывали от развития торговли и судоходства между разными частями обширной Османской империи, как и от бесчисленных заказов на производство оружия и средств защиты от него, военного снаряжения, боевых кораблей и т.п. И это давало свои результаты. Только на севере Ирака в XVI в. производилось зерна больше и лучшего качества, чем на всех немецких землях, вместе взятых. В Алжире хлеба тогда было больше, чем в Испании, и стоил он в 4–5 раз дешевле. В отличие от более поздних времен именно Европа в XVI–XVIII вв., а иногда – вплоть до конца XIX в., импортировала с Востока многие товары высокого качества, особенно ткани, шелка, ювелирные изделия, медикаменты, пряности, чай, сахар. И хотя работорговля в равной мере тогда обогащала и Европу, и Восток, масштабы применения рабского труда на Востоке были намного более значительны, особенно – в сельском хозяйстве, рудниках, на строительстве, в различных ремеслах. Доля горожан на Востоке (10–20%) вплоть до XIX в. была выше, чем в Европе (от 1 до 7%).

Арабские страны сверх того получили в XV–XVII вв. дополнительные преимущества за счет притока в их средиземноморские порты мавров Аль-Андалуса, а потом их наследников-морисков, спасавшихся от реконкисты и последующих преследований и репрессий. Их отъезд лишал Испанию лучших работников: как ныне доказано, производительность труда одного мориска в 3–4 раза превышала среднюю по стране. Изгнание морисков в начале XVII в., а еще раньше (в конце XV в.) иудеев, в общей сложности – около 500 тыс. искусных ремесленников, торговцев, садоводов, архитекторов, моряков, привело к упадку экономики Испа-

нии и к скачку в развитии сельского хозяйства (особенно производства оливок, винограда, технических культур), ремесел (выделки оружия и предметов роскоши), расширению объемов судоходства и градостроительства, возведению мостов и крепостей, прокладыванию дорог и каналов в странах Магриба.

С другой стороны, благодаря морискам укрепился и военный потенциал арабских стран, в первую очередь Марокко, Алжира, Туниса и Триполи. Мориски участвовали в морских налетах на побережье Европы, иногда доплывая до Англии и Исландии. Особенно славились мориски из «пиратской республики» Сале в Марокко, которые совершали рейды вплоть до Америки и только в 1620–1623 гг. захватили до 1 тыс. кораблей разных государств. Они наживались на выкупах за освобождение плененных ими купцов и знатных людей, на перепродаже захваченных товаров, обогащались на тайных валютных спекуляциях с помощью связанных с ними некоторых негоднителей Марселя, Ливорно и Генуи. Мориски и сефарды (изгнанные из Испании иудеи) активно поддерживали османов, служили в их войсках (в Алжире и Тунисе) и, обычно владея многими языками и техническими профессиями, были для Османской империи и султанов Марокко незаменимыми разведчиками, мореходами, артиллеристами, военными инженерами.

Однако корсарство, работоторговля и военное ремесло не были их главными занятиями. Фабриканты, финансисты, учителя, лица интеллектуального труда, они много сделали для улучшения системы управления, для создания новых производств (мыловарения, выделки тканей и одежды), а главное – для возрождения, как отмечают современные магрибинские историки, «вкуса к искусствам, учебе и наукам», для постановки переводческой службы, для передачи коренным магрибинцам (в меньшей степени – египтянам и сирийцам) своего делового менталитета, техники, нравов, методов работы и психологии повседневной жизни. Они частично обновили магрибинское общество, влив в его городскую (а в Тунисе – и в сельскую) среду новую жизнь. Но полностью перестроить этот социум, а тем более – социальный строй всей Османской империи им было не по силам. Поэтому они лишь отсрочили на одно-два столетия уже начавшуюся кое-где деградацию экономических структур и социальных порядков арабо-османского общества.

Это общество нельзя сводить, как это пытаются делать кое-кто, к «арабо-османскому феодализму». Слов нет, этот феодализм существовал и был достаточно силен. Но наряду с ним существовали и другие социально-экономические уклады. Главной особенностью османского строя путешественник и философ Ф. Бернье, проживший в XVII в. около трех лет в Сирии, Палестине и Египте, считал «тиранию, рабство, несправедливость, мошенничество, варварство». Этот строй не знал частной собственности (хотя на практике она бытовала, особенно в странах Магриба), а также разделения светской и духовной власти. Являясь теократией, Османская империя все многообразие человеческих отношений подчиняла принципам шариата, которым должны были хотя бы формально соответствовать и все повеления султана. Государственная собственность была основополагающей, а государство было единственным наследником всех крупных чиновников, пашей, везиров, военных предводителей и других высших должностных лиц, т.е. наиболее богатой и влиятельной части населения. Да и само положение этой османской элиты было неустойчивым, так как никакие должности и посты не наследовались, аристократии по происхождению не существовало, а верхушку общества составляли, по свидетельству очевидца из Венеции, «по своему происхождению пастухи, низкие и подлые люди», согласно мнению другого современника – «вышедшие из ничтожества, некоторые из них рабы, большая часть без образования».

Они и на самом деле были рабами (куллар) падишаха, который в равной мере распоряжался жизнью и имуществом любого своего подданного, от везира до последнего нищего. И если при Сулеймане Кануни (1520–1566) ежедневно казнили по 40–50 простых людей, то и высших сановников султаны не миловали: из 200 великих везиров (вторых лиц в государстве) в XV – начале XIX в. 20 чел. были казнены. Милитаризованная система, естественно, рождала насилие и применяла его на деле при решении любых вопросов.

Феодальный класс, таким образом, не имел ни благородного происхождения, ни наследуемого положения, ни гарантированного богатства, ни гарантий самой жизни. Его представители целиком зависели от султана (официально именовавшегося у османов падишахом), его милостей и даров, различных льгот и вознаграждений за определенные заслуги. Постоянным источником дохода

было лишь должностное жалование, а также военно-ленная система, согласно которой доходы с отдельных городов, сел, деревень, разных промыслов, таможен и т.п. могли предоставляться во временное пользование военным или гражданским лицам на службе у государства. Наиболее значительные ренты – хассы – давались членам правительства, наместникам провинций (пашам, санджак-беям) и военачальникам высшего ранга. Менее крупные ренты – зеаметы – предназначались среднему звену военно-служилой иерархии (субаши, алай-беям, т.е. полковникам, и равным им). Наконец, еще меньшие ренты – тимары – предоставлялись спахи (кавалеристам) и низшему командному составу.

Таким образом, османская элита была военно-служилой прослойкой, формировавшейся по критериям «меритократии», т.е. в соответствии с личными заслугами. Держатели рент часто менялись, а их источники доходов без конца переходили из рук в руки, дробились и вновь сливались, что делало невозможным какое-либо долговременное планирование хозяйственной деятельности.

Разумеется, все эти черты османского военно-деспотического феодализма, терпевшиеся арабами, пока османы были сильны, совершенно перестали их (как и другие миллеты, т.е. нетурецкие общины) устраивать, когда империя ослабла в военном отношении и стала возмещать уменьшение доходов от внешней экспансии закручиванием налогового пресса и усилением эксплуатации. Османская империя, по выражению британского историка Лайбауера, была «рождена войной и для войны». В мирное время она воевала с собственными подданными, с инонациональными и иноконфессиональными меньшинствами, со всеми, кого не устраивали порядки в империи.

Поэтому постепенно даже те, кто поначалу османов в арабском мире поддерживал, стали от них отходить, а кое-кто даже рисковал противопоставить себя им. Это было тем более естественно, что многие социальные силы арабского общества плохо вписывались, а некоторые из них – так и не вписались в османскую систему. В частности, военно-ленные ренты (хассы, зеаметы, тимары) утвердились в арабском мире лишь на севере Ирака и Сирии. Даже в сугубо турецкой среде гражданская городская и сельская верхушка (айяны), передававшая из поколения в поколение престижные профессии, знания и культурные традиции,

была заинтересована в гарантиях собственности, неприкосновенности личности и стабильности своего положения в обществе, что плохо вязалось с военным деспотизмом и произволом султанского аппарата управления. В арабской среде эта верхушка, как правило, состояла из знатных феодальных родов, имевших опору и влияние в деревне, а также – из купеческого патрициата, накопившего значительные богатства, но не имевшего возможности распорядиться ими по своему усмотрению. Нередко и те и другие вели свое происхождение (согласно официальной генеалогии) от пророка (сейиды, шерифы) и традиционно поставляли кадры для религиозно-судебного и административно-управленческого аппарата, т.е., не имея политической власти, располагали значительными рычагами давления на нее и немалым влиянием (экономическим, социальным, идеологическим) среди масс верующих.

Большую роль в арабском мире играли также племена, в той или иной мере сохранившие патриархально-общинный уклад, патриархальные нравы, обычное право (адат), отличавшееся от шариата, и коллективную собственность. Вожди (шейхи или кайды) племен обычно договаривались по всем вопросам с османскими властями, но эти договоренности часто нарушались по самым разным поводам, как правило – ввиду стремления османов поставить племена под свой контроль, лишить их ранее признанных прав и привилегий или же использовать в чуждых им интересах. Османы не всегда добивались военного успеха при подавлении частых восстаний племен, которые вели оседлый образ жизни в обжитых районах, и тем более, очень редко – в столкновениях с кочевыми племенами, уходившими в пустыни, но особенно – с воинственными горцами. Трудной проблемой для османов были и некоторые суфийские братства, члены которых, фанатично следуя предписаниям своих муршидов, могли, в случае конфликта с властями, представлять для последних значительную опасность.

Но, наряду с центробежными тенденциями, в арабо-османском обществе действовали и тенденции центростремительные. Османские власти распоряжались государственными землями «мири» и облагали налогами («ушр» и «харадж») земли, находившиеся в личной собственности («мульк»). Налог иногда доходил до 1/2 урожая. Дабы избежать этого, а также последую-

щей продажи за долги, многие владельцы делали свои земли неотчуждаемыми, превращая их в религиозное имущество («вакф» на Востоке, «хабус» в Магрибе). Доходы с такого имущества обычно шли на содержание священных городов Мекки и Медины, какой-либо мечети или гробницы святого, суфийского братства или медресе. Контролировавшее вакфы и хабусы мусульманское духовенство обычно сотрудничало с властями, ибо было заинтересовано в незыблемости сложившегося порядка, гарантирующего соблюдение предписаний ислама, канонов шариата и контроля над верующими. Султаны и паши обычно старались не ссориться с духовенством, поддерживали и использовали его, часто приближая к себе его видных представителей, в том числе муршидов (наставников) и устазов (вероучителей) суфийских братств. Кстати, большинство недвижимого имущества в городах империи (лавки, мастерские, склады, жилые дома, различного рода постройки) было вакфом или хабусом, доход с которого делился в той или иной пропорции между духовенством и государством, которое имело приоритет, могло проверять вакфы и даже конфисковать их.

Поэтому османские власти не препятствовали учреждению вакфов и передаче им как можно больше собственности (не только земельной), но стремились всячески ограничить коллективную собственность племен («арш»), превращая ее либо в «мири», либо в «мульк». Но даже уничтожая «арш», они сохраняли его бывшего владельца (племя, клан, сельскую или иную общину) в качестве механизма взимания налогов. В Египте, где племен давно не было (в меньшей степени – в других странах, например, в Палестине, Ливане), при сборе налогов стала применяться откупная система – ильтизам, при которой мультазимы, заранее выплачивая государству сумму налогов с той или иной местности на много лет вперед, затем получали право собрать эту сумму с налогоплательщиков в свою пользу. Обычно в роли мультазимов выступали османские чиновники и лишь изредка – городские купцы или шейхи бедуинских племен. Однако постоянное привлечение мультазимами к себе на службу мамлюков с последующим их назначением на высокие должности постепенно привело к концентрации в руках мамлюков до 2/3 всех земель Египта к концу XVIII в.

Тем самым мультазимы, первоначально являвшиеся как бы государственными арендаторами, причем – временными, превратили свой статус в постоянный и фактически стали наследственными землевладельцами-помещиками. В то же время мамлюки, и после разгрома их османами сохранившие свою сплоченность и корпоративную солидарность, вновь получили возможность выдвинуться на первые роли. Их сыновья (авляд ан-нас) не могли наследовать имущество и посты своих отцов и вынуждены были, как правило, выбирать между «ученой», т.е. богословской обычно, карьерой («ильмийе») или службой в государственных канцеляриях («калемийе»). Однако система назначенчества и связи внутри института ильтизама позволили им фактически возродиться как сословию.

Поскольку ильтизам сопровождался злоупотреблениями мультазимов, то его внедрение, с одной стороны, укрепляло связи местных мамлюков с османской властью, а с другой – вызывало недовольство народа. Сами мамлюки, влияние которых усиливалось, использовали это в своих интересах, стараясь вновь вернуться к власти. В то же время почти всюду это вело к застою в экономике, незаинтересованности крестьян и ремесленников в результатах своего труда. Поэтому сокращалось производство, росла нищета в городах, вымирала деревня. На севере Сирии, в области Халеба (Алеппо), в XVI в. было 3200 деревень. Но после двух столетий применения здесь османской системы к XVIII в. их осталось всего 400. В Египте богатая долина Нила едва производила четверть того, что она давала за тысячу лет до этого, ибо, по данным французских ученых, крестьянин, зная, что у него все отнимут, «засевает землю с отвращением, жнет со страхом и старается укрыть от жадных взглядов своих угнетателей ничтожную долю зерна, которая должна служить нуждам его семьи».

И такое положение было, по сути, повсеместным. Там, где не действовала османская военно-ленная система, крестьян не менее жестоко эксплуатировали арабские феодалы – наследственные эмиры, шейхи племен, представители городской знати и купечества, многие из которых имели связи в османской администрации или сами проникали в ее ряды. Это тоже вело к застою и деградации как морали, так и хозяйственной деятельности.

Все слои нетурецкого населения империи страдали от бесчинств янычар (от «ени чери» – новое войско), привилегирован-

ного корпуса профессиональной пехоты, созданного в XIV в. и пополнявшегося за счет насильно обращенных в ислам христианских детей. Их отрывали от родни и воспитывали в воинственном духе. Они получили в XVII в. право обзаводиться семьями, заниматься ремеслами и торговлей. Тем самым их превратили в особое сословие, где военная служба стала наследственной. Из них формировалась султанская гвардия и военная полиция для подавления восстаний, а также – для сбора налогов. Не зная пощады, янычары постепенно привыкали к вседозволенности, «прославившись» своим буйным поведением и зверскими расправами.

Стагнацию и деградацию арабо-османского общества ускоряли стихийные бедствия – болезни, эпидемии, неурожай, налеты саранчи, эрозия почв, отсутствие медицинской и агрономической помощи для основной части населения. В результате этого население катастрофически уменьшалось: в Египте с 1600 по 1800 г. – с 4,5 млн. до 2,4 млн. чел., в Сирии тогда же – с 2,8 млн. до 1,5 млн. чел., в Ираке – с 5 млн. до 2,5 млн. чел.

Децентрализация империи. Сепаратистские тенденции в арабских провинциях империи начались вскоре после завоевания их османами. В 1516 г. управление Ливаном султан поручил эмиру Фахраддину I из династии Маанов, признавшему себя вассалом султана. Но вскоре попытки эмира уклониться от выплаты дани вызвали конфликт, завершившийся в 1544 г. смертью эмира, отравленного во дворце паши Дамаска. Сменивший эмира его сын Киркмас, как и многие другие феодалы Ливана, погиб в 1585 г. во время карательной экспедиции османов. Через 5 лет эмиром стал сын Киркмаса Фахраддин II, весьма незаурядный политик, во многом напоминавший деятелей итальянского Возрождения, следовавших рецептам Макиавелли.

Будучи другом по вероисповеданию, эмир нередко выдавал себя за христианина с целью приобрести поддержку влиятельных в стране и связанных с римским папой христиан-маронитов. Умело интригуя при дворе султана, среди османских пашей и даже собственных вассалов различного вероисповедания (в Ливане было 10 христианских и 5 мусульманских конфессий), Фахраддин II искусно разобщал и стравливал своих противников, устраивал заговоры и в то же время всячески задабривал на первых порах султана, отправляя в османскую казну богатую дань. Благода-

ря этому он добился от Константинополя признания своей власти не только над горными, но и над равнинными (прибрежными) областями Ливана, а также – над большей частью Сирии и Палестины. Замок Маанов, нависающий над развалинами древней Пальмиры на востоке Сирии, свидетельствует о том, как далеко сумел продвинуться эмир в своих амбициозных планах.

Но эти планы шли дальше чисто территориального расширения и предусматривали освобождение от власти османов. Готовясь к этому, Фахраддин II сформировал 40-тысячную армию, начал строить крепости и повел тайные переговоры с итальянскими государствами, особенно с флорентийскими герцогами Тосканы из клана Медичи, которые всячески его ободряли, обещая помощь. Надеясь на это, эмир поднял в 1613 г. восстание. В войне с османами участвовало все население Ливана, но все же эмир потерпел поражение и бежал в Италию, где прожил 5 лет. В Европе его богатства и пышная восточная свита произвели сильное впечатление. Однако реально он мало чего добился, не сумев вовлечь в антиосманскую коалицию ни Францию, всегда предпочитавшую не ссориться с османами, ни Ватикан, ни Испанию, только что изгнавшую морисков, ни даже мальтийских рыцарей. Османы тогда были еще достаточно сильны.

Получив в 1618 г. амнистию от нового султана Османа II, эмир вернулся на родину, восстановил свои владения и стал заботиться об их развитии, поощряя развитие сельского хозяйства, внешней торговли и строительства с учетом достижений итальянской архитектуры (вплоть до сооружения мечетей с «падающим» подобно Пизанской башне минаретом). В Бейруте он возводил здания европейского вида, украшал столицу бульварами, посылал молодежь учиться в Европу, что способствовало рождению новой традиции получения маронитами духовного образования в Риме, с одной стороны, а с другой – развитию европейской арабистики. В 1633 г. эмир вновь поднял восстание, опять потерпел поражение, попал в плен и был доставлен в Константинополь как заложник. Тем не менее в неугомонном Ливане в 1635 г. опять вспыхнули беспорядки, после чего Фахраддин II был казнен, а его эмират ликвидирован.

Однако ливанцы продолжили борьбу. В течение всего XVII в. она шла между двумя группировками знати – кайситами (исторически – северными арабами) и йеменитами (соответственно –

ожными). Первые называли себя «красными» и выступали против османов во главе с родом Маанов. Вторые («белые»), наоборот, поддерживали османов и возглавлялись кланом Аламаддина. Борьба шла с переменным успехом, но чаще перевес оставался на стороне Маанов. После того как их род угас в 1697 г., кайситов возглавили эмиры из рода Шехабов.

В 1710 г. османы свергли эмира Хайдара Шехаба и превратили Ливан в заурядный пашалык империи. Но в 1711 г. группировка кайситов, объединив вокруг себя горцев и других свободолюбивых ливанцев без различия конфессии, в битве при Айн-Даре разгромила объединенную армию османов и «белых» йеменитов. В битве погиб весь род Аламаддина, что надолго определило гегемонию Шехабов в жизни Ливана и заставило османов (занятых в то время войной с Россией и другими нелегкими проблемами) какое-то время не вмешиваться в ливанские дела.

Не была прочна власть османов и в Ираке, особенно в центре и на юге, где преобладали шииты, враждебные официальному суннизму османов. Истощенная бесконечными войнами, начиная с XI в., страна и в XVI–XVII вв. продолжала оставаться яблоком раздора между османами и Ираном. Эти противоречия пытались еще в XV в. использовать португальцы, потом голландцы и, наконец, англичане, открывшие в 1581 г. свои торговые фактории в Багдаде и Басре. Интриги иностранцев, поддержка персов, амбиции вождей многочисленных в Ираке племен, постоянные трения между этноконфессиональными общинами (арабов, курдов, турок, персов, ассирийцев, иудеев, христиан, суннитов, шиитов и других) – все это поддерживало в стране состояние нестабильности и содействовало более частым, чем в других пашалыках империи, восстаниям. Они следовали в XVI–XVIII вв. почти непрерывно, отличаясь лишь национально-религиозным составом участников и районом распространения, а также – чередуясь с локальными войнами местных пашей с отдельными племенами или феодалами, отказывавшимися платить подати. Из нескольких десятков этих восстаний можно выделить крупное выступление племен юга во главе с кланом Сийябов в 1651 г., когда повстанцы захватили Басру и удерживали ее вплоть до 1669 г. В 1690 г. племена мунтафик, жившие по среднему и нижнему Евфрату, опять захватили Басру и оставили ее лишь в 1701 г., но их движение османы не могли окончательно подавить вплоть до конца XVIII в.

Почти весь этот век страной правила династия пашей, фактически основанная одним из них, Хасан-пашой. Все попытки султана пресечь подобную практику кончались крахом: его назначенцы не удерживались в Багдаде более нескольких месяцев. Их свергали, убивали и заменяли людьми из рода Хасана-паши кюлемены – местная гвардия правителей Багдада, подобно мамлюкам набиравшаяся из белых рабов, принявших ислам и ставших военными профессионалами. Среди кюлеменов преобладали выходцы с Кавказа, преимущественно грузины, которых спланивали язык и общая судьба, а также военно-политические амбиции. В 1780 г. их глава Буюк (Большой) Сулейман захватил власть и основал династию кюлеменов, правившую до 1831 г. При них двор в Багдаде имитировал порядки, нравы и даже роскошь двора падишаха в Стамбуле.

В Египте, как уже отмечалось, на политическую авансцену вновь вернулись на рубеже XVII–XVIII вв. мамлюки. Умело используя свои экономические и административные возможности, они постепенно оттеснили от власти янычарские «очаги», превратившиеся, по словам известного путешественника Вольнея, «в сборища бродяг и черни». Выдвинутый мамлюками лидер назывался шейх аль-баляд («вождь страны») и практически был всевластен, так как присылавшийся из Стамбула паша стал фактически пленником мамлюкских беев, которые могли его сместить, изгнать и, по крайней мере, не слушать. Наиболее известным из мамлюкских правителей был сначала Ибрахим-бей. Не будучи сам мамлюком, он, тем не менее, решил на них опереться и, сколотив дружину из мамлюков, с ее помощью захватил власть. В его правление (1746–1757) поддерживавшие Ибрахима мамлюки были щедро вознаграждены, получив поместья и важные должности. Однако после смерти Ибрахим-бея началась долгая борьба за власть, завершившаяся в 1763 г. победой абхаза Али-бея, впоследствии прозванного «аль-Кабир» (Великий). Это прозвище он получил за то, что попытался реально освободить Египет от власти Стамбула, приняв в 1770 г. титул «султана Египта и обоих морей». Тогда же он присоединил к Египту Хиджаз, где его имя, как и на родине, стало упоминаться в мечетях в пятничной молитве (хутбе). Для османов это было сильным потрясением, хотя к тому времени уже не было ни одной арабской области, где

бы не оспаривалась власть Стамбула и не выдвигались бы собственные руководители.

Примерно то же самое наблюдалось и в других частях империи. В Триполи и Алжире утвердилась власть янычарских военачальников. Но формы правления были различны. В Триполи Ахмед Караманлы основал в 1711 г. собственную бейскую династию, лишь формально признававшую сюзеренитет султана, но на деле совершенно независимую от нее.

В Алжире сначала управляли назначавшиеся из Стамбула бейлербеи (в основном – мусульмане европейского происхождения: славянин или грек Хайрадин Барбаросса в 1518–1548 гг., калабриец Ульдж Али в 1568–1571 гг., венецианец Хасан в 1577–1580 гг. и 1582–1588 гг., корсиканец Хасан Корсо, венгр Джафар и другие). Но в 1659 г. и вплоть до 1671 г. реальную власть осуществлял избираемый «очагом» (корпусом янычар) ага, диктовавший свою волю присылавшемуся султаном паше. Вместо него влиятельные в стране раисы (капитаны корсарского флота) стали избирать дея (от турецкого «даи», т.е. дядя). С 1689 г. дей избирался уже совместно раисами и советом («диваном») янычарского войска. В 1711 г. дей Баба Али выслал последнего пашу и прекратил выплату дани султану. С этого момента дей в Алжире был фактически независим, хотя и посылал султану в Стамбул подарки и выражения верноподданничества, получая в обмен оружие и разрешение на вербовку янычар в Анатолии. В Алжире эту буйную и непокорную вольницу именовали «анатолийскими быками», а сами они называли себя «йолдаши» (товарищи) и славились как смелостью и воинственностью, так и жестокостью и мятежностью. Из 30 деев, управлявших Алжиром в 1671–1818 гг., 14 пришли к власти в ходе переворотов, сопровождавшихся убийством их предшественников.

В Тунисе борьба за власть кипела буквально с момента его присоединения к империи в 1574 г. Янычарская милиция из турок, кулугли (лиц смешанного арабо-турецкого происхождения) и ближневосточных арабов сразу взяла курс на устранение «булукбаши» (великих пашей) из Стамбула и замену их одним из командовавших ею 400 сотников, который также вскоре стал именоваться деем. При нем «кабтан» ведал корсарским флотом, а бей – сбором налогов и делами племен, что оставляло паше чисто декоративную роль. Но вскоре бей Мурад (из принявших ислам кор-

сиканцев) сумел получить титул паши и фактически основать династию Мурадидов, правившую страной в 1612–1702 гг. в постоянной борьбе с деями и прочими соперниками из янычар и местной знати. В 1705 г. после некоторого периода анархии власть захватил ага (начальник) кавалерии спахи Хусейн, провозгласивший себя беєм и положивший конец самому существованию деев в Тунисе. Практически он создал в Тунисе наследственную бейскую монархию, просуществовавшую до 1957 г.

Особое положение в арабском мире тогда занимало Марокко, сохранившее независимость от Османской империи и сумевшее ее отстоять в сложных условиях османо-испанской борьбы за гегемонию в Средиземноморье в XVI–XVII вв. Неоднократные попытки алжирских турок вмешаться в дела Марокко были безрезультатны. Но это, однако, не свидетельствовало об особой прочности «шерифской империи», как иногда называли Марокко в Европе ввиду того, что правившие здесь династии Саадийских (с 1554 г.) и Алауитских (с 1659 г.) шерифов претендовали на родство с семьей основателя ислама.

Марокко достигло наибольшего могущества при Мулай Исмаиле (1672–1727). Это был почти легендарный человек. Вступив на престол в 26 лет, он правил до 81 года, отличался большой физической силой, огненным темпераментом и неумемной энергией, в 60 лет вскакивал на коня одним прыжком и очень гордился многочисленностью своего потомства, состоявшего из 700 сыновей и «без счета» дочерей. Очевидно, здесь не обошлось без преувеличений, как и в рассказах многих европейских авторов, утверждавших, что число обитательниц гарема султана превышало 8 тыс., хотя более осторожные историки считают вероятной цифру 500. Более достоверны, очевидно, сведения о том, что при строительстве своей столицы Мекнеса Мулай Исмаил действительно не щадил никого и ничего, собственноручно разбивая о голову начальника стройки некачественные кирпичи или убивая рабочих, заподозренных им в отлынивании от работы. Известно также презрение султана к роскоши и чревоугодию, а также – к расточительству, что выражалось в его личном контроле за всеми расходами, за выдачей со складов любых припасов и в прочих мелочах, Мулай Исмаил сам заботился о ковке своих лошадей и, когда надо было, не гнушался брать в руки кирку и трудиться, при постройке, например, Мекнеса, хотя в

возведении этого города участвовало до 50–60 тыс. чел., включая 2 тыс. пленных христиан.

Мулай Исмаил изгнал из страны англичан, захвативших Танжер, и испанцев, владевших до этого Ларашем (Эль-Араишем) и Маморой (Маамурой). Он подавил феодальный сепаратизм и анархию племен, объединив страну под эгидой своего единодержавия. Однако после его смерти все это мгновенно исчезло, так как не имело под собой реальной экономической и социальной основы. Непрерывные с IX в. войны, стихийные бедствия, голод и болезни основательно истощили страну. Ее население, насчитывавшее в начале XVI в. около 5 млн. чел., к началу XIX в. уменьшилось до 3 млн. Гибло от бескормицы поголовье скота, что лишало средств к существованию кочевников, сокращались урожаи и сельскохозяйственные площади (только в 1727–1822 гг. эрозия уничтожила 4 млн. га почв, чей плодородный слой был смыт дождями и унесен в море). Торговля и ремесла пришли в упадок, золотые и серебряные рудники, которыми страна славилась еще в древности, иссякли.

Материальные факторы упадка дополнялись социальными и историческими традициями, не всегда способствовавшими выходу из кризиса. Несмотря на давнее развитие городской жизни, значение городов падало. В 1808 г. в них жило не более 7–8% населения, причем в самом крупном из них – Фесе – насчитывалось не более 100 тыс. чел., в большинстве своем горожан сравнительно недавней формации. Наиболее же старые центры городской жизни – «хадарийя» (с давними традициями культуры и наибольшей долей потомков андалусийских эмигрантов) находились в упадке и насчитывали всего по несколько тысяч жителей.

Самостоятельная роль племен в общественно-политической жизни Марокко была еще значительнее, чем в других арабских странах (кроме Аравии). Султаны опирались на арабские племена «гиш», в основном переселенные в XII–XIII вв. из Туниса и Алжира и получившие землю (как правило – репрессированных султанами берберских племен) за военную службу. Страна практически делилась на контролировавшуюся (в разной степени) султаном «бияд аль-махзен» («страну правительства») и мятежную «бияд ас-сибаа» («страну львов»), не подчинявшуюся никому. Во многом границы этих областей совпадали с населенны-

ми преимущественно арабами (15% жителей на рубеже XVIII–XIX вв.) равнинами приатлантического побережья и речных долин центра, с одной стороны, и сплошь берберскими районами гор Среднего и Высокого Атласа, Рифа и Анти-Атласа, а также – пустынь юга, с другой стороны.

Берберы, составлявшие 85% населения, не были едины в языковом и этническом отношении. Их племена говорили на языках трех групп (зенатия – на севере, тамазигт – в центре, ташельхит – на юге), делились на кочевые и оседлые, горцев и степняков, а в политическом отношении – на лояльных и мятежников. Все племена соперничали друг с другом, но арабы – меньше, так как в основном они были за султана и боялись более многочисленных берберов. Берберы гораздо больше враждовали и с султаном, и друг с другом, и с арабами. Но, разумеется, и среди арабских племен были как приверженцы, так и противники султана. Все зависело от политики последнего, а также – от позиции военно-религиозных братств марабутов, с XI в. игравших главную роль в борьбе мусульман Марокко с неверными (христианами Испании и Португалии, Англии и Генуи).

Власть султанов, теоретически признававшаяся всеми мусульманами страны независимо от происхождения, зиждилась прежде всего на их авторитете фанатичных поборников священной войны за веру (обычно – организаторов и предводителей этой войны), а также – на возведении своей генеалогии к пророку Мухаммеду. Поэтому главной опорой султанов, кроме военнo-служилых арабских племен «гиш», были мусульманское духовенство и марабуты. Конфликт с кем-либо из них, особенно с марабутскими братствами, ввергал страну в затяжную гражданскую войну, подобную той, которая привела в 1822 г. к разгрому и отречению от престола султана Мулая Слимана, по свидетельству французских историков, «грамотного, благочестивого и ревностного мусульманина», пытавшегося покончить с раздробленностью страны и обуздать как марабутов, так и мятежные племена.

В общественном строе и быту Марокко рубежа XVIII–XIX вв. в наибольшей степени сохранилось то, что было издавна присуще всему магрибинскому обществу: фактическая самостоятельность племен при формально абсолютной власти государства, значительный удельный вес коллективных форм зависимости и подчинения, преобладание патриархально-общинных и кланово-родо-

вых связей над прочими формами социальных отношений, ведущая роль ислама не только в духовной, но также в социальной и политической сферах, сосуществование традиционного для племен эгалитаризма, феодального иерархизма и рабовладения. Последнее имело в Марокко не только хозяйственное и политическое (при выкупе захваченных в плен европейцев), но также военное значение: еще Мулай Исмаил создал из захваченных при походах в Сахару чернокожих рабов («абидов») особую гвардию в 150 тыс. чел., сыгравшую впоследствии значительную роль как в войнах, так и в дворцовой жизни, хотя к 1808 г. корпус «абидов» насчитывал всего 18 тыс. чел.

Самая масштабная попытка арабов избавиться от османского гнета уже в XVIII в. была связана с русско-османской войной 1768–1774 гг. Воспользовавшись началом этой войны, правитель Египта Али-бей аль-Кабир провозгласил в 1769 г. независимость от османов и для борьбы с ними заключил союз с шейхом Дахиром аль-Омаром, правителем области Сафад на севере Палестины. Будучи кайситом, Дахир был связан с эмирами Ливана и постоянно округлял свои владения за счет соседних земель. Завладев в 1750 г. небольшим портом Акка, он сделал его своей столицей, а заодно – центром ремесел и морской коммерции. Превратив старинную крепость Акки в неприступную твердыню, он вложил немалые средства в ее оборону, создав армию в 60–70 тыс. чел. и военный флот.

Договорившись в 1771 г. с графом А.Г. Орловым (победителем османов при Чесме в июне 1770 г.), Али-бей установил единство действий с русскими и с помощью шейха Дахира развернул наступление против османов в Палестине и Сирии, взяв Дамаск и Сайду, осадив Яффу. Однако предательство командовавшего египетскими войсками Абу Захаба, который внезапно увел мамлюков из Дамаска и начал борьбу с Али-беем, круто изменило ситуацию. К тому же эмир Ливана Юсуф Шехаб, примкнув к османам, осадил Сайду. По просьбе Али-бея и Дахира к берегам Сирии* прибыла русская эскадра, которая помогла снять осаду с Сайды и в мае 1772 г. овладела Бейрутом. Однако уже осенью, подписав с османами перемирие, русские ушли из Бейрута. Од-

* Имеется в виду «Великая Сирия» (по-арабски Биляд аш-Шам), включавшая в себя, помимо нынешней Сирии, также земли современных Ливана, Палестины и Иордании.

новременно А.Г. Орлов направил Али-бею большое количество оружия и боеприпасов. Али-бей весной 1773 г. выступил против мятежных мамлюков, но потерпел поражение, был смертельно ранен и вскоре умер.

После окончания перемирия с османами в июне 1773 г. русская эскадра вновь появилась у берегов Сирии. Эмир Юсуф Шехаб порвал союз с османами и выступил совместно с русскими и шейхом Дахиром. После трех месяцев осады Бейрут вновь был взят русскими. В октябре 1773 г. Юсуф Шехаб обратился к императрице Екатерине II с просьбой принять его в российское подданство и установить протекторат России над Ливаном. В конечном итоге эта просьба была отклонена и русская эскадра покинула Сирию вследствие заключения с османами Кючук-Кайнарджийского мира в июле 1774 г. Воспользовавшись уходом русских, османы все силы бросили против шейха Дахира, который был осажден в своей столице и погиб в 1775 г. Акка стала резиденцией османского сатрапа Ахмеда-паши, прозванного Джаззар («Мясник») за свою жестокость.

За подавление движения Дахира Джаззар был назначен пашой в Сайду, а затем получил также пашалыки Триполи (на севере Ливана) и Дамаска. Фактически он стал править из Акки всей Сирией. Родом из Боснии, Джаззар был типичным османским чиновником, готовым лютовать в любой провинции при полном безразличии к судьбам ее жителей. От прочих пашей его отличали лишь особый садизм и склонность к зверствам. Вместе с тем он отличался большими организационными способностями и особой изворотливостью, помогавшей ему выжить в постоянно менявшейся политической ситуации.

Резкое увеличение им дани с Ливана вызвало стихийное восстание крестьян и части местной верхушки в 1780 г. Его возглавили родственники Юсуфа Шехаба, но сам эмир опять оказался вместе с османами и участвовал весьма активно в подавлении восстания. Выслуживаясь перед Джаззаром, Юсуф Шехаб вырвал язык своему взятому в плен брату, выколол глаза другому и собственноручно убил еще одного родственника. Но борьба в Ливане не прекращалась, дополнившись восстаниями бедуинов в Палестине и крестьян Сайды, которые, впрочем, Джаззар быстро подавил с обычной для него жестокостью. Но наиболее серьезным восстанием против него стало движение 1789 г., в ходе кото-

рого повстанцы захватили Бейрут, Сайду, Сур и подошли к Акке. Подкупив часть вождей восстания, Джаззар сумел подавить его. Однако уже в 1790 г. началось новое восстание, в ходе которого Джаззар, долгое время интриговавший против Юсуфа Шехаба, добился его свержения руками его же родни. Эмиром стал (формально с 1788 г., реально – с 1797 г.) племянник Юсуфа, выступивший против него, – Бешир, впоследствии – Бешир II Великий, правивший до 1840 г. Позиции Джаззара к этому времени несколько ослабли вследствие крупного восстания в Дамаске, жители которого отказались платить дань Джаззару. Дабы уладить конфликты, султан назначил в Дамаск нового пашу. Но Джаззар сохранил контроль над Палестиной и Ливаном.

Глава 5. Египет и Магриб на рубеже XVII–XIX вв.

Конец османской эпохи на севере Африки пришелся на рубеж XVIII–XIX вв. Он был заполнен столкновениями европейских держав, развернувших колониальную экспансию параллельно с борьбой за гегемонию в Европе. Главными участниками этой борьбы были Англия и Франция, которые, соперничая друг с другом, в то же время совместно подталкивали Османскую империю к почти непрерывному противоборству с Россией и Австрией. Постоянные войны ослабили Османскую империю в военном и экономическом отношении, сделали ее, по широко распространенному в то время выражению, «больным человеком» Европы. Этим обстоятельством прежде всего воспользовались фальшивые «друзья» турок – Англия и Франция, поспешившие приступить к разделу османских владений и в Азии, и в Африке.

Экспедиция Бонапарта в Египет. Завоевав в 1797 г. Италию и вступив на Балканы, французы вплотную подошли к границам Османской империи. Ее военная слабость и политический полураспад превращали это государство в соблазнительную цель для любых авантюристов и завоевателей. «Османская империя обречена на гибель», – писал Директории (правительству Франции) командовавший войсками республики в Италии молодой, но уже прославившийся генерал Наполеон Бонапарт. Он добавлял при этом (очевидно, имея в виду традиционно проосманскую ориентацию Парижа): «И нам незачем ее поддерживать». В его планах было

продолжение триумфальных побед в Европе завоеванием востока и юга Средиземноморья с последующим созданием здесь основы колониальной империи Франции и выстраиванием кратчайшего пути к «жемчужине Британской короны» – Индии. Тем самым Французская республика как бы подхватывала эстафету от монархии Бурбонов, проигравшей Англии борьбу за Индию, и явно нацеливалась на реванш.

Первой жертвой этих амбициозных проектов явился Египет, куда и была направлена в 1798 г. французская военная экспедиция Наполеона Бонапарта. Позднее, в 1816 г., Бонапарт писал: «Англичане задрожали, увидев, что мы оккупировали Египет. Мы показали Европе верное средство лишить их Индии». Французам уже тогда была ясна стратегическая роль Северо-Восточной Африки, обладание которой позволяло бы контролировать торговые пути и военные коммуникации из Европы и Африки в Азию. Последовавшему довольно быстрому завоеванию Египта способствовал длительный экономический и политический упадок страны в период, предшествовавший экспедиции Бонапарта. Правившие в Египте мамлюки (бывшие рабы-воины тюркского и кавказского происхождения) фактически оттеснили присылавшихся из Стамбула пашей и янычар, образовав в 1711–1798 гг. полунезависимый эмират. После смерти Али-бея аль-Кабира в стране, доведенной до разорения хищнической эксплуатацией крестьян, тяжелыми поборами и прочими повинностями в пользу государства и его многочисленных чиновников, продолжалась беспринципная борьба за власть и богатство между соперничавшими мамлюкскими кликами во главе с беями Мурадом и Ибрахимом. Обогащение мамлюков сопровождалось обнищанием большинства египтян, прекращением обработки земель в ряде районов и вымиранием целых деревень. Достаточно напомнить, что численность населения страны сократилась вдвое с 1600 по 1800 г. Все это давало основание французам считать власть мамлюков непопулярной и неустойчивой.

В июле 1798 г. Бонапарт высадился в Египте с 38-тысячной армией, разгромил мамлюков (3 тыс. чел. из них были убиты) и захватил Каир. Французы везде встречали отчаянное сопротивление, несмотря на распространение ими манифеста, в котором Бонапарт (показывавшийся перед египтянами в чалме и называвший себя «Али Бунабарди-паша») как «Эмир французской ар-

мии» демагогически заверял египтян в своем почтении к «пророку» и «великому Корану», в своей дружбе с османским султаном, которому де не повинуются мамлюки – «клика, состоящая из привезенных с Кавказа и из Грузии рабов». Тем не менее уже с октября 1798 г. по всему Египту развернулось народное сопротивление оккупантам. Стремясь предотвратить вторжение османских войск с севера, Бонапарт в феврале 1799 г. двинулся из Египта в Палестину, где занял город Яффу, но после закончившейся неудачей длительной осады крепости Акка, довольно удачно оборонявшейся Джаззаром, вынужден был с довольно значительными потерями в июне 1799 г. отступить обратно в Египет. 23 августа он тайно выехал во Францию, где вскоре захватил власть.

Что же касается французской армии, то она продолжала борьбу с народными восстаниями в разных концах страны. Сначала ею командовал генерал Клебер, зарезанный подосланным убийцей, а потом – генерал Жак Мену, про которого был пущен слух, что он якобы принял ислам и назвался Абдаллахом. С марта 1801 г. французы вынуждены были также сражаться с объединенными силами мамлюков, отступивших на юг страны, османов и высадившихся в Египте англичан. В августе 1801 г. французы окончательно капитулировали, признав по Амьенскому миру 1802 г. Египет частью Османской империи.

Потерпев военный крах, экспедиция Бонапарта, тем не менее, положила начало подлинно научному изучению Египта. Вместе с французской армией в страну прибыли 167 ученых-востоковедов, врачей, химиков, математиков, зоологов, геологов, археологов, историков, географов и других. Они основали в Каире научно-исследовательский Египетский институт, составили первую подробную географическую карту Египта и первое научное «Описание Египта» в 24 томах. Этот труд, а также собранные его авторами коллекции не утратили своего значения до настоящего времени. Надо подчеркнуть, что Бонапарт понимал ценность научного изучения Египта, о чем говорит его вошедший в учебники истории приказ перед каждым сражением: «Ослов и ученых – в середину». Понятно, что на Востоке его армия ослов должна была ценить не меньше ученых ввиду отсутствия у нее верблюдов и прочей пригодной в условиях пустыни тягловой силы.

После ухода французов из Египта в стране началась анархия: войска трех армий – 20 тыс. англичан и сипаев – индийцев, 40

тыс. османов и 4 тыс. мамлюков – буквально терроризовали население, занимались грабежами, вымогательствами, насилиями, а также – вооруженной борьбой друг с другом. Частые смены власти (иногда за месяц друг друга сменяли трое пашей) также не способствовали стабилизации обстановки. После эвакуации англичан в 1803 г. в ходе вспыхнувшей гражданской войны власть в Египте захватил объединившийся с мамлюками командир албанского отряда (присланного в составе османских войск) Мухаммед Али. Ловко маневрируя и сталкивая между собой англичан, французов, османов и египтян, он сумел добиться признания себя пашой Египта в 1805 г., а в 1807 г., изгнав вторгшихся в страну англичан, еще более укрепил свою популярность.

Правление Мухаммеда Али. Мухаммед Али, родившийся в македонском городе Кавалла в 1769 г., был албанцем по происхождению. Неграмотный торговец табаком в своем городе, он был послан в Египет в 1799 г. в качестве помощника командира отряда из 300 албанцев, но довольно быстро выдвинулся, благодаря военным талантам, мужеству, хладнокровию и незаурядным способностям организатора и дипломата. К тому же он оказался весьма амбициозен и честолюбив, что и позволило ему не только возглавить Египет на долгие десятилетия, но и основать собственную династию, управлявшую страной до 1952 г. Никто не мог предсказать столь головокружительной карьеры, казалось, заурядному балканскому провинциалу, не умевшему ни читать, ни писать и даже говорить по-арабски, когда он впервые появился в Египте.

Встав у власти, Мухаммед Али сумел вовремя отмежеваться и от османов, и от мамлюков, и от пытавшихся делать на них ставку англичан. В ходе англо-османской войны 1807 г. он завоевал славу национального героя, заставив убраться из Александрии английский десант. Его военная борьба с мамлюками в 1804–1807 гг. перешла в социально-экономическую: в 1808 г. он конфисковал имения мультазимов, уклонявшихся от уплаты налогов, а в дальнейшем (в 1812 и 1814 г.) отобрал у мамлюков все земли и полностью ликвидировал саму систему ильтизама. В 1809 г. он расправился с шейхами аль-Азхара (которые помогли ему прийти к власти), а в 1811 г. – с помощью верных ему албанцев истребил почти всю мамлюкскую знать. Таким образом, все земли стали собственностью государства. Однако с 1829 г. Му-

хаммед Али начал массовую раздачу государственных земель своим родственникам, приближенным, а также – сановникам и командирам албанских, курдских, черкесских и турецких отрядов, составившим его окружение.

Тем самым старую знать мамлюков заменили новые феодалы, составившие впоследствии опору основанной Мухаммедом Али династии. Говорили они все по-турецки и по-албански, а по-арабски – лишь наиболее образованные. Были среди них и различные европейские авантюристы из немцев, французов, итальянцев, принявшие ислам и получившие титулы пашей, беев, мудиров (губернаторов провинций).

С помощью французских и итальянских инструкторов в Египте была создана сильная армия, образцом для которой служила организация войск Бонапарта. К 1833 г. эта армия насчитывала, включая иррегулярные части, 220 тыс. солдат и офицеров, имела артиллерию, специальные школы, академию генерального штаба. Вначале основу армии составляли албанцы и прочие выходцы из Османской империи, а также из Тропической Африки, больше всего – суданцы, а после 1828 г. – египтяне. Среди офицеров первое время преобладали «черкесы», т.е. в основном турки, мусульмане Кавказа и отдельные представители уцелевших мамлюкских семей. Были созданы также централизованный госаппарат, «культурные миссии» молодежи для обучения за границей (по 4 студента во главе с присматривавшим за ними имамом), учреждена типография (в 1822 г.), выстроены в 1818–1830 гг. фабрики и заводы с европейским оборудованием. Мухаммед Али, сам в прошлом коммерсант, запретил частную торговлю, установил систему государственных монополий в сельском хозяйстве и ремесле. При нем начали расти доходы государства, расширились площади орошаемых земель, выросло производство экспортных культур – хлопка, сахарного тростника. Но одновременно нарастали и экономические трудности в связи с разорением торговцев и ремесленников, ростом налогов, бюрократизма и коррупции.

В результате завоевательной политики Мухаммеда Али к Египту были присоединены Аравия, север Судана, остров Крит, Сирия, Палестина и Киликия, контроль над которыми Мухаммед Али отобрал у османского султана в ходе войны с ним. По территории к 1833 г. владения Египта превосходили остальную часть Османской империи. Однако постоянная борьба египтян с осма-

нами вызвала в 1840 г. вмешательство европейских держав, которые навязали Египту условия англо-османского договора 1838 г., открывшего путь в страну иностранному капиталу. Мухаммед Али вынужден был возвратить султану все отнятые у него владения, но был взамен признан наследственным правителем Египта и Судана с обязательством выплачивать султану дань как своему сюзерену, а также сократить армию с 200 тыс. до 18 тыс. чел.

Потрясенный таким крахом всех своих замыслов, Мухаммед Али с 1841 г., т.е. в возрасте 72 лет, отошел от дел, формально оставаясь пашой (он умер в 1849 г.). За него правили его сын Ибрагим (до 1848 г.), а потом – его внук Аббас (до 1854 г.). Но их попытки продолжать дело Мухаммеда Али были безуспешны. Правившие вслед за ними племянник Мухаммеда Али Саид-паша (1854–1863) и внук Исмаил (1863–1879), принявший в 1867 г. титул «хедив» («повелитель, сеньор» по-персидски), уже были вынуждены в основном проводить политику, продиктованную западными державами, в первую очередь – Англией и Францией. Разумеется, в рамках этой политики им удавалось сделать много полезного для своей страны, но лишь с учетом интересов Запада и ни в коем случае не вопреки им.

Правление Мухаммеда Али составило целую эпоху в новой истории Египта, да и всего Арабского Востока. Страну под его управлением современники считали «единственной тогда жизнеспособной частью» Османской империи, ее «настоящей головой», а не «парадным тюрбаном». Мухаммед Али уничтожил много косного и реакционно-средневекового в жизни Египта, создал крепкие вооруженные силы и госаппарат, систему светского образования, положил начало национальной промышленности и прессе. Но он же практически сохранил феодально-крепостнический характер укрепленного им государства, лишь заменив старую знать новой, жестоко угнетал как основную часть простых египтян, за счет которых проводились все его реформы, так и народы захваченных им областей, прежде всего Судана и Крита, но также и Сирии, не говоря уже о греках Мореи (Пелопоннеса), освободительное движение которых было беспощадно подавлено Мухаммедом Али в 1824–1828 гг. по просьбе османского султана.

Вынужденная капитуляция Египта, в то время наиболее динамичного и жизнеспособного государства внутри загнивающей

Османской империи, продемонстрировала наступление эпохи колониализма. Европейские державы, приступившие к колониальной экспансии, не желали допустить какой-либо независимости любой из арабских стран. Именно поэтому они помешали становлению Египта как самостоятельного и современного государства, навязав ему зависимое положение, которое открывало возможности для колониального порабощения страны.

Страны Магриба и Европа. Иными путями и средствами европейские державы пытались на рубеже XVIII–XIX вв. достичь того же и в странах Магриба, т.е. в нынешних Ливии, Тунисе, Алжире и Марокко. Для этих стран характерно было разнообразие государственных образований, этнических и конфессиональных общин, социальных отношений и политических связей, различных уровней общественного развития. Исследователи насчитывают 10 типов жителей только сельской местности в Магрибе того времени – от кочевников пустыни Сахары и полукочевников степной зоны до оседлых земледельцев оазисов и приморских районов.

Давние традиции городской жизни, высоко развитых ремесел и торговли соседствовали в Магрибе с примитивным бытом и натуральным хозяйством горцев-берберов, иногда занимавшихся весьма доходными ремеслами (например, выделкой серебряных украшений в Кабилии), пашенное земледелие традиционных районов процветания сельского хозяйства – с патриархальным укладом бедуинских племен (в том числе кочевых и полукочевых), социальные отношения и связи феодального типа – с общинными структурами и различными стадиями их разложения. Существовали также рабовладение (рабами в частном и государственном владении обычно были пленные христиане или африканцы), долговая кабала (нередко наследственная), характерные для вольноотпущенничества связи патрон–клиент, как и различные формы коллективной зависимости (племена от племена, племена от той или иной феодальной «великой семьи»). Кое-где сохранялась зависимость оазиса, селения или даже города от традиционно «защищавшего» его племена воинственных бедуинов.

Социальная пестрота дополнялась этноконфессиональной. Помимо христиан-рабов (иногда их в Алжире скапливалось до 35 тыс. чел., большинство которых не доживало обычно до выкупа или обмена), было немало «урожденных европейцев» (мевлед-

руми), которые освободились от рабства, приняв ислам. Они составили внушительную часть мусульман, особенно в городах Алжира и Туниса. Точно так же принявшие ислам бывшие рабы-африканцы составляли особую корпорацию «гнауа» (гвинейцев). Все эти группы в городах жили, не смешиваясь друг с другом, а также – с европейцами и евреями, составлявшими особые религиозные общины. Различные племена и области также были представлены в городах своими земляческими общинами, нередко отличавшимися в этноконфессиональном отношении.

Всю эту пирамиду венчала власть государства, формально регламентировавшего различные стороны хозяйственной и общественной жизни. Но, несмотря на повсеместное, по выражению алжирского автора А. Бенашенху, «доминирование государственной экономической системы над общинной экономической системой», механизм государства вовсе не обеспечивал ему абсолютного и, главное, бесперебойного господства. Наиболее ярко это проявилось в Алжире, где сбор налогов нередко напоминал боевой поход, ибо, как правило, обеспечивался путем военного принуждения. Хотя Алжир (так же как Тунис и Триполи) входил с 1520 г. в состав Османской империи, коренное население страны было слабо вовлечено в систему османо-янычарской администрации, которая постоянно контролировала не более 1/6 всей территории страны. Остальную территорию занимали либо независимые (в разной степени) племена, либо племена и военно-религиозные братства марабутов, формально (но далеко не всегда фактически) признававшие власть турецко-янычарской верхушки.

Марабуты были чрезвычайно влиятельны, считались носителями ниспосланной на них Аллахом благодати («барака»), были незаменимы при урегулировании различных конфликтов между племенами. Их центры («завии») были одновременно крепостью, мечетью, хранилищем рукописей, школой и мавзолеем марабута. К началу XIX в. таких завий в Алжире было около 400. При крайней малочисленности турок и «кулуглу» (потомков турок и местных женщин) – в начале XIX в. их насчитывалось, по разным данным, от 15 тыс. до 50 тыс. чел. на более чем 3 млн. алжирцев – янычарская олигархия могла поддерживать свое господство, лишь привлекая марабутов на свою сторону, а также – с помощью служивших ей племен «ахль аль-махзен» («людей правительства»). Эти свободные племена, составлявшие в разное время от

10 до 20% населения, нередко выступали в роли коллективных эксплуататоров племен «райя» (податных). Часто «райя» обрабатывали земли «ахль аль-махзен». Внутри племен доминировали патриархально-родовые отношения, но уже шел процесс феодализации верхушки, особенно у «ахль аль-махзен». Отношения между свободными и податными племенами не менялись на протяжении веков.

Вопрос о формационной характеристике доколониального Магриба еще нуждается в изучении. По форме власть деев в Алжире, опиравшаяся непосредственно на янычарское войско и экономическую поддержку потомков бежавших с Иберийского полуострова мавров и морисков, имела сходство с бейским режимом в Тунисе, но *по сути* дейское правление было гораздо ближе к султанскому «махзену» в Марокко. Как в Алжире, так и в Марокко основную массу населения составляли племена, среди которых была высока доля кочевых. Центральная власть не столько контролировала их, сколько держалась на их постоянной вражде. Вместе с тем в Тунисе был намного выше, чем в остальном Магрибе, удельный вес городов и вообще городской жизни. В отличие, например, от Алжира, где горожане составляли не более 5% населения, в Тунисе их было не менее 20% всех жителей. Возможно, в этой связи некоторые исследователи, констатируя зародыш «туземного капитализма» в Тунисе на рубеже XVIII–XIX вв., подчеркивают слабость такового в Алжире и Марокко, где якобы был лишь торговый капитал, хотя есть сведения, что некоторые виды производства (например, текстильного) были развиты во всех частях Магриба в равной мере.

Впечатление «социального лидирования» Тунис производил скорее всего ввиду того, что там господствующее положение заняли группы, во многом ориентировавшиеся на влияние Европы и связи с ней. К таковым надо отнести андалусийцев (мавров и морисков) и мевлед-руми, которые вместе с мамлюками грузинского и черкесского происхождения, а также османской (в основе греко-славянской) космополитической элитой не только преуспели в торговле и ремеслах, но и занимали главные посты в администрации, армии и флоте, являлись очень часто правившими на местах санджак-беями и каидами. Владея языками и знанием Европы, они были естественными проводниками западного влияния. Тем более что андалусийцы вплоть до начала XIX в. поль-

зовались в Тунисе (где только в столице их осело более 80 тыс. чел.) особым самоуправлением, имели свои мечети и медресе, выбирали своих судей и «шейха андалусской нации».

Примерно то же наблюдалось и в Алжире, где, однако, влияние андалусийцев было слабее ввиду меньшей роли городов в жизни страны и меньшей доли горожан в населении. Тем не менее, известно, что только в столице страны проживало 6 тыс. морисков, владевших 1 тыс. домов. Они же положили начало разведению цитрусовых и оливок, многим видам ремесел и жанрам искусства, музыки, архитектуры. Само понятие «хадри» (культурный горожанин) ассоциировалось в Алжире с потомком андалусийцев.

Страны Магриба стали объектом прямой военной экспансии феодальной Европы, прежде всего Португалии и Испании, в XV–XVII вв. Одновременно (со второй половины XVI в.) началась и торгово-экономическая экспансия в Магриб конкурировавших с иберийскими государствами Англии, Франции и Голландии, постепенно вытеснивших ранее процветавших здесь генуэзских и венецианских торговцев. К XVIII в. Франция сумела укрепить свои позиции в Тунисе и Алжире, используя союзнические связи с формальным сувереном этих стран – османским султаном. В то же время в Марокко, к началу XVIII в. избавившемся от португальских крепостей («фронтейраш») на своей территории, Франции не удалось вытеснить Испанию и, особенно, противостоять Англии, почти монополизировавшей внешнюю торговлю султаната.

На примере Магриба, по мнению М.Ф. Видясовой, «почти в лабораторно чистом виде прослеживается смена типов европейской колониальной экспансии – переход от феодально-колониальной к торгово-колониальной, начавшейся с XVI в.». В известной мере это было обусловлено и выдвиганием на авансцену европейской политики новых раннекапиталистических государств, и общим ослаблением нажима Европы на Магриб в силу непрерывности и тяжести раздиравших ее в XVI–XVII вв. религиозных, династических и иных войн. Понятно, что именно этот период и стал временем консолидации государственной власти в Магрибе.

В Тунисе это эпоха постепенного подавления бедуинских племен и возглавлявших их кочевых феодалов, не признававших

власти бея и взимавших с оседлого населения подати в свою пользу. Опираясь на поддержку горожан и оседлых земледельцев, военачальники – беи с помощью мамлюкской гвардии (из абхазов, адыгов и грузин) сумели оттеснить от власти янычарскую верхушку во главе с деем, разгромить бедуинов, частично превратив их в элемент собственной военной администрации, и создать довольно стабильный госаппарат. Это позволило династиям беев Мураидов (в XVII в.) и Хусейнидов (в XVIII–XIX вв.) довольно прочно удерживать власть, несмотря на династические распри, мятежи и неудачи в войнах с Алжиром. На рубеже XVIII–XIX вв. при Хаммуде-бее (1782–1814) наблюдался экономический подъем, рост земледелия, ремесел и мануфактурного производства, увеличение внешней торговли. Однако пестрота социальной базы государства Хусейнидов, выражавшаяся прежде всего в сосуществовании различных форм собственности и общественных отношений (общинных «арабских земель» арш, государственной собственности «бейлик», частной собственности «мульк», религиозной собственности «хабус», обрабатывавшихся издольщиками-хаммасами), тормозила развитие экономики. По-прежнему город и деревня были двумя мало общавшимися мирами, а сбор налогов проводился путем продвижения по стране махаллы (военной экспедиции). Товарное хозяйство наличествовало лишь на побережье, а во внутренних областях доминировали натуральные отношения.

Тем не менее, Тунис был в начале XIX в. наиболее социально развитой страной из всех государств Магриба. Этим и объясняется отчасти его более успешное противостояние европейской экспансии и даже весьма эффективная торговая конкуренция с итальянским, испанским и французским купечеством в бассейне Средиземноморья. По мнению Н.А. Иванова, «Тунис несколько опередил соседние арабские страны», а его военные конфликты с Францией и Венецией в 1769–1800 гг. «отражали ожесточенное соперничество туниисских купцов и арматоров с их западноевропейскими конкурентами». Например, торговля с Марселем контролировалась 150 туниисскими коммерсантами, которые совсем вытеснили европейцев.

Морская торговля, ремесла и судоходство, поддерживаемые феодально-купеческим правительством, процветали вплоть до прихода к власти старшей ветви Хусейнидов в лице Махмуд-па-

ши (1814–1824) и Сиди Хусейн-бея (1824–1835). При них началось засилье феодальной и клерикальной реакции, сопровождавшееся восстановлением корпуса янычар, должности мухтасиба (религиозного цензора), прекращением поддержки частного предпринимательства, упадком торговли и ремесел вследствие увеличения налогов и восстановления системы государственных монополий. Дело довели неурожай, эпидемия чумы, сокращение доходов от таможен, выплат дани европейскими державами и пиратства. Морские экспедиции Англии и Франции к берегам Туниса в 1816 и 1819 г. вынудили бея покончить с корсарством и подписать мир с итальянскими королевствами Сардинии и обеих Сицилий. Потеряв последние корабли в ходе Наваринской битвы в октябре 1827 г., Тунис окончательно лишился былого морского могущества.

Экономический и политический упадок привел к волнениям и бедуинским мятежам (1817, 1819, 1824–1825 гг.). Постоянное падение доходов при столь же постоянном мотовстве бейского двора привели к финансовому закабалению страны, которая в 1829 г. едва избежала банкротства. Попытки европеизации (военной, экономической и технической) с помощью Франции (основного кредитора Туниса) привели лишь к усилению зависимости от нее: франко-тунисский договор 1830 г. предусматривал «особые» отношения с Францией как наиболее благоприятствуемой нацией и режим капитуляций. Франция стала считать Тунис своей «сферой влияния» и несколько раз в 1836–1841 гг. мешала турецкому флоту восстановить власть османов над Тунисом.

В отличие от Туниса Марокко на рубеже XVIII–XIX вв. было почти полностью закрыто для иностранцев, которым разрешалось приезжать лишь в 5 портов для ведения торговли. Племена горных областей ограничивались лишь религиозным почитанием султана и оказывали ожесточенное сопротивление его войскам, пытавшимся собрать с них подати, не выплачивавшиеся с XVI в. Но в случае опасности извне эти племена оказывали султану денежную и военную помощь. Обычно это происходило по призыву религиозных братств марабутов, пользовавшихся непререкаемым авторитетом как у свободных племен, так и у подчиненных махзену. Ополчения племен (нувайб) во время войны подчинялись своим вождям и отличались меньшей надежностью, чем упоминавшиеся выше племена «гиш», для которых военная

служба была профессией. Однако к началу XIX в. племена «гиш» практически были анахронизмом, с военной точки зрения, и мало что могли противопоставить европейским армиям. К тому же они сохраняли патриархально-клановую организацию со всеми ее последствиями. Султан полностью мог положиться лишь на гвардию «абидов», численность которой, однако, не позволяла считать ее серьезной военной силой.

Все попытки султанов что-либо изменить в стране кончались крахом. Мухаммед Бен Абдаллах (1757–1790), постоянно сокрушая мятежи феодалов и бедуинских племен, смог несколько выправить положение (после 30 лет предшествовавшей его царствованию смуты). При нем был заключен ряд договоров с европейскими государствами и сделана первая попытка установить контакт с Россией. Однако стихийные бедствия, эпидемии и голод, опустошившие страну, свели на нет все успехи султана. Его преемник Мулай Слиман (1792–1822) пытался бороться с всевластием марабутов и самостийностью племен, опираясь на идею «возврата» к первоначальному исламу, предусматривавшему единство веры и власти. Однако начатая им с 1811 г. открытая борьба с марабутскими «искажениями» закончилась поражением. Султан Мулай Абд ар-Рахман (1822–1859) отказался от всех реформ своего предшественника, но продолжил его политику изоляции от внешнего мира. Это выразилось в сокращении морской торговли, в запрещении вывоза из страны ряда товаров, в преимущественном переключении на караванную торговлю, обогащавшую феодалов, марабутов и султанскую казну.

Изоляционизм, однако, не спас Марокко от внешней угрозы. После захвата Алжира французами марокканцы пытались поддержать сопротивление алжирцев. Но вторгнувшаяся в страну французская армия в августе 1844 г. разгромила войска султана у реки Исли. Марокко было спасено от оккупации только благодаря вмешательству Англии, не желавшей укрепления Франции в Магрибе.

Алжир на рубеже XVIII–XIX вв. был наименее стабильным государством Магриба, что и предопределило в конечном итоге его захват Францией. Экономика страны к началу XIX в. пришла в упадок по тем же причинам, что и в соседних странах – неурожаев, эпидемий, падения доходов от пиратства. Причем правящий слой турецко-янычарских предводителей и корсарских капи-

танов-раисов был в гораздо большей степени зависим от пиратского промысла. Ввиду сокращения, а после 1816 г. – прекращения доходов от пиратства, дей и его окружение постоянно увеличивали подати, что вызывало недовольство племен. Восстания против власти янычарских правителей с конца XVIII в. стали особенно часты. Некоторые из них длились годами, например, восстание под руководством братства Деркава в 1802–1813 гг., восстание марабутов Кабилии в 1810–1815 гг. Ослабленное ими, дейское государство ни экономически, ни технически не было способно отразить угрозу европейских держав извне, что ярко продемонстрировали дей Мустафа в 1801 г., принявший ультиматум Франции под угрозой морской блокады, и дей Хусейн, бессильный помешать после истребления алжирского флота американцами в 1818 г. и англо-голландцами в 1819 г. все возраставшему давлению Франции.

В 1827 г. Франция, воспользовавшись стычкой дея с французским консулом, установила блокаду Алжира с моря, а в июле 1830 г. захватила столицу страны после двух сражений и недолгой осады. Дей Хусейн подписал капитуляцию и покинул страну, которую французы сочли завоеванной. Однако борьба только начиналась. В 1832 г. ее возглавил эмир Абд аль-Кадир, сын Махиддина, мукаддама (лидера) братства Кадирийя, создавший на западе и в центре совершенно новый для Алжира тип государства. Оно было основано не на равновесии янычарской олигархии, свободных и податных племен, марабутских братств, изолированных общин и городов, а на сплочении всех алжирцев без различия происхождения против колонизаторов. Десятилетие после 1830 г. было заполнено в Алжире ожесточенной борьбой между французской армией и патриотами Алжира. При этом если французы вынуждены были признать государство Абд аль-Кадира и дважды заключать с ним мирные договоры, то на востоке страны они столкнулись с ориентировавшимся на османов беим Ахмедом, не желавшим объединиться с Абд аль-Кадиром. В 1837 г. французы захватили главный оплот бейя Ахмеда – город Константину, после чего бей вел еще 11 лет партизанскую войну. Государство Абд аль-Кадира, просуществовав в почти непрерывной войне до 1847 г., погибло под ударами колонизаторов.

Таким образом, Магриб на рубеже XVIII–XIX вв. представлял собой регион, социальный облик которого характеризовала стой-

кая многоукладность, а политический режим носил характер военно-феодальной деспотии. Различные страны Магриба по-разному встретили напор европейской экспансии: либо пытаясь ее остановить путем изоляционизма (Марокко), либо приспособляясь к ней (Тунис), либо противопоставляя ей вооруженный отпор. Это определялось как уровнем развития страны, так и характером действий колонизаторов. Немалое значение имела также внутренняя расстановка социальных сил в каждой стране и функционально-классовая сущность правящей группировки. В целом же все страны Магриба были не способны остановить европейскую экспансию ввиду начавшегося в них экономического упадка, а также – потерь от стихийных бедствий, неурожаев, междоусобных войн и нападений европейских держав, перед военным, техническим и экономическим превосходством которых они оказались бессильны.

Глава 6. Арабский Восток и османы в XIX в.

Ваххабиты Аравии и их разгром. Политическая карта Аравии со времен прихода османов менялась в основном под воздействиями извне, хотя социокультурная разобщенность населения, разделенного принадлежностью к многочисленным племенам и религиозным направлениям (суннизму, шиизму, ибадизму, зейдизму и прочим), казалось, давала достаточно внутриаравийских поводов для конфликтов. Однако общественный строй и быт местных жителей не менялся столетиями и это само по себе действовало усыпляюще. Патриархально-родовые и феодальные отношения сплетались с рабовладением, широко распространенным у кочевников и у оседлых. Тем не менее, борьба между османами и Ираном, смена португальцев в Персидском (Арабском, как считают арабы) заливе голландцами, а потом англичанами и французами, процессы оседания одних племен и, наоборот, номадизации других, используемые и османами, и персами, и западноевропейцами, стимулировали к XVII в. политические изменения в Аравии, как и миграции некоторых кланов, племен и племенных союзов.

Османы, ранее контролировавшие Эль-Хасу (восточное побережье Аравии), с XVII в. начинают отступать под нажимом кон-

федерации племен бану халид во главе с династией кочевых шейхов Хумайд. В дальнейшем произошло ослабление этой конфедерации и выдвижение новых кланов, образовавших сохранившиеся до наших дней династии Сабахов в Кувейте (с 1752 г.), Аль-Халифа на Бахрейне (с 80-х годов XVIII в.), Бу Саидов в Омане (с 1753 г.) и других. Всем им пришлось утверждаться в борьбе с персами, захватившими Эль-Хасу, Оман и Бахрейн. Но постепенно из множества шейхств, эмиратов и султанатов на первый план вышло образованное в 1745 г. государство Саудилов в Неджде.

Идеологической основой этого государства стало учение ваххабизма, автором которого был богослов из Неджда Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1791). Оно сводилось к возрождению первоначальной чистоты ислама и осуждению бытовавших еще среди аравийских племен доисламских пережитков – культа камней, скал, источников, местных святых. Ибн Абд аль-Ваххаб выступал также за суровую простоту нравов и аскетизм первых мусульман, строго запрещал употреблять табак, пить вино, петь и играть на музыкальных инструментах, предаваться роскоши и любым излишествам. Последователи ваххабизма осуждали мистицизм суфийских дервишей, запрещали магию, ворожбу, разрушали гробницы суфиев. Самым же политически опасным для Стамбула были призывы этих «пуритан ислама» бороться с «вероотступниками» среди самих мусульман, не только с персами и прочими шиитами, но и с османскими пашами и даже «султаном-лжехалифом». Ваххабиты не скрывали своей цели изгнания османских поработителей и объединения арабов под знаменем «подлинного ислама».

Это учение принял один из эмиров Неджда – Мухаммед ибн Сауд, вступивший в 1744 г. в союз с Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом. Под его лозунгами он повел борьбу за объединение Неджда, которую после его смерти в 1765 г. продолжил его сын Абд аль-Азиз, добившийся своей цели и после смерти идеолога ваххабизма объединивший в своих руках светскую и духовную власть в новом феодально-теократическом государстве, которое с 1786 г. начало внешнюю экспансию под флагом распространения своего учения. В 1793 г. оно захватило Эль-Хасу, в 1803 г. – Бахрейн и Кувейт, правители которых признали учение ваххабитов и власть их эмира Сауда (1803–1814), постепенно объединившего под своей властью почти всю Аравию. Начатая ваххабитами в

1794 г. борьба за Хиджаз была достаточно упорной. В ходе ее они дважды (в 1803 и 1806 г.) брали и разоряли Мекку. Несмотря на сопротивление противников ваххабизма, вне контроля Саудидов остались только горный Йемен и Хадрамаут. Однако подчинить себе Ирак и Сирию они не смогли, ограничившись разорением в 1801 г. Кербелы и неудачным походом на Багдад в 1808 г. Также неудачны были их походы на Дамаск, Халеб и другие города Сирии. За пределами Аравии ваххабитам не удалось добиться каких-либо успехов.

Тем не менее, османские султаны, серьезно встревоженные распространением ваххабизма, тщетно пытались его разгромить, ибо, занятые войнами с Россией и на Балканах, не могли повести решительное наступление на Саудидов. Это сделал по просьбе Стамбула Мухаммед Али, который видел в ваххабитах конкурентов в борьбе за господство над арабскими провинциями Османской империи. Начав в 1811 г. войну в Аравии, Мухаммед Али в 1813–1815 гг. лично ею руководил, а потом передал командование своему сыну Ибрагиму, который и разгромил государство Саудидов к 1818 г. Правивший им последние 4 года эмир Абдаллах был взят в плен и казнен в Стамбуле. Вся Аравия была поставлена под контроль египтян.

Однако с 1820 г. повсюду в ней начались восстания ваххабитов, а дядя казненного эмира Турки временно даже восстановил власть Саудидов, учредив новую столицу в Эр-Рияде, где он и правил в 1821–1834 гг. на большей части территории Неджда. В 1834 г. он был свергнут и убит, а его наследник Фейсал пленен египтянами в 1838 г., но через два года они были вынуждены уйти из Аравии, снова уступив Саудидам.

Параллельно с египетской экспансией в Аравию туда же устремились англичане. В декабре 1820 г. их эскадра бомбардировала йеменский порт Моху и навязала имаму Йемена неравноправный договор 1821 г. В 1834 г. войска британской Ост-Индской компании заняли остров Сокотру, ставший в 1866 г. протекторатом Великобритании. В 1839 г. Англия захватила Аден, оформив это как покупку у султана Лахеджа (отделившегося от Йемена в 1728 г.) весьма выгодно расположенной гавани, контролировавшей пролив Баб эль-Мандеб. В 1820 г. Англия вынудила шейхов Пиратского берега (ставшего с тех пор Договорным Оманом) подписать договор, ставивший их в полную зави-

симось от англичан. Такой же договор и тогда же подписал шейх Бахрейна, а вслед за ним – правители Маската и других княжеств Персидского залива, превратившегося с тех пор в подобие «английского озера».

Ирак и Сирия в начале века. Неудача экспедиции Бонапарта в Египет не обескураживала завоевателя, ставшего вскоре после этого первым консулом, а затем императором Франции. Не успев подписать Амьенский мир 1802 г. с Англией, французы резко активизировали свою деятельность на Ближнем Востоке, имея в виду продолжить подготовку похода на Индию, на этот раз – через Сирию и долину Евфрата. Агентура Франции в Османской империи установила с этой целью связь с Хафизом Али, взявшим власть в Ираке после смерти в 1802 г. основателя династии пашей-кюлеменов Буюк Сулеймана. Приняв французских инструкторов, Хафиз Али сформировал с их помощью воинскую часть, обученную по-европейски. Но в 1807 г. Хафиз Али был убит заговорщиками, связанными с Англией. Тогда племянник убитого Кючук (Маленький) Сулейман, опираясь на эту часть, разгромил заговорщиков. По настоянию французов он был утвержден султаном в должности багдадского паши. Однако в 1809 г. Кючук Сулейман изгнал из Багдада представителя британской Ост-Индской компании. Через год он был отстранен под давлением англичан и осужден на смерть. Компания восстановила свои фактории в Багдаде и Басре. Однако это лишь способствовало еще большему падению престижа османов, чем и воспользовался самый знаменитый из кюлеменов Дауд-паша.

Грузин, в раннем детстве проданный в рабство Буюк Сулейману, Дауд впоследствии стал его секретарем и зятем, выделяясь среди кюлеменов образованностью, знанием многих языков и мусульманского богословия. Это позволило ему в дальнейшем стать имамом одной из мечетей Багдада после смерти его тестя и покровителя. Но Дауд тайно продолжал заниматься политикой, постепенно расширяя свои связи и в среде духовенства, и в кругу кюлеменов. Выждав удобный момент, он захватил власть в Багдаде, отрубив в 1817 г. голову своему предшественнику (и, кстати, шурина) Саиду-паше, сыну Буюк Сулеймана.

Правление Дауд-паши (1817–1831) во многом имитировало таковое Мухаммеда Али в Египте. Самовластный и жестокий Дауд беспощадно расправлялся с противниками, особенно с сепар-

ратистами. Подавляя восстания племен, он смещал неугодных ему шейхов и ставил на их место своих людей. С помощью английских инструкторов во главе с полковником Тэйлором (резидентом Ост-Индской компании) он создал регулярную армию, обученную по образцам англо-индийских сипаев, приобрел современную артиллерию, выстроил в Багдаде арсенал по последнему слову техники. Подобно Мухаммеду Али он установил монополию на скупку и экспорт продовольствия – зерна, соли, фиников, приобрел морские и речные корабли, пытался разводить хлопок и сахарный тростник, которыми славился Египет.

Ради обеспечения интересов иракских торговцев Дауд-паша ввязался в 1821 г. в конфликт с Ост-Индской компанией и ее агентами – персами, которые были высланы из страны. Но вскоре компания полностью восстановила свои позиции в Ираке, так как Дауд-паша, пытаясь подчинить себе беков Курдистана, столкнулся с поддерживавшими курдов иранскими войсками и потерпел поражение. Начавшаяся из-за Курдистана османо-иранская война 1821–1823 гг. шла неудачно для Стамбула: персы заняли Киркук, Сулейманию и Мосул и ушли обратно только ввиду эпидемии чумы. В ходе войны Дауд-паша конфисковал имущество всех персов в Ираке и многих из них истребил, хотя они и прятались в мечетях. По его приказу у шиитского духовенства Наджафа и Кербелы были отобраны все богатства.

Как и Мухаммед Али, Дауд-паша попытался использовать поражение османов в войне 1828–1829 гг. с Россией с целью добиться независимости от Стамбула. Для сбора контрибуции в пользу России согласно Андрианопольскому миру 1829 г. в Ирак был послан специальный представитель султана, который по прибытии в Багдад в декабре 1830 г. сразу же был убит. В ответ османы двинули против Дауда войска халебского паши Али Ризы. Дауд хорошо подготовился к войне, располагая, помимо частей европейской выучки, также корпусом иррегулярной пехоты и кавалерии в 25 тыс. бойцов и племенным ополчением в 50 тыс. воинов. Но катастрофическое наводнение, голод вследствие неурожая и эпидемия лихорадки подорвали мощь армии Дауда, а чуть позже чума истребила ее почти полностью. Когда эпидемия чумы закончилась, Али Риза-паша вторгся в Ирак и почти без сопротивления овладел обессиленной и опустошенной страной. Низложенный в сентябре 1831 г. Дауд-паша был вывезен в Стамбул, где

вскоре и умер. Периоду правления кюлеменов в Ираке был положен конец. Однако установление в Ираке прямого управления Стамбула не улучшило положения. Народ бедствовал и при кюлеменах, и при назначенных султаном пашах. Не вызывает удивления поэтому, что с 1800 по 1867 г. население Ирака вновь уменьшилось вдвое: с 2,5 млн. до 1,3 млн. чел.

В то же время Сирия, Ливан и Палестина (составные части Великой Сирии, воспринимавшейся арабами как единый комплекс) были также вовлечены и в борьбу за самостоятельность от османских султанов, и в интриги начавших проявлять интерес к Ближнему Востоку западных держав. Еще во время похода в Сирию в 1799 г. Наполеон Бонапарт пытался договориться с местными феодалами, прежде всего с Ахмедом Джаззаром. Но тот уже был подкуплен Англией, к тому же – неограниченно правил Сирией почти четверть века и ни с кем не хотел делиться властью. Эмир Ливана Бешир II занял выжидательную позицию: приняв у себя посланца Бонапарта, он в то же время посылал продовольствие и французам, и османам. Но на требование Джаззара прислать войска ему для обороны Акки ответил, что у него якобы «в горах полное безначалие», что он не в силах даже подати собрать, а не только послать людей на войну. Лишь только Салих, внук знаменитого Дахира ибн Омара, правивший в Сафаде, подержал французов.

В Сирии французы не оставили таких следов, как в Египте. Они прибыли здесь всего три месяца и вынуждены были отступить, ничего не добившись, но посеяв зерна сомнения в прочности власти османов. Тем более что всеобщая ненависть к Джаззару лишь усиливала антиосманские настроения в Сирии.

В Стамбуле тоже стали проявлять недовольство Джаззаром и пытались ограничить его самовластие, в частности – отменив его решение о смещении Бешира II (якобы за поддержку французам, которую эмир лишь имитировал). Но Джаззар сплел умелую интригу и вновь добился отстранения непокорного эмира, заменив его сразу двумя своими ставленниками. Но их беззастенчивые вымогательства спровоцировали в 1800 г. восстание горцев Ливана, позволившее Беширу II вновь вернуться на трон. В 1803 г. эмир, наконец, «откупился» от Джаззара почти миллионной взяткой. Впрочем, в 1804 г. Джаззар умер и во всех областях Сирии соперничество за власть вспыхнуло с новой силой. На юге укре-

пился бывший военачальник Джаззара Сулейман-паша, правивший после этого в Акке 15 лет (1804–1819). В Дамаске чехарду пашей пресек сотник Гендис Юсуф, правивший до 1812 г., непрерывно воюя с ваххабитами, а также – пашами Акки, Халеба и Триполи (в Ливане), но в конце концов вынужденный бежать в Египет под защиту Мухаммеда Али. В Триполи авантюрист Мустафа Бербер (очевидно, выходец из Магриба), бывший подручный Джаззара, пробравшись на пост коменданта цитадели, вскоре овладел всем севером Ливана, стал собирать налоги в свою пользу, не признавая ничьей власти. На юге Палестины, в Яффе, правителем стал Мехмед-бей, прозванный за свои методы управления Абу Набут («Отец дубины»).

В этом разгуле анархии лишь Бешир II показал себя настоящим государственным деятелем. Именно тогда его стали называть «грозным эмиром». Амбициозный, волевой, алчный, безжалостный, он систематически добивался своего, не особенно стесняясь в средствах. С 1795 г. он истреблял то одно, то другое феодальное семейство, имущество которого присваивал. Нередко он лишал власти непокорных феодалов, ставя на их место свою родню. Отнимая землю у дружеских феодалов на юге Ливана, он поселял на ней крестьян-маронитов, которые выплачивали эмиру арендную плату и занимались выделкой шелка, разводя тутовые деревья. Некоторые, разбогатев, выкупили землю у эмира, становясь самостоятельными хозяевами. Но одновременно с этим Бешир II урезал также права феодалов-маронитов, например, в Кесруане. Он добился полной безопасности на дорогах, беспощадно карая за разбой. Крестьяне были благодарны ему за это, как и за уменьшение размеров податей по сравнению с временами Джаззара.

В знаменитом дворце Бейт ад-Дин («Дом веры»), считающемся до наших дней замечательным памятником ливанской архитектуры, Бешир II принимал у себя и мусульман, и христиан. Он всегда тонко улавливал настроения разных конфессиональных общин, используя их в политической борьбе. Будучи мусульманином, эмир тайно распространил сведения о своем якобы переходе в христианство и «секретном» выполнении им соответствующих церковных обрядов. При этом католическая пресса на Западе и на Востоке изображала его ревностным христианином. На самом деле эмир был равнодушен к любой религии и заигрывал с христи-

анами лишь с целью получения поддержки маронитов и их очень влиятельного в стране и связанного с Ватиканом духовенства. Французский поэт Ламартин, встречавшийся с Беширом II во время своей поездки на Восток, свидетельствует, что эмир был другом с друзьями, христианином с христианами, мусульманином с мусульманами.

В 1819 г. смерть Сулеймана-паши в Акке поставила эмира перед новым испытанием. Состоявший при умершем откупщик купил пашалык Акки для своего любимого мамлюка Абдаллаха, талантливое поэта и каллиграфа, но совершенно никакого политика. Его назначению пашой во многом помог вовремя сделанный подарок султану Махмуду II – собственноручно переписанная рукопись Корана. Став пашой, Абдаллах ничем себя не проявил, кроме увеличения дани с Ливана, поскольку его покровитель-откупщик постоянно требовал от него денег. Это требование вызвало восстание ливанцев в 1820 г. и бегство Бешира II. Но вскоре Абдаллах вынужден был вернуть эмира, без которого Ливан стал неуправляем. В 1822 г. Бешир II вновь бежал в Египет ввиду неудачи его совместного с Абдаллахом мятежа против султана. Но Мухаммед Али добился для него прощения и эмир вернулся в Ливан. Однако усилившиеся в его отсутствие дружеские феодалы Джумблаты и Арсланы не захотели ему подчиниться. Расправа эмира была жесточайшей: глава клана Джумблатов был задушен, его дети высланы, а поместья отданы сыновьям Бешира II. Та же участь постигла Арсланов, лишь отдельные представители которых смогли спастись. Эмир репрессировал даже некоторых своих родственников, посеяв в стране всеобщий страх и безраздельно с того времени властвуя в Ливане.

С 1831 г. Бешир II стал союзником и фактически вассалом Мухаммеда Али, включившего Сирию в свои владения. До этого Ливан, Сирия и Палестина пережили период волнений, связанных с отменой султаном Махмудом II военно-ленной системы и ликвидацией корпуса янычар. Бунт янычар в июне 1826 г. был погашен в крови, причем бойня из Стамбула перекинулась и на периферию, включая Сирию, где агитацию против реформ султана вели дервиши суфийского братства бекташи. Но и до этих событий, в 1825 г., происходили волнения в Дамаске, Иерусалиме, Вифлееме и Наблусе. Новые восстания вспыхнули в 1830 г. в Наблусе, в 1831 г. в Дамаске был сожжен дворец паши, а сам он был

убит. Все это использовал Мухаммед Али, когда ввел свои войска в Сирию и Палестину в 1831 г. Верховным правителем Сирии стал Ибрахим, сын Мухаммеда Али, который пытался впервые сделать Сирию ядром будущего единства арабов. С этой целью он содействовал централизации управления, ликвидации феодального произвола, упорядочению сбора налогов, переходу бедуинов к оседлости и расширению посевных площадей (в некоторых областях – в 3 и более раза). С 1834 г. начались также реформы в сфере просвещения.

Но наряду с позитивными переменами реформы Ибрахима вызывали и недовольство многих ущемленных им феодалов, лишившихся возможности разбойничать горцев и бедуинов, но особенно – крестьян, которых заставляли возводить крепости и укрепления, выплачивать более высокие, чем раньше, налоги с целью «крепить оборону» от возможного реванша султана, а главное – поставлять молодежь для рекрутских наборов. В результате в 1834 г. вспыхнуло первое антиегипетское восстание в Палестине, причем выручать Ибрахима, осажденного в Иерусалиме, вынужден был лично Мухаммед Али. С большим трудом Ибрахим подавил также массовое восстание друзов в Хауране и горах Антиливана в 1837–1838 гг.

В дальнейшем Мухаммед Али отверг, как известно, попытки Англии распространить на его владения действие кабального англо-османского договора 1838 г. В начавшейся в 1839 г. новой османско-египетской войне Ибрахим вновь победил, но в 1840 г. вынужден был отступить под совместными ударами османов, англичан и австрийцев, тем более что в тылу у него вспыхнул ряд бунтов в Сирии и Палестине, но особенно в Ливане в мае 1840 г., в ходе которого повстанцы с помощью англо-австрийского флота заняли почти все города побережья. Бешир II, союзник Мухаммеда Али, сдался англичанам, выславшим его на Мальту. Его место занял связанный с Англией двоюродный брат эмира Касем.

Период Танзимата. В 1839 г. Османская империя вступила в период «танзимат-и-хайрие», т.е. «благотетельных реформ». Он был провозглашен в «благородном указе» (хатт-и-шериф) нового султана Абдул-Меджида (1839–1851), оглашенном им во «Дворце роз» (Гюль-хане) 3 ноября 1839 г. Гюльханейский хатт-и-шериф обещал безопасность жизни, чести и имущества подданных султана, справедливость при распределении и сборе налогов, при

призыве на военную службу и т.д. Гарантии давались всем независимо от религиозной принадлежности, что было важно для многочисленных в империи христиан, иудеев и прочих немусульман. В дальнейшем в соответствии с принципами Танзимата в империи проводились судебная, административная, военная реформы, а также реформа просвещения.

В арабских странах эти реформы получили некоторый отклик, но свелись в основном к административным изменениям. Они скорее породили ожидания, несбыточность которых быстро выявилась. В результате последовали восстания, прежде всего – в Ливане, наиболее социально развитой стране региона. Восстание 1841 г. смело эмира Касема и превратило Ливан из княжества в обычную провинцию. Однако в самом Ливане марониты требовали восстановить эмират с династией Шехабов. Выступавшие против этого друзья восстали в 1842 г., требуя отстранения османского губернатора Омер-паши и освобождения арестованных им шейхов. В 1843 г. османы согласились на управление Ливаном двумя каймакамами (наместниками) – христианином и мусульманином. Сами османы называли это решение «организованной гражданской войной». Оно было усугублено назначением, по предложению французского консула в сентябре 1844 г., в каждую деревню со смешанным населением двух вакилей (старост) – для христиан и для мусульман. В мае 1845 г. восставшие крестьяне-марониты наряду с феодалами-друзами стали истреблять всех друзей. В ответ друзья занялись истреблением маронитов. К осени 1845 г. взаимная резня прекратилась. Прежнее устройство Ливана было дополнено созданием при каждом каймакаме совета с судебными и налоговыми функциями и смешанным составом: по два маронита, два друга, два суннита, два православных и два мелькита (греко-униата). Это дополнение не решило ни одной проблемы, в то же время заложив в политическую жизнь Ливана принцип конфессионализма, т.е. жесткого распределения всех постов и средств влияния между определенными религиозными общинами.

К этому времени относится и более интенсивное проникновение западных держав в Сирию и Палестину, в том числе – через духовные миссии, которые, помимо религиозной, занялись также культурно-просветительской деятельностью. Первыми были католические миссионеры иезуиты и лазаристы, направляемые Ва-

тиканом и поддерживаемые Францией. Они довольно быстро создали обширную сеть школ и семинарий, выпускники которых потом ехали на учебу в Рим, Париж, Брюссель. В 1846 г. папа восстановил Латинский иерусалимский патриархат, действовавший в свое время при крестоносцах. В 1820 г. в Бейруте появились американские миссионеры-протестанты. Они создали за 40 лет своей деятельности свыше 30 школ, арабскую типографию, а в 1866 г. – Сирийский протестантский колледж, впоследствии ставший Американским университетом в Бейруте, известным и в наши дни. Англия, со своей стороны, способствовала учреждению в Иерусалиме в 1841 г. англо-прусского епископата. Впрочем, этот епископат, как и первые британские планы еврейской колонизации Палестины (там в середине XIX в. проживало не более 11 тыс. евреев, в основном пожилых паломников), успеха в то время не имели.

Более перспективны оказались русские духовные миссии в Палестине в 1847–1853 гг. и 1857–1917 гг., чьи усилия были умножены действиями Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), создававшего больницы, школы, библиотеки в Ливане, Сирии и Палестине.

Знакомство с иностранной культурой, наряду с отрицательными последствиями, в частности – формирования широкого слоя компрадоров и лиц прозападной ориентации (которых в Ливане всегда было достаточно в силу его географического положения и посреднических функций в мировой торговле с незапамятных времен), имело и позитивные результаты. Образованные ливанцы получили возможность более непосредственно познакомиться с наиболее передовыми идеями Запада, духовно вооружиться для борьбы против феодального наследия, клерикализма и деспотизма. Одним из первых среди них был Бутрус аль-Бустани (1819–1883), маронит, воспринявший в 1840 г. пресвитерианство от миссионеров США. Просветитель, педагог и публицист, он первым выступил против религиозной нетерпимости, розни и фанатизма. В 1863 г. им была основана первая арабская национальная школа, потом издавались журналы, в которых много внимания уделялось проблемам арабского литературного языка и распространения среди арабов европейских знаний. Им было издано семь томов арабской энциклопедии «Даират аль-маариф» (Круг знаний). После его смерти его кузен Сулейман аль-Бустани

продолжил издание энциклопедии и перевел на арабский язык «Илиаду» Гомера.

Много работал в том же направлении их друг Насиф Язиджи (1800–1871), придворный поэт Бешира II. Бустани и Язиджи сплотили вокруг себя интеллектуальную элиту Ливана без различия религии в рядах созданного в 1857 г. Арабского научного общества. Прервав свою деятельность в связи с событиями 1860 г., общество возобновило ее в 1868 г. Одним из ярких его деятелей стал Ибрахим Язиджи (сын Насифа Язиджи). Впоследствии все это послужило основой для подъема арабской культуры и литературы в Сирии, Египте и других арабских странах и получило название Ан-Нахда аль-Арабийя, т.е. Арабское возрождение.

В 1856 г. начался второй период Танзимата. Султан опубликовал новый «высочайший манифест» (хатт-и-хумаюн), в котором еще более расширялись права немусульман и их возможности вести экономическую деятельность, в чем прямо были заинтересованы западные державы, желавшие увеличения привилегий своих подданных и своей местной агентуры из преимущественно немусульманских общин. В Ливане крестьяне, восприняв манифест как освобождение от феодальных повинностей, потребовали осуществления своих прав. Получив отказ, они восстали в январе 1859 г. в области Кесруана, изгнав оттуда маронитских феодалов и добившись назначения своего предводителя, кузнеца Таниуса Шахина, каймакамом области. Волнения перебросились в соседние районы и быстро переросли весной 1860 г. в новую друзко-маронитскую резню. Взаимное истребление пошло по всему Ливану. Только вокруг столицы за три дня были разгромлены 60 деревень.

В июле 1860 г. мусульманские фанатики при участии османских солдат организовали христианские погромы в Дамаске. От полного уничтожения христиан спас только алжирский национальный герой Абд аль-Кадир, живший в Дамаске в качестве изгнанника и укрывший в своем дворце многих христиан. Но все же во время всех этих событий, помимо мусульман и друзов, погибло свыше 20 тыс. христиан и было уничтожено 380 христианских деревень, 560 церквей и 40 монастырей. Это создало повод для вмешательства Запада, особенно французского императора Наполеона III, решившего воспользоваться случаем для реализации своих амбиций. Опасаясь этого, османы провели в Дамаске

показательную расправу, расстреляв 111, повесив 57, осудив на каторгу 325 и выслал 145 участников событий.

Однако это не помогло. В августе 1860 г. французские войска высадились в Бейруте. Но, кроме торжественных маршей, они почти ничего не предприняли, за исключением восстановления власти маронитских шейхов в мятежном Кесруане. К июню 1861 г. французы вынуждены были уйти из Ливана и прекратить на первый взгляд бесполезную демонстрацию силы. Но эта акция все же повлияла на выработку нового Органического Статута Ливана, согласно которому Горный Ливан (без побережья) стал автономной областью во главе с христианином-губернатором (мутасаррифом), подчиненным непосредственно султану. В совет при нем входили 12 членов (по два от маронитов, друзов, суннитов, шиитов, православных и греко-униатов). Из шести правителей областей трое должны были быть маронитами, по одному – друзом, православным, греко-униатом. В Ливане учреждалась своя полиция и судебная система. В 1864 г. в Статут внесли изменения: добавился еще один маронитский округ, а среди 12 членов совета оказалось уже 4 маронита, 3 друга, двое православных и по одному греко-униату, сунниту и шииту. В таком виде он действовал вплоть до 1914 г.

Глава 7. Египет и Магриб в 1840–1914 гг.

Колониализм в арабской Африке. Колониальная эпоха в Египте и Северной Африке (за исключением Алжира) наступила поначалу сравнительно мирно и внешне мало заметно. По-разному в странах региона вставала и проблема противодействия колониализму. Вооруженная борьба против него шла в основном в Алжире (против французов), менее выражено и скорее эпизодически (против испанцев) – в Марокко. В остальной части региона первые десятилетия рассматриваемого периода были скорее временем приспособления местных феодальных и патриархальных структур (вернее – сложных многоукладных обществ) к чисто экономической на первых порах экспансии колониализма. На территории нынешней Ливии не было и этого. Здесь еще господствовавшая феодально-патриархальная верхушка кочевых племен продолжала выяснять отношения с османскими властями, со-

храня при этом кое-где и дофеодальные отношения, в том числе и рабовладение.

В этих условиях, естественно, не было и не могло быть речи о «пересаживании» капитализма метрополий в местную социально-экономическую среду. Исключение представлял, пожалуй, лишь Алжир, да и то не ранее 50–60-х годов XIX в.

Однако время шло и положение менялось. Приспособление местного общества к экспансии колониализма рождало новые отношения: между иностранным капиталом и феодально-бюрократическим аппаратом, между чужеземными предпринимателями и наемными работниками из коренных жителей, между заморскими богатеями и местными ростовщиками и компрадорами. Из числа последних, так же как и среди коррумпированной национальной бюрократии, купцов и традиционных торгово-ремесленных слоев, стала зарождаться национальная буржуазия (прежде всего в коммерции, сфере услуг, мелком и среднем производстве), связанная с местными формами хозяйствования, самобытными традициями экономической деятельности (в том числе – при освоении новых ее видов), нарождающимся общенациональным рынком и быстро формирующимися собственными понятиями о национальных интересах.

Время перехода от традиционного докапитализма к зарождению уклада национального капитализма (при сохранении и иногда даже одновременном развитии иных укладов) наступило во все не синхронно для разных стран региона. Сугубо условным рубежом этого перехода можно признать 1851 г. для Алжира, когда в этой стране возник первый банк (а вслед за ним, в 1853 г., и первые концессии), и она оказалась включенной в таможенные пределы Франции, став ее частью в административном и экономическом отношении, 1854 г. для Египта (т.е. с началом правления Мухаммеда Саида-паши, при котором была отменена система монополий, запрещены рабство и работоторговля, введена свобода частного предпринимательства и провозглашено равенство всех египтян перед законом), 1857 г. для Туниса (год провозглашения «Ахд аль-Амана», т.е. Хартии неприкосновенности, которая гарантировала неприкосновенность личности, имущества и чести жителей Туниса, их равенство перед законом и полную свободу частного хозяйствования).

В остальных странах движение к капитализму началось позже (отмена системы монополий в Марокко в 1864 г., распространение на Западное Триполи, т.е. будущую Ливию, в 1865 г. либерального османского законодательства эпохи Танзимата в сфере администрации, судопроизводства, торговли), происходило медленнее и, главное, почти не захватило сельскую местность, жители которой, составляя подавляющее большинство населения, сохраняли племенное деление и, в значительной своей доле, кочевой образ жизни.

Во многом это определялось местными особенностями. Например, города Магриба издавна находились в постоянной вражде или полувражде с племенами арабов и берберов, отличаясь от них не только по образу жизни, но и по составу населения (среди горожан в XIX в. преобладали потомки андалусийских мавров, принявших ислам «мевлед-руми», т.е. европейцев, и «гнауа», т.е. бывших африканских рабов, турок и отуреченных мамлюков из греков, славян и кавказцев). Поэтому, за исключением Египта и Туниса, горожане на севере Африки всюду были как бы в отрыве от остальной страны.

Но и там, где можно говорить о развитии капитализма в рассматриваемый период, он возникал и эволюционировал внутри достаточно разнородной многоукладности, становясь не столько ее ведущим звеном, сколько дополнением, расширением ее многообразия, в лучшем случае – авангардом и ферментом экономической и социальной модернизации. Кроме того, капитализм здесь был крайне неоднороден, представлен разными потоками. Наряду с иностранным капиталом Европы начал возникать выполнявший преимущественно компрадорские функции местный инациональный капитал (греки, армяне, левантийцы в Египте, итальянцы, мальтийцы, испанцы, евреи в Алжире и Тунисе). Национальный купеческий (торгово-ремесленный и ростовщический) капитал играл роль скорее предтечи национального капитализма, своего рода стадии перехода от феодальных механизмов к буржуазным, от денежных отношений к производственным. Рождавшееся в этой обстановке национальное предпринимательство вынужденно ограничивало себя сферой сельского хозяйства (особенно в Египте), торговли, кустарной и легкой (в первую очередь пищевой) промышленности, различных видов транспорта.

При этом всюду представители национальной буржуазии занимали подчиненное положение, оставаясь на вторых ролях или, в лучшем случае, становясь младшими партнерами иностранных капиталистов. «Здания в стиле французской архитектуры, почтовые отделения, церкви, магазины и матросские кабаки отмечали здесь победное шествие капитализма», – справедливо пишет известный арабист Н.А. Иванов о Северной Африке середины XIX столетия. Но *какого* капитализма? Для национальной буржуазии это был с самых первых дней ее существования самый важный вопрос. И хотя она долго шла в одной упряжке с иностранным капиталом (особенно, когда речь шла о совместной борьбе с феодальной заскорузлостью и бюрократической рутинной, о самой возможности быть предпринимателем), она никогда не забывала, что «французская архитектура» – не арабо-андалусская, а «матросские кабаки» – не мавританские кофейни.

Мелкие собственники и предприниматели в арабских странах, выступая в роли помощников, агентов, ремонтников, сателлитов и прочей обслуги крупного иностранного производства, объективно смыкались с национальной буржуазией, образуя ее опору, окружение и питательную среду. Естественно, в любых своих акциях буржуазия должна была учитывать позицию этого мелкособственнического слоя, во много раз превосходившего ее и по численности, и по связям с основной массой коренного населения, и по негативному отношению к иностранному капиталу, обладавшего монополией на современные методы ведения бизнеса, а главное – на политическую власть. Все это давало возможность зарубежным капиталистам не только эксплуатировать трудящихся арабских стран Африки, но и душить мелкое предпринимательство этих стран, беззащитно подчиняя его своим корыстным интересам и прихотям.

Оказавшись перед лицом достаточно быстрого захвата внутреннего рынка Египта и Магриба иностранным капиталом в условиях отсутствия или крайней слабости национального капитала, правители Египта, Туниса и Марокко прибегли к государственному предпринимательству. В Египте это привело к возведению по инициативе и за счет государства ирригационных сооружений и путей сообщения, созданию плантаций сахарного тростника. Только при хедиве Исмаиле (1863–1879 гг.) в Египте было выстроено 112 ирригационных каналов, 1466 км железных

дорог, 430 мостов, 64 сахарных завода. Аналогичное строительство государство осуществляло в Тунисе и Марокко, а также (французская колониальная администрация) в Алжире. В Алжире и Тунисе строились в основном средства связи и коммуникации, в Марокко – хлопчатобумажные и сахарные предприятия, основывались хлопковые и сахарные плантации, заводы военного значения.

Государственное предпринимательство, ввиду скудости внутренних ресурсов стран региона, обычно финансировалось иностранным капиталом. По этой причине оно, наряду с позитивными аспектами (развитие экономики и средств сообщения, создание условий для привлечения инвестиций извне и стимулирование частной инициативы национальных капиталистов), имело и негативные стороны, а именно: поощрение компрадорских тенденций и просто продажности государственной бюрократии, формирование в ее рядах агентуры иноземных капиталистов, укрепление позиций высших хозяйственных чиновников, заинтересованных в привлечении зарубежных капиталовложений в ущерб национальным. Кроме того, на протяжении всего XIX в. все возрастала задолженность правителей стран региона иностранным банками. Постепенно это привело к полному финансовому (и не только) закабалению этих стран.

Например, в Египте первые займы предоставлены были Мухаммеду Али европейскими банкирами в 1833 г., т.е. в момент его наивысшего могущества. Однако к 1840 г. сумма долга по займам составляла уже 80 млн. франков, а количество иностранцев в стране (преимущественно – предпринимателей, советников, маклеров и посредников) только в 1841–1846 гг. выросло в 10 раз – с 6 тыс. до 60 тыс. чел. В Тунисе первые займы были получены в 1824 г., и уже через 5 лет страна оказалась на грани финансового банкротства. В дальнейшем последовали новые займы и к 1869 г., когда закабаление страны стало уже фактом, сумма долга составила 125 млн. франков, из которых 4/5 приходилось на долю Франции.

Крупный капитал Европы обогащался в результате операций такого рода, последовательно разжигая милитаризм и шовинизм среди соотечественников для дальнейшего нажима на североафриканские государства, попавшие в петлю финансовой зависимости. Банки и посредники, получая прибыли от внешних займов,

постоянно повышали проценты с них. Типичен в этом отношении был, например, займ, предоставленный в 1904 г. Марокко. Прибыль от него банкам составила 18,75%, хотя она не должна была превышать 10%.

Закабаление Египта. Внешний долг Египта возрос к 1863 г. до 367 млн. франков. В основном это было следствием гигантских расходов на строительство начатого еще в 50-х годах и открытого в 1869 г. Суэцкого канала, на создание бюрократического аппарата, на строительство дворцов правителей и прочие престижные проекты. Кроме того, внешний долг Египта рос также вследствие нечестных махинаций иностранных спекулянтов, ростовщиков, биржевиков и просто темных и даже преступных элементов – содержателей притонов, тайных торговцев наркотиками, контрабандистов. Конечно, многие иностранцы были врачами, учителями, агрономами, механиками, чей труд был необходим и полезен Египту. Но он не отменял и даже не заслонял негативных аспектов засилья иноземцев. К 1871 г. их было в Египте уже 80 тыс. чел., в том числе 34 тыс. греков (которые занимались преимущественно ростовщицеством), 17 тыс. французов, 14 тыс. итальянцев, 7 тыс. немцев, 6 тыс. англичан. В Александрии они составляли почти четверть населения (50 тыс. чел.). Не менее 20 тыс. иностранцев постоянно жили в Каире.

Господство иностранцев и их агентуры, рост налогового гнета с целью выплаты долга и провозглашение финансовой несостоятельности страны в 1876 г. (над нею был официально установлен контроль держав-кредиторов) вызвали возмущение народа. Политизация египетского общества, начавшаяся еще в начале 70-х годов, на рубеже 70–80-х годов вылилась в патриотическое движение под лозунгом «Египет для египтян». В отличие от сопротивления войскам Бонапарта в 1798–1801 гг., которое проходило под знаменем ислама и под руководством феодалов и духовенства, новое движение направлялось в основном представителями интеллигенции, буржуазии, служилого чиновничества и офицерства. Важную роль играла пресса: в 1866–1879 гг. в Египте издавалось 25 газет и журналов на арабском языке. Среди журналистов было немало сирийцев и ливанцев, главным образом христиан, бежавших от османского гнета и ненавидевших деспотизм. Широкое распространение получили тайные общества, литературные и научные клубы, масонские ложи, политические

кружки. Важную роль сыграли также религиозные деятели, прежде всего – зачинатель реформации ислама Джамаль ад-Дин аль-Афгани и его наиболее видный последователь, будущий муфтий Египта, теолог и публицист Мухаммед Абдо. Даже среди феодально-помещичьих кругов возникло либеральное течение в пользу конституции.

Патриоты добились в 1879 г. отстранения навязанного Египту за год до этого «европейского» кабинета из иностранцев. Однако в завязавшейся борьбе основная часть феодально-бюрократических кругов и компрадоры выступили на стороне держав-кредиторов (Англии и Франции). Пытавшегося сопротивляться державам хедива Исмаила под давлением Лондона и Парижа сменил ничтожный Тауфик (1879–1892), во всем слушавшийся англичан. Это предопределило поражение патриотического правительства, созданного в 1881 г. Национальной партией Египта и частью офицерства во главе с полковником Ахмедом Ораби. В результате англо-египетской войны в июле–сентябре 1882 г. патриоты были разгромлены, а Египет – оккупирован англичанами. Формально страна осталась частью Османской империи, но фактически была превращена в британскую колонию. Вся власть сосредоточилась в руках британского консула. Им стал на 27 лет, т.е. до 1909 г., майор Бэримор (впоследствии – лорд Кромер), до этого долго работавший в британской колониальной администрации в Индии. Свой опыт он и применил в Египте, что не могло не вызвать постепенного нарастания освободительного движения. С 1893 г. наблюдается новое пробуждение политической активности египтян, что выразилось в создании многочисленных партий и организаций.

В условиях британской оккупации египетская общественность раскололась на «западников» и «исламофилов». Первые выступали за демократические свободы и частное предпринимательство, против феодальных порядков, но при этом открыто ориентировались на англичан и лишь частично – на Францию, постепенно уступавшую Англии ведущую роль в Египте. Их лидерами были Ахмед Лютфи ас-Сайид и Саад Заглул. В свою очередь «исламофилы» ориентировались на Османскую империю и близкого к ней хедива Аббаса II Хильми (1892–1914 гг.). Они выступали с резко антиколониальных, антизападнических и антибританских

позиций. Их бесспорным лидером был Мустафа Кямиль, проповедовавший идеи панисламизма, но вместе с тем мусульманские традиции и самобытность Египта. В 1907 г. он возглавил наиболее радикальную Хизб аль-Ватан (Партию родины), которая требовала немедленной эвакуации англичан и возвращения автономного Египта в Османскую империю.

Со сходной, но более умеренной программой выступила возникшая тогда же Партия конституционной реформы во главе с Али Юсуфом. Либералы-западники объединились в Партию нации. В 1908 г. были созданы также Рабочая и Благословенная социалистическая партии, пытавшиеся вести работу среди пролетариата Египта. Но наиболее развитой его частью были иностранные рабочие (греки, армяне, итальянцы, мальтийцы), далеко не всегда солидарные с пролетарскими низами, обычно не осознававшими себя как класс.

Более значительны были экстремистские настроения патриотов самого разного происхождения, тяжело переживавших колониальное закабаление родины. Не видя выхода из сложившейся ситуации, они готовы были на самые отчаянные действия. Поэтому в стране начался бурный рост антибританского террористического подполья: к 1910 г. насчитывалось, по разным данным, от 26 до 85 групп этого подполья.

Хотя террор подпольщиков против англичан и коллаборационистов был малоэффективен, в целом давление египтян на британские власти дало некоторые результаты: были созданы выборные органы самоуправления, изданы законы о труде. Однако с началом в 1914 г. Первой мировой войны Англия объявила Египет своим протекторатом. Все выборные советы были распущены, ресурсы страны поставлены на службу британской армии. Хедив Аббас II Хильми был низложен, а на его место англичане посадили Хусейна Кямиля-пашу, дав ему титул султана, чтобы тем самым подчеркнуть отделение Египта от Стамбула. Ведущие лидеры патриотов оказались в эмиграции и рассчитывали добиться освобождения Египта с помощью Германии и Османской империи, не признавшей протектората Англии над Египтом. В свою очередь Германия (кайзер Вильгельм II объявил себя «покровителем ислама») и поощрявшее египетских панисламистов османское правительство всячески поддерживали любые формы противодействия англичанам в Египте. Те же, когда Хусейн Кямиль

умер в 1917 г., поставили на его место Ахмеда Фуада, младшего сына хедива Исмаила. Выросший в Италии и служивший в итальянской армии, этот принц, которого ранее прочили в короли Албании, никогда не был в Египте и никого там не знал. Поэтому он был вынужден во всем слушаться англичан, просто не имея другой альтернативы.

Движение махдистов в Судане. Ситуация в Судане после начала его завоевания в 1820 г. Мухаммедом Али во многом определялась ходом событий в Египте. Однако позитивные аспекты египетско-суданского взаимодействия слишком долго перекрывались негативными: тотальным ограблением страны, обращением в рабство многих ее уроженцев, вывозом в Египет и оттуда в Стамбул и Европу золота, гумми, индиго, слоновой кости, перьев страуса и т.д. Поскольку завоевание Судана и управление им считались хоть и опасным, но выгодным делом, в них приняло участие особенно много иностранных авантюристов, старавшихся вырвать у египтян наиболее лакомые куски. Таковы были губернаторы провинций англичане Бэйкер, Лэптон и Гордон (Гордон-паша), итальянец Ромуло Джесси, немцы Шпитцер (Эмин-паша) и Гиглер-паша, австриец Слатин-паша, датчанин Андеруп, вторгавшийся из Судана в Эфиопию во главе египетского корпуса. Все эти «ловцы счастья и чинов» эксплуатировали суданцев столь жестоко, что вызвали всенародное восстание в 1881 г. Оно было подготовлено многочисленными до этого мятежами племен и феодалных правителей, которые нередко смыкались, особенно в отдаленных провинциях Бахр аль-Газаль и Кордофан, с бунтами солдат египетской армии, насчитывавшей немало суданских арабов, нубийцев и прочих африканцев, редко находивших общий язык с турецко-черкесским или европейским по составу офицерством. Эти мятежи и бунты следовали непрерывно с 1877 г., когда генерал-губернатором всего Судана стал Гордон.

Восстание 1881 г. возглавил странствующий дервиш-проповедник Мухаммед Ахмед (1843–1885), объявивший себя Махди, т.е. мессией. Сын плотника и член религиозного братства Саманийя, он стал проповедовать на острове Абба (южнее Хартума) необходимость борьбы за «чистоту ислама», за всеобщее равенство и братство, против «порчи нравов» европейцами, против застоя «турок и черкесов», которых он считал лже-мусульманами и отступниками. Его призыв нашел массовый отклик среди су-

данцев, включая остатки ранее разбитых повстанческих отрядов, а также – многих солдат и даже офицеров египетской армии, как суданцев, так и египтян, возмущенных расправой с Ахмедом Ораби и британской оккупацией Египта. Странники Махди называли себя «фукара» (бедняки) и, отказываясь платить налоги, следовали лозунгу Махди: «Лучше сто могил, чем дирхем налога». С марта 1882 г. махдисты уже имели вполне боеспособную армию, а с 1883 г. их влияние стало распространяться и в городах, где даже христиане-левантийцы, приехавшие сюда ради наживы, стали принимать ислам и поддерживать учение Махди. С осени 1881 г. махдисты разбили и в основном уничтожили несколько отрядов карателей, высылавшихся против них. В ноябре 1883 г. они истребили 10-тысячный корпус английского генерала Хикса, который и сам погиб при этом. В 1884 г. были разбиты еще два корпуса англичан Бэйкера и Лэптона, причем последний сдался в плен. Пытавшийся лично договориться с Махди генерал-губернатор Гордон потерпел неудачу и был осажден в Хартуме с марта 1884 г. Направленный на его спасение из Египта 7-тысячный корпус опоздал: повстанцы взяли город штурмом в январе 1885 г., убив при этом самого Гордона и бывших с ним англичан.

Вскоре после этого Махди умер, а созданное им государство возглавил его сподвижник Абдаллах, принявший титул халифа. Это государство было теократическим: халиф был одновременно политическим и духовным главой, население выплачивало коранические налоги «ушр» и «закят», а также подушную подать «фитра», ему запрещалось пить алкоголь, курить табак, носить «турецкую» одежду и слушать «турецкую» музыку. Нельзя было также пахать на лошадях, которых берегли для военной службы, и носить украшения из золота, которое все должно было быть сдано в своего рода «фонд обороны» страны. При этом махдисты думали не только об обороне: еще Махди разослал эмиссаров в разные страны от Марокко до Йемена и Сомали с целью объединения всех этих государств в единую державу под знаменем идей махдизма. С этой целью он, а потом и его преемник привлекали в ряды своей армии более опытных солдат и офицеров из Египта (их было до 18 тыс. чел. среди махдистов), а также взятых в плен европейцев, включая Лэптона, Слатина, Ромуло Джесси и других. В своих мемуарах некоторые из них потом признавались, что занимались откровенным саботажем порученных им дел (главным

образом – ремонта пароходов и военной техники, организации военной промышленности).

Военная функция государства махдистов была главной, так как оно постоянно находилось в состоянии войны с Египтом (вернее – с англичанами в Египте), с негусом Эфиопии (из-за мусульманских областей, захваченных у эфиопов еще египтянами), с султаном западносуданской области Дарфур, не признававшим махдистов, с итальянцами, захватившими суданский город Кассалу в 1893–1894 гг., с бельгийцами, которым Англия по соглашению 1894 г. «отдала» на 16 лет в аренду целую провинцию (Экваториальную) Судана. К тому же Судан оказался в центре англо-французских противоречий из-за раздела Африки, и французский отряд полковника Маршана с 1896 г. продвигался к верховьям Нила по территории Судана, дабы обеспечить строительство железной дороги из Джибути в Аддис-Абебу. Дополнительным поводом для вражды с окружающими странами стали также регулярные набеги махдистов на Чад, Феццан, Сомали с целью захвата рабов.

Под влиянием нажима извне и усиления карательной функции государство махдистов стало постепенно утрачивать первоначальные принципы уравнительного демократизма, превращаясь в жесткий военно-теократический режим. Махдистская верхушка с удивительной быстротой переродилась в феодально-рабовладельческую элиту, которая стала называться уже не «фукара», а «асьяд» (господа). Халиф Абдаллах возродил рабство, формально не отмененное, но фактически изживавшееся при Махди. Прежних рабов стали возвращать хозяевам. Рабами стали многие мятежники и военнопленные. Была введена даже госмонополия на работорговлю, что стало причиной ряда антимахдистских восстаний и фактического отделения от государства немусульманского Юга (основного поставщика рабов), упадка товарности сельского хозяйства (ввиду неэффективности подневольного труда и массовой порчи монеты махдистами, желавшими максимально нажиться на работорговле), а также – блокады побережья Судана англо-итальянским флотом в Красном море под предлогом борьбы с работорговлей.

Став халифом, Абдаллах постепенно отстранил родню Махди. Многие соратники последнего были убиты, их имущество захвачено халифом и его окружением, как и все поместья «турок и

черкесов». Халиф стал опираться преимущественно на свое родное племя баггара, создавая тем самым новое неравенство и новые противоречия: часть махдистов поддержала родню Махди, другие стали искать спасения от произвола Абдаллаха в ориентации на Египет и даже османов. Абдаллах еще больше суданцев восстановил против себя, запретив любую критику Махди и «его халифов», а также любое вольное толкование Корана, в том числе – суфийское, что противопоставило его и его окружение очень влиятельным в стране религиозным братствам, сектам и бродячим дервишам (одним из которых, в сущности, и был в свое время сам Махди).

В результате всего этого англо-египетская экспедиция Китченера, направившаяся в Судан в марте 1896 г., получила поддержку многих арабских племен северного Судана, султаната Дарфур и некоторых других областей. В сентябре 1898 г. в битве при Омдурмане Китченер впервые в истории применил пулеметы «максим», скорострельные пушки «гочкис» и новые винтовки «ли-метфорд», стрелявшие разрывными пулями. Половина 50-тысячной армии халифа была истреблена, другая – рассеяна. Взяв Омдурман, англичане нашли гробницу Махди и выбросили его прах в Нил. Абдаллах, сумевший спастись, пытался вести партизанскую войну, опираясь на племя баггара, но в 1899 г. был убит. Тем не менее, отдельные бои продолжались до 1902 г., пока последний отряд махдистов не покинул страну.

После сражения под Омдурманом едва не началась англо-французская война, так как отряд Маршана занял Фашоду на юге Судана до подхода к нему войск Китченера 19 сентября. Оба корпуса простояли друг против друга полтора месяца и лишь 4 ноября Париж приказал Маршану отступить. Франция тогда опасалась сближения Англии с Германией и не получила обещанной поддержки от Эфиопии. Утвердившись в Судане, англичане постарались оформить свое господство над ним в виде кондоминиума, т.е. совместного управления с Египтом. И хотя с этого момента Судан стал называться «англо-египетским», на деле участие Египта в его управлении свелось к размещению в Судане, наряду с британскими войсками, также одного египетского батальона, и включению в местную администрацию ряда египетских чиновников, занявших второстепенные посты. Хозяином страны было британское правительство, назначавшее в

Судан своего генерал-губернатора, формально утверждавшего хедивом. Вся полнота власти оставалась в руках англичан. Зато Египет полностью оплачивал все расходы английского управления Суданом!

Сопrotивление британскому господству в Судане, тем не менее, продолжалось. Уже в 1900 г. здесь восстали сформированные из суданцев египетские армейские подразделения. В дальнейшем ежегодно вплоть до 1927 г. в стране происходили антиколониальные выступления отдельных вождей племен, из которых наиболее известно восстание «воскресшего пророка Исы», т.е. Иисуса, в 1904 г. Но все же более значительным было движение Али Динара в Дарфуре. Али Динар, внук последнего султана Дарфура, прибыв в страну из Египта в 1898 г., объявил о восстановлении здесь наследственного султаната. Вместе с рядом других султанатов и племен он образовал как бы «буферную зону» восточной Сахары между колониальными владениями Англии и Франции. Постоянно поддерживая контакт с сенуситами и получая от них оружие, Али Динар планировал выступить против власти англичан в Судане. Он сделал это в 1915 г., объявив о независимости Дарфура. Разгромленный англо-египетским отрядом, Али Динар вынужден был перейти к партизанской войне, но в ноябре 1916 г. погиб в бою.

Сенуситы Западного Триполи. В 1835 г. османский султан Махмуд II, стремясь возродить разваливавшуюся Османскую империю, направил флот и войска в страну, которая в будущем станет Ливией, а тогда называлась Тараблус аль-Гарб, т.е. Западное Триполи (в отличие от другого Триполи – на севере Ливана). Отстранив янычарскую династию Караманлы, правившую здесь с 1711 г., султан превратил местный пашалык в эйалет, а затем – вилайет империи, который стал управляться губернатором (вали), назначаемым из Стамбула. Однако вновь закрепиться на этой стратегически выгодно расположенной территории оказалось намного сложнее, чем в свое время ее потерять.

На рубеже XIX–XX вв. страны с названием «Ливия» не существовало, хотя так назывались земли к западу от Египта еще в глубокой древности. Административно это были с 1888 г. вилайет Триполи (Триполитания) с входившей в него южносахарской мутасаррифией (областью) Феццан и санджак Киренаика, имевшие разное управление в составе Османской империи. Однако

власть османов в основном была эффективна в приморских районах и довольно слаба во внутренних областях, заселенных бедуинскими племенами, многие из которых еще вели кочевой или полукочевой образ жизни. Племена были коллективными собственниками земли. Но вассальные племена обрабатывали земли свободных племен и выплачивали им дань. Однако и внутри племен уже шла социальная дифференциация, и доходы, номинально поступавшие в распоряжение всего племени, реально присваивались вождями и родовой знатью. Бытовали различные виды издольщины и специфические феодальные формы личной зависимости. Шейхам племен принадлежала на деле как политическая и военная, так и экономическая власть, а также – судебная, осуществлявшаяся на основе обычного права, племенных законов и традиций.

Города были военно-административными центрами, важными пунктами караванных путей и торгово-ремесленными поселениями. Несмотря на официальные запреты, до 1929 г. имела место работорговля, причем в начале XX в. в Киренаику с юга ввозилось ежегодно до 10 тыс. рабов. В городах, как и вне их, подавляющее большинство составляли арабы (в том числе – потомки арабизированных берберов). Но горожане были более разнообразны. Среди них, наряду с арабами, встречались выходцы из берберских племен (живших в области Джебель Нефуса), турок, темнокожих африканцев, принявших ислам европейцев, евреев.

Англичане, проникшие сюда под видом борьбы с работорговлей, сумели восстановить против себя население и этой страны. На деле они помогали османам, которые вынуждены были вести вплоть до 1858 г. тяжелую борьбу с местными племенами. В ходе этой борьбы племена вдохновлялись и руководились обычно религиозными братствами, которые проповедовали суфизм и широко распространенный на севере Африки еще до событий в Судане махдизм. Среди этих братств с 1843 г. стало быстро выдвигаться братство Сенусийя, основанное в 1837 г. алжирским марабутом Мухаммедом бен Али ас-Сенуси (1787–1859 гг.). Сенуситы славились своей суровостью и непримиримостью, резко осуждали все иностранное, а также – все нововведения в Османской империи, Египте и Тунисе как следствие чужеземного влияния Запада. Они даже подозревали османских правителей в том,

что они действуют в интересах западных держав как «отступники» от ислама.

Влияние сенуситов был повсеместным по всей стране, особенно – в районах бедуинских кочевий или расселения полукочевых племен. Широкие массы кочевников и полукочевников воспринимали призывы к «чистоте» ислама как осуждение османских порядков, а порицание богатства и неравенства – как оправдание борьбы с османскими поработителями. Кроме того, священная война с неверными – джихад – считалась высшим долгом сенуситов. А это в условиях нарастания колониальной экспансии Англии и Франции и учащения стычек с их войсками в Сахаре в сопредельных с Египтом, Суданом и Алжиром районах становилось уже не только религиозной обязанностью, но просто повседневной необходимостью как арабов-бедуинов, так и берберов-туарегов, населявших южные области страны. Впрочем, непримиримость сенуситов доходила до того, что они и борьбу с османами, как «плохими мусульманами», считали джихадом.

Религиозно-административные центры (завии) братства Сенусийя быстро обогащались, способствуя переходу кочевников к оседлости и к занятиям земледелием и садоводством. Некоторые завии владели тысячами гектаров земель, с которых получали богатые урожаи, были окружены садами, многочисленными пастбищами, имели тысячи голов скота. Глава сенуситов получал рабов в дар от шейхов племен и сахарских султанов. Только для обслуживания гостей он держал до 200 рабов. Братство на деле стало государством в государстве, чем-то вроде самостоятельного феодально-теократического эмирата на юге и востоке страны и влиятельной политической силой в прочих ее районах. У сенуситов появилась своя казна, свой аппарат власти, осуществлявший не только религиозные, но также экономические, политические и судебные функции. К концу XIX в. братство имело 94 завии на территории страны и еще 52 в Аравии, Египте, Тунисе и Судане. Но, враждуя с османами, братство тщательно избегало как открытого конфликта с ними, так и поддержки их. Не поддержало оно также патриотов Египта и Судана в их борьбе с англичанами. Это вполне отвечало интересам местных феодалов, вождей племен и кочевников.

С 1901 г. сенуситы вынуждены были пойти на союз с османами в связи с захватом французами ряда контролируемых братств

вом территорий. Официально Стамбул поддержал сенуситов, но на деле им самим пришлось вести 10-летнюю войну с Францией, постепенно вытеснившей братство из его сахарских владений. Однако позднее, в 1911 г., османы в союзе с сенуситами продвинулись в Тибести, Борку и Эннеди, где находились до 1914 г. Основные их силы тем временем были отвлечены на борьбу с агрессией Италии в 1911 г.

Правящие круги Италии, имея к тому времени опыт колониальных авантур в Эритрее и Сомали, считали себя «обделенными» при дележе Африки (особенно после неудач в Тунисе и Эфиопии). Выдвинув претензии на Триполи, Италия 24 года (с 1887 г.) тщательно подготавливала дипломатическое обеспечение своего захвата, предварительно договорившись с Англией, Австро-Венгрией, Испанией, Германией, Францией и Россией, от которых фактически получила санкцию на агрессию. В сентябре 1911 г. итальянцы высадили в Триполи 34-тысячный корпус, который впервые применил в боях авиацию и радио, хотя и так превосходил находившихся в Триполи 7 тыс. османских солдат. Через год османы вынуждены были подписать мирный договор, формально не признав прав Италии, но на деле полностью очистив страну от своих войск и администрации. 5 ноября 1911 г. страна стала официально именоваться Ливией, находясь под полным господством Италии.

Италия объявила Ливию своей колонией, но фактически контролировала лишь ее прибрежную часть. Формальное завоевание явилось лишь началом длительной борьбы ливийцев против захватчиков. Эта борьба длилась до 1932 г. Основным противником колонизаторов стали сенуситы, нанешие захватчикам ряд поражений. Ливийцев в этой борьбе поддерживали многие мусульмане мира, в том числе – из России.

Франция, присоединившая после ухода османов и сенуситов Тибести, Борку и Эннеди к своей колонии Чад в 1914 г., тем самым как бы поставила точку в колониальной экспансии на севере Африки, начавшейся с вторжения в Алжир в 1830 г. и завершившейся установлением протектората над Марокко в 1912 г.

Колонизация Алжира. Наиболее долгим было завоевание Алжира, сопровождавшееся колонизацией страны, в ходе которой алжирские племена лишились 60% своих земель, понесли тяжелые людские и материальные потери. Многие из них частично

были изгнаны за пределы Алжира, частично – оттеснены в горные и пустынные районы. Лучшие земли оказались в руках колонистов-европейцев, среди которых преобладали французы, но весьма многочисленны были испанцы, итальянцы, швейцарцы, немцы, мальтийцы, даже ирландцы и греки. Они с конца XIX в. постоянно составляли 10–12% жителей страны. Их верхушка – «сотня сеньоров» – практически владела всеми богатствами страны, частично выступая в роли акционеров, агентов и управляющих делами монополий Франции в Алжире.

Важным этапом колонизации явилось завоевание в 1851–1857 гг. населенной берберскими племенами труднодоступной горной области Кабилия. Вожди кабилы Бу Багла и Лала Фатима стали героями народного фольклора, образцом для патриотов будущих поколений. В дальнейшем мигранты-кабилы составили наиболее активную часть алжирцев в городах и среди уехавших на заработки во Францию.

Упорными были восстания против колониального господства Франции конфедерации племен Улад Сиди Шейх, возмущенных земельным грабежом, конфискациями и произволом властей. Наиболее крупное восстание началось в марте 1864 г. во главе с вождем Си Слиманом Бен Хамзой, который в апреле 1864 г. истребил большой отряд карателей, но и сам погиб в бою. Однако восстание быстро распространилось по всему центру страны от гор Сахарского Атласа на юге до Кабилии на востоке и Дахры на западе. Карателям лишь через год удалось разбить основные силы повстанцев, отступивших в Сахару и в Марокко, откуда они продолжали нападать на французские войска. Только весной 1870 г. этим нападениям был положен конец. Но племена Улад Сиди Шейх, сохранив оружие, были готовы возобновить борьбу и периодически (например, в апреле 1871 г.) вступали в столкновения с колонизаторами. В 1881 г. они снова восстали во главе с марабутом Бу Амамой. В мае 1881 г. ими был практически занят весь юг области Орания. Однако постепенно французские войска вытеснили повстанцев в оазисы Туат и Фигиг, а затем в Марокко, где часть их и осталась. Остальные в 1883 г. вернулись в Алжир.

Крупнейшим в истории завоевания Алжира стало восстание 250 арабских и кабийских племен (около 800 тыс. чел.) во главе с башагой (военно-феодальным правителем округа) Мухаммедом Мукрани. Повстанцы дали французам около 340 сражений в мар-

те 1871 – июне 1872 г. на территории восточного Алжира, контроль над которым был колониальными властями утрачен на многие месяцы. Организационной основой восстания явилось влиятельнейшее в Кабилии и Сахаре религиозное братство Рахманийя во главе с популярным шейхом Амезианом аль-Хаддадом, который объявил французам джихад. Причинами восстания были грабительская политика колониальных властей, поощрявших колонизацию европейскими переселенцами земель алжирских племен, а также – навязывание алжирцам французских законов и отправка во Францию (для войны с Пруссией) алжирцев-солдат. Определенную роль сыграли также ущемление феодальных привилегий Мукрани, поражение Франции во франко-прусской войне 1870 г. и переселение в Алжир беженцев из захваченных пруссаками Эльзаса и Лотарингии.

Восстанию предшествовал интересный эпизод в истории Алжира. Первыми на поражение Франции в войне 1870 г. среагировали не 2 млн. алжирцев, а 270 тыс. европейцев, среди которых были сильны республиканские настроения, оппозиционные бонапартистскому «режиму сабли» Наполеона III. Поэтому они сразу же после поражения и капитуляции императора под Седаном выступили за ликвидацию «диктатуры эполет», за предоставление европейцам всех прав французских граждан и мест в администрации. Некоторые даже хотели образовать в Алжире отдельное от Франции государство по типу США, также бывших ранее колонией Англии. Однако социальные низы европейского населения, включавшие свыше 30 тыс. ссыльных из числа участников революционных событий во Франции, пошли дальше и создали свои муниципалитеты, национальную гвардию и Республиканскую ассоциацию Алжира, неконтролируемые властями, а еще через месяц – изгнали губернатора и фактически взяли власть в свои руки. Однако это «движение Алжирской коммуны» не имело продолжения и вскоре сошло на нет, хотя часть его активистов выехала во Францию, где поддержала Парижскую коммуну. Перед лицом начавшегося восстания Мукрани солидарность европейцев и их страх перед алжирцами способствовали отказу от каких-либо революционных планов. Поэтому в апреле 1871 г. «Алжирская коммуна» закончила свое существование.

Краху ее во многом способствовало то, что восстание Мукрани поставило под угрозу французское господство в Алжире. Од-

нако разобщенность сил и разрозненность действий повстанцев на контролировавшейся ими огромной территории, переброска колонизаторами свежих подкреплений из Франции после разгрома Парижской коммуны, гибель главы восстания в бою 5 мая 1871 г. привели к ряду неудач. Окончательно восстание было подавлено после ликвидации сопротивления в сахарских оазисах Уаргле и Туггурте и пленения в июне 1872 г. Ахмеда Бумезрага, двоюродного брата и преемника вождя восстания. Шейх аль-Хаддад умер в тюрьме в 1873 г., остальные лидеры повстанцев были высланы (вместе с парижскими коммунарами) на Новую Каледонию.

Вооруженное сопротивление колониальному завоеванию, длившееся свыше 50 лет, было не единственной формой антиколониализма алжирцев. Сменившее его относительное «умиротворение» страны было связано лишь с некоторым разрывом во времени между завершением «феодального» этапа освободительной борьбы (т.е. борьбы племен под руководством своих вождей и марабутов) и еще не начавшимся вследствие незрелости национального капитализма «буржуазным» этапом этой борьбы. Вопреки широко распространенному мнению, этот разрыв не был долгим: уже в 1887 г., т.е. через 4 года после подавления в 1883 г. последнего вооруженного восстания племен, имело место первое в истории Алжира националистическое выступление 1700 представителей мусульманской буржуазии, интеллигенции и духовенства Константины, потребовавших уважения индивидуальности, нравов, обычаев и религии алжирцев.

Таким образом, практически антиколониальное движение в стране не прерывалось. Оно представляло собой естественную реакцию на экономические, социальные, политические и культурные последствия европейской колонизации и колониальной эксплуатации. По образному выражению известного историка и географа Жана Дреша, «французский колониализм выковал алжирское национальное сознание, подобно тому, как капитализм создает своего могильщика – пролетариат».

На рубеже XIX–XX вв. антиколониальное движение в Алжире пережило подъем и обновление. Его центр тяжести окончательно переместился в город из деревни, обескровленной полувековым завоеванием, земельным грабежом и экспансией колонизации. Требования уважения мусульманских законов и учрежде-

ний, отказы от службы во французской армии, эмиграция на «земли ислама» (в основном в Турцию и Сирию) многих семей улемов и марабутов множились с каждым годом. Наряду с этим возникло либеральное общественно-политическое движение «младоалжирцев». Оно началось в 1892 г. требованиями предоставить алжирцам полные права французских граждан, что противоречило ранее выдвигавшимся лозунгам традиционалистов о «защите ислама», уважении обычаев мусульман и т.п. В основе движения младоалжирцев лежало стремление новой алжирской буржуазии и воспитанной во французских школах интеллигенции обеспечить свои интересы путем слияния с предпринимателями и интеллигенцией Франции. Делая ставку на «арабофилов», т.е. часть либералов и социалистов метрополии, стоявших в алжирском вопросе на патерналистско-ассимиляторских позициях, младоалжирцы всячески старались убедить их в своем «французском патриотизме». Они создавали культурно-просветительские ассоциации («Рашидийя» в 1902 г., «Туфийийя» в 1903 г., «Кружок Салах-бея» в 1907 г.), организовывали (обычно вместе с местными европейцами-либералами) частные школы, библиотеки, курсы для взрослых, лекции, издавали газеты (обычно на французском языке, с одной-двумя полосами на арабском), среди которых наиболее влиятельны были «Рашиди», «Ислам», «Л'Этандар альжерьен» и «Эль-Хакк».

Кроме составления петиций властям, пропаганды в прессе и создания различных обществ, младоалжирцы образовали в 1903 г. «Комитет защиты интересов мусульман» во главе с адвокатом Омаром Бударбой, периодически направлявший во Францию свои делегации. В 1908 г. лидеры младоалжирцев Белькасем Бентами и Бен Брихмат были избраны в муниципалитет города Алжир. Ими был организован ряд митингов и демонстраций солидарности с младотурецкой революцией в 1908–1909 гг., а также в знак протеста против захватов Францией Марокко и Италией Ливии в 1911–1912 гг. Однако малочисленность младоалжирцев (по разным подсчетам, от 500 до 1700 чел.), их профранцузский ассимиляционизм, служивший одновременно и прикрытием, и своеобразным тактическим приемом их борьбы против колониального режима, заранее обрекали их движение на неудачу, так как колониалисты не склонны были считаться со столь слабым, уступчивым и готовым к компромиссам противником.

К тому же младоалжирцев резко осуждали традиционные националисты («старые тюрбаны»), а также связанные с колониальным режимом феодально-клерикальные круги. Идеологи колониализма больше всего боялись, по словам итальянского историка Франческо Каталуччо, объединения «младоалжирцев с их интеллектом, активностью, знаниями и программами, и старых тюрбанов и народа с их численностью». Но эти опасения были напрасны. С началом войны в 1914 г. младоалжирцы в основном встали на сторону Франции, а традиционалисты – на сторону Германии и Турции.

Часть традиционалистов Алжира, исламофилов и туркофилов как до 1914 г., так и после этой даты действовала (в том числе в эмиграции в Европе и на Востоке) совместно с традиционалистами-националистами Туниса, которые не примирились с французским гнетом и пытались найти выход в объединении усилий патриотов обеих стран на борьбу за независимость «алжиро-тунисского народа».

Тунис – режим протектората. Тунис, который ввел в 1861 г. конституцию с выборным Верховным советом (из списка знатных лиц) и издавал с 1860 г. газету «Ар-раид ат-туниси» (Тунисский руководитель), считался наиболее передовой из стран Магриба. На деле же он, подобно Египту, утратил свою самостоятельность вследствие финансового закабаления страны иностранными банками. Массовое возмущение засильем иностранцев, а также хищничеством феодально-дворцовой клики иноземного по преимуществу (греческо-турецко-черкесско-итальянского) происхождения не раз вызывало вмешательство извне: у берегов Туниса появлялись эскадры Франции, Англии, Италии, Турции, предлагавшие «помощь» в борьбе с народными восстаниями, из которых наиболее опасным для бея было движение Али Бен Гедрахума, опиравшегося на марабутов братства Тиджанийя. Оно продолжалось более года в 1864–1865 гг. и было подавлено с большим трудом.

Эпидемии, неурожай, стихийные бедствия дополнялись виртуознейшим воровством и систематической невыплатой окладов солдатам и чиновникам. В 1852 г. закрылся государственный банк, так как его управляющий генерал Бен Айяд сбежал с остатками наличности. Вследствие этого в стране закрылись все пред-

приятия, ибо нечем было платить рабочим и служащим. Выход был найден в очередном внешнем займе. В 1869 г., когда долг Туниса уже в 11 раз превышал его годовой доход, над ним установили контроль Франция, Англия и Италия, превратившие страну в свою полуколонию. Голод, разруха, деморализация армии и госаппарата поразили Тунис. Его население за 70 лет сократилось почти в три раза, составив к 1881 г. не более 900 тыс. чел.

Одной из причин валившихся на страну несчастий было недостойное поведение ее правителей Мухаммед-бея (1855–1859) и его брата Мухаммеда ас-Садока (1859–1883). Первый гораздо большее внимание, чем делам государства, уделял заботам о своих одалисках, которых было 1200(!). Их содержание влетало в копеечку тунисскому бюджету, все время балансировавшему на грани краха. Второй бей страдал запойным алкоголизмом и пристрастием к однополной любви, заставлявшей его бездумно покровительствовать своим фаворитам в ущерб государственным интересам. Оба эти «государя» были игрушками в руках все сильного везира Мустафы Хазнадара, выходца из мамлюков греческого происхождения, казнокрада и коррупционера, заискивавшего перед западными державами.

Последней попыткой спасти страну был приход к власти Хайрадина-паши (1826–1889), мамлюка из черкесов, возглавившего правительство в 1873–1877 гг. Проводя политику «просвещенного абсолютизма», Хайрадин (как и некоторые его единомышленники, например министр общественных работ генерал Хусейн, тоже черкес по происхождению) старался пресечь коррупцию, упорядочить управление и бюджет, распределить среди крестьян пустующие земли. Он же основал национальный колледж Садыкийя, ставший впоследствии центром воспитания лучших интеллектуальных кадров страны. Однако попытка Хайрадина опереться на помощь Стамбула привела к его падению. Европейским державам не нужен был Тунис, от них независимый. Поэтому они сделали все для возвращения к власти продажного и послушного им Хазнадара, вскоре смененного зятем и фаворитом бея ничтожным Бен Исмаилом.

На Берлинском конгрессе 1878 г. английский премьер лорд Солсбери, желая отвлечь внимание Франции от Египта, сказал французам: «Берите Тунис, если хотите». Подобные же поощрения исходили и от германского канцлера Бисмарка, который хотел

переключить интересы Франции с Европы на колонии, а заодно столкнуть ее с Италией, также претендовавшей с 1870 г. на Тунис. Итальянские компании с 1870 г. успешно конкурировали с французскими за выгодные проекты в Тунисе, а эмигранты из Италии, давно здесь обосновавшиеся, с 1838 г. даже издавали свою газету «Джорнале ди Тунизи э ди Картаджине». Используя очередное столкновение племен на алжиро-туниССкой границе (всего их только в 1871–1881 гг. было 2365), Франция ввела войска в Тунис в апреле 1881 г. Армия бея Туниса развалилась, не сделав ни одного выстрела. 12 мая 1881 г. во дворце бея в Бардо был подписан договор, передававший Франции контроль над внешней политикой и внутренней безопасностью Туниса. Народ ответил восстанием племен, к которым присоединилась ушедшая в горы часть армии бея. Имея военно-техническое превосходство и пользуясь разобщенностью племен, французы к декабрю 1882 г. подавили восстание. Многие племена покинули страну, перейдя в Западное Триполи (по французским данным – 140 тыс. чел., по турецким – 260 тыс. чел.), но через 2–3 года в большинстве случаев вернулись обратно.

8 июня 1883 г. в Ла-Марсе (пригороде столицы страны) была подписана конвенция о протекторате Франции над Тунисом, по которой вся полнота власти передавалась французскому генеральному резиденту. Иностранцы, прежде всего французы, стали осваивать природные богатства страны, создавать торговые, промышленные и аграрные компании. Хлынули в Тунис и колонисты – итальянцы, французы, мальтийцы, греки, испанцы. К 1914 г. им и находившимся в руках европейского капитала агрокомпаниям уже принадлежали 855,8 тыс. га, т.е. 10% всех годных к обработке земель. Европейцы, составляя всего 7,4% населения страны, заняли ведущее положение в экономике и политической жизни, издавали газеты, строили школы и церкви, были представлены в Консультативной конференции – совещательном органе при правительстве протектората. Под влиянием экономического подъема колонизации быстро менялась обстановка и в традиционных секторах туниССкого хозяйства: началось формирование туниССкого рабочего класса, в основном и прежде всего на европейских предприятиях, возникла буржуазия туниССкого происхождения (главным образом – в торговле, сельском хозяйстве,

сфере финансов и посредничества), появились первые кадры национальной интеллигенции, получившей европейское образование. В 1896 г. возникли первые культурно-просветительные общества – либеральное «Халдунийя», традиционалистско-клерикальное «Зитунийя», кружок реформаторов ислама во главе с Абд аль-Азизом Таальби, который следовал идеям египетских националистов и модернизаторов ислама.

Наиболее значительную роль сыграло Общество выпускников колледжа «Садыкийя», во главе которого стояли будущие лидеры младотунисцев Али Баш-Хамба, Змерли, Геллати. Подражая во многом младоалжирцам, младотунисцы на первых порах сотрудничали с французскими либералами и радикалами, боролись против традиционалистов и содействовали развитию капитализма в стране путем создания первых мусульманских акционерных обществ. В 1906 г. один из лидеров общества «Халдунийя» Башир Сфар в условиях подъема (с 1904 г.) рабочего движения в Тунисе открыто заявил о национальных требованиях. В 1907 г. была создана партия «Молодой Тунис» (на базе Общества выпускников «Садыкийи»), потребовавшая «более широкого» участия тунисцев в управлении. Отказ властей протектората привел к радикализации движения. Али Баш-Хамба и другие лидеры младотунисцев отошли от сотрудничества с властями, выступив в 1908 г. за «связь с народом» и восстановление либеральной конституции 1861 г., ограничивавшей власть бея и отмененной еще в 1865 г. Поддержав младотурецкую революцию 1908–1909 гг. и панисламистские лозунги младотурок (с которыми они давно наладили контакты), младотунисцы объединились с традиционалистами – исламофилами.

Власти протектората пытались нейтрализовать младотунисцев, создав, в частности, в 1910 г. Туземную секцию Консультативной конференции. Однако движение нарастало. В 1910 г. в Тунисе издавалось 27 газет на арабском языке. Само их существование было вызовом властям, практически превратившим французский в государственный язык Туниса. Митинги, массовые шествия, кампании бойкота иностранцев в 1909–1912 гг. участились, особенно по поводу реформы мусульманского университета Зитуны, вторжения Италии в Ливию. Беспорядки в связи с земельными работами на мусульманском кладбище Джелляз в г. Тунисе в ноябре 1911 г. и во время забастовки трамвайщиков в фев-

рале 1912 г. переросли в столкновения с полицией и войсками. Имелись убитые и раненые. Комитет действия, возглавлявший забастовку и кампанию бойкота, был распущен, младотунисские лидеры – арестованы и высланы из страны. Часть их в 1913 г. вернулась, другие вошли в центры антифранцузской магрибинской эмиграции в Берлине, Женеве и Стамбуле, тщетно добиваясь впоследствии от правительств Германии, Австро-Венгрии и даже Голландии международного признания. Младотунисцы вошли в созданный эмигрантами комитет за независимость Алжира и Туниса, получивший поддержку Берлина, Вены и Стамбула.

Захват Марокко. Марокко к тому времени, как и Ливия, формально было подчинено, но фактически только вступило в длительный период вооруженного сопротивления колонизации.

Закабаление страны началось серией неравноправных договоров, навязанных султану в 1836–1865 гг. европейскими державами и США. Иностранцы граждане по условиям этих договоров получали преимущества и различные права, в том числе – право экстерриториальности. Капитуляционный режим позволил им стать хозяевами марокканского рынка, разорить марокканских ремесленников и торговцев наплывом дешевых товаров из-за рубежа. Подданные Франции, США, Англии и Италии (до 1870 г. – Сардинского королевства) получали по договору 1863 г. возможность «покровительствовать» связанным с ними местным жителям. К 1911 г., например, на 2500 французов и испанцев в Марокко приходилось 4–5 тыс. их марокканских «протезе». Это давало империалистическим державам возможность держать свою агентуру в стране вне сферы действия марокканских законов. В то же время продолжался и военный нажим извне: испанская армия из захваченных на марокканском побережье еще в средние века Сеуты и Мелильи вторгалась в Марокко в 1859–1860 гг., воевала с племенами рифов на севере страны в 1891, 1893, 1897 г., а французская армия, пользуясь неопределенностью алжиро-марокканской границы по договору 1845 г., под предлогом «наведения порядка» и в спорных приграничных районах в 1852, 1859, 1870, 1881 г. и 1897 г. каждый раз расширяла контролируемую ею территорию. Привилегии иностранных держав в Марокко были официально «узаконены» на конференции 1880 г. в Мадриде.

Пользуясь этим сговором, Франция в 1881–1882 гг. оккупировала ряд сахарских оазисов, ранее принадлежавших Марокко. Французские колонизаторы навязали султану Абд аль-Азизу (1894–1908 гг.) свою «помощь» в подавлении восстаний мятежных племен. В 1900–1905 гг. Франция заключила ряд тайных соглашений с Италией, Англией и Испанией, в результате которых получила свободу рук в Марокко. Однако захват этой страны дважды тормозился вследствие сопротивления Германии. В 1905 г. кайзер Вильгельм II посетил Танжер и объявил себя «защитником независимости» Марокко. Созванная в 1906 г. конференция держав в Альхесирасе формально заняла ту же позицию, но признала «особые» права Франции и Испании. Обе эти державы в 1906–1908 гг. послали свой флот в Марокко и ввели войска в некоторые области страны.

В 1907 г. вся страна восстала против султана, допустившего оккупацию французами Касабланки и области Шавийя. Брат султана Мулай Хафид (Абд аль-Хафиз), примкнувший к повстанцам, был провозглашен ими султаном, а в 1908 г. признан в этом звании всей страной. Но он не имел реальных средств противостоять колонизаторам. Несмотря на сопротивление берберов горной области Риф, часть ее была оккупирована 40-тысячной испанской армией. Мулай Хафид, тщетно пытавшийся отстоять интересы страны при одновременном «уважении интересов» европейских держав, не сумел найти выход из положения. В феврале 1911 г. он столкнулся с новым восстанием племен, на этот раз – против его власти и его политики.

Под предлогом подавления этого восстания (по данным Альбера Аяша, даже по призыву султана, лично опасавшегося повстанцев) французы вступили весной 1911 г. в город Фес – столицу Марокко. Это вызвало знаменитый «прыжок Пантеры»: Германия направила в марокканский порт Агадир свою канонерку «Пантера» и предъявила свои претензии на участие в дележе Марокко. После нейтрализации при посредничестве Англии германских требований Франция и Испания навязали Марокко в марте 1912 г. договор о протекторате. Германия в качестве «компенсации» получила 275 тыс. кв. километров территории Французской Экваториальной Африки. Основная часть Марокко попала под власть Франции, северные области (Риф и Джибала), а также район Ифни на юге – под власть Испании. Кроме того, порт Тан-

жер был выделен в международную зону под управлением многих держав, среди которых главную роль играла Англия.

В стране начались, с одной стороны, освоение природных богатств и экономических возможностей иностранным капиталом, а с другой – вооруженная борьба непокоренных племен с оккупационными армиями Франции и Испании. Лишь к 1913 г. колонизаторам удалось овладеть главными городами султаната. Только французская армия в Марокко насчитывала в 1912 г. 56 тыс., а в 1913 г. – 70 тыс. солдат и офицеров.

Вооруженная борьба племен и отдельных феодалов против колонизаторов вспыхнула с новой силой во французской зоне в связи с отправкой после 1914 г. части французских войск в Европу на фронт. Но в городах позиции администрации протектората частично укрепились благодаря энергии генерального резидента Франции маршала Лиотэ, много сделавшего для строительства портов, дорог и новых современных кварталов при одновременном внимании к сохранению старинных традиционных центров мусульманской цивилизации. Лиотэ даже выдвинул лозунг созидания «Марокко вместе с марокканцем и для марокканца». В результате ему удалось привлечь на свою сторону наиболее модернизированную часть интеллигенции и буржуазии, претендовавших на звание «младомарокканцев». Однако большинство народа, особенно – племена горцев и кочевников, относились к колонизаторам враждебно и поддерживало борьбу против них.

Глава 8. Крушение господства османов

Арабы в эпоху «зулюма». Османская империя, формально – одна из победительниц России в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг., именно после этой войны оказалась в состоянии глубокого упадка. Кабальные займы, заключавшиеся ею с 1854 г. в целях обеспечения военных усилий, постепенно превратились в средство полного подчинения империи своим западным «союзникам», которые брали в залог гарантии выплаты долгов по займам таможенные и другие доходы (в том числе – с арабских областей, например, Сирии, Палестины, Египта), устанавливали свой контроль над финансовыми и другими учреждениями. Оттоманский банк, основанный в 1856 г., в 1863 г. стал англо-француз-

ским и занимался как финансовой, так и посреднической деятельностью, основав ряд дочерних компаний, получивших выгодные концессии от османских властей. В 1875 г. империя признала себя банкротом, ибо не в состоянии была внести срочные платежи в 300 млн. франков, так как все ее доходы тогда равнялись 380 млн. франков.

Еще до этого в империи начались беспорядки, которые привели к государственному перевороту в мае 1876 г. и свержению султана Абдул-Азиза. В августе 1876 г. на трон вступил его брат Абдул-Хамид II, давший согласие на конституцию, предусматривавшую создание двухпалатного парламента и равенство всех граждан империи независимо от веры и языка. Однако эта конституция, опубликованная в декабре 1876 г., осталась пустой формальностью и мертвой буквой. Не отменяя ее, султан и не думал ее исполнять. В феврале 1877 г. он сместил и выслал из столицы великого везира Мидхат-пашу, главного поборника и автора конституции, а в феврале 1878 г. разогнал парламент, в дальнейшем запретив о нем даже упоминать. После этого начался 30-летний период самодержавного правления Абдул-Хамида II, названный историками «зулюм» (тирания, деспотизм).

Это было время самой черной реакции и национальных погромов, особенно – христианского населения. Султан окружил себя суфийскими шейхами из Сирии, курдскими и аравийскими феодалами. Из отсталой части арабских бедуинов и курдов, албанских наемников и бежавших с Кавказа черкесов была создана иррегулярная кавалерия «хамидийе», терроризировавшая христиан. Султан, напуганный утратой Болгарии после поражения в русско-османской войне 1877–1878 гг., жестоко преследовал балканских славян, задушил освободительное движение армян в 1894–1896 гг., подавил выступление греков Крита в 1896 г. Аресты, доносы, шпионаж и полицейские преследования были повседневной практикой «зулюма», как и анекдотический запрет даже упоминать слова «свобода», «равенство», «право», «революция», «деспотизм» и даже «возрождение». Среди министров иногда не было ни одного человека с высшим образованием, ибо образованный чиновник вызывал у султана подозрения. От них не были свободны и самые высшие сановники, включая великого везира и духовного главу (шейх уль-ислама).

Вместе с тем Абдул-Хамид активно проповедовал в империи и за ее пределами идеи панисламизма, т.е. объединения всех народов ислама под его эгидой как халифа. Поскольку это касалось мусульман Магриба, Египта, Кавказа, Крыма, Поволжья, Средней Азии, Сибири и Индии, Абдул-Хамида считали потенциально опасным Франция, Англия и Россия. Естественно, этим обстоятельством воспользовалась Германия, стремившаяся вытеснить всех конкурентов с Ближнего Востока, действуя под маской якобы бескорыстного «друга» османов.

Немцы уже с 40-х годов XIX в. планировали колонизацию Османской империи, рассчитывая через Малую Азию проложить пути к Кавказу, Ираку и Индии. Ирак они хотели сделать хлопковой плантацией Германской империи, в связи с чем начатое ими в 1888 г. строительство железной дороги от Босфора до Багдада сопровождалось жестким соперничеством с англо-французами. В то же время военная миссия полковника фон дер Гольца, ставшего османским пашой, проводила в 1882–1896 гг. реорганизацию армии султана, а кайзер Вильгельм II совершил в 1889 г. и 1898 г. две поездки в Стамбул, а затем в Иерусалим и Дамаск, всячески настраивая османов против Англии, Франции и России и заверяя их в том, что «будет всегда их верным другом». Кайзер старался льстить и арабам, возложив венок на могилу победителя крестоносцев султана Салах ад-Дина (Саладина).

Тем временем Англия и Франция тоже укрепляли свои позиции. Франция, поглощая треть экспорта Сирии и Ливана, контролировала производство сирийского шелка и табака, построила ряд железнодорожных линий, порт Бейрута, открыла филиалы своих банков. Англия монополизировала 2/3 иракского импорта и около 1/3 экспорта, речные перевозки по Тигру и Евфрату. Однако всюду они сталкивались с конкуренцией немцев, уже тогда открыто говоривших, что будущее Германии – «в Сирии, Месопотамии и Палестине». Сам Абдул-Хамид II внешне был как бы в стороне от конкуренции западных держав за влияние на политику Стамбула. Но на деле он старался противодействовать Англии и Франции. Наиболее явно это проявилось в Аравии.

Османь, периодически терявшие контроль над той или иной областью формально входившей в состав их империи Аравии, не упускали случая этот контроль восстановить. Так они воспользовались в 1871 г. раздорами внутри клана Саудидов, дабы добить-

ся от правителя Кувейта признания сюзеренитета Стамбула, после чего ввели войска в Эль-Хасу. Англия, продолжая поддерживать антиосманскую политику Саудидов, тогда же поспешила подтвердить свой протекторат над Бахрейном. Саудидам после их разгрома Мухаммедом Али удавалось дважды (в 1821–1838 гг. и в 1843–1865 гг.) восстанавливать ваххабитский эмират в Неджде, но каждый раз османы громили его, в основном – чужими руками. Саудида и после этого продолжали сопротивление, в частности – захватившим в 1865 г. Неджд их соперникам Рашидидам из эмирата Джебель Шаммар. Англия помогала им оружием и деньгами, желая ослабить позиции османов. Но те в основном сохраняли свои гарнизоны (после 1871 г.) в Дохе, Эль-Хуфуфе и Эль-Катифе, а в остальных местах действовали через традиционных местных правителей, нередко сталкивая их в небольших локальных войнах.

Англичане, которые согласно «Вечному договору о мире» 1853 г. постоянно держали свой флот в Персидском заливе, еще более умело стравливали между собой местных шейхов, в частности – правивших в Договорном Омане, Катаре, Бахрейне, Абу-Даби. Характерно, что британская политика в регионе ловко сочетала поддержку ваххабитов там, где надо было противодействовать османам, с борьбой против ваххабизма в княжествах Персидского залива, уже подчинившихся Англии.

На юге Аравии англичане также сохраняли контроль над побережьем либо через местных султанов, либо непосредственно, например – в Адене, который они превратили в крупный порт, население которого (за счет англичан, индийцев и африканцев) выросло к 1856 г. до 20 тыс. чел., стоимость импорта в 1843–1870 гг. увеличилась в 10 раз, а экспорта – в 50. Англичанам удалось отбить все попытки соседних султанатов Хадрамаута захватить Аден. Более того, постепенно все эти султанаты приняли британский протекторат.

На западе Аравии османы в основном удерживали контроль над Хиджазом и (с перерывами) Йеменом, хотя и здесь нередко вспыхивали мятежи, иногда приводившие к нападениям на османов или к их изгнанию. Известен, в частности, конфликт 1855 г., когда улемы Мекки протестовали против запрета работоторговли как противоречившему шариату.

Из всех хитросплетений, составлявших политическую жизнь Аравии, преимущественно феодальных стычек, междоусобиц и персональных войн шейхов и эмиров на рубеже XIX–XX вв., стоит выделить в основном возрождение ваххабитского эмирата Саудидов и вспышку англо-французского соперничества из-за Омана. В Неджде родившийся в 1884 г. Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман, более известный под родовым именем Ибн Сауд, сумел в упорной борьбе в 1900–1904 гг. восстановить в Неджде ваххабитский эмират Саудидов, нанести ряд поражений Рашидидам, подготовив присоединение их эмирата к Неджду и, умело пользуясь поддержкой англичан, захватить Эль-Хасу, вытеснив из нее османов. Конфликт же 1899–1904 гг. между Англией и Францией, которую поддержала Россия, был вызван установлением контроля Англии над Оманом и Кувейтом. Однако после подписания в 1904 г. договора о «сердечном согласии» (Антанте) между Англией и Францией конфликт разрешился в пользу Франции.

Таким образом, страны Аравии в эпоху «зулюма» были достаточно далеки от внутренних проблем Османской империи и были скорее полем борьбы за влияние на них различных европейских держав при участии самих османов, пытавшихся спасти хотя бы остатки их бывшего имперского величия.

Иначе обстояло дело в Сирии и Ливане, где массовое недовольство султанским деспотизмом не раз выливалось в восстания и другие массовые выступления. Таковыми были, в частности, восстания 1886 г. и 1896 г. в области Джебель-Друз на юге Сирии, крупные волнения горожан Халеба в 1895 г. и Бейрута в 1903 г. Созданное в 1875 г. Ибрахимом Язиджи и Фарисом Нимром в Бейруте тайное общество имело филиалы в Дамаске и Триполи. С 1880 г. оно выступало за независимость Сирии и Ливана. Однако удушающая атмосфера «зулюма» вынудила большинство местных интеллектуалов эмигрировать. Ф. Нимр и Абд ар-Рахман аль-Кавакби оказались в Египте, Амин ар-Рейхани и Джубран Халиль Джубран – в США. Наджиб Азури в 1904 г. основал в Париже Лигу арабской родины, в 1905 г. издал книгу «Пробуждение арабской нации», в 1907 г. стал издавать журнал. Его лозунг был: «Арабские страны – арабам». Он призывал к общеарабскому восстанию и созданию единого государства из арабских провинций Османской империи. Но он не включал в него ни Египет, ни Магриб, не желая портить отношения с Англией и Францией.

Арабы и младотурецкая революция. В июле 1908 г. революционеры-младотурки в ходе восстания добились от султана восстановления конституции, а также – демократических свобод и отмены цензуры. Арабы встретили эту весть с ликованием. Однако их иллюзии быстро развеялись. На первых выборах в парламент осенью 1908 г. из 245 депутатов 150 представляли турок и только 60 – арабов, в то время как из 22 млн. жителей империи турок было 7,5 млн., а арабов – 10,5 млн. Даже многие арабские феодалы и связанные с младотурками бизнесмены были недовольны. В апреле 1909 г. Абдул-Хамид II попытался произвести контрпереворот, но потерпел неудачу и был низложен. Младотурки окончательно пришли к власти.

Довольно быстро их политика стала принимать сугубо шовинистический характер. Поэтому образованные связанной с ними арабской элитой (офицерами, чиновниками, депутатами) партии либералов и «османо-арабского братства» быстро оказались оторваны от суровой реальности. Младотурки не желали считаться с интересами нетурецкого населения, выдвинули идею пантюркизма, т.е. объединения всех тюркоязычных народов, большинство которых проживало в России. Они продолжили политику насильственного отуречивания национальных меньшинств, разгоняли национальные организации, закрывали национальные школы. Вследствие этого у всех нетурецких народов империи стали возникать организации, выступавшие за национальное освобождение.

В 1909 г. арабскими офицерами османской армии было создано тайное общество «Кахтанийя» (по имени мифического предка арабов Кахтана), которое выступало за создание арабо-турецкого государства, в котором арабы образовывали бы свое королевство со своим языком, парламентом и правительством. В 1911 г. группа студентов создала в Париже «Младоарабское общество», объединившее многих известных в будущем деятелей Ирака, Палестины и Сирии. Они выступали за независимость арабов и их освобождение от Османской империи.

Западные державы всячески поддерживали тенденции такого рода. В декабре 1912 г. премьер-министр Франции Пуанкарэ заявил об «особых интересах» его страны в Сирии и Ливане, о «симпатиях» сирийцев и ливанцев к Франции. Тогда же Франция добилась от Стамбула нового расширения автономии Ливана. Не-

удачи младотурок в войнах 1911–1912 гг. с Италией и балканской коалицией 1912–1913 гг. лишь поощряли и нажим держав на Стамбул извне, и внутренние выступления оппозиции.

В 1912 г. арабские националисты создали в Каире Османскую партию административной децентрализации, имевшую отделения почти во всех городах Сирии, Палестины и Ирака. Она добивалась широкой автономии и самоуправления арабских областей, при этом соглашалась на контроль западных держав. В поддержку идей этой партии в Ливане, Сирии и Ираке возник ряд обществ, комитетов и лиг, которые ориентировались на Англию или Францию и даже обращались к ним с просьбой об оккупации и протекторате. В 1913 г. «Младоарабское общество» и Партия децентрализации созвали Первый арабский конгресс. На нем были 24 делегата (19 – от Сирии и Ливана, 2 – от Ирака и 3 – от арабских общин США) и свыше 200 гостей. Требовали они признания национальных прав арабов и участия арабов в управлении. Под нажимом Франции младотурки даже обещали выполнить требования конгресса, но в дальнейшем сделали все, чтобы этого не делать.

В октябре 1913 г. на базе общества «Кахтанийя» возникло другое – «Аль-Ахд» (Завет), состоявшее только из военных и призывавшее к свержению османского господства. Младотуркам удалось схватить главу общества майора Азиза Али аль-Масри и осудить его на смерть. Но благодаря вмешательству англичан он был освобожден и выслан в Египет, откуда был родом. В целом, однако, арабским политическим организациям не удалось серьезно подточить мощь Османской империи накануне Первой мировой войны и добиться от младотурок каких-либо уступок. Среди части арабов были и твердые сторонники ориентации на султана, повторявшие вслед за друзским эмиром Шакибом Арсланом: «Халифат Османов – это гарантия для Востока».

Арабские страны в Первой мировой войне. С 1914 г. все страны и Арабского Востока, и Магриба были так или иначе вовлечены в первую мировую войну, тем более что во многом она велась за контроль над ними и их богатствами. Территории, ресурсы, население арабских стран – все было брошено в котел всемирной бойни. Ее цели и логика были чужды арабам. Но сам ход войны и событий, ее сопровождавших, как и политика вою-

ющих сторон, способствовали небывалой до того политизации арабского мира.

Арабы участвовали в военных действиях, прежде всего – в рядах османской армии, в которой иногда целые дивизии состояли из сирийцев, иракцев и палестинцев (главным образом арабов, но также курдов, черкесов, ассирийцев и других). Они сражались на Балканах, в Анатолии, в Иране и на Кавказе, а также – в Ираке, Хиджазе, Палестине, на Синайском полуострове, везде, где османы пытались осуществить свои планы по завоеванию ранее утраченных империей территорий или по сохранению своих позиций. И первое время часть арабов им сочувствовала. Арабские газеты поддерживали лозунг джихада «против неверных», а некоторые националисты Сирии, например Абд ар-Рахман Шахбендер и Мухаммед Курд Али сочли, для арабов более предпочтительным османское господство, нежели англо-французскую оккупацию.

Но вскоре подобные настроения стали изживаться. Неудачи на фронтах, большие потери, в том числе среди арабов, начинавшийся голод, шовинизм младотурок и, наконец, работа тайных агентов Англии среди актива Партии децентрализации и некоторых арабских обществ сделали свое дело. К тому же с июня 1915 г. Джемаль-паша, командовавший османскими войсками в Сирии (с помощью германского военного атташе полковника Кресс фон Крессенштейна и членов присланной из Германии миссии Лимана фон Сандерса), узнав об анитиосманских настроениях арабских националистов, перешел к преследованиям и кровавому террору против них. Голод (ввиду прекращения ранее традиционного импорта продовольствия), эпидемии тифа и других болезней довели социально-экономический и политический кризис до крайнего обострения. В 1915–1916 гг. в Сирии и Ливане умерли десятки тысяч людей. В 1917 г. в Сирии от голода и болезней погибли 10% жителей, причем в одном Ливане – не менее 100 тыс. чел. Десятки тысяч людей тогда же умерли в Багдадском и Мосульском вилайетах Ирака. Естественно, что в подобных условиях арабы были согласны на любую власть, только бы избавиться от губительного засилья османов. Подобные настроения проникали и в османскую армию, в которой множились случаи массового дезертирства, добровольной сдачи в плен и отказа сражаться, в первую очередь – среди солдат-арабов.

Арабы сражались и на стороне Антанты. В частности, англичанами была в ходе войны использована в своих целях армия Египта (17 тыс. чел. в 1914 г., 50 тыс. – к 1918 г.). Но ее участие в войне было незначительным. Тем не менее, сотни тысяч египтян (в общей сложности – до 1 млн.чел.) служили в «трудовых корпусах», занятых на оборонных и строительных работах, на обслуживании нужд 275-тысячной английской (на 2/3 – индийской, в том числе индо-мусульманской) армии. С этой же целью 10 тыс. египтян были посланы во Францию, 8 тыс. – в Месопотамию. Около 30 тыс. египтян в годы войны погибли от каторжных условий труда, на саперных работах и от обстрелов противника. Со своей стороны, Франция получила из колоний 545 тыс. солдат (в большинстве своем – мусульман из Алжира, Туниса, Марокко, Сенегала, других стран Африки). Из всех этих стран были направлены в метрополию сотни тысяч рабочих, заменивших французов в промышленности и сельском хозяйстве. В Алжире Франция разместила военных займов на 1768 млн. франков, в остальных своих владениях на 600 млн. франков. Англичане же просто использовали для возмещения военных расходов золотой запас Национального банка Египта.

Во французскую армию были мобилизованы 155 тыс. европейцев Алжира и 173 тыс. алжирских мусульман. Из них погибли 22 тыс. европейцев и 25 тыс. (а по другим данным – до 50 тыс.) мусульман. Известно, что именно против алжирских частей французской армии немцы впервые применили газы (иприт) под г. Ипр в Бельгии. Впоследствии заслуги алжирцев на поле боя стали их политическим козырем в антиколониальной борьбе. Ранены были 82 тыс. алжирцев. Кроме того, 119 тыс. алжирцев (в том числе 89 тыс. – принудительно) были направлены на работы во Францию. Очевидно, предполагалось мобилизовать в армию и на «трудовой фронт» гораздо больше алжирцев, так как примерно 120 тыс. из них, уклонившись от мобилизации, бежали в горы.

Другие владения Франции с арабским населением были вовлечены в события, связанные с войной, в меньшей степени. Например, во Франции работали в 1914–1918 гг. 30 тыс. тунисцев, а из 63 тыс. тунисских солдат французской армии 10,5 тыс. чел. погибли на фронте. Тогда же во Францию были отправлены на работы военного значения 25 тыс. (по другим данным – свыше

35 тыс.) марокканцев, при этом вдвое меньше их оказалось в рядах французской армии. Это объяснялось сравнительно недавним (всего за три года до начала войны) установлением власти Франции над Марокко и открытым нежеланием многих влиятельных марокканских феодалов помогать французам, которые, кстати, называли свою борьбу против арабских и берберских племен Марокко в годы войны «вторым фронтом».

Некоторые конфликты, происходившие в годы войны на территории арабского мира, были как бы унаследованы от довоенного времени и вроде бы не имели отношения к борьбе противостоявших друг другу коалиций Антанты и союза Германии, Австро-Венгрии и османов. На деле, однако, эти конфликты логично «интегрировались» в общемировой конфликт, так как их участники вынуждены были искать себе союзников либо на той, либо на другой стороне. В частности, патриоты Триполитании и Киренаики (к тому времени образовавших Ливию) продолжали сопротивление войскам Италии, начавшееся еще в 1911 г. И поскольку Италия примкнула к блоку Антанты, местные арабы и берберы встали на сторону Германии и Османской империи. Эти державы и до 1914 г. оказывали помощь различным группировкам местной знати, а после 1914 г. присылали им оружие, боеприпасы и денежные средства, а также – миссию военных инструкторов во главе с генералом Нури-беем (братом османского военного министра Энвер-паши) и представителем генштаба Германии К. Маннесманом. До 1916–1917 гг. эти усилия были достаточно эффективны: итальянцы были вытеснены с основной части территории, а в соседнем Египте англичане были вынуждены отражать атаки арабо-османских отрядов с запада.

Иначе обстояло дело в Аравии, в то время расколотой на множество эмиратов, формально – вассалов Османской империи. Англия, через своих «политических агентов» контролировавшая почти все побережье Персидского залива, энергично склоняла аравийские государства к союзу и к борьбе против османов. Но они либо оставались верны Стамбулу (Йемен, Джебель-Шаммар), либо сохраняли выжидательный нейтралитет, используя, как эмиры Асира и Неджда, полученные от Лондона деньги и оружие в своих целях. Единственный правитель, ставший союзником Англии, был шериф Мекки Хусейн ибн Али аль-Хашими, под чьим влиянием (и юрисдикцией) находились племена Хиджа-

за. Английский верховный комиссар в Египте Мак-Магон вел с ним долгие переговоры, пообещав Хусейну, наконец, в октябре 1915 г. признать его королем будущего государства всех арабов Азии (за исключением Ливана, запада Сирии, юга и востока Аравии). Руководствуясь этим, Хусейн поднял в июне 1916 г. знаменитое «восстание в пустыне». Повстанцами командовали сын Хусейна эмир Фейсал и британский разведчик полковник Лоуренс. В результате их действий османы были вытеснены из Хиджаза к июлю 1917 г.

В ходе Первой мировой войны Османская империя – ведущая и самая могущественная держава ислама – потерпела полное поражение. Правившие при фактически безвластном султানে триумвиры-младотурки (военный министр и начальник генерального штаба Энвер-паша, председатель ЦК правящей партии «Итти-фак ве теракки», т.е. «Единение и прогресс», и министр внутренних дел Талаат-паша, морской министр Джемаль-паша), всячески притесняя у себя нетюркские народы – армян, греков, арабов, курдов, в то же время стремились объединить под своей эгидой всех тюркоязычных, включая проживавших в России, Иране и других странах за пределами империи Османов. Плохо оснащенная, да еще – устаревшей техникой, состоявшая в значительной мере из представителей угнетенных этнических общин империи, поставленная под контроль германских офицеров османская армия к тому же оказалась вынуждена одновременно воевать на Кавказе и на Синайском полуострове, в Ираке и на Балканах. Несмотря на отдельные удачи на Балканах и в Ираке, в целом османская армия постоянно терпела поражения, потеряла убитыми и ранеными более 2,6 млн. чел., оставив громадную территорию от Синая до Басры и Эрзрума. Свои неудачи османы «компенсировали» расправами с наиболее значительными немусульманскими общинами страны – армянами и греками, впоследствии – и с мусульманами (например, с арабами Сирии и Ливана в 1915–1916 гг.). Империя была разорена, урожай и производство резко сократились, чудовищное обогащение коррумпированной бюрократии контрастировало с голодом и обнищанием социальных низов. Все перечисленные причины, вместе взятые, обусловили дезинтеграционные процессы в империи, стремление нетурецких народов отделиться от нее, тем более что отступавшие по их землям войска османов занимались грабежами, погромами и репрес-

сиями. В октябре 1918 г., подписав перемирие, Османская империя сдалась на милость победителей, оккупировавших ее столицу. Элита младотурок бежала в Германию, а султан стал марионеткой Англии и Франции. Практически это был конец империи, а для арабов – конец 400-летнего господства османов.

Империя, а особенно султан-халиф, сохранивший после младотурецкой революции 1908–1909 гг. не так уж много власти, в годы войны уже не пользовались авторитетом в глазах арабов, по крайней мере таким, как еще в середине XIX в. Большинство арабов не верило в искренность панисламистских лозунгов Стамбула, а близорукая репрессивная политика младотурок на деле противопоставила друг другу различные общины и группы, в том числе арабов-христиан и арабов-мусульман. Против младотурок выступили не только иноконфессиональные, но и инациональные жители, в частности – арабы (во время мятежей шиитов Неджефа и Кербелы в Ираке в 1915 г., в Сирии и Ливане в 1915–1916 гг., во время «восстания в пустыне» арабов Хиджаза в 1916 г., участвовавших в изгнании османов из Аравии, Палестины и Сирии). Площади мучеников в Бейруте и Дамаске до сих пор напоминают о казнях младотурецким триумвиром Джемальпашой в середине 1916 г. более 800 деятелей арабского освободительного движения. В рядах войск Англии против османов сражалось немало (около 1,5 млн.) мусульман, особенно из Индии, что, естественно, оказывало определенное влияние на арабов Османской империи. То же самое относится к мусульманам – подданным Франции и России, что можно продемонстрировать на конкретных примерах, в частности – ситуации 1914–1918 гг. в странах Магриба, где раньше, в 1905–1906 гг., французы отмечали большое влияние «панисламистской агитации» Стамбула.

В годы войны Франции не пришлось посылать в Алжир солдат для «поддержания порядка». Алжирские марабуты, т.е. суфийские лидеры, и значительная часть мусульманского духовенства заняли позицию лояльной поддержки метрополии. Они не откликнулись на призыв к «джихаду» – священной войне, провозглашенной в октябре 1914 г. османским султаном как религиозным главой всех мусульман-суннитов, и выступили на стороне Франции против Германии и державы Османов (единственный во французской армии подполковник-алжирец Кади и еще 8 офицеров-алжирцев были направлены в Египет в 1916 г. для помощи в

организации антиосманского восстания в Хиджазе, а с 1918 г. — участвовали в боях против турок в Аравии). В ряды французской армии вступили многие представители видных мусульманских фамилий. В чине капитана частей «спаги» (иррегулярной «туземной» кавалерии) сражался внук национального героя алжирцев Абд аль-Кадира эмир Халид, который ранее (в 1913 г.) вышел в отставку в знак протеста против дискриминации алжирцев во французской армии, но с началом войны вернулся на военную службу. Другие младоалжирцы, т.е. усвоившие французскую культуру «мусульмане-французы», в большинстве своем также поддерживали Францию, рассчитывая на уступки с ее стороны. Но многие из них и во время войны «протестовали против рекрутчины», требовали уравнивания в правах алжирских и французских чиновников, представительства в парламенте Франции.

Лишь небольшая группа традиционалистов Алжира и Туниса возлагала надежды на победу Германии и Османской империи. Они распространяли панисламистские листовки, призывавшие к священной войне, саботировали военные усилия Франции, агитировали за отказ от военной службы. Но их деятельность постепенно угасла после начала антиосманского восстания арабов Хиджаза в 1916 г. Воззвание шерифа Мекки Хусейна, в котором он обвинял турок в «пренебрежении и враждебности к благородному и благочестивому эмиру Абд аль-Кадиру Алжирскому», имело в Алжире определенный отголосок. То же самое можно сказать и о заявлении эмира Халида, еще раньше, в 1915 г., подтвердившего, что все арабы выступают против турок, как своих угнетателей.

На деле это было не совсем так. Один из сыновей Абд аль-Кадира эмир Абд аль-Малик, ранее в Сирии дослужившийся до чина полковника османской армии, с декабря 1914 г. действовал в Марокко как союзник османов. Его 15-тысячная армия угрожала городам Таза и Касабланка. Получая оружие и деньги из Германии и Испании, Абд аль-Малик в марте 1915 г. даже объявил войну французской администрации в Марокко, которой удалось с ним разделаться только в 1924 г.

Алжирцы знали о борьбе Абд аль-Малика. Они также сочувствовали движению за изгнание итальянцев в соседней Ливии, проходившему под руководством братства Сенусийя. Германия также обратилась в 1914 г. непосредственно к сенуситам с демагогическим призывом «освободить мусульман от рабства» и вер-

нуть им «честь». Под влиянием сенуситов шейхи Хоггара (Южной Сахары) Ахмед Султан и Абд ас-Салям объявили Франции «джихад» в 1915 г. и с февраля 1916 г. начали осаду французских опорных баз. Франция была вынуждена направить против них корпус генерала Ляперрина, усмирявшего туарегов вплоть до конца 1917 г. Открытые выступления против французов имели место в Алжире в 1914 г., в районах Бени Шугран (близ Маскары) и Милианы. Повстанцев возглавляли шейхи племен, не желавшие подчиняться приказам о мобилизации. Один из них сказал: «Можно увеличить налоги и забрать у нас имущество, но мы не дадим своих детей». В то же время многие крестьяне, не ограничиваясь этим, с декабря 1914 г. стали требовать возвращения земель, конфискованных у них французами после восстания Мукрани в 1871 г. Однако всеобщее восстание мусульман Магриба, на которое уповало германо-османское командование, так и не произошло, хотя партизанские налеты в 1915–1917 гг. отмечались по всему востоку страны от Тебессы до Бужи на севере, а также в Тенесе на западе, где бунт солдат-алжирцев был поддержан рабочими, по словам алжирского историка Белькасема Саадаллаха, «как в России 1917 года». В 1916–1918 гг. французы зарегистрировали в Алжире до 9 тыс. нападений, покушений и актов саботажа.

Некоторое влияние на магрибинцев и других мусульман – подданных Франции в годы войны прогерманская и панисламистская пропаганда все же оказала: распространялись легенды о «Хадж Гийуме» (т.е. кайзере Вильгельме), которого воспевали как «сражающегося со звездами», и открыто желали ему победы; панисламисты в алжирском городе Константине уверяли, что халиф (т.е. османский султан) может сжечь весь мир, стоит ему «лишь поднять знамя пророка». Активен был и образованный в Берлине в январе 1916 г. Комитет за независимость Алжира и Туниса во главе с тунисскими шейхами Салахом аш-Шарифом и Исмаилом ас-Суфайхи. От Алжира в его состав был включен сын Абд аль-Кадира эмир Али-паша и внук Абд аль-Кадира эмир Саид. Комитет вел патриотическую агитацию среди пленных солдат французской армии (магрибинцев и вообще мусульман), многие из которых потом тайно забрасывались на родину с диверсионными целями или поступали в османскую армию. В первом воззвании от имени комитета (в 1916 г.) аш-Шариф обви-

нил страны Антанты в «намерении подчинить другие народы, похитив их самостоятельность и личную свободу». Вместе с ас-Суфайхи аш-Шариф подробно описал тяготы жизни алжирцев и тунисцев под властью Франции: налоговый гнет, юридическое бесправие, земельный грабёж, принудительный труд, подавление всех свобод и национальной культуры. Предлагалось сорвать «дьявольские планы» Антанты путем мобилизации «материальных и духовных сил стран Ислама» и «братского союза Турецкого государства» с Германией и Австро-Венгрией. В том же 1916 г. эмир Али-паша опубликовал в Берлине на арабском языке «Призыв к мусульманам, служащим в союзных армиях, встать на защиту Халифата, спасти ислам и святые города, освободить Алжир, Тунис и Марокко».

Несмотря на малочисленность магрибинских беженцев в Германии и Турции, а также ограниченность их влияния (в основном – среди военнопленных), их деятельность положила начало важному процессу *политизации* мусульманской эмиграции в Европе, во многом повлиявшему на политическую и социальную жизнь континента на протяжении всего XX в., да и темпы модернизации мусульманского Востока в то же время. До Первой мировой войны пришельцы из стран ислама занимались в Европе преимущественно экономической деятельностью, в меньшей степени – религиозной: в Англии, где первая мечеть была выстроена уже в 1889 г., вплоть до 1914 г. мусульманами были в основном купцы и моряки из Адена, Сомали, Индии, во Франции – докеры, строители, мыловары и шахтеры из Алжира, как правило – неграмотные и неквалифицированные. Война привела к резкому количественному и качественному росту эмиграции, а также к последующему ее вовлечению в рабочее и социалистическое движение, прежде всего – во Франции.

В годы войны эмигранты в Германии и Турции (в основном – традиционалисты) устанавливали связи с единомышленниками из Туниса и Марокко, скрывавшимися в Швейцарии и Испании, планируя создание «Объединенной Североафриканской Республики» в составе Алжира, Туниса, Марокко, Триполи и Барки (Киренаики). На международных конференциях делегаты стран Магриба обычно выступали солидарно, обращаясь к Германии, Австро-Венгрии и Османской империи за помощью «против режима угнетения» и в поддержку требования независимости. В

1915 г. в Стамбуле были изданы брошюры лейтенанта «Хаджа Абдуллаха» (дезертировавшего из французской армии Бу Кабуя) «Священная война и роль черной армии в Алжире» и «Ислам во французской армии». В них описывалась «арабофобия» французских офицеров, их вражда к «молодым тюрбанам», «смуглякам» и «назам» (от араб. «ан-нас» – люди), как они оскорбительно именовали всех грамотных военнослужащих-алжирцев, а также – постоянная слежка за алжирцами со стороны агентов полиции в Алжире. С января 1917 г. Бу Кабуя вел агитацию среди алжирцев в Европе, находясь в Цюрихе. В том же году из Стамбула было переправлено множество других антифранцузских брошюр и листовок. Часть из них, в основном – исламистского содержания, была также заброшена в окопы на фронтовых позициях, занимавшихся алжирскими стрелками. Через Севилью в Алжир поступал также подпольный листок «Девуар» («Долг»), который издавал дезертировавший из французской армии «Мехмет-алжирец, ушедший в Турцию для борьбы с гонителями ислама». Комитет партии «Единение и прогресс» в Стамбуле основал в Лозанне под руководством бывшего египетского хедива Аббаса II Хильми свой филиал – «Международное мусульманское общество», которое стало издавать с 1916 г. бюллетень, вскоре ставший ежемесячным журналом «Ревю дю Магриб». Его редактор Мухаммед Баш-Ханба, его брат Али и другие младотунисцы издавали также немало книг об угнетении народов Туниса и Алжира. В сентябре 1917 г. «Ревю дю Магриб» опубликовал «Хартию алжирского народа», в которой требовал отмены колониального «туземного кодекса» и репрессивных трибуналов, гарантий уважения личности, имущества, свободы, языка и религии алжирцев, восстановления правосудия и законности, налоговой реформы и равенства «в расходах и доходах бюджета», предоставления гражданских и политических прав вплоть до представительства в парламенте Франции.

Часть алжирских эмигрантов находилась в связи с бывшим марокканским султаном Мулаем Абд-аль-Хафизом (Хафидом), пытавшимся из Барселоны поднять антифранцузское восстание в Северной Африке, а также поддерживала требования Комитета за независимость Алжира и Туниса о предоставлении независимости «алжиро-тунисскому народу». Этот комитет, объединяв-

ший традиционалистов Туниса и Алжира среди магрибинских эмигрантов в Женеве, возглавляли Мухаммед Мезиан ат-Телим-сани, Бираз аль-Джазаири и Хамдан Бен Али аль-Джазаири. Однако вся эта деятельность алжирской эмиграции, оторванной от родины и ее повседневных проблем, носила сугубо верхушечный характер и вследствие этого не представляла большой опасности для колониального режима. Французские службы контрпропаганды, издававшие ряд специальных газет, в том числе – «Ахбар аль-Харб» («Военные новости») и «Аль-Мустакбаль» («Будущее») на арабском языке, легко нейтрализовали возможный эффект агитации эмигрантов в Магрибе.

Наиболее дальновидные представители французских правящих кругов считали необходимым, особенно в трудных условиях войны, реализовать хотя бы часть требований мусульман Магриба, не без оснований полагая, что их долготерпению, особенно – служивших в армии или работавших в метрополии, может настать конец после их возврата на родину. «Опыт алжирских войск, мобилизованных в 1914–1918 гг. на службу Франции, – писал впоследствии германский историк Томас Опперман, – открыл новые политические горизонты наиболее передовым умам страны... Познакомившись с Европой, они стали более критически рассматривать различные ситуации в своем отечестве». Как бы предчувствуя это, многие парламентарии Франции стали присоединяться к позиции Ж. Клемансо, уже в 1915 г. требовавшего проведения реформ в Алжире. И хотя он стал главой правительства Франции осенью 1917 г., осуществить свои замыслы он смог лишь после окончания войны.

Всего сказанного достаточно, чтобы выявить значение Первой мировой войны для арабского мира. Эта война в невероятных масштабах активизировала освободительную борьбу арабов, вскрыла новые социальные силы и резервы этой борьбы, усилила ее за счет умножения и политического, и чисто военнотехнического опыта. Вместе с тем, обострив социально-экономические и иные проблемы практически всех арабских стран, война вывела на первый план социально-политическое содержание борьбы, несколько приглушив прочие ее аспекты, включая религиозный. Именно поэтому канули в лету панисламизм, «османизм» и прочее идейное оснащение обветшавшей Османской империи. Зато вышли на авансцену идеи свободы, национализ-

ма, демократии, социализма, так или иначе присутствующие с тех пор в идеологическом вооружении почти всех политических сил арабского мира.

Часть III. АРАБЫ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Глава 9. Арабские страны в 1919–1939 гг.

Помимо Первой мировой войны и воздействия на арабов военно-политической, экономической и культурной экспансии западных держав, следует учесть еще один важный фактор – влияние на положение в арабском мире революционных событий 1917–1921 гг. в России. Арабы довольно быстро узнали и о Декларации прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. об отмене всех национальных и религиозных привилегий, и о специальном обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Причем эти акции были подкреплены делами – предоставлением народам бывшей Российской империи права на самоопределение, самоотверженной борьбой с войсками 14 государств, в том числе всех ведущих колониальных держав, наконец – публикацией тайных документов царской дипломатии, в том числе соглашения Сайкс–Пико о разделе бывших арабских провинций Османской империи. Все это, как и осуждение системы мандатного управления этими провинциями как «раздачи мандатов на расхищение, грабеж», что неоднократно повторялось правительством СССР, вызвало симпатии арабов и явилось для них дополнительным стимулом к борьбе за освобождение.

Разумеется, эта борьба в наибольшей степени затронула более развитые и подвергшиеся модернизации страны и почти или совсем не затронула менее развитые. Поэтому антиколониальный подъем, происходивший, например, в Сирии, Египте и Палестине в 1918–1921 гг. или в Марокко в 1921–1926 гг., почти никак не отразился на Аравии или Судане. Тем не менее, арабское общество менялось всюду и необратимо.

Страны Аравии. На Аравийском полуострове наиболее радикальные перемены были связаны в межвоенный период с деятельностью Ибн Сауда. К ноябрю 1921 г. он покончил с династией Рашидидов и присоединил Джебель-Шаммар к своим владениям, как и Асир, всегда бывший яблоком раздора между Хиджазом и Йеменом. В 1924 г. он начал войну против короля Хиджаза

Хусейна ибн Али, основателя династии Хашимитов, претендовавшего на титул «короля всех арабов», который ему обещали англичане, и провозгласившего себя халифом после краха династии Османов в Турции. Захватив Мекку и Медину, Ибн Сауд долго осаждал в Джидде сына Хусейна – короля Али (Хусейн был низложен собранием знати). При посредничестве Англии Ибн Сауд добился изгнания Али ценой некоторых уступок и стал «королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей». В 1926 г. он добился признания его всем миром ислама, созвав в Мекке конгресс 69 представителей мусульман арабского мира, Афганистана, Индии, Индонезии, СССР и других стран.

Опираясь на движение ихванов («братьев»), т.е. переходивших к оседлости бедуинов (число их поселений в 1920–1929 гг. выросло с 52 до 120), Ибн Сауд вел успешные войны с Йеменом и с феодальными сепаратистами внутри своего государства. Однако недовольство ихванов растущим влиянием городов и внедрением новой техники (радио, телефонов, автомобилей), которую они сочли «изобретением дьявола», постепенно переросло в гражданскую войну 1929–1932 гг. Подавив опасный мятеж ихванов, король назвал в сентябре 1932 г. свое государство *Саудовской Аравией*. Для своих подданных он был и абсолютный монарх, и имам, т.е. духовный глава.

В связи с мировым кризисом 1929–1933 гг. сильно сократились доходы от хаджа (паломничества). Поиск новых источников дохода привел к предоставлению концессии на добычу нефти концернам США за 100 тыс. фунтов стерлингов в 1933 г. Нефть была найдена в 1938 г., а вывоз ее начался с мая 1939 г. Саудовская Аравия стала получать тогда от американцев 5 тыс. фунтов в год, а ее внешнеполитическая ориентация становилась все более проамериканской, тем более что Ибн Сауд запомнил, что во время его войны с Йеменом в 1933–1934 гг. Англия, Франция и Италия поддержали Йемен.

С Йеменом у Англии были сложные отношения из-за Адена, который йеменцы постоянно пытались вернуть и, осаждая его в Первую мировую войну, фактически помогали османам. Англичане сумели полностью восстановить мир с Йеменом только после длительной войны 1928–1934 гг., заключив договор с имамом Яхьей и объединив в два комплекса (Западный и Восточный Аден) султанаты Хадрамаута, согласившиеся на британский протекторат. А имам Яхья тем временем скрытно продолжал

борьбу против англичан на юге и Ибн Сауда на севере. При этом общественный строй Йемена оставался сугубо средневековым: племена были фактически независимы, признавали имама в основном лишь как духовного главу зейдитов, а шейхи племен нередко выступали против имама, реально осуществляя в племенах управление и судопроизводство. Племена, особенно горные, враждовали с малочисленными горожанами, разделенными на сословия купцов, ремесленников, слуг и рабов. Во внешней политике имам ориентировался в основном на Италию, с которой он заключил договор еще в 1926 г.

На юго-востоке Аравии в те годы боролись два государства – теократический имамат *Оман* и находившийся под английским протекторатом султанат *Маскат*. Когда-то они были едины, но после раскола ожесточенно спорили из-за границ, внешней ориентации и религиозных расхождений, хотя оба придерживались хариджитского направления в исламе и принадлежали к секте ибадитов.

К северу от Омана семь небольших эмиратов на побережье Персидского залива составляли единый британский протекторат *Договорный Оман*. Англичане были здесь полными хозяевами и даже содействовали во многом социально-экономической и технической модернизации местного общества, но старались при этом не затрагивать его политических структур и традиций. Примерно то же положение сложилось в *Катаре*, *Кувейте* и на *Бахрейне*, одной из общих черт которых было противостояние суннитов и шиитов, как и в соседнем Ираке. Наиболее эволюционировал среди этих эмиратов Кувейт, пытавшийся в 1920–1921 гг. даже воевать (хоть и неудачно) с Ибн Саудом. Здесь в 1938 г. была проведена первая забастовка, а еще раньше, в середине 30-х годов, возникло движение «младокувейтцев», в основном из антибритански настроенной интеллигенции, учившейся за рубежом. Эмир Кувейта в 1937 г. пошел им на уступки, создав Законодательный совет, выработавший конституцию. Впрочем, через год он ее отменил, а совет разогнал.

Египет и Судан. В Египте окончание войны было связано с массовым недовольством тяжелыми работами, лишениями, издевательствами английских офицеров. Уже в 1916 г. имели место шествия под лозунгом «Долой Англию!». Переданные по радио из Парижа в январе-феврале 1918 г. сведения о тайных сговорах держав Антанты по разделу арабских земель, опублико-

ванные в Москве, и о признании правительством Советской России права наций на самоопределение взбудоражили египтян, так же как и «14 пунктов» президента США Вильсона, предусматривавшие право народов на самоопределение. Англия и Франция поспешили 7 января 1918 г. заявить о намерении освободить арабов от османского гнета. Но египтяне им уже не верили, так как, по словам Амина Саида, убедились «в предательстве и коварстве англичан». В их глазах медленно стал разрушаться долго им внушавшийся и во многом подтверждавшийся постулат о якобы вечном характере социальной и колониальной эксплуатации, о якобы непобедимости империалистов и незыблемости их господства. Появление на карте мира Советской России означало, что есть силы, способные решительно противостоять империализму и колониализму.

На волне поднимавшегося движения всенародного протеста выдвинулась группа членов Законодательного собрания во главе с его вице-председателем Саадом Заглулом, которая назвала себя «Аль-Вафд аль-мысрий» («Египетская делегация») и потребовала участия Египта в работе мирной конференции в Париже. 13 ноября 1918 г. они потребовали ликвидации режима протектората и национальной независимости, начав сбор подписей под Хартией национальных требований. Были собраны сотни тысяч подписей.

8 марта 1919 г. Заглул и его соратники были арестованы. В ответ последовал взрыв возмущения народа, массовые демонстрации и забастовки, вылившиеся в вооруженное восстание в марте-апреле. При его подавлении было убито от 1 до 3 тыс. чел, 1600 ранено, 3700 арестовано, 149 чел. были казнены. Освобожденный Заглул поехал в Париж, но ничего там не добился. Тем не менее, его Вафд стал самой массовой и влиятельной, вплоть до 1952 г., партией страны. Движение в марте-апреле 1919 г., как и новое восстание в ноябре-декабре 1921 г., также подавленное англичанами, не прошли бесследно. Они предпочли договориться с буржуазно-помещичьей элитой Египта, включая ее либеральную часть, интересы которой и представлял Заглул со своими единомышленниками.

После революционных событий 1919–1921 гг. англичане вынуждены были пойти на формальное признание независимости Египта в 1922 г. и введение конституции в 1923 г. при сохранении широких полномочий короля. В 1924 г. после первых в истории

Египта парламентских выборов к власти пришла партия Вафд как самая авторитетная в стране. Но ее попытка добиться вывода британских войск кончилась неудачей. Кроме того, буржуазные лидеры Вафда изолировали себя слева, начав борьбу с усилившимся рабочим движением. Компартия Египта, возникшая в 1919 г., насчитывала в 1924 г. 2 тыс. чел., а Египетская конфедерация труда – 50 тыс. чел. Разгромив эти организации, Вафд создал под своей эгидой реформистские профсоюзы. Но Вафд, пользуясь популярностью, боялся ею воспользоваться и часто проигрывал. Англичане, опасаясь Вафда, тем не менее, всегда пользовались его склонностью к компромиссам и нежеланием в борьбе с Лондоном идти до конца. В дальнейшем они руками короля отстраняли Вафд от власти в 1924, 1928, и 1937 г., несмотря на победы этой партии на выборах. Легкости этого отстранения способствовали подачки англичан египетской буржуазии: возникший в 1920 г. банк «Мыср» к 1927 г. превратился в крупный концерн, контролировавший 12 национальных торговых, промышленных и транспортных компаний, а в любом созданном иностранцами предприятии 1/4 акций должна была принадлежать египтянам. В 1936 г. Англия навязала Египту кабальный договор, сохранявший его зависимость от Лондона.

Засилье Англии не могло не вызывать активизации в Египте самых разных политических сил. В 1929 г. учитель из города Исмаилийя шейх Хасан аль-Банна создал Ассоциацию братьев-мусульман, которая стала первой в арабском мире носителем идей исламского фундаментализма, выступая за восстановление исламского халифата, конституцией которого должен быть Коран. К 1936 г. Ассоциация превратилась в чрезвычайно влиятельную, не только религиозную, но и политическую организацию, имевшую свои ячейки во всех провинциях, городах и даже некоторых селах Египта. Она была более укорененной в египетской общественной жизни, нежели возникшая примерно в те же годы ультранационалистическая «Мыср аль-фатат» (Молодой Египет), идеология которой, кроме национальной исключительности, была довольно неопределенной (в частности, не была чужда и идеям социализма), но практика шумных шествий, насилия, драк, покушений и предельно резких высказываний напоминала скорее фашистов Европы.

Однако ни та ни другая партия не привлекали главного внимания, каковым пользовались Вафд, его лидер Мустафа Наххас-

паша (заменивший умершего в 1927 г. Заглула) и отделившаяся от Вафда в 1937 г. более правая партия Саад, считавшая себя идейной наследницей Заглула. Еще раньше, в 20-е годы, возникла партия либерал-конституционалистов, ставившая своей целью фактически содействовать политике королевского двора, хотя и в рамках формально демократической конституции 1923 г.

Договор 1936 г., формально признававший суверенитет Египта и заменявший верховного комиссара Англии ее послом, на деле сохранял ее контроль над страной и египетской армией, оставлял на 20 лет британские войска в зоне Суэцкого канала, Каире и Александрии (10 400 чел. в мирное время, но во время войны – без ограничений, а также с предоставлением Англии всех баз и любых видов помощи). Это во многом подрывало авторитет Вафда и лично подписавшего договор Наххас-паши, который не принял во внимание социальной поляризации общества, разорения деревни, вызванного мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., и роста безработицы, достигшей в 30-е годы 300 тыс. чел. Не учел он и подъема с 1934 г. движения масс под лозунгом «Англия – наш враг!». Поэтому на выборах в апреле 1938 г. Вафд впервые потерпел поражение, а страной стал фактически править Али Махир-паша, имевший большое влияние на молодого короля Фарука, сменившего Ахмед-Фуада на троне в 1936 г. Махир, начальник канцелярии короля и министр двора, определял политику всех кабинетов, умело тасуя их составы из либерал-конституционалистов, саадистов и прямых ставленников двора, а иногда сам занимал посты премьера и министра внутренних дел. Он, как и сам Фарук, и многие родственники короля, его министры и генералы, был связан с королевским двором Италии и нередко занимал открыто профашистскую позицию.

Египет в те годы привлекал внимание держав «оси». Им сочувствовали многие офицеры египетской армии – от начальника генерального штаба Азиза Али аль-Масри до молодого тогда еще Анвара Садата, будущего президента Египта, в то время члена Ассоциации братьев-мусульман. Накануне Второй мировой войны Ассоциация поддерживала Али Махира и его ориентацию на державы «оси». Справедливости ради надо сказать, что в то время за подобную ориентацию выступали многие египтяне (если не их большинство). Не особенно задумываясь над идеологией фашизма, они просто надеялись выгнать англичан из Египта с помощью немцев и итальянцев.

С событиями в Египте в XX в. тесно связано и все, что происходило в Судане. На деле Судан оставался британской колонией, несмотря на формальное совместное управление им Англией и Египтом. Генерал-губернатором и высшими чиновниками были англичане, на второстепенные посты допускались наиболее прозападно настроенные египтяне (обычно христианекопты) и ливантинцы (сиро-ливанцы), преимущественно марониты, грекокатолики и воспитанники протестантских миссий. Местные феодалы, выходцы из элиты племени или суфийских братств обычно входили лишь в низовое звено управления. Ведущими суфийскими братствами (или сектами) были Аль-Ансар и Аль-Хатмийя, но сторонников имели также Кадирийя, Саманийя, Махджубийя, Аль-Исмаилийя и Аль-Хиндийя. Власти умело стимулировали их соперничество, как и конкуренцию шейхов племен, применяя принцип «разделяй и властвуй».

Экономически содействуя Египту (особенно в вопросе распределения вод Нила для орошения хлопковых плантаций), англичане в то же время всячески препятствовали политическому влиянию египтян в Судане, особенно их пропаганде «единства долины Нила». В то же время Египет оплачивал все расходы по управлению Суданом и посылал туда своих солдат. Демонстрации в поддержку единства с Египтом, происходившие с мая 1919 г. и поддержанные частью нового суданского предпринимательства (обуржуазившихся феодалов и племенных вождей, торговцев и арендаторов), англичанами разгонялись. Им были противопоставлены лояльные властям вожди братств и религиозные деятели, выдвинувшие лозунг: «Судан – для суданцев». Но сторонники единства преобладали, создав с 1920 г. Объединенный союз Судана и ряд других организаций.

Используя как предлог убийство в 1924 г. в Египте генерал-губернатора Судана Ли-Стэка, англичане изгнали из Судана египетских чиновников и солдат, изолировали юг Судана от севера, запретив на юге арабский язык и ислам. Из южан-немусульман был создан Экваториальный корпус под командой британских офицеров. На севере же восстанавливались феодальные порядки, а известные коллаборационисты из вождей племен получали не только административную, но и судебную-полицейскую власть. Ставка стала делаться на всемерное разжигание вражды главы аль-Ансар Абд ар-Рахмана аль-Махди, который хотел стать «подлинным халифом» Судана, и главы Аль-Хатмийи Али аль-

Миргани. Но аль-Махди, богатый помещик и коммерсант, оказался и умелым политиком. С 1927 г. он широко пропагандировал принципы махдизма, распространяя «Ратибу» – священную книгу махдистов, изданную в Каире. Вернувшись в 1928 г. из Бейрута группа выпускников университета во главе с Исмаилом аль-Азхари, вопреки ожиданиям англичан, включилась в антиколониальное движение. «Клуб выпускников» к середине 30-х годов при поддержке Аль-Ансар и Аль-Хатмийи стал влиятельнейшей в Судане организацией формально-просветительского, на деле – политического плана.

С 1935 г. англичане начинают возвращать египтян в Судан, опасаясь агрессии Италии в соседней с Суданом Эфиопии. По договору 1936 г. началась иммиграция египтян в Судан, создание ими своих школ, их проникновение в администрацию и систему образования, несмотря на недовольство аль-Махди. В феврале 1938 г. 1180 выпускников разных учебных заведений создали в Хартуме Генеральный конгресс выпускников во главе с Исмаилом аль-Азхари. За год он открыл в стране около 100 школ и стал издавать свой печатный орган.

В дальнейшем (в 1943 г.) на базе конгресса была создана партия «Аль-Ашикка» (Братья), опиравшаяся на интеллигенцию, буржуазию и зажиточных собственников города и деревни. В ответ сторонники Аль-Ансар образовали в 1945 г. партию «Аль-Умма» (Нация), влиятельную среди феодалов, духовенства, кочевых и полусоседных племен. Их соперничество потом долго определяло жизнь Судана после войны.

Ирак и Палестина. Ирак к 1918 г. был почти полностью оккупирован британской армией. Англичане с 1916 г. стали привлекать на свою сторону местную феодальную и религиозную элиту путем раздачи денежных субсидий, чинов, орденов, постов в новой администрации, предоставлением шейхам племен судебной власти, а с 1919 г. – права экспроприации ими (а также крупными торговцами и бюрократами) общинных земель. Тем не менее, уже весной 1918 г. против них восстали горожане Среднего Евфрата. В июне 1919 г. группа иракских офицеров бывшей османской армии потребовала от Лондона создать в Ираке национальное правительство. Два общества «Страж независимости» (Харас аль-Истикляль) и «Иракский завет» (Аль-Ахд аль-иракий) были созданы интеллигенцией, предпринимателями, духовенством и знатью. Но первое из них решило вести

борьбу за независимость, а второе склонялось к созданию монархии под протекторатом Англии. Первое общество сумело поднять в июне 1920 г. массовое восстание крестьян на Среднем Евфрате. В нем участвовали 130 тыс. чел. и оно длилось до начала 1921 г. Поводом к нему явилось решение Лигим Наций в Сан-Ремо в апреле 1920 г. о передаче Ирака под мандатное управление Англии.

Лондон довел свою армию в Ираке до 150 тыс. чел. и сумел к ноябрю 1920 г. разгромить основные силы повстанцев. Однако ставший в октябре 1920 г. верховным комиссаром в Ираке опытный дипломат Перси Кокс, ранее длительное время бывший «политическим агентом» Великобритании в разных эмиратах Персидского залива, решил проявить гибкость и договорился с обществом «Иракский завет» о создании временного правительства. Сколоченное в основном из феодальной знати, оно полностью поддержало политику Англии. В январе 1921 г. Ирак был провозглашен монархией, а королем стал эмир Фейсал, сын шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими, в то время бывшего королем Хиджаза.

Англичане пошли на все эти уступки, так как были встревожены не утихавшей в стране мятежностью (еще до восстания 1920 г. они с трудом подавили восстание курдов во главе с правителем Сулеймании Махмудом Барзанджи), а также – хотели поскорее закрепить свое господство в стране независимо от условий мандата, предусматривавших «открытость» Ирака для других держав. В создававшемся ими госаппарате страны при каждом министре-иракце состоял английский советник, реально руководивший всеми делами. Это фактическое положение вскоре было закреплено в англо-иракском договоре и конституции Ирака от 1924 г. Решающие позиции сохранялись за королем, который мог распустить парламент и уволить кабинет министров, что и делалось: в 1921–1945 гг. в Ираке сменилось 39 правительств и ни один парламент не работал полные 4 года.

Допустив к управлению Ираком местную феодально-буржуазную и феодально-бюрократическую элиту, англичане ловко играли на противоречиях в ее среде: между арабскими шейхами и курдскими ага; между феодалами-суннитами (во главе с королем), монополизировавшими высшие посты в государстве, и более многочисленными и экономически сильными феодалами-шиитами, оттертыми от политической власти; между крупным му-

сультманским предпринимательством и компрадорской христианско-иудейской буржуазией. По сути дела, английские колонизаторы умело направляли феодальный национализм верхов Ирака против курдов, ассирийцев, армян, турок, евреев и других национальностей страны, на укрепление феодально-чиновничьей монархии, преданно служившей их господству. По свидетельству британского историка Дж. Кимхе, министры выбирались из одних и тех же 50—60 семей: «Это было правительство шейхов, их ставленников и друзей для шейхов, их ставленников и друзей».

В июне 1930 г. был подписан новый англо-иракский договор, который предусматривал прекращение действия мандата и провозглашение независимости страны. На деле все оставалось, как и раньше, но Англия как бы прекращала состояние «открытости» Ирака для прочих держав и обретала монополию на господство в нем, хотя верховный комиссар Англии в Ираке, как и в Египте, становился «просто» послом. И хотя внешне Ирак обрел суверенитет, особенно после его вступления в 1932 г. в Лигу Наций, договор вызвал в Ираке резкие протесты, а депутаты от оппозиции, создав Партию национального братства, развернули критику договора и его творца Нури Саида, верного агента Англии, все первые 40 лет после выхода Ирака из Османской империи в том или ином качестве (премьера, министра, дипломата, личного советника монарха) бывшего образцом служения Лондону.

Несмотря на рост нищеты народа и социальной поляризации в обществе, политического выхода настроения низов не находили. Феодально-бюрократическая монархия всегда направляла недовольство масс в русло национальной или религиозной розни. Например, в сентябре 1933 г. король Гази, сменивший Фейсала, бросил войска против ассирийцев. В боине погибло более 6 тыс. чел. В подобных условиях рабочее движение и борьба профсоюзов в Ираке оставались на более низком уровне развития, чем, допустим, в Сирии или Магрибе. Первые кружки марксистов Ирака объединились в 1934 г. в «Комитет борьбы против империализма и эксплуатации», в июле 1935 г. ставший компартией. Но ИКП не была тогда влиятельна.

Более видную роль играли либеральные круги торгово-промышленной буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, объединявшиеся вокруг запрещенной в 1935 г. демократической организации «Ахали» (Народ). Ряд политических деятелей, вставших в оппозицию к феодально-бюрократическому проанглийско-

му режиму, сблизившись с «Ахали», одновременно установили контакт с верхушкой армии. В октябре 1936 г. две дивизии под командой генерала Бакра Сидки, назвав себя «Силами национальной реформы», произвели переворот. У власти встало правительство лидера оппозиции Хикмета Сулеймана, в которое вошел и ряд левых деятелей «Ахали».

Народ приветствовал переворот: 3 ноября 1936 г. 100-тысячная демонстрация в Багдаде проходила под лозунгом: «Да здравствуют король, армия и народное правительство!». Виднелись также красные знамена и плакаты с надписью: «Смерть преступному фашизму!»* Правительство Х. Сулеймана опубликовало программу широких демократических преобразований: налоговой реформы, распределения пустующих земель, развития системы ирригации и здравоохранения и т.п. Были амнистированы 350 бывших участников антифеодальных восстаний, разрешены закрытые прежним правительством газеты и восстановлены разогнанные им профсоюзы. Созданная некоторыми министрами кабинета Х. Сулеймана и деятелями «Ахали» в январе 1936 г. Партия национальной реформы выступила за индустриализацию страны, национализацию транспорта и водоснабжения, развитие кооперации и сельскохозяйственного кредита в целях спасения крестьян от ростовщиков, ограничение рабочего дня, демократизацию органов управления и т.п.

Однако осуществить все это не удалось. Под давлением правой верхушки армии и явно метившего в военные диктаторы Бакра Сидки кабинет Х. Сулеймана отказался от антифеодальных реформ и стал все больше отдаляться от масс. Жестокое подавление в мае 1937 г. восстания племен Среднего Евфрата повлекло за собой отставку наиболее левонастроенных министров. Хикмет Сулейман ответил на это роспуском Партии национальных реформ и полицейскими репрессиями против демократов под прикрытием официально провозглашенной «борьбы с коммунистической угрозой». Но его правительство просуществовало недолго: оно пало в августе 1937 г. после убийства генерала Бакра Сидки офицерами-заговорщиками, недовольными тем, что генерал открыто расчищал себе дорогу к власти путем физического истребления всех возможных соперников. В результате к власти вернулась проанглийская феодально-бюрократическая клика.

* Германский посол в Ираке Фриц фон Гробба активно проводил линию на сближение Ирака и других арабских стран с Германией.

Опыт союза мелкобуржуазно-демократической интеллигенции с офицерской верхушкой оказался неудачным, так как в целом движение «Сил национальной реформы» опиралось в основном только на своих сторонников в армии и госаппарате. Стихийная поддержка масс на первом этапе движения не была использована. Поэтому правительство Х. Сулеймана было непрочным еще до разрыва со сторонниками реформ и заговора против Бакра Сидки. По выражению американского исследователя Вайтона, это было «правительство Народного фронта при отсутствии Народного фронта, который бы это правительство поддерживал». Точнее, правительство Сулеймана могло бы сыграть роль правительства Народного фронта, если бы оно с самого начала оставалось верным своей антианглийской и антифеодальной программе и имело бы солидную базу в лице влиятельных политических организаций поддерживавших его классов. Но, кроме «Ахали», таких организаций не было. Кроме того, лично курд Б. Сидки и турок Х. Сулейман были чужды и суннитской, и шиитской фракциям прохашимитской арабской бюрократии.

Возглавивший кабинет министров в декабре 1938 г. Нури Саид как нельзя лучше выражал позицию этой бюрократии. В апреле 1939 г. в странной автокатастрофе погиб король Гази – главный противник слишком прозападного курса премьера. Регентом при 4-летнем Фейсале II стал Абдул Илах, двоюродный брат Гази. У него разногласий с Нури Саидом не было.

В *Палестине* ситуация была иной. Страна, оккупированная с ноября 1917 г. британскими войсками, согласно «декларации Бальфура» (британского министра иностранных дел) была объявлена «национальным очагом еврейского народа». Англичане в этом вопросе пошли на соглашение с Всемирной сионистской организацией (ВСО), надеясь путем поощрения сионистской колонизации Палестины обуздать освободительное движение палестинских арабов. Дело осложнялось еще и тем, что последние считали себя до 1919 г. жителями юга «Великой Сирии» (включающей современные Сирию, Ливан, Палестину и Иорданию) и действовали совместно с прочими сирийцами, разделяя их взгляды на единство всех арабов. Однако постепенно арабское палестинское движение стало осознавать свои особые задачи, прежде всего – в противостоянии сионистской колонизации, распространявшейся на все новые районы путем скупки земель арабских феодалов сионистскими колонизационными фондами при помощи и

поощрении со стороны англичан, особенно первого британского верховного комиссара в Палестине Герберта Сэмюэла (1920–1925). В результате этого в 1922–1938 гг. численность еврейского населения в Палестине выросла с 84 тыс. до 414 тыс. чел., что явилось началом изменения этнокультурного облика страны и направлений ее социополитического развития.

Поставив в Трансиордании (восточной части палестинских земель за рекой Иордан) в 1921 г. в качестве эмира Абдаллаха аль-Хашими (сына короля Хиджаза Хусейна и брата короля Ирака Фейсала), англичане во многом развязали себе руки, сосредоточившись на основной части Палестины к западу от Иордана. С одной стороны, они содействовали здесь формированию за счет эмиграции из Европы нового еврейского переселенческого сообщества (ишува), с другой – всячески старались (как в Египте и Ираке) привлечь на свою сторону местные арабские феодально-компрадорские и буржуазные круги.

Борьбой арабов Палестины за их права с 1920 г. руководил Арабский палестинский конгресс, который старался всячески договориться с английскими властями и верил их обещаниям и их якобы объективной позиции «над схваткой». Ситуация осложнялась еще и пестротой арабской политической элиты, неоднородностью арабского общества в Палестине (от бедуинов до банкиров), амбициями и соперничеством многочисленных кланов, среди которых главными были аль-Хусейни и ан-Нашашиби. Первый возглавлял Хадж Амин аль-Хусейни, великий муфтий Иерусалима, глава Высшего мусульманского совета, выступавший с бескомпромиссных позиций панарабизма и панисламизма, за независимость Палестины. Во главе второго стоял инженер Раджаб ан-Нашашиби, мэр Иерусалима в 1920–1934 гг. Он выступал за безоговорочное сотрудничество с Англией. На позициях и того и другого сказывались рекомендации арабских монархов, обычно – проанглийские.

Тем не менее, арабы Палестины, часто дезориентированные и лишенные руководства, сопротивлялись, как могли, сионистам, лучше организованным, лучше вооруженным и финансируемым. Их сопротивление вылилось в пять массовых восстаний с 1920 по 1939 г., во время которых 50 тыс. чел. погибли, около 100 тыс. были арестованы, из них сотни казнены по приговору британских колониальных судов. При этом арабы выступали не против евреев как таковых, а против агрессивной политики сио-

низма, предписывавшего своим последователям «завоевание земли» (т.е. обезземеливание арабов Палестины в ходе сионистской колонизации) и «завоевание труда» (т.е. отказ от использования предпринимателями-евреями наемного труда арабских рабочих и служащих). К тому же военизированные отряды сионистов участвовали в операциях британских войск и полиции по подавлению любых выступлений палестинских арабов. Особенно длительным было восстание 1936–1939 гг., в котором участвовали, наряду с арабами Палестины, также добровольцы из Ирака, Сирии и Египта. Это восстание, закончившееся неудачно, все же побудило англичан перейти от односторонней ориентации на сионистов к использованию противоречий между ними и арабскими националистами. Опубликование в 1939 г. английской «Белой книги» (англичане обещали предоставить стране независимость через 10 лет с передачей власти обоим сообществам «пропорционально их численности», что было выгодно арабам) свидетельствовало об изменении в британской политике. Это вызвало недовольство сионистов. Их конфронтация с англичанами (иногда вооруженная) сопровождалась переориентацией на США.

Поворот в политике Англии не в последнюю очередь был вызван нарастанием фашистской угрозы на Ближнем Востоке. Германо-итальянская пропаганда (через радиостанции, прессу, литературу) сопровождалась интенсивной засылкой и вербовкой агентуры среди арабов. Гитлер, Муссолини и Франко объявили себя «покровителями ислама». Этому необходимо было что-то противопоставить, что и стало задачей «Белой книги».

Сирия и Ливан (страны Леванта, т.е. «места восхода солнца»). Поскольку арабы (в основном пришедшие из Хиджаза повстанцы) участвовали в освобождении Сирии от османов, англичане вынуждены были привлечь их к управлению, назначив эмира Фейсала «военным губернатором» Сирии. Реально же ситуацию контролировала британская армия фельдмаршала Алленби, а западное побережье – французские десанты. Фейсал в 1919 г. ездил на конференцию в Париж, тщетно пытаясь добиться признания прав династии Хашимитов на власть над Арабским Востоком. Вернувшись, он попытался объявить себя королем Сирии, созывал дважды панарабские конгрессы в Дамаске и даже выработал в апреле 1920 г. первую конституцию Сирии. Но он не учел коварной игры Англии, тайно согласившейся отдать Сирию Франции в обмен на ее отказ от богатой нефтью области Мосула.

Франция, тогда же получив в Сан-Ремо мандат на управление Сирией, продолжала наступление от побережья на восток своей 60-тысячной армии. Ей Фейсал мог противопоставить лишь 8 тыс. солдат. Но Фейсал колебался между своей верностью Англии, договорившейся с французами, и требованиями патриотов дать им отпор. Лишь часть его армии во главе с военным министром Юсуфом аль-Азма пыталась 24 июля 1920 г. задержать французов в горном проходе Майсалун («сирийских Фермопилах»), но при его обороне все патриоты (около 1 тыс. чел.) погибли. Французы вступили в Дамаск, изгнали Фейсала как «наемника Англии» и начали «алжиризацию» Сирии, превратив ее в колонию. На массовые аресты, контрибуции и расправы сирийцы ответили повстанческим движением, охватившим весь север страны и Дамаск. Только в 1922 г. мятежи в стране вспыхивали 35 раз. В непрерывных боях с повстанцами в разных районах к лету 1924 г. погибло до 9 тыс. французских солдат.

Массовые демонстрации горожан Сирии в защиту своих прав фактически не прекращались с момента установления режима мандата. Некоторые организации сирийцев в декабре 1920 г. выступали за «союз всего ислама с большевиками» и возлагали надежды на помощь «правительства Ленина и его друзей». В 1922–1924 гг. под непосредственным влиянием событий в России в Сирии и Ливане стали возникать первые марксистские группы рабочих, учащихся и революционных интеллигентов. В 1924 г. ими была создана легальная организация – Ливанская партия народа, руководившая забастовочной борьбой, объединением рабочих в профсоюзы. Летом 1925 г. партия была запрещена, возродившись как компартия Сирии и Ливана лишь в 1930 г.

В июле 1925 г. крестьяне горной области Джебель-Друз (Южная Сирия) подняли восстание против колонизаторов. Они разгромили посланные против них войска, очистили от них всю область и в октябре 1925 г. осадили Дамаск. Под объединенным нажимом партизан и восставших жителей города французы вынуждены были оставить столицу Сирии. Однако повстанцы в свою очередь были вынуждены отступить из Дамаска, после того как город был почти полностью разрушен в результате варварского обстрела французской артиллерией. После этого партизанское движение распространилось по всей Сирии. Войска колонизаторов сидели в городах, как в осажденных крепостях, в которые повстанцы часто врывались, завязывая уличные бои (например, в Дамаске в октябре 1925 г. – феврале 1926 г.).

Французские власти вынуждены были пойти на политические маневры с целью раскола рядов повстанцев. С ноября 1925 г. верховный комиссар Франции не раз встречался с представителями Сиро-палестинского исполкома. При этом он использовал предательскую позицию большей части феодалов и купцов. И те и другие боялись как репрессий колонизаторов, так и революционного размаха повстанческого движения, в ходе которого партизаны в ряде случаев экспроприировали собственность богачей, связанных с мандатными властями. Заручившись поддержкой Англии, опасавшейся отголосков сирийского восстания в Палестине, Франция начала открыто поощрять региональный сепаратизм, обещая феодалам северных областей автономию и прочие «милости», всячески натравливая их на южных сирийцев- друзов и жителей области Дамаска. Особое внимание было уделено Ливану после захвата повстанцами юга Ливана в ноябре 1925 г.

В Сирию были посланы значительные вооруженные силы – до 70–80 тыс. солдат, оснащенных новейшей боевой техникой (а в июле 1925 г. в Сирии и Ливане находилось всего 18 700 французских солдат и офицеров, тысячи из которых погибли в первые месяцы восстания). Отсутствие связей между патриотами различных французских колоний позволяло французам использовать друг против друга уроженцев разных стран: большинство солдат французских войск в Сирии и Ливане составляли сенегальские и мальгашские стрелки, кавалерия тунисских, марокканских и алжирских «спахи», формирования из уроженцев Индокитая. Кроме того, французам помогали «вспомогательные» воинские части, укомплектованные жителями Сирии и Ливана. Численность этих частей в 1926 г. превышала 30 тыс. чел. Среди них были: ливанская «христианская добровольческая армия», сирийская жандармерия и полиция и «сирийский легион» из представителей национальных (черкесов, армян, курдов) и религиозных (шиитов, нусайритов, исмаилитов, иезидов) меньшинств, обычно натравливавшихся на арабов-суннитов. Все это постепенно привело к поражению восстания и эмиграции в середине 1927 г. его предводителей во главе с вождем друзов Султаном аль-Атрашем.

Восстание 1925–1927 гг. сыграло значительную роль в истории Сирии, Ливана и других арабских стран. Вспыхнув в период временного укрепления позиций колониализма, сирийское восстание свидетельствовало о кризисе колониальной системы. Оно

вынудило французских колонизаторов искать более гибкие формы колониального господства. Конечными его результатами стали допуск сирийской буржуазии во французские акционерные компании, созыв Учредительного собрания в 1928 г., конституция 1930 г., устанавливавшая в Сирии республиканскую форму правления, выборы 1931 г. и т.д. Но все эти уступки нередко отменялись, а выборные органы власти – разгонялись.

В стране продолжалась борьба против навязанных французами порядков и усиления колониальной эксплуатации в годы экономического кризиса 1929–1933 гг. В обстановке массовых кампаний бойкота французских концессий, демонстраций протеста против фальсификаций выборов, постоянных стычек с полицией и войсками на деле возник единый фронт националистов, демократов и коммунистов. Под его эгидой в 1933–1934 гг. в Сирии и Ливане прошли 45 забастовок, охвативших 50 тыс. рабочих. Наряду с требованиями повышения заработной платы и признания профсоюзных прав, бастующие выдвигали и политические требования антиимпериалистического характера. Впоследствии они активно участвовали и в забастовочном движении, и в голодных походах крестьян и безработных, демонстрациях против итальянской агрессии в Эфиопии, происков фашистской агентуры на Арабском Востоке и экспансии сионизма в Палестине. В 1934 г. компартия добилась создания в Сирии и Ливане революционных профсоюзных федераций. Их роль ярко проявилась в 1935 г. во время кампании всеобщего бойкота французской монополии «Режи де таба», грабившей крестьян-табаководов и разорявшей сирийские торгово-промышленные круги, а также – во время всеобщей национальной забастовки, охватившей всю Сирию в начале 1936 г.

В результате французские власти вынуждены были согласиться на восстановление разогнанного ими в 1933 г. сирийского парламента, на отмену мандата в будущем и признание независимости Сирии, на амнистию политзаключенным и воссоединение с Сирией произвольно отторгнутых от нее областей Джебель-Друза и Латакии. На все это Франция вынуждена была пойти под непосредственным давлением сирийских патриотов: всеобщая забастовка, продолжавшаяся 42 дня (24 января – 1 марта 1936 г.), закончилась только после замены послушного французам кабинета правительством из членов ведущей сирийской партии «Национальный блок» и подписания верховным комиссаром Франции соответствующего соглашения с этой партией.

26 марта 1936 г. делегация во главе с лидером «Национального блока» Хашимом аль-Атаси выехала во Францию. 9 сентября 1936 г. был заключен франко-сирийский «договор о дружбе и помощи», согласно которому французское правительство обязалось в течение 3 лет отменить мандат, признать независимость Сирии и воссоединить с ней отторгнутые области. Однако Франция сохраняла за собой военные базы в Сирии, право использовать ее территорию в случае войны, контроль над сирийской армией и право держать в течение 5 лет свои войска в определенных районах. 13 ноября 1936 г. аналогичный договор был заключен Францией с Ливаном.

Однако в январе 1939 г. реакционное большинство парламента Франции отказалось ратифицировать договоры 1936 г., а с февраля 1939 г. генерал Вейган, назначенный верховным комиссаром и главнокомандующим войсками Франции на Ближнем Востоке, перешел к политике полицейского террора. Разогнав парламент и правительство Сирии, он заменил их чисто чиновничьим «советом директоров». Массовые демонстрации протеста были расстреляны полицией и войсками. Воцарилась открытая диктатура оккупационных властей.

Тем не менее, сам факт заключения франко-сирийского и франко-ливанского договоров имел положительное значение. Колонизаторы могли лишь оттянуть их реализацию. Вопрос об этом с новой остротой встал после начала войны. «Эти договоры, – писал генерал де Голль впоследствии, – несмотря на затяжку с их ратификацией, были фактом, который мы, исходя из здравого смысла и учитывая обстоятельства, не могли игнорировать».

Страны Магриба. Север Африки в межвоенный период отличался от других стран арабского мира наиболее долгим вооруженным сопротивлением колонизаторам в Ливии и Марокко, но также – наиболее высоким уровнем организованности и зрелости социально-политической борьбы в Тунисе и Алжире.

В *Ливии* чисто военная активность несколько снизилась после создания в 1918 г. на западе страны Триполитанской республики (первой в арабском мире) и введения на востоке «Основного закона» 1919 г., давшего племенам право на самоуправление. Признанный эмиром внутренних областей глава братства Сенусий Идрис ас-Сенуси был даже принят в 1920 г. королем Италии. Однако после прихода к власти в стране фашистов в 1922 г. итальянские войска возобновили войну в Ливии с применением край-

не жестоких методов, вследствие чего население только восточных областей сократилось к 1931 г. вдвое. После казни руководившего борьбой народного героя Омара аль-Мухтара осенью 1931 г. сопротивление прекратилось. Многие сенуситы погибли, другие бежали в соседние страны или отступили в далекие оазисы на юге Сахары. Идрис ас-Сенуси еще в 1922 г. эмигрировал в Египет.

Ливия была превращена в оплот итальянской экспансии в Средиземноморье, которое Муссолини называл «Маре нострум» (Наше море). Интенсивная колонизация привела к поселению в стране к 1940 г. 110 тыс. итальянцев, включая 24 тыс. фермеров, получивших до 500 тыс. га земель, отобранных у племен или скупленных за бесценок. 90% ливийцев оставались неграмотны. Остальным навязывали «итальянизацию», причем – в сугубо фашистском духе. Многие ливийцы были вынуждены покинуть родину и примкнуть к многочисленной ливийской эмиграции в Египте, Тунисе и Сирии. В то же время с территории Ливии итальянская агентура в Тунисе и Египте получала деньги и директивы. Внутри самой Ливии, превращенной в базу агрессии против соседних стран, Муссолини, провозгласивший себя «покровителем ислама», проводил политику заигрывания с феодальной верхушкой и мусульманским духовенством, которым он раздавал чины, ордена и должности. В 1935–1937 гг. он вернул почти 200 шейхам племен конфискованные у них ранее земли. Некоторые феодалы даже вступили в фашистскую партию. Ливийцы были в составе войск Италии в Эфиопии, Сомали, Эритрее, Албании, Греции, Египте. Фашисты широко развернули промусульманскую демагогию во всех колониях Италии, что использовалось Муссолини для пропагандистской саморекламы во всех арабских странах.

В *Марокко* не менее остро, чем в Ливии, стоял вопрос «умиротворения» племен, особенно берберов в горах Рифа, Высокого и Среднего Атласа, Анти-Атласа. Они сопротивлялись кое-где до 1934 г. Но французам (особенно генеральному резиденту Лиотэ в 1912–1925 гг.) удалось в основном заставить марокканцев сражаться друг против друга, используя давний антагонизм арабов и берберов, исторические претензии племен друг к другу, вражду феодальных кланов, а также широко привлекая в Марокко солдат из Алжира, Сенегала, Индокитая и Мадагаскара под командой французских офицеров. Шедший параллельно земельный грабёж

(у племен отняли до 1 млн. га земель) лишь усиливал накал борьбы. Ее эпицентром в 1921–1926 гг. стала область Риф на севере страны, где испанцы безуспешно пытались подчинить с 1919 г. местные племена и потерпели полный крах под Анвалем в 1921 г. После этого возникла республика Риф во главе с эмиром Абд аль-Кримом аль-Хаттаби и был принят «Национальный обет» об изгнании колонизаторов. Безуспешно провоевав три года, испанцы соединили свои войска с французскими и вместе с ними одолели Риф. Абд аль-Крим был выслан на о. Реюньон.

Но борьба в других областях продолжалась, в том числе и в городах, где только во французской зоне поселилось 160 тыс. европейцев, в первую очередь – колониальных бюрократов, предпринимателей, полицейских, но также учителей, врачей, инженеров, квалифицированных рабочих. Общение с последними способствовало культурной и социальной модернизации горожан Марокко, которые с 1934 г. начали создавать политические партии, развернувшие борьбу против дахира (указа) 1930 г., который имел целью обособить берберов от арабов, навязав им «свои» суды, «свои» школы и другие учреждения. Вести эту борьбу было трудно в полупатриархальной-полуфеодальной стране, где общинные, клановые, земляческие, племенные связи были сильнее политических и идеологических. К тому же, французские власти использовали малейший повод для нанесения ударов по еще неокрепшему освободительному движению. Поэтому почти все лидеры этого движения, включая наиболее известного из них Алляля аль-Фаси, с 1937 г. находились под арестом, а потом – в ссылке.

В испанской зоне *Марокко*, наоборот, власти усиленно заигрывали с мусульманской элитой после 1926 г. Сюда в 1930 г. даже приезжал идеолог панарабизма Шакиб Арслан, читавший лекции о единстве арабов. После падения в 1931 г. монархии в Испании националисты испанской зоны получили широкие возможности для издания своей прессы. Летом 1936 г. они создали Партию национальных реформ (ПНР) во главе с Абд аль-Халиком Торресом. Однако все ее усилия свел на нет мятеж в июле 1936 г. хунты генералов во главе с Франсиско Франко и поддержавшей их фашистской партии «Испанская фаланга». Фалангисты использовали в своих интересах ненависть арабов и берберов к испанским колонизаторам, направив ее против республиканских властей в Мадриде. Мятежники подкупали феодальную верхушку горных

племен, вербуя с ее помощью обманутых марокканцев в таборы (полки) «мавров», т.е. арабских наемников генерала Франко. Северное Марокко превратилось в опорную базу франкистского мятежа, в связи с чем франкисты особый упор делали на завоевание симпатий марокканцев. Они изображали Испанскую республику «врагом ислама», обещали марокканцам автономию, свободу слова, печати, собраний, заигрывали с местными националистами. Назначенный Франко верховным комиссаром испанской зоны Марокко полковник Бейгбедер в своих обращениях к «мусульманам всего мира» неоднократно обещал сделать Марокко «самой цветущей в мире мусульманской страной».

Поверившие сначала франкистам, лидеры ПНР затем стали от них отходить, а затем открыто выступили против них в 1939 г. Но было уже поздно: Франко воспользовался помощью «мавров» на 100% в 1936–1937 гг. и победил. К тому же франкисты создали в противовес ПНР Партию магрибинского единства (ПМЕ) Мухаммеда Мекки Насыри, который повел агитацию за панарабизм в духе Шакиба Арслана. Соперничество этих двух партий серьезно ослабило антиколониальное движение в испанской зоне Марокко.

В *Алжире* период 1919–1939 гг. начался революционным подъемом. Он был вызван как резким падением жизненного уровня народа в годы войны и нарастанием всех видов социальных противоречий (особенно между европейцами-колонистами и батраками-алжирцами), так и сообщениями о революционных событиях в Египте, Сирии, Ливии, Марокко, но особенно в России и бывшей Османской империи. Немалое значение имело возвращение в Алжир к весне 1918 г. 260 тыс. алжирских солдат, рабочих и учащихся, проникшихся во Франции революционными идеями социалистов и анархистов. Сбить подъем забастовочной и освободительной борьбы декретами 1919 г. власти не смогли, ибо по ним права граждан получили среди алжирцев только ветераны войны, обладатели наград, дипломов, патентов, т.е. 1/12 всего населения.

С резкой критикой колониального режима выступил эмир Халид, который возглавил в 1919–1923 гг. движение в защиту прав алжирцев. Но после его высылки последователи эмира скатились на ассимиляционистские позиции младоалжирцев. В 1927 г. они объединились в Федерацию туземных избранников (ФТИ). Еще раньше, в 1920 г., в Алжире возникли секции компартии Франции

(ФКП), которые поддерживали Халида, но резко осуждали ФТИ. Они действовали в основном среди европейцев и были немногочисленны. В 1926 г. во Франции алжирскими рабочими-иммигрантами была создана национально-революционная ассоциация «Северо-Африканская Звезда» (САЗ), до 1929 г. близкая ФКП, но затем под руководством покинувшего ФКП Ахмеда Мессали Хаджа превратившаяся в массовую националистическую ассоциацию леворадикального толка. В самом Алжире САЗ стала действовать только с 1936 г., хотя и участвовала с 1934 г. в совместных с другими партиями митингах и демонстрациях, поскольку социальная напряженность в стране росла с 1931 г. особенно быстрыми темпами: у каждого европейца земли было в 1929 г. в 4 раза, а в 1940 г. – в 7 раз больше, чем у каждого алжирца, в деревне резко возросла доля батраков и безземельных, в городе – безработных и обнищавших.

В 1931 г. была создана Ассоциация алжирских улемов, объединившая умеренных теологов-реформаторов, писателей и учителей. Она формально стояла вне политики, но на деле играла важную политическую роль, активно выступая за развитие культуры и просвещения на всячески вытеснявшемся колонизаторами арабском языке, против вмешательства властей в дела мусульманского культа и за самобытность алжирской нации. Девиз ассоциации гласил: «Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский – мой язык». Ее возглавил «отец алжирского возрождения» шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис, талантливый оратор и литератор, публицист и педагог, богослов и поэт. Именно он в ответ на отрицание одним деятелем ФТИ самого наличия «алжирского отечества» заявил, что существует «алжирская мусульманская нация», имеющая свой язык, историю и культуру, и что она – «не Франция, не хочет и не может быть Францией».

После победы во Франции в 1936 г. Народного фронта в Алжире был созван Мусульманский конгресс, в работе которого участвовали ФТИ, Ассоциация улемов, САЗ и коммунисты Алжира, оформившиеся в самостоятельную партию (АКП). Он принял «Хартию требований алжирского народа», предусматривавшую ликвидацию колониального режима. Однако вскоре внутри конгресса начались разногласия, которые привели к его распаду. Во многом это определялось фактическим развалом в 1938 г. и Народного фронта во Франции.

Народный фронт в Алжире вел борьбу против подрывной деятельности финансируемых ультраколонизаторами местных

фашистских лиг, против происков агентуры фашистских держав, за демократизацию политической жизни страны. Победа Народного фронта на выборах во Франции привела к распространению на Алжир французского социального законодательства, 40-часовой рабочей недели, оплачиваемых отпусков. Впервые за годы французского господства алжирцы получили право вступать в политические партии и профсоюзы, что во многом способствовало их политической активизации. Именно поэтому и реакционеры во Франции, и «сеньоры» колонизации в Алжире повторяли: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт».

И хотя к 1939 г. все политические партии в Алжире были или запрещены, или самораспустились, опыт 1936–1939 гг. не пропал даром. Политическая жизнь в стране стала достоянием не только европейского населения и алжирской элиты, но и самых широких слоев. Наиболее яркий пример этого – САЗ, реорганизованная в Партию алжирского народа (по-французски ППА) в 1937 г. и тут же запрещенная, лишенная своего вождя Мессали и других лидеров, оказавшихся в тюрьме, долгие 17 лет умело действовала в подполье, выпуская свою прессу, листовки и агитброшюры, организуя митинги и шествия, выдвигая лозунги, тут же подхватывавшиеся народом.

Тунис в 1919–1939 гг., как и Алжир, пережил период перехода освободительного движения от активности преимущественно социальных верхов к организованной борьбе масс. Известные 14 пунктов президента США Вильсона, включая принцип самоопределения наций, стали сразу же «Кораном тунисской молодежи». Широкую поддержку получила программа созданной в 1920 г. партии Дустур («конституция»), требовавшая «возвращения прав и суверенитета», замену властей протектората национальным правительством, демократических свобод и т.д. В 1922 г. эту программу поддержал даже ранее лояльный французам бей Мухаммед ан-Насер. В ответ последовали псевдореформы: были созданы Большой совет из французской секции (56 чел.) и тунисской (41 чел.), которая частично назначалась сверху, а также – советы областей и каидатов (округов). Все эти органы были чисто консультативными при сохранявших всевластие колониальных чиновниках с генеральным резидентом Франции во главе.

Стачечное движение в Тунисе в 1918–1921 гг. объединило рабочих-тунисцев и европейцев (в стране проживали в 1921 г. 85 тыс. итальянцев и 54 тыс. французов). Активна была с 1920 г.

и тунисская федерация ФКП, впрочем, к 1925 г. ослабевшая ввиду ухода из нее троцкистов и анархо-синдикалистов, а также – создания тунисцами своего особого профцентра. Но активность низов блокировала элита Дустура («старые тюрбаны» из буржуазии, бюрократии и феодально-компрадорских кругов), после 1923 г. лишь робко вымаливавшая у Франции согласие на восстановление «мусульманского государства» и ничего для этого не делавшая. Однако мировой кризис 1929–1933 гг. больно ударил по Тунису, где вплоть до 1935 г. продолжались падение цен на продукцию сельского хозяйства, спад производства в промышленности, рост безработицы, наплыв в города разоренных сельчан, в том числе – бывших кочевников и полукочевников, потерявших до 80% поголовья скота. К этому добавились засуха, неурожай и голод, в связи с чем социальная поляризация и напряженность достигли небывалой остроты.

Все это накопило политическую обстановку в стране, осложненную также межэтническими столкновениями арабов, французов, евреев, итальянцев, мальтийцев и прочих этногрупп в условиях усиления правозкстремизма во Франции, шедшей из Каира и Иерусалима панарабской и панисламской агитации, разразившейся вскоре войны 1936–1939 гг. в Испании, агитации фашистов среди итальянцев и части арабов Туниса. С конца 20-х годов Муссолини выдвигал претензии на Тунис, предрекая, что Карфаген опять «станет римским». Но в 30-е годы фашизму в Тунисе довольно успешно противостояли левые круги итальянской диаспоры.

Внутри Дустура в этих условиях сложилась мощная оппозиция во главе с молодым тогда адвокатом Хабибом Бургибой (1903–1995 гг.), получившим образование во Франции. Он и его друзья, объявив себя свободными «пролетариями мысли», основали в 1932 г. свою газету, в 1933 г. вошли в исполком Дустура, а в марте 1934 г. созвали съезд с участием 12 столичных и 36 провинциальных ячеек, на котором создали партию Новый Дустур. Прежнее руководство, не признав решений съезда, созвало свой, на котором образовало партию Старый Дустур. Новый Дустур в первые же месяцы резко столкнулся с властями из-за своих требований отмены протектората и ориентации на простонародье, включая «босяков» и «оборванцев». Все его руководство во главе с Бургибой в сентябре 1934 г. было арестовано. Но это вызвало по всей стране кампанию гражданского неповиновения: стачки, вол-

нения в деревне, отказ платить налоги, бойкот французских товаров, почты, трамваев и телефона. Новодустуровцы умело учитывали интересы самых разных слоев общества и максимально использовали агитацию и пропаганду в прессе, на митингах и демонстрациях. Поэтому их авторитет рос, а влияние Старого Дустура, согласного на «либерализацию» режима протектората, быстро падало.

После победы Народного фронта во Франции Новый Дустур вернулся к легальной деятельности, как и коммунисты, образовавшие независимую (формально) от ФКП свою партию (ТКП). Вместе с местными социалистами и радикалами они стали проводить политику демократизации, в результате которой Новый Дустур усилился: в него вошло 70 тыс. чел., он издавал 18 печатных изданий, имел свои союзы молодежи и женщин, службу охраны. В стране было, как и в Алжире, введено прогрессивное социальное законодательство, отменены наиболее тяжелые налоги. Профсоюзы, проводя в 1936–1937 гг. серию победоносных стачек, постепенно переходили под контроль Бургибы.

После отказа правительства Франции в ноябре 1937 г. от линии Народного фронта в колониях, Новый Дустур возобновил в декабре 1937 г. борьбу за независимость от Франции. Последовали репрессии, аресты, разгоны митингов. Организованная Новым Дустуром 9 апреля 1938 г. массовая демонстрация в столице и других городах была потоплена в крови: 200 чел. погибли, свыше 3 тыс. было арестовано, включая все руководство партии и болевшего тогда Бургибу. Было тут же создано в подполье временное политбюро партии. С апреля 1938 г. по ноябрь 1939 г. пять его составов последовательно захватывались властями. Тем не менее, партия продолжала нелегально издавать прессу, распространять листовки и проводить другие акции, опираясь на крепкую структуру из 2 тыс. активистов и 40 связных, поддерживавших контакты с ячейками в подполье. Охотясь на новодустуровцев, власти наносили «по ходу дела» удары также по ТКП (вскоре запрещенной) и даже некоторым тунисцам-социалистам.

Глава 10. Арабские страны во второй мировой войне

Державы «оси» и арабский мир. Накануне Второй мировой войны державы «оси» (т.е. сформировавшегося в 1936–1940 гг.

союза Германии, Италии и Японии, прозванного «осью Берлин–Рим–Токио») уделяли арабским странам исключительное внимание. Среди арабов распространялся перевод книги Гитлера «Моя борьба», из которого были изъяты все негативные высказывания об арабах. Германо-итальянская пропаганда (через радиостанции, прессу, литературу) сопровождалась интенсивной засылкой и вербовкой на месте шпионской агентуры и «агентов влияния» среди общественных деятелей, политиков, военных. Гитлер, Муссолини и Франко (имевший свою агентуру в Марокко и Алжире) объявили себя «покровителями ислама». В первые же годы войны в Египте было выявлено 300 шпионов и диверсантов держав «оси», несколько меньше в Сирии – 150, в Ираке – 40. Впоследствии оказалось, что только в Сирии их было свыше 2 тыс. чел. Иерусалимский муфтий Амин аль-Хусейни и другие арабские лидеры прогерманской ориентации, как и целые организации и клубы в Сирии, Ливане и Ираке, ежегодно получали до 700–800 тыс. немецких рейхсмарок.

Острота борьбы за Арабский Восток определялась его стратегическим значением. Фашистские державы стремились вырвать из рук Англии и Франции контроль над Средиземным морем, линиями связей с колониями в Африке и Азии. Но «западные демократии» явно недооценивали эту угрозу. Даже с началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. они больше думали о борьбе против СССР, нежели против Гитлера. Главком французской армии в Сирии и Ливане генерал Вейган еще в начале 1940 г. планировал авиабомбежку нефтепромыслов Баку. После поражения Франции в июне 1940 г. Сирия и Ливан попали под контроль германо-итальянской «комиссии по перемирию», а летом 1941 г. были оккупированы войсками Англии и движения «Свободная Франция» генерала де Голля.

С целью подрыва позиций держав «оси» и вишистов, имевших в странах Леванта своих сторонников, «Свободная Франция» осенью 1941 г. признала независимость Сирии и Ливана. В этих странах были избраны президенты, сформированы правительства, стали действовать ранее выработанные конституции. Однако военная обстановка и продолжение англо-французской оккупации превращали независимость стран Леванта в формальность. Все зависело от хода войны и ее результатов.

В Ираке обстановка складывалась иначе. Здесь антианглийские настроения верхушки армии выразились в ее прогерманской

ориентации, поддержанной молодежной организацией «Футува» (Доблесть), но прежде всего премьер-министром (с апреля 1940 г.) Рашидом Али аль-Гайлани. Военный переворот 1 апреля 1941 г. привел к изгнанию англичан. Но несмотря на поддержку Германии, иракская армия не смогла отразить наступление английских войск из Индии и Арабского легиона трансйорданского эмира Абдаллаха. Контроль Англии над Ираком был восстановлен в июне 1941 г.

В Палестине «гражданский мир» царил лишь в начале войны: арабские националисты надеялись добиться своего на основе английской «Белой книги» 1939 г., а сионисты прекратили антианглийские выступления в условиях угрозы гитлеровского нападения на Палестину. Созданный сионистами вооруженный легион «Хагана» был включен в английскую ближневосточную армию и участвовал в боях против итало-германских войск на севере Африки. Однако с 1942 г. сионисты вновь стали требовать превращения Палестины из английской колонии в еврейское государство. Основная часть сионистов возобновила с весны 1944 г. террористические акты, диверсии, стачки, демонстрации протеста, нападения на британских чиновников. Особенно активные формы эта борьба приняла после окончания войны.

В Египте англичане вынуждены были преодолевать саботаж части египетского генералитета, влиятельного временщика Али Махира и самого короля Фарука, не желавших войны с державами «оси» и даже пытавшихся проводить профашистскую политику. Поставив в феврале 1942 г. у власти правительство Вафда, причем вопреки воле Фарука, англичане смогли несколько укрепить свой тыл: вафдисты развернули борьбу против фашистской агентуры, способствовали некоторому перелому в сознании большинства египтян, настроенных антианглийски, в лучшем случае – нейтрально.

Острота борьбы за Египет и Северную Африку определялась прежде всего их стратегическим и экономическим значением. Контроль над Средиземноморским бассейном, издавна находившимся в руках Англии и Франции, обеспечивал их линии связи с колониями в Африке, Западной и Южной Азии, источниками нефти, хлопка и продовольствия. Но фашистские державы еще до начала войны стремились вырвать этот контроль из рук соперников, предприняв интервенцию в Испанию в 1936–1939 гг., открыто предъявив претензии на Тунис, Корсику и Ниццу в 1938 г., за-

хватив в апреле 1939 г. Албанию. Италия хотела превратить Средиземноморье во «внутриитальянское озеро». Гитлеровская Германия, внешне ограничиваясь лишь поддержкой Италии, на деле добивалась собственных целей, в частности много сделал для укрепления германского влияния в Марокко и Египте, где немцы проникли в некоторые звенья экономики и установили связь с рядом офицеров. Фашистская агентура открыто уверяла египтян, «что Гитлер – прямой потомок пророка Мухаммеда» и «что его заветная цель – освободить Египет от англичан».

Примерно в таком же духе шла пропаганда фашистов в странах Магриба. В Тунисе они пытались, но безуспешно использовать в своих целях кучку арабских профашистов во главе с Бушаррой, никогда серьезной роли в жизни страны не игравших. Попытки же связаться с Новым Дустуром ничего не дали: Бургиба и его сторонники оставались приверженцами западной демократии и ориентации на Францию, несмотря на все преследования, которым она их подвергала. В Марокко итало-германцы действовали через Франко (даже позволив ему за это оккупировать летом 1940 г. международную зону Танжера). Но в 1941 г. немцы, уже распоряжавшиеся к тому времени в побежденной Франции, потребовали передачи им крупнейшего порта Марокко – Касабланки. Дело, однако, затянулось, и Германия не успела воспользоваться этим портом.

Некоторого успеха немцы добились в Алжире, вернее – среди алжирской диаспоры во Франции. Там часть федерации ППА без согласования с руководством партии (почти поголовно арестованным) стала сотрудничать с германскими спецслужбами, которые даже готовили из алжирцев боевиков-диверсантов. Впоследствии лидеры ППА осудили своих соратников, многим из которых пришлось предстать после освобождения Франции перед французским судом. Но в 1939–1941 гг. многие жители Алжира ждали, что немцы их «освободят» от власти Франции. Германия поощряла такие настроения, в частности – отпустив из плена 10 тыс. магрибинцев, служивших во французской армии, а также помогая издавать во Франции газету «Ар-Рашид» («Ведомый правильным путем»), внушавшую алжирцам мысль получить независимость из рук Германии. Эту идею всячески пропагандировали в оккупированном немцами Париже некоторые круги алжирской эмиграции. Однако подобные иллюзии не имели ничего общего с фактами. В действительности же гитлеровцы под-

держивали, как во Франции, так и в колониях, активно сотрудничавший с ними режим коллаборациониста Петэна, обосновавшийся на курорте Виши. После июня 1940 г. вишийские правители содействовали германо-итальянским комиссиям «по наблюдению за выполнением условий перемирия» в деле ограбления Северной Африки путем ввоза в Германию и Италию продовольствия и стратегического сырья. Вместе с тем деятели Виши разрешали использовать порты Туниса для снабжения сражавшегося в Ливии против англичан с марта 1941 г. германо-итальянского «Африканского корпуса» генерала Роммеля. Реакционеры в Северной Африке (как французские капиталисты, так и арабо-берберские феодалы) также принимали участие в снабжении войск Роммеля.

Военные действия в Египте и Магрибе. С оккупацией Франции и установлением в ее неоккупированной зоне режима Виши Магриб попал без единого выстрела под контроль держав «оси», использовавших его ресурсы. При этом франкистская Испания претендовала на всё Марокко, а фашистская Италия – на Тунис и Алжир. Но Германия, разжигая их аппетиты, предпочитала все же оставить Магриб под эгидой послушных ей вишистов.

Италия, вступив в войну 10 июня 1940 г., в августе 1940 г. захватила часть Судана и Сомали (иногда причисляемого к арабскому миру), а затем корпус маршала Грациани попытался совершить бросок к Суэцкому каналу, но продвинулся по территории Египта, практически не встречая сопротивления, лишь до Сиди Баррани. Вскоре, однако, итальянцы потерпели поражение и оставили не только Египет, но и весь восток Ливии. С января по май 1941 г. господство Италии в Ливии висело на волоске, а на северо-востоке Африки постепенно исчезала итальянская колониальная империя: британские и союзные им войска разгромили и пленили итальянцев в Судане, Сомали, Эритрее, Эфиопии и Кении. После этого Италия в Африке уже была неспособна действовать самостоятельно и перешла на вторые роли, отдав первенство немцам.

В Египте военные действия велись с осени 1940 г. до осени 1942 г. Первое вторжение итальянцев англичане отбили в декабре 1940 г. и перенесли войну на территорию Ливии. Но с весны 1941 г. уже объединенные германо-итальянские войска во главе с «лисой пустыни» Эрвином Роммелем выбили англичан из Ливии

и вернулись в Египет. Однако в тылу у итало-германцев остались несколько удерживаемых британцами крепостей. Важнейшая из них – Тобрук. Обороняемый входившими в состав английской армии австралийской дивизией и польской бригадой, он выдержал 8-месячную (11 апреля – 10 декабря 1941 г.) осаду и вошел в историю Второй мировой войны.

Новый контрудар заставил Роммеля отступить опять в Ливию, но вскоре он, перегруппировав силы, вновь перешел в контрнаступление в начале 1942 г., на этот раз дальше всего продвинувшись в глубь Египта и захватив Тобрук 21 июня 1942 г. Англичанам удалось его остановить у Эль-Аламейна, в 100 км от Александрии, хотя Роммель надеялся через Египет прорваться на Ближний Восток, чтобы в Иране соединиться с действующими в СССР германскими войсками, к тому времени предполагавшими в ходе весенне-летнего наступления 1942 г. преодолеть хребты Кавказа.

В ноябре 1942 г. 8-я английская армия, усилившись новой техникой и новыми подкреплениями из Индии, Австралии и Новой Зеландии, нанесла поражение Роммелю, который вынужден был начать поспешное отступление, тем более что одновременно англо-американцы высадили 150-тысячный десант в Марокко и Алжире. Войска Виши оказали им некоторое сопротивление, быстро ликвидированное при содействии местных антифашистов. В ответ немцы высадили свой десант в Тунисе, где и держали оборону до мая 1943 г. Но 31 января 1943 г. 8-я армия англичан, преследовавшая отступавшего Роммеля, вступила в Тунис с востока, до этого освободив от фашистов Ливию. Практически после этого судьба итало-германской группировки была решена. Британский флот и авиация полностью господствовали на море и в воздухе и топили до 70% грузов, направлявшихся в Тунис из Италии. После упорных боев в апреле-мае германо-итальянские войска капитулировали. В дальнейшем страны Магриба послужили плацдармом для высадки союзных войск в Италии и на юге Франции. В составе этих войск было около 260 тыс. уроженцев Алжира (включая 120 тыс. европейцев) и примерно столько же тунисцев и марокканцев, впоследствии участвовавших в освобождении Франции, Италии, Германии и Австрии. Только потери тунисцев в этих боях составили до 70 тыс. чел.

Последствия войны для арабов. Завершение военных действий на территории арабских стран еще не означало прекращения

влияния войны на арабов. Природные и человеческие ресурсы их стран, их территория продолжали использоваться Англией, Францией, да и США (уже имевших базы в Саудовской Аравии и получивших их в 1943 г. в Марокко), в целях продолжения войны. Поэтому вплоть до 1945 г. политика западных держав была двойственной: они стремились заручиться поддержкой арабов и в то же время начинали подумывать о том, как бы восстановить свои прежние позиции, кое-где подорванные, и свой авторитет, в некоторых случаях основательно подмоченный.

Значительные внутривосточные перемены происходили в 1942–1945 гг. в Египте. Вафдистское правительство Наххас-паши упорно и не без успеха боролось с прогерманскими настроениями довольно многих египтян. Достаточно сказать, что во время наступления германских войск в 1942 г. в Каире проходили массовые демонстрации под лозунгом «Роммель, вперед!». В египетской армии, которой англичане доверяли лишь саперные работы и гарнизонную службу, возник ряд подпольных офицерских организаций, настроенных прогермански и считавших устранение главы Вафда «национальным долгом».

Правительство Вафда осуществило ряд прогрессивных мер: приняло в 1942 г. законы об обязательном страховании рабочих и легализации профсоюзов, в августе 1943 г. установило дипломатические отношения с СССР. Оно пыталось, хотя и робко, но все же отстаивать национальные интересы страны, в частности добиться пересмотра англо-египетского кабального договора 1936 г. Но попытка Вафда как-то использовать усилившееся с весны 1944 г. всенародное движение за полную независимость и вывод английских войск из страны закончилась крахом. Вставшая у власти весной 1945 г. коалиция правых партий обещала вслед за королем Фаруком «обеспечить питанием и одеждой все классы населения», но в этом не преуспела. В феврале 1945 г. вопреки сопротивлению профашистов было решено, наконец, объявить войну гитлеровской Германии, после чего премьер Ахмед Махир был убит правозэкстремистами из «Мыср аль-фатат». В то же время новому кабинету Нукраши-паши уже приходилось действовать с большой оглядкой не столько на правых, сколько на ширившееся по всей стране массовое движение за отмену договора 1936 г., эвакуацию английских войск и объединение Египта с Суданом. В марте 1945 г. на конференции в Каире была создана Лига арабских государств (ЛАГ), в которой Египет стал играть главную

роль. В мае-июне 1945 г. Египет принял участие в конференции по созданию ООН и стал членом ООН.

В Северной Африке шли примерно те же процессы, кроме Ливии, где всё долго оставалось в неопределенном состоянии. Англичане доставили из Египта Идриса ас-Сенуси и в 1944 г. признали его эмиром Киренаики, а в Триполитании стали действовать вернувшиеся на родину политэмигранты, создавшие ряд политических партий, требовавших самоопределения Ливии. Однако именно здесь англичане сохранили бывшую итальянскую администрацию и опирались (с целью «укрощения» ливийцев) на местных итальянцев – фермеров, буржуазию, специалистов, чиновников. В Киренаике же они помогали Идрису создавать свою армию (в основе ее – 14-тысячный корпус из ливийцев, сражавшихся в рядах 8-й английской армии) и поощряли местных феодалов, в том числе путем их включения в ряды акционеров итальянских, а также появившихся здесь после 1943 г. английских и греческих компаний. Что касается Феццана (юга страны), то он был оккупирован французами и подчинен их военной администрации.

В 1946–1948 гг. проблема Ливии приобрела международный характер: в ней столкнулись интересы уже терявшей свои позиции Англии, захвативших гегемонию в Средиземноморье США, вернувшей себе положение великой державы Франции, возрождавшейся Италии и даже СССР, соглашавшегося взять временную опеку над Триполитанией. В конечном итоге дело кончилось компромиссом и провозглашением Ливии в 1951 г. независимым королевством во главе с Идрисом ас-Сенуси, что устраивало Англию. Италия сохранила свои предприятия и колонистов, Франция получила крохотную часть территории Феццана, а США – крупную военную базу и концессии на добычу нефти.

В Тунисе после его оккупации немцами в ноябре 1942 г. новый бей Мухаммед аль-Монсеф создал впервые с 1881 г. национальное правительство. Из тюрем были выпущены члены Нового Дустура. Но привлечь их к сотрудничеству не удалось, так же как и освобожденного из тюрьмы во Франции Бургибу, хотя на него и оказывали сильнейшее давление власти Германии и Италии, а также – выступавшие тогда заодно с ними Шакиб Арслан и Амин аль-Хусейни. Тем не менее, после освобождения Туниса от фашистов около 10 тыс. тунисцев были арестованы за «коллорабационизм». Из них 3 тыс. были осуждены на разные

сроки тюрьмы, а 154 чел. – на смерть, хотя доказана была вина только 24 чел.

Французы спешили расправиться со всеми антиколониалистами, в том числе – по надуманным обвинениям. Ими был свергнут с престола бей-патриот Монсеф, хотя он ничем себя не запятнал во время оккупации. В этих условиях Бургиба, вернувшийся в Тунис (через Италию и Сицилию) в апреле 1942 г., предпочел снять лозунг независимости и стал отстаивать «внутреннюю автономию» Туниса в рамках протектората. Восстановление де Голлем демократии в Тунисе в 1944 г. позволило вернуться домой тысячам членов Нового Дустура и ТКП. К тому времени ТКП особенно усилилась, имела свои организации в 60 городах и поселках, издавала газету тиражом в 20 тыс. экземпляров и вела за собой до 20% только европейцев (что было важно, ибо они преобладали во всех выборных и прочих органах власти). Новый Дустур в этих условиях занял выжидательную позицию, а Бургиба тайно выехал в Египет, надеясь привлечь ЛАГ к защите интересов Туниса.

В Алжире в ходе войны ситуация менялась несколько раз. Господство вишистов в 1940–1942 гг. означало полицейский террор, преследование нелегальных АКП, ППА и сторонников де Голля, культ «Шейбани» (Старика), т.е. маршала Петэна, и засилье связанных с ним профашистских лиг. После англо-американского десанта в ноябре 1942 г. пришли в движение все политикоевропейцы – от монархистов до коммунистов, а среди алжирцев – ранее отталчивавшиеся умеренные националисты. Ими был составлен ряд документов – «Послание мусульманских представителей» в декабре 1940 г., Манифест алжирского народа в марте 1943 г., «Проект реформ» в мае 1943 г. Все они предусматривали автономию Алжира и уравнивание в правах алжирцев с французами. Но ордонанс де Голля от 7 марта 1944 г. дал права французских граждан только 60 тыс. алжирцев, т.е. 1/26 алжирских избирателей, права которых были по-прежнему ограничены.

В ответ на это Фархат Аббас (автор Манифеста и других вышеназванных документов) и его сторонники создали ассоциацию «Друзья Манифеста и свободы», к которой примкнули все организации националистов и до 500–600 тыс. сторонников. Однако ППА и направлявший ее действия (сначала – из тюрьмы, потом – из ссылки) Мессали повели внутри ассоциации подрывную работу, не соглашаясь на ее лозунг федерации автономного Алжира с

Францией, а требуя независимости. Постепенно это привело к организации активом ППА явно преждевременного и неподготовленного вооруженного восстания на востоке Алжира в мае 1945 г. При его подавлении было убито чуть больше 100 европейцев и около 40–45 тыс. алжирцев. Это явилось тяжелым ударом по национальному движению, но и серьезным уроком для него. Массовые аресты, жестокие расправы (2 тыс. чел. были осуждены, из них 151 – на смерть), длительные сроки заключения, роспуск ассоциации «Друзья Манифеста и свободы» – все это положило начало новому этапу движения, стало, по мнению многих историков, «исходным пунктом и генеральной репетицией» будущей алжирской революции.

В Марокко до 1942 г. политическая жизнь как бы замерла, но с появлением в стране англо-американцев заметно оживилась. ПНР в испанской зоне выступила в декабре 1942 г. за возрождение в стране «мусульманской монархии». Молодой султан Мухаммед Бен Юсуф (1909–1961), правивший с 1927 г., попытался начать самостоятельную политику, встретившись в июне 1943 г. с президентом США Рузвельтом без «санкции» французских властей. Сказав, что «эра колониальной эксплуатации заканчивается», Рузвельт высказался за «свободную конкуренцию» держав в Марокко, что не могло понравиться де Голлю, который, также встретившись с султаном, констатировал его намерение возглавить «движение к независимости».

Это намерение поддержала созданная в 1943 г. партия Истикляль («Независимость»). 11 января 1944 г. она передала французским властям и союзному командованию декларацию с требованием отмены режима протектората. Аресты лидеров партии привели к взрыву возмущения. Массовые демонстрации во многих городах, вооруженные столкновения в Рабате, Сале и Фесе длились несколько недель в январе-феврале 1944 г. Сотни патриотов были убиты при штурме Феса французскими войсками, тысячи – ранены, арестованы, преданы суду. Генеральный резидент Франции в Марокко заявил: «Слово «независимость» должно быть вычеркнуто из лексикона». В то же время де Голль, отказавшийся даже говорить об отмене протектората над Марокко, всячески подчеркивал внешнее уважение к султану, которому дали возможность проехать по французской зоне оккупации Германии и осмотреть места боев с участием марокканцев. Однако чуть раньше, в марте 1945 г., просьба партии «Истикляль» о при-

еме Марокко в ООН была отклонена, не поддержанная ни Францией, ни США.

После окончания Второй мировой войны на Арабском Востоке сложилась новая обстановка. Позиции традиционных колонизаторов – Англии и Франции – оказались подорванными. Но они не хотели уходить, не обеспечив себе ряд преимуществ. Поэтому процесс деколонизации принял в этом регионе чрезвычайно противоречивый характер. К тому же Великобритания, действуя в союзе с США, сумела кое-какие позиции удержать, в частности сохранив свое господство на Кипре, закрепив у власти в Ираке своего ставленника Нури Саида и его сторонников, а главное – нейтрализовав своих противников в Египте, Судане и Аравии.

Англичане, чувствуя близость вынужденного ухода под нажимом США из Палестины, строили различные планы создания под своим покровительством новых «сверхгосударств» в регионе типа «Великой Сирии» (в составе Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании) или «Благодатного полумесяца» (с подключением к уже упомянутому еще Ирака). Эти образования должен был возглавить давно ориентировавшийся на Лондон трансиорданский эмир Абдаллах. Но британцы, играя на стремлениях арабов к единству, представляли свои планы как реализацию этих стремлений, а себя – в качестве «друзей арабов».

Франция соглашалась уйти из Сирии и Ливана лишь после соглашения о гарантиях ее «особых привилегий». В мае 1945 г. в столице Сирии начались столкновения французских войск с арабским населением, перекинувшиеся в Халеб и другие города. Дамаск, Хомс, Хама подверглись артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. Большинство в Совете Безопасности ООН выступило в защиту прав Сирии и Ливана. Англия, воспользовавшись ситуацией, также нажала на французов и стала заменять их гарнизоны в Сирии своими. Но всеобщее возмущение сирийцев сорвало сделку западных держав за их счет. Все иностранные войска вынуждены были покинуть Сирию 17 апреля 1946 г., а Ливан – 31 декабря 1946 г.

Особенно напряженная ситуация возникла в Палестине, где за 30 лет британского мандата еврейское население выросло в 12 раз и достигло примерно 1/3 общей численности жителей страны. Под давлением освободительного движения арабов Палестины, а также сионистов, за спиной которых стояли США, англичане вынуждены были передать вопрос о судьбе Палестины на рас-

смотрение ООН. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства – еврейское, которому отводились 14,1 тыс. кв. км (56% всей территории страны) и арабское – на 11,1 тыс. кв. км (43%). В пределах первого к моменту решения проживали 499 020 евреев и 509 780 арабов, в пределах второго – 749 000 арабов и 9520 евреев. Кроме того, города Иерусалим и Вифлеем предполагалось выделить в международную зону, в которой находились бы 105540 арабов и 99690 евреев. Это решение само по себе было далеко не идеальным и, с точки зрения арабов, несправедливым. Но и сионистов, претендовавших на всю Палестину и другие «библейские» земли, оно тоже не устраивало. Поэтому сразу после принятия решения ООН в Палестине началась вооруженная борьба.

К этому обе стороны давно готовились. Но силы были неравны. У сионистов были хорошо подготовленные кадры, служившие в годы войны в английской армии, а также ветераны их «Армии обороны» (Хагана) 30-х гг. и террористических групп Иргун цвай леуми и Штерн, а также непрерывная и всесторонняя поддержка ВСО. У арабов же лишь с 1942 г. Абд аль-Кадир аль-Хусейни (кузен муфтия и лидер организации «Аль-Футува») наладил военное обучение молодых националистов, среди которых был и 13-летний Рахман Абд ар-Рауф аль-Кудва (будущий Ясир Арафат). К 1947 г. они еще не набрались опыта, да и мало их было.

Исход борьбы был предрешен, когда она переросла в мае 1948 г., после провозглашения государства Израиль, в арабо-израильскую войну 1948–1949 гг. Широкая политическая, дипломатическая, финансово-экономическая и иная (в том числе военными кадрами) помощь США и других стран Запада привела к победе в этой войне Израиля, который, разбив и Армию освобождения Палестины, и армии арабских государств, присоединил к себе дополнительно 6,7 тыс. кв. км из 11,1 тыс. кв. км, отведенных арабскому палестинскому государству. С этих земель, как и с территории самого Израиля, были изгнаны около 1 млн. арабов, из которых лишь немногие смогли вернуться обратно.

Война перекроила политическую карту Арабского Востока. Государство Израиль, возникнув в самом сердце арабского мира, с первого дня не признавалось ни одной арабской страной и проводило по отношению к своим соседям агрессивную политику, в связи с чем напряженность в регионе не спадает уже свыше 50

лет (в 1949 г. военные действия завершились лишь подписанием временного перемирия между Израилем и его соседями – Ливаном, Сирией, Иорданией и Египтом; Ирак, Йемен и Саудовская Аравия даже не заключали перемирия с Израилем, теоретически находясь с ним в состоянии войны до сих пор).

Изменился и характер палестинской проблемы. После 1948 г. на территории Израиля осталось не более 120 тыс. палестинцев, в отошедших к Иордании областях (Западный берег реки Иордан) и в присоединенном к Египту округе Газа – 450 тыс. арабов. Но 780 тыс. остальных палестинцев превратились в беженцев, примерно половина которых оказалась в Сирии, Ливане и за Иорданом. Заботу о беженцах взяла на себя ООН, в палаточных лагерях которой они получали одежду, продовольствие и медицинскую помощь. Численность их, несмотря на высокую детскую смертность, болезни и прочие лишения, постоянно увеличивалась, в том числе – за счет новых изгнанников. В 1964 г. беженцев было уже 1млн. 247 тыс. чел. Однако их контингент менялся не только численно, но и качественно. В лагерях ООН были открыты 452 школы и 10 профессионально-учебных центров, которые выпускали учителей, техников, квалифицированных рабочих, ремесленников. Все они перебирались постепенно в города, обычно сохраняя статус (и права) беженца. Но реально они становились частью горожан Арабского Востока, настроенных весьма радикально.

Глава 11. Арабские революции XX века

Арабский мир в XX в. пережил несколько социально-политических революций, изменивших, иногда – коренным образом, арабское общество. Почти все они на какое-то время концентрировали на себе внимание всего арабского мира и так или иначе влияли на ход событий в самых отдаленных его уголках. Постоянным и своеобразным фоном, а также катализатором этих революционных перемен были арабо-израильские войны 1948–1949 гг., 1956, 1967, 1982 г. С 1987 г. их роль выполняет затянувшееся палестино-израильское противостояние.

Противоборство Израиля и арабского мира с самого начала приняло не только военный, но, прежде всего, межэтнический, межрелигиозный и межцивилизационный характер. Однако за

этим не всегда видны другие аспекты конфликта – политический, экономический, социальный и идеологический. Политически Израиль как бы символизирует доминирование Запада, роль форпоста которого он выполняет на Арабском Востоке. Экономически он демонстрирует арабам также преимущества помогающего ему Запада в хозяйственно-организационной, финансовой, технологической и иной сферах. В социальном аспекте его задача – показать арабам свое превосходство в области модернизации общества, науки, культуры и прочих духовных ценностей Запада. Наконец, идеологически сионизм противостоит арабскому национализму. Обе стороны при этом проявляют примерно в равной степени нетерпимость, непримиримость и нежелание слушать друг друга. Поэтому, несмотря на отдельные прорывы, многое в палестинском вопросе и, следовательно, в арабском мире сегодня, обстоит так же, как и 50 лет назад.

«Свободные офицеры» и Гамаль Абдель Насер. Первой арабской революцией, происшедшей в описанных выше условиях, стала июльская революция 1952 г. в Египте, которая свергла феодально-компрадорский монархический режим короля Фарука, показавший свою гнилость, коррумпированность, неэффективность и чисто военную слабость в ходе первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Революция явилась важным рубежом в истории и Египта, и всего арабского мира. Ее подготовило и осуществило тайное общество «Свободные офицеры», многие участники которого боевой опыт приобрели в 1948–1949 гг. в Палестине и в ходе партизанских действий против англичан в зоне Суэцкого канала осенью 1951 г. и народных демонстраций во время пожара Каира в январе 1952 г. (когда шла кампания за отмену договора 1936 г.). Всего их было 264 человека и они представляли не более 5% всего офицерского корпуса. Будучи в основном выходцами из семей чиновников и зажиточных крестьян, они прошли довольно сложную политическую эволюцию. Столкнувшись на первых порах с сопротивлением левых, они нанесли по ним удар: в 1954 г. было арестовано 202 коммуниста, в том числе – и среди офицеров. Однако довольно быстро революционные военные вынуждены были вступить в борьбу с мощной клерикально-националистической Ассоциацией братьев-мусульман, разгромленной ими в конце 1954 г. Эта борьба на два фронта стала в дальнейшем довольно типичной для последующих революционно-патриотических режимов на Арабском Востоке и за его пределами. Значение

же египетской революции – в том, что она впервые поставила задачу превращения формальной независимости в фактическую. Поэтому ее опыт, формы и методы политической борьбы, особенности организации и руководства движущих сил явились в той или иной мере образцом для других революций в регионе, прежде всего для иракской революции 1958 г. и йеменской революции 1962 г. Вместе с тем еще раньше, в 1954 г., Сирия, пережившая в 1949–1951 гг. четыре военных переворота (как реакцию армии на поражения 1948–1949 гг.), освободилась от военно-тоталитарной диктатуры Адиба Шишакли. Значительных успехов достигли также прогрессивные силы и других стран, например, Иордании, добившиеся дальнейшего ослабления позиций Англии. Попытки Англии и США сбить подъем освободительной борьбы с помощью созданного в 1955 г. под их эгидой Багдадского пакта (Турция, Иран, Ирак, Пакистан) своей цели не достигли. Арабские страны все решительнее переходили на антиимпериалистические позиции.

Наряду с достигнутыми успехами освободительному движению арабов были свойственны и слабости, трудности и противоречия. Антиимпериалистическая направленность позволяла объединить под знаменем национального освобождения самые разнородные в идейном и социальном отношении силы: от рабочих и крестьян до буржуазии и феодалов, от марксистов и стихийных социалистов до крайних шовинистов и клерикалов. Лидеры арабов, особенно в 1954–1956 гг., ставили перед собой прежде всего национальные задачи. Конечно, требования аграрной реформы, обобществления «крупных средств производства», экспроприации собственности иностранных колонизаторов содержались в программах некоторых партий и организаций, например, образованной в 1954 г. Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) в Сирии, Ираке, Ливане и Иордании. Однако все эти требования осознавались массами как лозунги скорее национальные (т.е. направленные против *иностранного* капитала), чем социальные (т.е. заостренные против *собственных* феодалов и буржуазии). В качестве национальных лозунгов они хорошо служили делу сплочения масс в борьбе за национальную независимость. После достижения этих целей каждая из социально-политических группировок освободительного движения тянула в свою сторону, по-своему интерпретируя социальный контекст программных положений.

Египет, оставшийся до смерти лидера революции полковника Гамалы Абдель Насера (1918–1970) гегемоном арабского мира, шел к такому размежеванию медленнее, чем другие союзные ему арабские страны. Начав в 1954 г. вывод британских войск и приняв в 1955 г. участие в первой конференции стран Азии и Африки в Бандунге, он тогда же установил контакты с СССР и заключил с ним ряд выгодных соглашений, как и с другими социалистическими странами. Национализовав в июле 1956 г. Суэцкий канал, Египет получил средства для строительства Асуанской плотины, ибо раньше владельцы канала отчисляли ему не более 1/30 объема своей ежегодной прибыли в 16 млн. фунтов стерлингов (в ценах 1956 г.). Не сумев заставить Насера отказаться от национализации, Запад организовал англо-франко-израильскую агрессию против Египта в октябре-ноябре 1956 г. Однако при решительной поддержке СССР и большинства афро-азиатских государств Египет сумел устоять, а затем-добиться вывода войск агрессоров со своей территории. Разорвав отношения с Англией и Францией, Насер национализировал (позтапно) их собственность в Египте (как и собственность их союзников Австралии и Бельгии) и принял в 1957 г. закон о «египтизации», устранивший иностранный капитал вообще из банков, страхового дела и оптовой торговли. Упор был сделан на развитие экономических связей с СССР и Восточной Европой.

Действовавшая заодно с Египтом Сирия в это время пережила острый кризис. Ее соседи Турция и Израиль при активной помощи США угрожали Сирии военной интервенцией за ее антизападную позицию и поддержку арабов Палестины. СССР даже вынужден был осенью 1957 г. предупредить в этой связи Израиль и Турцию. В конечном итоге политические круги Сирии решили пойти на объединение с Египтом в феврале 1958 г. Однако, если в Египте после объединения новые группы национальной буржуазии начали в значительно большей степени выигрывать, чем проигрывать в результате экономических мероприятий правительства Насера, то в Сирии местная буржуазия ущемлялась к выгоде своих египетских конкурентов. Кроме того, был нанесен в 1958–1959 гг. удар по левым силам Египта и Сирии, для которых власти не видели места в Объединенной Арабской Республике (ОАР), как они называли новое государство. Египетская буржуазия стремилась завоевать сирийский рынок, а египетская бюрократия – распространить на Сирию египетские порядки, игнори-

руя сложившиеся в стране демократические традиции. В единую ассамблею избирались 385 египетских и всего 70 сирийских депутатов. В результате накопившееся недовольство привело к перевороту в сентябре 1961 г. и возникновению в Сирии «режима отделения» (от Египта). Это обстоятельство надолго отравило отношения между двумя странами и до сих пор накладывает на них свой отпечаток, несмотря на то, что в 1963 г. совершенная ПАСВ «революция 8 марта» изменила социальный характер власти в Сирии, выдвинув к управлению средние слои города и деревни. Однако сходство социальной базы режимов Египта и Сирии не ликвидировало политические противоречия между ними.

Одной из причин ссоры с Египтом явился поворот в политике Насера, которого сирийская буржуазия хотела использовать лишь как противника левых сил. Однако логика отношений с египетским капиталом неизбежно привела Насера как революционного патриота, не чуждого общенациональным интересам и народолюбия, к борьбе со своекорыстием и паразитизмом традиционной буржуазии. Уже в 1960 г. были национализированы главные оплоты крупной египетской буржуазии – Национальный банк и концерн «Мыср». 20 июля 1961 г. настала очередь еще 149 банков, акционерных обществ и крупных предприятий. Дальнейшие меры правительства привели к полному контролю госсектора над промышленностью, транспортом, финансами, внешней торговлей. К 1965 г. госсектор давал более 80% продукции. В него вошли также вновь выстроенные (в том числе с помощью СССР и других стран социализма) 800 предприятий, включая Асуанский гидроэнергетический комплекс. Установление 7-часового рабочего дня, отчисление 25% прибылей в пользу рабочих и служащих, введение их представителей в административные советы предприятий и учреждений, расширение льгот трудящимся были поддержаны народом. В 1964 г. Египет был провозглашен «демократическим социалистическим государством, основанным на союзе трудовых сил народа». Коммунисты, освобожденные из заключения в 1964 г., пошли на сближение с Насером, который с этого времени поддерживал связи с компартиями и демократическими организациями Судана, Иордании, Ливана и других арабских стран. Эти связи были частью непростой и противоречивой борьбы за реализацию арабского единства в понимании Насера, единодушно признанного в 60-е годы «чемпионом арабского национализма».

Весной и летом 1958 г. народ Ливана восстал, протестуя против прозападной политики президента Шамуна, принявшего покровительство США (т.н. доктрину Эйзенхауэра). По конституции Ливана, основанной на принципе конфессионализма, т.е. распределения всех важных постов в стране среди представителей 12 религиозных общин, президентом всегда должен быть христианин-маронит, а на 5 депутатов-мусульман должны приходиться 6 депутатов-христиан. Пользуясь этим, элита маронитского предпринимательства, тесно связанная с Ватиканом и вообще с Западом, навязывала стране угодный ей курс. Поэтому, спасая Шамуна, США совершили в июле 1958 г. интервенцию в Ливан (как Англия – в Иорданию) под предлогом борьбы против «распространения насеризма». Так они называли деятельность ориентированных на Египет в то время организаций ПАСВ в Ливане, Ираке и Иордании, а также – общины друзов в Сирии и Ливане, тайных офицерских групп в Иордании и ряда полуподпольных организаций вроде Движения арабских националистов (ДАН) и т.п. Особое беспокойство Запада вызвала также июльская революция 1958 г. в Ираке, покончившая с монархией и проанглийской ориентацией страны. В июле 1959 г. Ирак вышел из Багдадского пакта, который был переименован в СЕНТО – Организацию центрального договора, т.е. центрального звена между блоками НАТО и СЕАТО.

«Бессмертная революция 14 июля» в Ираке стала второй по значению после египетской революцией на Арабском Востоке. Ее также совершило тайное общество «Свободные офицеры». Но, помимо армии, в ней участвовали также сильные партии, такие как местный филиал ПАСВ, ИКП, Национально-демократическая (воспринявшая идеи «Ахали»), Демократическая партия Курдистана и местная «Истикляль», поддерживавшая вернувшегося из эмиграции Рашида Али аль-Гайлани. Насер рассчитывал на присоединение революционного Ирака к ОАР. Но его глава генерал Абд аль-Керим Касем не захотел этого, за что и был прозван египтянами «раскольником арабского единства» (по-арабски «касим» значит «раскалывающий»). К сожалению, в дальнейшем Касем руководил Ираком не лучшим образом и, наряду с аграрной реформой и другими нужными стране мерами, втянул страну в бесконечные интриги по вытеснению из политической жизни то партии «Истикляль», то ПАСВ, то ИКП.

В 1960 г. он, репрессировав и правых, и левых, держал в тюрьмах до 22 тыс. чел. Без особой нужды он ввязался в безнадежную

и ненужную войну с курдами, а в 1961 г. – предъявил претензии на только что освободившийся из-под британского протектората Кувейт. Лишь переброска в Кувейт египетских войск и решительная позиция Англии заставили Касема отступить. Его 30-тысячная армия разрушила 150 курдских деревень, но вскоре курдские отряды «пешмерга» выросли с 5 тыс. до 20 тыс. чел. и отвоевали большую часть своих земель.

В феврале 1963 г. Касем был свергнут совместными усилиями армии и ПАСВ. Поскольку за Касема вступились лишь коммунисты, страна была охвачена вакханалией антикоммунистического террора, серьезно испортившего отношения Ирака с СССР и другими соцстранами. Но новый режим продержался всего около 8 месяцев. Левые называли его «фашистским», правые – «марксистским», поскольку принятая в 1963 г. новая («Этапная») программа ПАСВ содержала немало марксистских положений, хотя и критиковала «сталинизм». Шоковое впечатление в то время производил лидер ПАСВ Али Салих ас-Саади, который, выступая на митингах, выкрикивал свой любимый лозунг: «Режь коммунистов и капиталистов!» В ноябре 1963 г. армия отстранила ПАСВ от власти и на 5 лет установила диктатуру Абд ас-Саляма Арефа, а затем – его брата Абд ар-Рахмана Арефа. Насер, с 1963 г. не ладивший с ПАСВ, с братьями Арефами, во многом равнявшимися на Египет, находил общий язык.

Еще одна арабская революция, совершенная по «египетскому образцу», произошла в 1962 г. в Йемене, где армейские офицеры свергли короля (одновременно – имама зейдитов). Это вызвало негативную реакцию наиболее влиятельных племен, и в стране разгорелась гражданская война, в которой республиканцам активно помогали египетские войска. Но в 1967 г. они были выведены из Йемена. Попавшие в трудное положение республиканцы, тем не менее, продолжали борьбу, которая закончилась в 1970 г. компромиссом армейских кругов, оставшихся у власти в Йемене, и верхушкой племен, сохранивших свой старинный уклад и традиционные привилегии.

Нельзя исключить, что на это решение повлияли события на юге Йемена, где в ходе революционной борьбы в 1963–1967 гг. были ликвидированы британский протекторат Аден и марионеточная Федерация Южной Аравии. На их месте была создана Народная Республика Южного Йемена 30 ноября 1967 г., придерживавшаяся ориентации на социализм и через 3 года переименован-

ная в Народную Демократическую Республику Йемен. Напряженные отношения между обоими государствами, доходившие иногда (например, в 1972 г.) до вооруженных конфликтов, длились около 20 лет, пока в 1990 г. не произошло их объединение. В рамках единой республики все попытки более передовых, но гораздо менее многочисленных южан сохранить свою самостоятельность были решительно нейтрализованы.

Последними революциями, бравшими пример с египетской, стали таковые в Судане (май 1969 г.) и Ливии (сентябрь 1969 г.). Обе они были совершены военными и обе в чем-то подводили итог предыдущему неэффективному развитию. В Судане, который стал независим в 1956 г., продолжение соперничества сторонников секты Аль-Ансар с ее опорой на внутренние силы и секты Аль-Хатмия с ее ориентацией на единство долины Нила мешало развитию не меньше, чем засилье иностранцев и продолжавшаяся всеми правительствами война с немусульманским Югом. Гражданское правление сменялось военным и наоборот. Вставший у власти в мае 1969 г. Революционный совет во главе с полковником Нимейри национализировал банки и предприятия, ввел однопартийную систему, опираясь на левые силы страны. Но под напором внутренних противоречий блок офицеров и левых рухнул в июле 1971 г. В Ливии революцию совершила созданная еще в 1964 г. подпольная организация «Свободные офицеры-юнионисты-социалисты», которая свергла правившего 18 лет (1951–1969 гг.) престарелого короля Идриса, ликвидировала в стране иностранные военные базы и провела коренные социальные преобразования. Харизматический лидер организации 29-летний капитан (потом – полковник) Муаммар Каддафи выступил как самый горячий поклонник, а впоследствии и продолжатель дела Насера, особенно в вопросе об арабском единстве.

Война и революция в Алжире. Огромное влияние на весь арабский мир оказала национально-освободительная война 1954–1962 гг. в Алжире, принявшая характер общенародной демократической революции. После майского разгрома 1945 г. патриотические силы некоторое время находились в шоке и на первый план вышли АКП и ассимиляционисты, а затем – сторонники Манифеста во главе с освобожденным из тюрьмы Ф. Аббасом. Однако представленный им проект создания федерации автономной Алжирской республики и Франции был отклонен в августе

1946 г., после чего гегемония в национальном движении опять перешла к ППА и ее харизматическому лидеру Мессали, претендовавшему на роль «национального вождя». Однако радикализм на словах Мессали сопровождался бездействием, в то время как в Алжире власти попирали все законы, даже вполне их устраивавший Статут 1947 г., фальсифицировали выборы, проводили массовые аресты и другие преследования, спасаясь от которых часть членов ППА (в основном – ранее служивших во французской армии) скрылась еще весной 1947 г. в горах, образовав партизанские отряды. В 1953 г. националисты раскололись: часть их продолжала слепо следовать за Мессали (к тому времени высланным во Францию и оторванным от реалий Алжира), часть пошла за ЦК его же партии, вставшим на позиции выжидания, а третья часть (многие ветераны ППА и молодые боевики партии) образовали весной 1954 г. Революционный комитет единства и действия (РКЕД), занявшийся сплочением всех патриотов и подготовкой вооруженного восстания.

Обстановка для него явно созрела: в мае 1954 г. Франция, потерпев поражение во Вьетнаме, вынуждена была фактически его оставить, из Египта началась эвакуация британских войск, в Марокко шла вооруженная борьба за возвращение незаконно высланного колонизаторами в августе 1953 г. султана Мухаммеда Бен Юсуфа, а в Тунисе после почти 3 лет партизанской борьбы Франция вынуждена была признать в июле 1954 г. «внутреннюю автономию» страны и освободить руководство Нового Дустура во главе с Бургибой. Пример Туниса был особенно показателен: Бургиба, вернувшийся на родину из Египта в 1949 г., пытался до конца 1951 г. лояльно сотрудничать с Францией, но, потерпев неудачу, призвал народ снова к борьбе, а сам опять оказался в тюрьме с января 1952 г. Возникшая тогда же (не без помощи магрибинской эмиграции в Каире) партизанская Армия освобождения доказала свою эффективность, пользуясь широкой поддержкой населения и проводя благодаря ей свои операции даже в неблагоприятных для этого условиях преимущественно равнинного Туниса, не имеющего значительных горных и лесных массивов и прочих мест для укрытия партизан.

В октябре 1954 г. РКЕД (по некоторым данным задолго до этого самораспустившийся) был преобразован во Фронт национального освобождения (ФНО), а его вооруженные группы (пополнившиеся алжирскими ветеранами войны во Вьетнаме и дру-

гих колониальных войн Франции) – в Армию национального освобождения. Вся территория страны была разбита на 5 (впоследствии – на 6) вилай (округов), командиры которых образовали на первых порах руководство и ФНО, и АНО. В ночь на 1 ноября 1954 г. они подняли вооруженное восстание в горном массиве Аурес, откуда оно последовательно распространилось на другие районы, к октябрю 1955 г. охватив всю страну. Несмотря на тяжелые потери (включая командиров трех вилай), АНО за год боев выросла с 3 тыс. до 15 тыс. бойцов. Чисто военные усилия ФНО сопровождал интенсивной пропагандой, выпуская листовки, газеты, агитброшюры, казня или наказывая предателей и коллаборационистов, организуя забастовки рабочих, торговцев, студентов, учащихся школ, даже алжирцев-футболистов в клубах Франции. На сторону ФНО постепенно перешли почти все политические партии, включая ранее отвергавших насилие улемов и сторонников Ф. Аббаса.

Охватившее метрополию движение за мир в Алжире, как и безрезультатность действий французской армии, в десятки раз превосходившей повстанцев по численности, не говоря о вооружении (в Алжире широко применялись авиация, артиллерия, танки и особенно вертолеты), привели к победе левых сил на выборах в январе 1956 г. Но премьер-социалист Ги Моле, обещавший прекратить путем переговоров эту, по его же словам, «безумную и безысходную войну», после поездки в Алжир изменил свою позицию. Встреченный в феврале 1956 г. 20-тысячной манифестацией протеста «ультра» (европейцев-ультраколониалистов), забросавших его гнилыми помидорами, он заявил, что «Франция будет сражаться за Алжир и она здесь останется». В Алжир были переброшены свежие силы, усовершенствованы их тактика и особенно методы расправы с населением, поддерживавшим ФНО.

В августе 1956 г. в долине Суммам (область Кабилия) был созван съезд руководства ФНО и АНО. На нем были утверждены устав и политическая платформа, структура командования, избран Национальный Совет алжирской революции (НСАР) из 34 чел. (в августе 1957 г. расширен до 54 чел.), а при нем – Координационно-исполнительный комитет (КИК) из 5 чел. Съезд провозгласил целями ФНО создание «демократической и социальной» республики, проведение аграрной реформы, мобилизацию народа в рядах, примыкающих к ФНО (по примеру Нового Дус-

тура в Тунисе) массовых союзов рабочих, студентов, торговцев. Съезд выступил за равенство всех граждан страны, включая «алжирцев европейского происхождения», и отрицал религиозный характер борьбы ФНО. Однако газеты и листовки ФНО на арабском языке, т.е. предназначенные для арабских стран и наиболее традиционной части мусульман страны (в отличие от франкоязычных материалов, составлявших основной массив документов, ибо большинство грамотных алжирцев в то время окончили французскую школу), открыто заявляли о «приверженности принципам ислама». В большинстве отрядов АНО коллективная молитва по пятницам была обязательной. В некоторых подразделениях даже были муршиды (наставники), т.е. духовные учителя почти как в суфийских братствах. Исламской была и терминология: боец АНО назывался «муджахид» (т.е. борец за веру), помогавший ему иррегулярный или временно привлекавшийся участник боев – «мусабиль» (сопутствующий муджахиду), боевик подполья – «фидай» (жертвующий собой ради веры), погибший в бою – «шахид» (мученик).

В Суммаме были также осуждены АКП и Мессали. АКП, проявив непонимание обстановки и нерешительность в 1954 г., затем (особенно с апреля 1955 г.) всячески помогала ФНО медикаментами, продовольствием и действиями своих отрядов («Бойцов освобождения»). Но ФНО, как явствует из заявлений его лидеров в эмиграции, опасался идеологии АКП. «Вас боятся, даже когда вас мало», – сказал руководителем АКП на тайных переговорах с ними Аббан Рамдан, избранный в Суммаме «национальным политическим комиссаром», фактически – главой ФНО. Сыграли свою роль также европейское происхождение большинства членов АКП, их связь с ФКП и СССР, от которого ФНО хоть и получал поддержку, но желал сохранить ее в тайне. Что касается Мессали, то его попытки выдать себя за «вождя революции», а своих сторонников – за подлинных ее творцов, уже летом 1955 г. привели к вооруженным конфликтам с ФНО, вылившимся в конце концов в войну на взаимное истребление, в которой ФНО к 1958 г. одержал полную победу.

Война в Алжире дорого стоила Франции (не менее 1 млрд. старых, т.е. 1 тыс. новых франков в день) и потребовала от нее трудных решений. В их числе были и международные. В частности, Франция вынуждена была не распылять своих усилий на сохранение «присутствия» в других местах, и в этой связи она по-

шла на предоставление в марте 1956 г. независимости Тунису и Марокко. В Тунисе уже в 1955 г. партизанская война прекратилась и наступила стабилизация, прежде всего – за счет усилий Нового Дустура и лично Бургибы, прочно контролировавших ситуацию. Предоставлением независимости Франция рассчитывала привлечь Бургибу на свою сторону и изолировать его от происходившего в Алжире.

В Марокко вооруженная борьба в 1954–1955 гг. только усиливалась, причем явно под влиянием событий в Алжире. Было известно, что в некоторых районах Марокко формируются, обучаются и укрываются отряды алжирской АНО (кстати, помогавшие созданию и вооружению марокканской АНО). С целью отсечения Марокко от Алжира французы вернули в страну в ноябре 1955 г. султана Мухаммеда Бен Юсуфа, а затем, предоставив независимость, надеялись на «ответный жест» султана в виде солидарности с Францией. Но в конечном итоге все эти расчеты провалились. После некоторых колебаний и Бургиба, и султан, трезво учитывая настроения большинства своих сограждан, а также исходя из нежелательности сохранения французского господства в Алжире как сильнейшего фактора давления на них, выступили в поддержку ФНО. На территории Марокко обосновался штаб АНО западного Алжира, а с 1960 г. – главный штаб АНО во главе с полковником Хуари Бумедьеном. В Тунисе весной 1957 г. укрылся КИК после разгрома карателями «автономной зоны» города Алжир – наиболее многочисленной и законспирированной из подпольных организаций ФНО.

13 мая 1958 г. европейские «ультра» подняли в Алжире мятеж против очередного намерения правительства закончить войну путем переговоров. Это вызвало во Франции кризис всей системы 4-й Республики, завершившийся приходом к власти в июне 1958 г. генерала Шарля де Голля, который вскоре заменил парламентский режим на президентский. Приехав в Алжир, де Голль заявил, что «Алжир – французская земля навсегда», и предложил ФНО фактическую капитуляцию («мир храбрых»). Но после полутора лет особенно активных боевых операций против АНО он убедился в бесперспективности их продолжения и признал право Алжира на самоопределение. Это вызвало «неделю баррикад» – очередной путч «ультра» в Алжире, подавленный де Голлем. Однако начать переговоры с ФНО он смог лишь после подавления «путча генералов» в апреле 1961 г., когда верхушка французского

корпуса в Алжире грозила пойти на Париж. Тогда же в Алжире и во Франции стала действовать «Организация секретной армии» (ОАС) – блок «ультра», реакционной военщины и фашистских групп. Члены ОАС занимались саботажем и террором, убивая мирных алжирцев, а также – французов, выступавших за мир в Алжире. На самого де Голля они организовали до десяти покушений, но безуспешно.

В сентябре 1958 г. зарубежные лидеры ФНО создали в Каире Временное правительство Алжирской республики (ВПАР) во главе с Фархатом Аббасом, вскоре совершившим поездку по многим странам Азии и Восточной Европы, включая Китай и СССР. Более 30 государств признали ВПАР, а Генеральная Ассамблея ООН в декабре 1960 г. признала право Алжира на независимость. После неоднократно срывавшихся или прерывавшихся переговоров 18 марта 1962 г. в Эвиане (Франция) были подписаны соглашения, признававшие право Алжира обрести независимость путем референдума, но также – право Франции сохранять 5 лет свои войска и базы в Алжире и нефтегазовые концессии в Сахаре.

1 июля 1962 г. 99% алжирцев высказались на референдуме за независимость. Избранное в сентябре того же года Учредительное собрание провозгласило Алжир Народной Демократической Республикой (АНДР). Ее первое правительство возглавил Ахмед Бен Белла, один из «исторических вождей» ФНО и авторов принятой в июне 1962 г. Триполийской программы, предусматривавшей «сознательное созидание на основе социалистических принципов и народовластия». Добиваясь выполнения программы, Бен Белла, избранный в 1963 г. президентом АНДР, вел жесткую борьбу со своими конкурентами, отстранив по ходу дела председателя Учредительного собрания Ф. Аббаса, генерального секретаря ФНО М. Хидера, двух других «исторических вождей» (и своих товарищей по заключению) М. Будиафа и Х. Айт Ахмеда. Несмотря на огромную популярность (особенно у молодежи) и поддержку слева (включая им же запрещенную АКП), Бен Белла был свергнут в результате военного переворота 19 июня 1965 г. Однако сменивший его Революционный совет во главе с министром обороны Хуари Бумедьеном провозгласил «верность революции» и, по сути дела, продолжил дело Бен Беллы без самого Бен Беллы (находившегося в заключении 14 лет). В 1966–1971 гг. были национализированы до 80% промышленного производства,

все иностранные предприятия, упорядочена стихийно возникшая еще в 1962 г. система рабочего самоуправления, проведены аграрная реформа и индустриализация, выстроены более 600 предприятий. Национализация нефти и газа в 1971 г. позволила Алжиру резко увеличить валютные поступления в казну и, соответственно, расходы на социальные нужды: образование, здравоохранение, жилье, занятость. В ООН Алжир выступил в 1974 г. инициатором «нового мирового экономического порядка», т.е. за равноправные отношения Востока и Запада, а также за признание национальных прав арабов Палестины.

Палестинское движение сопротивления. Важнейшей для арабов XX в. проблемой стала трагедия палестинского народа, лишенного родины. Лишь меньшинство палестинцев после драмы 1948 г. остались в своих домах на своей земле. Большинство же их превратилось в апатридов со всеми вытекающими последствиями. Социальные процессы в их среде оказали значительное влияние на общественный климат всего Арабского Востока.

В 1968 г. в лагерях Иордании находилось 156 178 беженцев, а в городах – 401 714, в лагерях Сирии – 252 58 чел, а в городах – 124 279, в лагерях Ливана – 85 621 беженца, а в городах – 79 754. Во многих городах, включая Бейрут и Амман, беженцы создавали новые лагеря. Они явились гигантским социальным котлом, в котором плавилась традиционные патриархальные и полуфеодальные отношения, нарушались старые связи, ломались докапиталистические структуры. В результате часть беженцев деклассировалась, превращалась в маргиналов, а другая часть обретала новое социальное качество, передвигаясь в ряды интеллигенции, рабочих, служащих, предпринимателей, в том числе – обладателей миллионных состояний. Но всех их сплачивала и сплачивает общая судьба и сильно обострившееся национальное самосознание, быстрому развитию которого способствовала их трагедия как народа. Это обстоятельство повлияло на политическую эволюцию всех арабских народов, особенно – Ближнего Востока. В связи с этим антиизраильская направленность политики всех арабских государств региона была для них аксиомой.

В то же время они переставали быть только народом-изгоем. Зарождавшееся еще в конце 40-х годов Палестинское движение сопротивления (ПДС) постепенно возвращало им веру в себя. Составляя примерно 2/3 населения Иордании, они сыграли главную роль во время «либерализации» 1954–1957 гг., а также при

отказе Иордании от вступления в Багдадский пакт в 1955 г. и от нового неравноправного договора с Англией. Они принимали активное участие в деятельности общеарабских организаций. В их рядах крепло убеждение, что «арабское единство – путь к освобождению Палестины». Впоследствии это было зафиксировано во всех документах ПДС, прежде всего в Палестинском национальном пакте 1964 г. Именно поэтому они были самыми горячими сторонниками Насера, заявившего еще в 1954 г., что «наша арабская политика имеет целью сплотить всех арабов... и сделать их единой нацией». Под эгидой Египта возникли в 1955 г. первые группы палестинских фидаев («жертвенников»). В 1964 г. первое арабское совещание в верхах в Александрии признало организацию «Палестинское единство» (с марта 1965 г. – Организация освобождения Палестины – ООП). Еще раньше возник ряд других организаций («Фатх», «Герои возвращения», «Молодые мстители»). С 1 января 1965 г. они начали боевые акции против Израиля.

Важным рубежом в развитии ближневосточного кризиса стала июньская война 1967 г., которая была вызвана стремлением Израиля сокрушить революционные режимы в Сирии и Египте, разбить их с трудом родившийся союз с Иорданией, полностью нейтрализовать ПДС. И хотя этих целей Израилю достичь не удалось, поражение арабов было тяжелым. Их армии понесли огромные потери, а войска Израиля за 6 дней захватили 68,7 тыс. кв. км земель Египта (Синайский полуостров), Иордании (Западный берег реки Иордан) и Сирии (Голанские высоты). 475 тыс. арабов покинули оккупированные врагом территории. Однако вызванный поражением шок длился недолго. Почти немедленной реакцией на него явился взлет ПДС, личный состав которого в 1967–1969 гг. вырос, по разным подсчетам, в 100–150 раз, численность его политических кадров – в 30 раз, степень обеспеченности вооружением и финансами – в 300 раз. Вплоть до 1970 г. ПДС под руководством избранного в 1968 г. нового исполкома ООП во главе с Ясиром Арафатом вело вооруженную борьбу с Израилем. И хотя потери были несоизмеримы, ПДС могло бы и далее вести эту борьбу. Но ее политические и материальные условия быстро менялись. Разногласия ПДС с правительствами Египта и Иордании привели к трагедии ПДС, утратившего свои наиболее важные позиции в Иордании к июлю 1971 г.

К этому времени в расстановке сил на Ближнем Востоке произошли кардинальные изменения. В Египте после смерти Насера

в сентябре 1970 г. к власти пришел Анвар Садат, в мае 1971 г. отстранивший всех сторонников прежнего курса. Египет все более отстранялся от поддержки революционных сил в арабском мире – ПДС, антимонархической революции в Северном Йемене, народно-демократической революции в Южном Йемене, патриотов Ливана, Бахрейна и других государств Персидского залива. В 1972 г. Садат пошел на сближение с Саудовской Аравией и США, провозгласил «инфитах», т.е. политику открытых дверей для иностранного капитала, отказался от услуг советских военных советников. Вместе с тем сближение с монархическими режимами, богатыми нефтедолларами, и временный союз с Сирией и Ираком позволили Египту сделать попытку заставить Израиль освободить оккупированные в 1967 г. территории.

В октябре 1973 г. армии Египта и Сирии при поддержке подразделений Ирака, Марокко, Кувейта, Алжира и ПДС атаковали позиции Израиля. В конечном итоге израильтянам удалось выровнять положение и нанести сильные контрудары (только ПДС на синайском и сирийском фронте, а также в ходе операций в тылу израильтян потеряло около 1 тыс. чел.). Но война впервые за все время арабо-израильского конфликта закончилась как бы «вничью». Анвар Садат использовал этот результат лишь для последующего торга на переговорах с Израилем при посредничестве США, что постепенно привело к сепаратному Кэмп-Дэвидскому договору 1979 г. между Израилем и Египтом, выключившему Египет из единого антиизраильского фронта арабских государств. Это дало Израилю возможность более успешно противостоять Сирии и, главное, ПДС, основные базы которого с 1971 г. были переведены в Ливан.

Революционная роль ПДС в арабских странах, несмотря на утрату им позиций в Иордании и поддержки Египта, неуклонно возрастала. В различных сферах деятельности палестинцы занимали ключевое положение во многих арабских странах, особенно – в рядах интеллигенции, служащих, предпринимателей, квалифицированных рабочих. Образовательный ценз среди них был, как правило, выше, чем среди других арабов Ближнего Востока. По данным 1970 г., 380 тыс. палестинцев жили в Израиле, 1142 тыс. – на оккупированных территориях, 900 тыс. – в Иордании, 240 тыс. – в Ливане, 156 тыс. – в Сирии, 133 тыс. – в Кувейте, 17 тыс. – в Саудовской Аравии и княжествах Персидского залива, 33 тыс. – в Египте, 14 тыс. – в Ираке, 15 тыс. – в ФРГ, 7 тыс. – в

США и Латинской Америке. В 1970–1975 гг. общее число палестинцев возросло с 2967 тыс. до 3250 тыс. чел. Из них сотни тысяч прошедших тяжелую школу лагерей ООН стали, используя термин Л.Н. Гумилева, «пассионариями» и играли в огромном регионе от Туниса до Омана роль активных творцов новой жизни и новых отношений, что убыстряло модернизацию и реформирование традиционного в своей основе арабского общества.

ПДС, преодолев кризис 1971–1973 гг., реорганизовалось и укрепилось в материальном и финансовом отношении. Это, в свою очередь, тревожило не только Израиль, но также США и реакционные силы арабского мира. Именно поэтому столкновение ПДС с фалангистами Ливана (реакционной маронитской партией «Катаиб») в апреле 1975 г. быстро переросло в конфликт общеливанского масштаба, явившись детонатором социально-политического взрыва в этой стране.

К середине 70-х годов самой крупной религиозной общиной Ливана стали мусульмане-шииты – 900 тыс. чел. (28% всего населения). Среди других мусульман наиболее многочисленны были сунниты – 600 тыс. чел. (19%) и друзы – 250 тыс. чел. (8%). Мусульман, таким образом, было 55%. Но все ключевые посты в государстве и экономике находились в руках христиан, которые по сложившейся с 1943 г. системе конфессионализма даже в парламенте были представлены большим, чем мусульмане, числом депутатов. Всего же христиан было: 800 тыс. маронитов (24% всего населения), 300 тыс. православных (9%), 200 тыс. греко-католиков (6%), 160 тыс. армяно-грегориан (5%). Меньшая доля христиан компенсировалась их более высоким жизненным и образовательным уровнем, организованностью и активностью. Для защиты своих привилегий они уже с 30-х годов создавали собственные вооруженные силы, занимая к тому же господствующие позиции в армии. Потерпев неудачу в войне с Израилем в 1948 г., эта армия с тех пор тщательно избегала всяких столкновений с Израилем, во многом выражая позицию господствующей маронитской буржуазии, предпочитавшей стоять в стороне от арабо-израильского конфликта.

Ливанская армия в 1969 и 1973 г. пыталась разгромить отряды ПДС в стране, но каждый раз ей мешали Национально-патриотические силы (НПС), опиравшиеся главным образом на компартию Ливана (объединявшую выходцев из разных конфессиональных и национальных общин), различные левые организации,

общины друзов и суннитов, а также шиитов. В 1975 г. НПС также решительно выступило против фалангистов. Это столкновение положило начало 16-летней гражданской войне. ПДС невольно было вовлечено в эту войну. В 1976 г. фалангисты и возглавляемый ими правохристианский блок были на грани поражения, что создало опасность вмешательства США и Израиля, помогавших «Катаиб» оружием, деньгами и даже кадрами. С целью предотвращения этого вмешательства Сирия ввела войска в Ливан, установив контроль над его восточной частью и заставив отступить отряды ПДС и НПС, что создало напряженность в сиро-палестинских отношениях.

На дальнейший ход событий на Ближнем Востоке сильно повлияли исламская революция 1978–1979 гг. в Иране и начавшаяся в 1980 г. ирано-иракская война. Это развязало руки Израилю: два его сильнейших противника – Египет с 1979 г. и Ирак с 1980 г. были нейтрализованы, Сирия была изолирована вследствие натянутых отношений с рядом арабских стран (включая не только христиан, но и НПС Ливана) и враждебности Иордании. Израиль воспользовался этим для вторжения летом 1982 г. в Ливан и нанесения поражения героически сопротивлявшимся отрядам ПДС (при полном «нейтралитете» ливанской армии, парализованной внутренними неурядицами в стране). Базы ПДС в Ливане и его штаб-квартира в Бейруте были эвакуированы. В страну были введены «для умиротворения» войска США, Англии, Франции, Италии. Ливану был навязан капитулянтский договор 1983 г., который через год был ликвидирован в результате совместных усилий НПС и шиитов.

Но с этого момента в жизни Ливана большое значение приобретает движение шиитов. Оно объединяло главным образом шиитскую бедноту: обитателей трущоб, безработных, беженцев из южных районов, в 70-х годах подвергавшихся ударам Израиля. Руководство шиитов (состоявшее в основном из обогатившихся в Западной Африке торговцев и молодой интеллигенции, обычно прошедшей «школу трущоб») быстро радикализировалось, ориентируясь преимущественно на городские низы. К тому же оно стремилось потеснить маронитскую буржуазию в масштабе страны, а внутри мусульманского сообщества – суннитскую буржуазию, так как сунниты постепенно по численности стали второй (26% к 1984 г.) из 15 конфессиональных общин Ливана. Шииты создали с этой целью свою вооруженную организацию «Амаль»,

активное крыло суннитов (насеристы – свою («Аль-Мурабитун»). Постепенно «Амаль» установила свою гегемонию в мусульманской общине, не в последнюю очередь – вследствие поддержки Ирана, направившего в Ливан субсидии, эмиссаров и добровольцев-боевиков.

Руководство «Амаль» старалось сохранить свою независимость, в связи с чем сторонники проиранской ориентации среди шиитов, объединившись в «Хизб Аллах» (Партию аллаха), выступили против «Амаль». Таким образом, вся история гражданской войны в Ливане 80-х годов во многом свелась не только к межобщинным столкновениям, но и к внутриобщинной борьбе: «Катаиб» захватили гегемонию среди маронитов и вообще христиан, «Амаль» пыталась добиться того же среди шиитов и вообще мусульман. Кроме того, и те и другие воевали друг с другом и с ПДС, отряды которого после 1984 г. снова стали формироваться в лагерях палестинских беженцев в Ливане. Нередко и между ними происходили стычки (в основном между приверженцами ориентации на Сирию или на исполком ООП во главе с Ясиром Арафатом). Периодически бои между различными группировками в Ливане приобретали ожесточенный характер. Весной 1987 г. их пресечению способствовало лишь вступление в Бейрут сирийских войск.

При кажущейся эпизодичности и несистематичности боевых действий 1975–1991 гг. в Ливане они нанесли стране колоссальный ущерб: только в 1975–1984 гг. было убито 168 тыс. и ранено 760 тыс. чел. (из примерно 3 млн. ливанцев и 250 тыс. палестинцев Ливана), уничтожены 750 заводов и мастерских, 13 тыс. лавок и магазинов, 123 отеля, 87 тыс. жилых домов. Три города и около 100 деревень были стерты с лица земли. 135 тыс. из 650 тыс. чел. самодеятельного населения бежали из страны. Общая сумма убытков составила 80 млрд. ливанских фунтов – около 27 млрд. долларов того времени. Безработица увеличилась до 35%, в связи с чем многие безработные ливанцы (до 59 тыс. в 1984 г.) просто вынуждены были вступать в отряды боевиков 124 партий и организаций того времени, где можно было получать до 100 фунтов в месяц (при средней по стране зарплате в 145 фунтов).

Глава 12. Арабский мир в эпоху модернизации и глобализации

Процессы обновления и «осовременивания» идут в арабском мире крайне противоречиво. Рецидивы ретрадиционализации и т.н. возврата к истокам слишком часты, чтобы их игнорировать, уповая на якобы бесспорную «неодолимость» глобализации и модернизации. Очевидно, вернее было бы вести речь об условиях и факторах, при наличии которых глобализация и модернизация не будут встречать противодействия со стороны арабов.

Влияние событий в Иране породило т.н. исламский бум на Ближнем Востоке, а в дальнейшем – во всех странах, где есть мусульмане. Почти всюду в связи с этим появились организации мусульманских фундаменталистов, призывавших вернуться к «истинному» исламу, к уничтожению бездны между богатыми и бедными единоверцами, к отказу от прибылей и роскоши в пользу обездоленных. У этого явления много причин и далеко не все из них изучены к настоящему времени, например, такие, как разочарование большинства арабов, да и других народов Востока (и не только Востока), в идеологиях национализма (светского), либерализма, социализма, коммунизма, каковые при воплощении их в жизнь почти нигде не оправдали возлагавшихся на них надежд широких масс, особенно неимущих низов. Есть и более конкретная, но тоже общемировая причина – давние поиски мусульманскими идеологами средства сплотить весь мир ислама против все более нарастающей с XV в. военной, экономической, культурной, технологической и духовной экспансии христианского Запада, вторгающегося в последние столетия также и в политическую, социальную, да и религиозную сферу. Первой попыткой такого сплочения явился панисламизм, зародившийся в середине XIX в. и потерпевший крах одновременно с распадом стимулировавшей его Османской империи и исчезновения ее султана-халифа. Второй попыткой было халифатистское движение 20-х годов и стремление придать доминировавшему в 30–60-х годах национализму (и даже кое-где социализму) специфически мусульманский характер. Наконец, третья попытка – современный исламский фундаментализм.

Большинство исследователей, однако, считает, что наиболее реальной и объективно определяемой причиной явилось ухудшение экономического положения почти всех стран Ближнего Вос-

тока (в том числе нефтедобывающих) с середины 70-х годов и рост социальной напряженности, усугубляемый почти повсеместным невыполнением (или невозможностью выполнить) обещаний властей улучшить положение широких масс. В этом же направлении действовали процессы ускоренной урбанизации и сверхурбанизации, способствовавшие быстрому расслоению горожан Востока и превращению примерно 1/3 их в неимущих пауперов и люмпенов, в мире ислама объяснявших свои беды наличием у власти «плохих мусульман», забывших Коран, шариат и заветы пророка. При этом, естественно, культурная отсталость и примитивное представление о социальной справедливости толкали отчаявшиеся неимущие низы к решению своих насущных проблем традиционными методами насилия и наказания «плохих мусульман» и тем более командующих ими «неверных».

Сирия: правление Асадов. В Сирии, где в 70-е годы был усилен контроль государства над экономикой, увеличены налог с имущих слоев и приняты меры по борьбе с коррупцией и по ограничению земельных владений, реакция сделала ставку на «братъев-мусульман» и других авантюристов, организовавших в 1978–1982 гг. массовый террор против актива ПАСВ, военнослужащих. Наряду со взрывами и покушениями, провокацией стычек на конфессиональной почве (между мусульманами и христианами, суннитами и алавитами), поджогами и погромами, распространялись листовки с требованиями отмены монополии внешней торговли, возврата земель помещикам, замены конституции законами шариата, запрета девушкам учиться в университетах. Принятые правительством суровые меры подавили эту опасную вспышку клерикального обскурантизма и экстремизма, использованного буржуазно-феодалными элементами. Важной частью этих мер была ликвидация в Дамаске и других городах социального дна – основного рассадника экстремизма и фанатизма.

Тем самым была ликвидирована последняя акция политической нестабильности, традиционно травмировавшей Сирию с 1949 г., в том числе – и после прихода ПАСВ к власти в 1963 г., когда в феврале 1966 г. левое крыло партии отстранило с помощью армии от власти консерваторов и правых националистов, а в ноябре 1970 г. сами левые были отстранены армией во главе с Хафезом Асадом, вскоре ставшим президентом и генсеком ПАСВ. Возглавляемое Асадом «исправительное движение» провело ряд мер по демократизации жизни общества, либерализации эконо-

мики и развитию рыночных отношений. Стабилизировав обстановку, Асад исправил многие ошибки и перегибы прежних руководителей, инициировал важный процесс модернизации народного хозяйства, более продуманной индустриализации (с ориентацией на частное производство средних масштабов) и внедрения новейшей технологии. Тем самым был дан новый импульс «осовремениванию» страны, изживанию ею устаревших структур, социальных категорий и методов управления.

Сирийский режим, один из наиболее последовательных в арабском мире в отстаивании секуляризма и светскости жизни общества, считается с историческими традициями и конфессиональной ситуацией, опираясь прежде всего на общину алавитов (12% населения), в меньшей степени – на христиан и прочие меньшинства, заинтересованные в спокойствии и стабильности. В то же время он находит общий язык и с верхушкой суннитов (70% населения), что выражается в сращивании с 60-х годов военной, бюрократической и бизнес-элиты алавитов и суннитов. Дополнительными опорами стабильности были регулярные выборы в Народный Совет (парламент), где ПАСВ постоянно контролировала до 60% из 250 мест депутатов, и Прогрессивный Национальный фронт, объединивший все неисламские партии Сирии. В его рамках ПАСВ консультировалась с другими политическими силами, пользовалась их поддержкой в борьбе с исламистами в 1978–1982 гг. С 90-х гг. участники ПНФ активнее привлекаются к решению важных проблем государства. Эта практика продолжена и после смерти Хафеза Асада и прихода к власти в июне 2000 г. его сына Башара Асада, с именем которого связаны за последние годы новые шаги по либерализации и модернизации Сирии.

Египет: от Садата к Мубараку. Египет как наиболее значительная арабская страна рано втянулся в процессы модернизации и глобализации. Но именно здесь наблюдалась и довольно резкая реакция их неприятия. Это было малозаметно в 60-е годы, когда Египет при Насере был в авангарде арабского мира и связывал модернизацию с усилением этой своей роли. Изменение положения страны изменило и настроения египтян.

В Египте, где только в Каире 56% 10-миллионного населения составляли социальные низы из недавних сельских мигрантов, в 70-е годы резко возросло количество разного рода «исламских ассоциаций», влиятельных среди учащихся и городской бедноты.

Садат фактически это поощрял, объявив шариат по конституции 1971 г. «главным источником законодательства», но всячески ограничивая светские партии. В результате исламизм стал единственным средством протеста и идеологией 9 тыс. ассоциаций с 1 млн. членов. Они еще в 1974 г. нападали на военную академию в Каире, выступая за убийство правителей, сбивающих с истинного пути добрых мусульман. Одна из ассоциаций – «Очищение и уход» – организовала в октябре 1981 г. убийство президента Анвара Садата. Она считала египетское общество «насквозь прогнившим». Сам Садат незадолго до этого спровоцировал стычки между коптами и мусульманами, чем лишь подогрел фанатизм экстремистов. О сочувствии им населения свидетельствовало многое, в частности – исчезновение из здания суда, где 16 месяцев шел процесс 302 причастных к убийству Садата исламистов, всех улик – автоматов, пистолетов, рукописных материалов.

Сменивший Садата президент Хусни Мубарак стал проводить более сбалансированную политику. Не отказываясь в целом от курса предшественника, он старался установить взаимопонимание с разными социально-политическими силами внутри страны, возродить тесные связи с арабскими государствами (прежде всего с Иорданией и Ираком, которому Египет оказывал помощь в завершившейся в 1988 г. войне с Ираном), восстановить отношения с СССР, разорванные Садатом.

Мубарак сумел (правда, не сразу) вернуть Египет в ЛАГ. Он продолжил усилия Насера по индустриализации Египта. При Садате частный сектор (как и при Насере) отказывался это делать. Государство, с 60-х гг. контролирующее 55% национального производства, вынуждено взять эту задачу на себя, тем более что иностранный капитал в промышленность не идет, предпочитая туризм, коммерцию, банковское дело, транспорт. Поэтому все, что связано с модернизацией, новейшей технологией, глобализацией (т.е. включением в мирохозяйственные связи), воспринимается в Египте как исходящее от государства и иностранцев, кому и адресуются все упреки и обвинения растущей массы неимущих слоев города и деревни.

Мубарак пытается исправить ошибки Садата, в свое время допустившего размывание средних слоев и национального единства, на которое опирался Насер. Но в нынешних условиях так круто поменять курс, восстановив социальные гарантии для неимущих и низведя с высот богатства и власти бюрократию и па-

развитическо-компрадорскую буржуазию, практически невозможно, ибо связано с непосильными затратами на непрерывно растущее население (более 60 млн. чел. в начале XXI в.), с сокращением расходов (тоже огромных) на модернизацию и новинки технологии, а главное – с нарушением столь трудно обретенной стабильности, ибо элитные слои общества с помощью своих сторонников и наемников при апатии большинства вряд ли потерпят неблагоприятные для себя перемены.

Поэтому все демократические жесты Мубарака имеют характер полумер и компромиссов. Начав с преследований многих родственников и министров Садата за коррупцию, освобождения арестованных оппозиционеров и разрешения запрещенных газет, он в дальнейшем все осторожнее шел в этом направлении. В программе правящей Национально-демократической партии много места отведено исламу, свободе Палестины и прочим пунктам, не вызывающим возражений ни у кого в стране. В то же время нерешенность социальных и экономических проблем вызывает пассивность и безразличие народа: в выборах участвует не более 40% (в Каире и Александрии – не более 30%). В 1987 г. «проголосовали» 3 млн. уехавших (в основном – на заработки в Персидский залив) и 0,5 млн. умерших. В 1990 г. проголосовало всего 15%, в 2000 г. – до 50% (рекорд!), но в Каире тогда же – всего 10%. Мубарак не раз менял состав Политбюро и секретариата своей партии, но безрезультатно.

На фоне всеобщего застоя активны лишь исламисты. Из них «братья-мусульмане» теперь наиболее спокойны, имеют своих депутатов в парламенте, свои банки, газеты и т.д. Но основная часть исламистов не вписалась в мирную жизнь и продолжает терроризм, иногда устраивая покушения и на самого Мубарака.

Палестинский вопрос. Сохранив дипломатические отношения с Израилем, Египет занял, тем не менее, самостоятельную позицию в палестинском вопросе. Эволюция этого вопроса была не простой вследствие раскола ООП после 1982 г., перебазирования штаб-квартиры ООП за 2,5 тыс. км от родины, в Тунис (куда еще раньше была переведена из Каира штаб-квартира ЛАГ), негативного отношения Сирии к исполкому ООП. С осени 1982 г. началось (впервые за 12 лет) сближение ООП с Иорданией. На 17-й сессии Национального совета Палестины (НСП) в Аммане осенью 1984 г. король Хусейн (незадолго до этого восстановивший отношения с Египтом) выступил с предложением «совмест-

ного иордано-палестинского подхода» к ближневосточному урегулированию. Такой подход, одобренный Египтом, был зафиксирован в феврале 1985 г. соглашением в Аммане «о рамках совместных действий» между ООП и Иорданией, чтобы «добиваться осуществления мирного урегулирования ближневосточной проблемы и прекращения израильской оккупации арабских территорий, в том числе Иерусалима». Самоопределения арабов Палестины при этом предполагалось достичь в рамках конфедерации Иордании и будущего палестинского государства. Многие арабские страны, прежде всего Сирия и НДРЙ, выступили против Амманского соглашения.

В марте 1985 г. в Дамаске как противовес официальному исполкому ООП возник Палестинский фронт национального спасения (ПФНС), объединивший ряд организаций, в том числе Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) во главе с Ж. Хабашем и «Ас-Саика» (Молния) – военную ветвь палестинского филиала ПАСВ. Однако Амманское соглашение оказалось безрезультатным ввиду отклонения его Израилем и США. Постепенно отношения между ООП и Иорданией вновь ухудшились, и ближневосточное урегулирование к февралю 1986 г. вновь оказалось в тупике. Раскол между арабами постарался усугубить и премьер-министр Израиля Перес, совершивший летом 1986 г. визит в Марокко, что вызвало осуждение большинством арабов позиции короля Марокко.

В апреле 1987 г. на сессии НСП в Алжире было восстановлено единство действий палестинцев в рамках ООП. Председателем исполкома ООП вновь был избран Арафат. Сессия высказалась против капитулянтских сделок, за укрепление отношений со странами социализма и за проведение международной конференции по Ближнему Востоку. Этот курс был подтвержден во время визитов делегаций исполкома ООП в Москву во главе с Ф. Каддуми в июне 1987 г. и Я. Арафатом в апреле 1988 г.

В декабре 1987 г. началась «интифада» – всеобщее восстание палестинцев на оккупированных территориях с применением только мирных средств политической борьбы. Ежедневно полиция и войска Израиля убивали, избивали, арестовывали палестинских арабов, но не могли добиться прекращения забастовок, демонстраций, митингов и других выступлений на Западном берегу Иордана и в округе Газа, несмотря на сосредоточение здесь свыше 50% израильской армии и гибель за 2 года интифады око-

ло 1 тыс. палестинцев (50 тыс. было ранено, 64 тыс. – арестованы). Участники «интифады» неизменно из месяца в месяц требовали самоопределения и независимости. Широкому размаху борьбы способствовало возросшее влияние палестинцев во всем мире. К апрелю 1987 г. их насчитывалось свыше 4,5 млн. чел., при этом 1835 тыс. чел. находились на оккупированных территориях, 1080 тыс. – в Иордании, 300 тыс. – в Кувейте, 245 тыс. – в Сирии, 230 тыс. – в Ливане, 136 тыс. – в Саудовской Аравии, 105 тыс. – в США и 450 тыс. – в Южной Америке. Летом 1988 г. король Иордании заявил об уважении стремления ООП к созданию палестинского государства, аннулировал 5-летний план развития Западного берега Иордана, захваченного Израилем, и распустил парламент, в котором половина мест отводилась жителям оккупированных территорий. Тем самым Иордания отказалась от 40-летних притязаний на восток Палестины.

В ноябре 1988 г. на чрезвычайном заседании НСП в Алжире было провозглашено создание Палестинского государства. «Интифада возникла не из вакуума, – заявил в декабре 1988 г. Ясир Арафат. – Это результат всех лет сопротивления, борьбы». Даже самые упорные противники ПДС – США и Израиль – вынуждены были признать его эффективность. Но борьба за ближневосточное урегулирование продолжалась. И речь шла при этом не только о решении палестинского вопроса, но и о возвращении Голанских высот Сирии. Они пока что заняты войсками Израиля. Окончание войны Ирака с Ираном также поставило ряд экономических, политических и территориальных проблем. Точно так же, очевидно, по-новому, встанет проблема палестинцев, составляющих ныне 60% из 2,7 млн. жителей Иордании, если будет на деле образовано официально уже провозглашенное Палестинское государство, которое к осени 1989 г. официально признали 93 из 160 стран – членов ООН.

К началу 90-х годов интифада продолжала наращивать силы, развивая самые различные формы борьбы – стачки, манифестации, пикеты, распространение листовок. Бойкот израильских товаров стал почти всеобщим. Объединенное патристическое руководство интифадой (ОПР) включало представителей всех направлений – от исламистов до коммунистов. Выдвинутый Мубараком в сентябре 1989 г. «рабочий документ», призывавший Израиль признать принцип «мира в обмен на территории», был признан в качестве основы для урегулирования даже частью политических кругов Израиля.

Однако в дальнейшем ситуация изменилась и позиции ООП, как и ПДС в целом, несколько ослабли как ввиду роста исламистского крыла интифады, так и событий в арабском мире. На оккупированных ими землях Палестины израильяне с 70-х годов поощряли группировки исламистов («Усрат ад-Дин» и других), надеясь тем самым ослабить коммунистов и светских националистов. В результате в дальнейшем возникли (в том числе – и в ходе интифады) организации фундаменталистов (ХАМАС, «Исламский джихад» и другие), бросившие вызов Арафату и ставшие серьезными соперниками ООП. В то же время ПДС (ООП – в первую очередь) было несколько подорвано и в политическом, и в материальном, и в военном отношении событиями 80–90-х годов в зоне Персидского залива. Война Ирака и Ирана в 1980–1988 гг. негативно сказалась на экономике стран зоны: по данным Абу Айяда (погибшего в 1991 г. заместителя Арафата), в Кувейте тогда закрылись более 400, в Саудовской Аравии – 200 компаний, уволившие 137 тыс. рабочих и служащих, в основном палестинцев, потерявших возможность финансировать ПДС. В то же время Ирак отнесся к палестинцам с максимальным сочувствием, в связи с чем они и поддержали его в конфликте с Кувейтом в 1990–1991 гг. В результате арабский мир впервые отвернулся от ПДС, осудив его вместе с Ираком, что способствовало постепенному затуханию интифады.

Все это побудило ПДС более серьезно, чем раньше, искать компромисса с Израилем в ходе секретных переговоров, которые привели к подписанию 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне Декларации о принципах, оговаривавшей «прекращение десятилетней конфронтации и борьбы и взаимное признание политических прав», а также – признание «палестинского переходного самоуправления» на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. В июле 1994 г. Арафат переехал из Туниса в Газу и приступил к созданию учреждений Палестинской автономии. Причем опросы показывали, что он и ООП по своему влиянию (58–64% жителей оккупированных территорий) все же превосходили исламистов (12–17% жителей). На выборах президента (главы) Палестинской автономии и ее совета (парламента) в январе 1996 г. Арафат получил 87% всех голосов, а его организация Фатх – 51 из 88 депутатских мест. В правительство автономии вошли, кроме представителей Фатх, также министры от других партий. По опросам 1998 г., когда идею мира поддерживали «в целом» 47,6% палес-

тинцев и лишь 12% из них были «категорически против», Арафат сохранял свое положение ведущего лидера (38,7% поддержки). При этом уровень поддержки Фатха составил 32,9%, в то время как уровень поддержки основного оплота исламистов ХАМАС – 13,3% (а его лидера слепого шейха Ясина – 8,4%).

Однако дальнейшему ходу мирного урегулирования помешала позиция Израиля. В 1995 г. был убит фанатиком-сионистом израильский премьер Ицхак Рабин, вместе с Арафатом получивший Нобелевскую премию мира за компромисс 1994 г. Сменивший Рабина правый лидер Нетаньяху переговоры заморозил. Тем временем израильтяне принялись максимально наращивать свое «гражданское присутствие» на оккупированных палестинских землях: в 1991–2000 гг. численность еврейских поселенцев там выросла вдвое. Тем самым Израиль установил контроль примерно над третью сектора Газа и значительной частью Западного берега реки Иордан, стремясь лишить смысла сам принцип «территории в обмен на мир» путем простого поглощения всех палестинских территорий. Замена Нетаньяху левым кабинетом Эхуда Барака в 1999 г. привела к возобновлению переговоров, в ходе которых к осени 2000 г. удалось договориться почти по всем вопросам, включая наиболее трудные для решения проблемы Иерусалима и возвращения беженцев. Но затем Барак, чувствуя, что большинство израильтян его не поддержит, фактически изменил позицию, потребовав в рамках уже достигнутого (хотя и не подписанного) соглашения включения в состав Израиля примерно половины оккупированных земель и распространения на остальные земли израильского военного контроля, что превращало суверенитет Палестинского государства, теоретически претендовавшего всего на 20–22% территории Палестины, да и само его физическое существование, в фикцию.

В самый разгар кризиса переговоров конкурент Барака правый лидер Израиля экс-генерал Ариэль Шарон, ненавидимый арабами за его антиарабский экстремизм и зверства при оккупации Ливана в 1982–1983 гг., в сопровождении солдат посетил священную для иудеев «Храмовую гору», где также расположен «Аль-Харам аш-Шариф» (Благородная святыня), т.е. чтимый всем миром ислама комплекс мечети Аль-Акса в старинной части восточного Иерусалима, населенного арабами. Это было расценено палестинцами как провокация и оскорбление. В беспорядках четверо из них погибли, около 200 были ранены, что вы-

звало эскалацию насилия по всей стране, вскоре переросшую в новое восстание – «интифаду аль-Аксы». К террору против израильтян, в том числе – массовым акциям шахидов-самоубийц из ХАМАС, «Исламского джихада» и других фундаменталистских групп, присоединились аналогичные группы бойцов, вышедших из Фатха и прочих организаций светских националистов, среди которых быстро выдвинулась «Бригада мучеников Аль-Аксы».

Судя по всему, Шарон на это и рассчитывал, стремясь показать бесплодность усилий любых миротворцев. Барак пытался нейтрализовать этот маневр соперника, возобновив переговоры с Арафатом в условиях начавшейся в Израиле с декабря 2000 г. предвыборной кампании и выдвинув новые положения о передаче палестинцам трех кварталов восточного Иерусалима, включая «Аль-Харам аш-Шариф», 96% Западного берега, но с удержанием под суверенитетом Израиля трех участков с проживающими там 80% еврейских поселенцев, с ликвидацией прочих 140 поселений и отказом палестинцев от дополнительных требований. Он соглашался также вернуть в Израиль несколько десятков тысяч палестинцев («в рамках воссоединения семей»). Позднее президент США Клинтон добавил к этим предложениям свои: палестинцы получают весь сектор Газа и 95% Западного берега, а Израиль за 5% территории Западного берега, где живут в 11 поселениях 160 тыс. его поселенцев, выделит палестинцам 3% своей территории.

Но Арафат, несмотря на давление США, ЕС и Египта, отклонил все эти условия в январе 2001 г. как не предусматривающие даже в принципе права беженцев на возвращение к родным местам, прекращения контроля Израиля над 85% территории восточного Иерусалима и предотвращения раздела палестинской территории уже на три части, что подорвет ее жизнеспособность. Кроме того, Клинтон высказывался лишь устно и «на время», т.е. мог и отказаться. Но главным было давление на Арафата почти всех его сотрудников и других сил ПДС, которые не могли примириться с тем, что после 53 лет кровавой борьбы, лишений и унижений они получают всего 1/5 их родины, да еще со значительными оговорками и ограничениями, да еще без наказания захватившего их отечество агрессора и даже без выполнения многократно повторяемых резолюций ООН о праве беженцев вернуться к родным местам. Последнее, к сожалению, вряд ли реализуемо, ибо въезд в Израиль примерно 4 млн. палестинцев будет означать не только

социально-демографический взрыв, экономический крах и смену модели развития, но и утрату этим государством своего этноцентричного характера, каковой является для всех израильтян абсолютной аксиомой.

После этого еще была попытка спасти переговоры, продолжив их в египетском городе Таба в январе 2001 г., но неудачно. Приход к власти в Израиле в марте 2001 г. Ариэля Шарона положил конец переговорам и вверг обе стороны в жесткое противоборство, периодически переходящее в боевые действия и все более утверждающееся взаимной непримиримостью и нетерпимостью. На фоне этого уже несколько лет творящегося беспредела, включая блокирование Арафата израильскими войсками в его резиденции в Рамаллахе, возведения Израилем стены между тем, что он считает своими землями (включая занятые в 1967 г.), и «остальной» Палестиной, безуспешны были неоднократные попытки эмиссаров великих держав (включая и США, и Россию) уговорить обе стороны возобновить диалог. Одновременно Израиль, усиливая военное давление на палестинцев, в том числе – тактикой «избирательных убийств» лидеров палестинских организаций, обвиняемых в терроризме, вел систематическую пропаганду по дискредитации Арафата, требуя его отставки как якобы «враждебного миру» лидера. Судя по всему, расчет прост: уход Арафата должен деморализовать и дезориентировать палестинцев, заставив их тем самым принять все требования Израиля. Смерть Арафата в ноябре 2004 г. вроде бы открыла новые возможности для реализации этих требований, обострив борьбу за власть в Палестинской автономии. Но как бы ни складывалось в дальнейшем положение в Палестине, вряд ли удастся сохранить палестинцев на положении колониально угнетенного и подчиненного народа.

Один из факторов, препятствующих реализации этого плана, это – позиция арабов Израиля, численность которых выросла в 1948–1988 гг. со 160 тыс. до 800 тыс. чел. Но если до 1987 г. эти арабы признавали себя в первую очередь гражданами Израиля и дорожили более высоким уровнем жизни и образования, чем в арабских странах (хотя они и подвергались при этом дискриминации), то после 1987 г. их позиция стала меняться. Даже их депутаты в кнессете (парламенте Израиля) стали открыто поддерживать ПДС и Арафата, а две наиболее влиятельные их партии – Исламское движение и компартия исходят или из противопостав-

ления шариата законам Израиля, или из лозунга: «Два народа – два государства». Они же одобряют действия палестинских организаций против Израиля. По опросам 2000–2002 гг., 61–74% израильтян считают арабов Израиля (т.е. 17–18% населения) «угрозой для безопасности страны». Случаи взаимодействия палестинцев и арабов Израиля (вплоть до признания себя единым народом) множатся, начиная с 1968 г.

Нерешенность палестинского вопроса, как и в целом неурегулированность ближневосточного конфликта, затягивает, но не облегчает и отношения Израиля с арабским миром, в том числе – даже с наиболее лояльно к нему настроенными Египтом и Иорданией. В Египте, где борьба исламистов с режимом Мубарака во многом обосновывается критикой его с позиций ультрапатриотизма, правительство старается максимально обезопасить себя от обвинений в «предательстве» палестинцев (что когда-то погубило Садата) и при всей своей умеренности вряд ли согласится на вседозволенность действий Израиля. Кстати, тайная поддержка из Египта (в том числе – по скрытым под границей подземным переходам), по утверждениям израильтян, способствовала снабжению палестинских боевиков оружием, деньгами и подготовленными кадрами. Очевидно, того же нет со стороны Иордании, но сам факт принадлежности большинства иорданцев к палестинцам еще в 50–60-е годы XX в. делал эту страну естественной базой ПДС. Нельзя исключить возобновления такой ситуации при затягивании нынешнего положения в Палестине.

Нет сомнений, что еще больше трудностей при таком положении ждет Израиль на границе с Ливаном и Сирией. На юге Ливана успешно действует «Хизб Аллах», вооружаемая, снабжаемая и пополняемая из Ирана. Единственный резон для ее деятельности – нерешенность палестинской проблемы и общего урегулирования на Ближнем Востоке. Этой деятельности, как минимум, не препятствуют Сирия и Ливан как ввиду солидарности с палестинцами, так и считая «Хизб Аллах» своего рода громом отводом недовольства шиитов – самой бедной трети населения Ливана. Дополнительный фактор спора Сирии с Израилем – Голанские высоты, захваченные Израилем в 1967 г. и лишь частично (в зоне Кунейтры) освобожденные в 1973 г.

Алжир – цивилизационные мутации. Независимый Алжир (АНДР) достиг апогея своих успехов в 1971–1978 гг. Высокие доходы от нефти и газа позволяли успешно справляться с соци-

альными проблемами, а жесткие меры режима Бумедьена практически нейтрализовали как левую оппозицию в лице нелегальной Партии социалистического авангарда (ПСА), так и исламскую, в частности, ассоциацию «Аль-Киям» («Ценности»), не говоря уже об изолированных выступлениях либералов (Ф. Аббаса, Б.Ю. Бен Хедды и др.). Честолюбивые планы алжирцев к 1979 г. формулировались так: «Мы хотим быть японцами Средиземноморья». И действительно, страна, по ряду показателей приближавшаяся к уровню Португалии и Греции, а по доле студентов догонявшая Италию, могла строить подобные планы. Однако этого не произошло.

Наплыв населения в города был беспрецедентен: уходили из сел не только разоренные, но и просто «лишние» люди. Только в 1967–1977 гг. в города ушло около 2 млн. чел. К 1980 г. горожане составили уже 52% населения, которое продолжало расти стремительно – с 17 млн. чел. в 1975 г. до 25 млн. в 1990 г. Однако обеспеченность страны продовольствием по ряду причин (эрозии почв, заброшенности малопродуктивных земель, вывоза наиболее дорогостоящей продукции – вина, фруктов, овощей, коры пробкового дуба и т.д. – за рубеж) регулярно снижалась с 70% в 1969 г. до 30% в 1980 г. В результате повысились траты на импорт продовольствия за счет урезания социальных расходов, но потом и те и другие (уже после смерти Бумедьена в 1978 г.) стали сокращаться еще больше, так как уменьшились доходы от нефти (ввиду падения ее добычи в Алжире и мировых цен на нее после 1973 г.) и наступили сроки погашения государственных долгов иностранным банкам, что вызвало кризис экономики в 80-е годы. К 1988 г. до 22% трудоспособного населения было без работы. На 4/5 это была молодежь, главным образом выпускники школ и вузов, более нетерпеливые и инициативные, чем обычные безработные.

Коррупция, фаворитизм и бюрократизм, разъедавшие госаппарат АНДР и партаппарат ФНО, стали особенно заметны в 80-е годы, когда ухудшилось положение народа, а президент Шадли Бенджедид (1979–1991 гг.), пытавшийся прикрыть обогащение своего окружения, стал быстро терять авторитет. Ограниченный и малокультурный, он, не обладая ни харизмой Бен Беллы, ни твердостью и решительностью Бумедьена, скорее плыл по течению, нежели влиял на события. Между тем в стране на базе роста неимущих низов города увеличилось влияние исламистов, а в

берберских областях – и берберистов, опирающихся на примерно 30% алжирцев. Давний стереотип противоборства «араба-мусульманина» и «берберо-материалиста», усердно распространяемый панарабистами и арабскими националистами Алжира, снова вышел на авансцену, причем – не без подстрекательства прибывших в Алжир в 70-е годы многих исламских фундаменталистов Египта, Сирии и Судана. Изгнанные из своих стран, они сконцентрировались в Алжире под эгидой известного идеолога исламизма Юсуфа аль-Кардауи и занялись преподаванием арабского литературного языка, учителей которого в Алжире очень не хватало.

После стычек с исламистами в 1981–1982 гг., беспорядков 1986 г. и особенно кровавых столкновений молодежи с армией в октябре 1988 г., когда погибло более 1 тыс. чел., в Алжире началась либерализация и была провозглашена конституция 1989 г., разрешавшая многопартийность. Из возникших 24 партий наиболее влиятелен оказался Исламский фронт спасения (ИФС), обещавший после победы на местных выборах в 1990 г. «восстановить исламский халифат». Получив из Ирана и Судана до 100 млн. долларов, ИФС повел за собой до 3 млн. избирателей и на выборах в декабре 1991 г. получил в 1-м туре 188 мест против 16 у ФНО. Но перспектива «исламского государства» с конституцией в виде Корана и потерей власти не устраивала ни элиту армии и госаппарата, ни поддерживавших ее «вестернизированную» интеллигенцию и технократию. Они отстранили президента Шадли, пытавшегося договориться с исламистами, отменили 2-й тур выборов, предполагаемые результаты которого сулили сокрушительную победу исламистов, и поставили у власти Высший государственный совет (ВГС).

В ответ ИФС развернул массовый террор, опираясь на глубоко законспирированное с 1979 г. вооруженное подполье. Последовали введение чрезвычайного положения, роспуск ИФС и депортация в концлагеря Сахары до 20 тыс. исламистов. Но исламисты оказали серьезное сопротивление обрушившейся на них 120-тысячной армии, силам полиции и спецслужб. За 1992–1993 гг. погибло 1800 боевиков и 9 тыс. их сторонников оказались под стражей, но численность боевиков выросла с 2 тыс. до 6 тыс. и продолжала расти в дальнейшем, питаясь за счет массовой поддержки неимущих низов города и деревни, особенно молодежи, лишенной образования и работы. Напри-

мер, в 1999 г. 32% самодеятельного населения страны (около 3 млн. чел.) не имели работы, а более трети всех алжирцев находились за чертой бедности. Поэтому война приняла ожесточенный характер и к 2000 г. в ней погибло более 100 тыс. чел.

Свыше 600 групп боевиков взрывали, поджигали госучреждения и целые деревни, нападая на солдат, полицейских и служащих, а их всюду выслеживали, выманивали из пещер и укрытий, истребляли с помощью авиации, артиллерии, вертолетов, молниеносных рейдов спецподразделений командос. Особенно бесчеловечны были действия ВИГ (Вооруженной исламской группировки) из 600–900 алжирских ветеранов войны в Афганистане, систематически убивавших иностранцев, интеллигентов французской школы, женщин с открытыми лицами. Они же, по сведениям из алжирских источников, вырубали топорами население целых деревень. Развязанная властями против ВИГ война на истребление, очевидно, дала результаты, но ВИГ, потеряв почти все алжирские кадры, стала пополняться за счет профессионалов-боевиков из других стран, в связи с чем среди захваченных в плен исламистов стали попадаться пришельцы из Египта, Судана, Йемена, даже не говорящие по-арабски боевики из Ирана, Афганистана, Боснии. Несмотря на огромные потери и растущую изоляцию, ВИГ сохраняла активность и в начале XXI в. В 2000 г. от ее рук погибло 110 чел.

Секрет небывалого ожесточения гражданской войны в Алжире – в болезненности социокультурных и цивилизационных трансформаций, переживаемых страной за слишком исторически короткий срок. Всего лишь 100 лет назад в Алжире не было нации, племена (на 50% берберские) помнили лишь свои традиции, свою «асабийю» (патриотизм племени), свою приверженность тому или иному марабуту, суфийскому братству, а горожане – свою приверженность к общинам мавров, «кулугли», мевлед-руми, генауа, евреев, «баррания» (пришлых чужаков). Из этих этносов, конфессий, социумов и образов жизни (горцев, жителей пустынь, оазисов) выковался в ходе сопротивления французам самобытный сплав, не забывший ни своих берберских корней, ни принадлежности к арабо-исламской цивилизации, ни привнесенного извне культурного наследия Аль-Андалуса, ни перипетий многовековой османской эпохи. На этот этно-национальный и историко-культурный комплекс наложилось многообразное влияние французской культуры, исторических и политических тради-

ций Франции, ее административных и юридических институтов. Ни одна арабская страна не пережила подобной долгой (132 года) и интенсивной «вестернизации», сделавшей французский язык фактически вторым (а для части алжирцев – даже первым) литературным языком и внедрившей «офранцузивание» в среду наиболее грамотной и зажиточной части населения, в ее быт, нравы и повседневную жизнь. «Мы – французы по культуре», – говорили даже многие лидеры националистов Алжира.

Но с началом алжирской революции «офрануженность» стала помехой в пропаганде национализма, что невольно заставило перенести акцент на исламскую составляющую алжирского патриотизма. Кроме того, с обретением независимости упор Бен Беллы на алжирский социализм, понимаемый как «марксизм в экономических вопросах», вызвал негативную реакцию не только буржуазии и всех антисоциалистов, но и религиозно-националистических кругов, выступавших против всех неисламских «импортных идеологий». Недаром Бумедьен, свергнув Бен Беллу, провозгласил «возврат к истокам» и «вековым ценностям», заявив, что алжирцам «не нужны иностранные советчики, чтобы давать уроки, как строить социализм или новое общество».

Экономический и социальный кризис конца 80-х годов лишь обострил трудный процесс цивилизационной перестройки Алжира, его расставания с традиционным прошлым и феодально-патриархальным наследием, что началось еще в годы революции и продолжилось реформами 60–70-х гг. Народ болезненно реагировал в 80-е гг. на превращение огромных масс крестьян и горожан в деклассированных маргиналов, терявших наряду с социальным положением и традиционные ценности морали, миропонимания, обычаев, нравов. В какой-то мере модернизация и глобализация породили сходные процессы во всем арабском мире. Но нигде они не проявились с такой остротой, потому что нигде оба социума – модернизирующий и модернизируемый – не воздействовали друг на друга столь длительно, не воевали друг с другом 8 лет и поэтому не изучали друг друга так внимательно. Нигде не возникали столь благоприятные условия для максимально полной «вестернизации» вплоть до многолетней жизни во Франции и создания там (да и в Алжире) смешанных семей для миллионов алжирцев – трудящихся, учащихся, торговцев, политических и иных эмигрантов. Но нигде и не было у арабов такого комплекса «офрануженности», от которого они стремились избавиться,

считая его потерей национального лица. Отсюда – и перебарщивание с арабо-национализмом и исламо-экстремизмом, как средствами борьбы с «офранцузенностью» и «обезличенностью».

С 1995 г. ко всему этому добавилось и обострение берберского вопроса. Проблема берберов существовала в Магрибе всегда, но как бы подспудно тлела, не вырываясь на поверхность, хотя в Алжире берберисты всегда были раздражителем для арабо-исламистов. Всемирный конгресс амазиг (ВКА), созданный 36 берберскими организациями, в том числе Алжира, поставил вопрос о признании берберского языка в Алжире. Но этот призыв не был услышан, хотя на референдуме 1996 г. алжирцы проголосовали за признание «амазигства» (берберизма) «фундаментальной составляющей идентичности» Алжира. Введение в 1998 г. закона об обязательности именно арабского языка привело к стычкам и беспорядкам в берберских районах, срывам там арабских вывесок и заменой их лозунгами: «В Алжире не будет мира без берберского языка». Наблюдались и прямые столкновения берберистов с властями, которые, как и большинство алжирцев, еще не готовы признать этнокультурный плюрализм страны, рассматривая его исключительно сквозь призму политической конъюнктуры.

В ходе войны большинство исламистов, устав от насилия, перешли к борьбе за свои цели политическими средствами. В стране, наряду с ранее существовавшими партиями и правительственным Национально-демократическим объединением (НДО), возникли умеренные исламские партии – Движение исламского общества, Ан-Нахда (Возрождение) и другие. На выборах 1997 г. они получили в общей сложности почти 2,5 млн. голосов и 103 места в парламенте, уступив все же НДО (3,5 млн. голосов и 155 мест). В этих условиях правящий блок (армия, тесно с ней связанная технократия и прозападная фракция бизнес-элиты) стремится любой ценой добиться прекращения давно уже медленно затухающей войны. Ставший в 1999 г. (и переизбранный весной 2004 г.) президентом АНДР Абд аль-Азиз Бутефлика, опытный дипломат и политик (министр иностранных дел Алжира в 1963–1978 гг.), сделал для этого очень много как путем прямых переговоров, так и путем жесткого наведения порядка военными средствами, а также – с помощью изоляции мятежников на международной арене.

Война в Алжире еще полностью не завершилась. Но уже сейчас ясно, что дело идет к поиску нового равновесия, новой инте-

грации различных социополитических, этнокультурных и историко-региональных сил Алжира. Все участники конфликта вынуждены отказываться от насилия, конфронтационного мышления и экстремизма любого вида. Совсем избавиться от этого вряд ли удастся, ибо слишком мощны конвульсии уходящего (но еще не ушедшего) в прошлое традиционализма, слишком неоднозначны тенденции постепенно одолевающей его модернизации, да и глобализации, пока что представляющих в глазах слишком многих алжирцев всего лишь псевдонимом нового колониализма. Поэтому немало просвещенных и передовых людей находятся в Алжире по обе стороны баррикады, ибо одни не приемлют исламо-экстремизм в любом виде, а другие – поощрение и финансирование Западом братоубийственной войны в стране, имеющей к тому же немало политических, конфессиональных и этносоциальных нюансов.

Ирак: время Саддама Хусейна. Еще один нестандартный вариант ответа на модернизацию и глобализацию, трактуемые как экспансия Запада по всем направлениям, дал Ирак. Здесь диктатура обоих Арефов продержалась менее 5 лет, демонстрируя неустойчивость и непостоянство: Арефы то воевали, то мирились с курдами, обращались то к Насеру, то к Западу. 90% доходов от нефти шли на армию. Недовольство росло и партии, формально запрещенные, фактически стали действовать. Особенно активна была ПАСВ в армии, с помощью которой она и произвела переворот 17 июля 1968 г. Президентом и главой Совета революционного командования (СРК) стал Ахмед Хасан аль-Бакр, его заместителем – 29-летний тогда Саддам Хусейн ат-Тикрити. Временная конституция в сентябре 1968 г. провозгласила Ирак «народно-демократическим государством» с задачей «построения социализма», но при сохранении частной собственности.

ПАСВ стала наращивать силу госсектора, сосредоточившего уже в 1970 г. 56% промышленного капитала и 75% фабричной продукции. Благодаря новой аграрной реформе, к 1972 г. 1/2 крестьян либо имела землю, либо арендовала ее под гарантии государства. В 1970 г. была прекращена очередная война с курдами при условии предоставления Курдистану автономии, признания курдского языка и выделения на развитие севера страны до 1/3 доходов от нефти. В дальнейшем образование автономного района с центром в Эрбиле шло трудно и не охватило богатых нефтью округов. Это вызвало протест курдов и возобновление вой-

ны с ними в 1974 г. под лозунгом «Курдистан – национальные горы». Но к 1975 г. война завершилась уходом части курдов в подполье и отъездом за рубеж их лидера М. Барзани. От его партии к тому же откололись Революционная и Социалистическая партии Курдистана.

С 1972 г. ПАСВ, завершив национализацию «Ирак петролеум компании» и обеспечив приток валюты за счет доходов от нефти, пошла на сотрудничество с левыми силами. Ее Хартия национальных действий отвергала капитализм и империализм, выступала за «демократическое решение курдского вопроса», развитие культуры, образования, социального обеспечения. В правительство вошли представители коммунистов, курдов и других сил, что было закреплено и программой созданного в 1973 г. Прогрессивного национально-патриотического фронта (ПНПФ). Наблюдался экономический рост, в немалой степени вызванный потоком нефтедолларов, использованием квалифицированной рабочей силы эмигрантов (в основном палестинцев, египтян, ливанцев), помощью СССР по соглашению об экономическом и техническом сотрудничестве 1969 г., а также по Договору о дружбе и сотрудничестве с СССР от 1972 г. Импорт из СССР составлял 22% импорта Ирака (не считая военной помощи, объем которой был равен примерно 13–14 млрд. долларов). В то же время внутри самого режима и в целом верхушки общества происходили скрытые конфликты кланов и группировок, армейских, земляческих и конфессиональных фракций. Было даже несколько подавленных попыток переворота (наиболее заметен из них заговор директора службы безопасности Каззара в июне 1973 г.).

Положение изменилось, когда в 1974 г. заболевшего Бакра фактически (а с 1979 г. – и формально) сменил Саддам Хусейн. Человек неумеренной энергии и чудовищных амбиций, прошедший тяжелую школу подполья и полицейских застенков (он был арестован за покушение на Касема в 1959 г.), Саддам Хусейн в борьбе за власть не гнушался никакими средствами, славился жестокостью и непреклонностью, даже способностью лично застрелить в своем кабинете проштрафившегося чиновника. Он быстро стал абсолютным диктатором, заняв одновременно посты президента и премьер-министра, генерального секретаря ПАСВ и главнокомандующего армии, главы СРК и координатора многочисленных спецслужб и ведомств разведки, усердно следивших за всеми и друг за другом под бдительным оком личной гвардии Саддама, сфор-

мированной из его земляков-тикритцев. Сам он всячески рекламировал себя как «Саладина XX в.», ибо знаменитый айюбидский султан XII в. Салах ад-Дин тоже родился в свое время в г. Тикрит (только был по происхождению курдом). Так или иначе, Саддам Хусейн с его внешними данными (некоторые называли его «арабский Сталин»), политическим чутьем, чисто арабским красноречием, авантюризмом, цинизмом и умением магнетически действовать на людей, да еще при поддержке всех иракских и большинства общеарабских СМИ, постепенно превратился в харизматического вождя, претендовавшего на лидерство во всем арабском мире, тем более что конец 70-х годов – это время дискредитации Садата в Египте, смерти Бумедьена в Алжире, заката Бургибы в Тунисе и Каддафи в Ливии, тяжелых испытаний для Асада в Сирии и Арафата в ПДС.

Поэтому Саддам, невзирая на «социализм» ПАСВ и демократические положения одобренных ею хартий и программ, принялся устанавливать жесткий режим личной власти, вскоре принявший открыто тоталитарный характер. Он фактически выхолостил идею Курдского автономного района, не давая курдам реализовать формально признанные за ними права и переселяя основную их часть с гор на равнины, фактически – в концлагеря под присмотром войск и полиций. Он периодически стравливал арабов и курдов на контролируемой им территории, суннитов и шиитов, мусульман и христиан, противопоставляя всем им немногих оставшихся в стране иудеев, которых периодически публично казнили по стандартному обвинению в «шпионаже» в пользу Израиля. Все это никак не вязалось с политикой ПНПФ, которая, при активной поддержке коммунистов и марксистов из других организаций, достигла определенных успехов в деле индустриализации и культурного строительства, в кооперации сельского хозяйства: к концу 1975 г. 240 тыс. семей крестьян были объединены в 1652 производственных кооператива. Но Саддам не хотел никаких равноправных партнеров: в мае 1978 г. группа коммунистов была казнена за пропаганду своих идей в армии (это было монополией ПАСВ), затем последовали нападения на их организации и запрет их изданий. В марте 1979 г. компартия вышла из ПНПФ и, уйдя в подполье, развернула вместе с Национальным Союзом Курдистана агитацию против Саддама за рубежом.

Став единоличным правителем, Саддам обрушился и на «своих», казнив в 1979 г. 5 членов СРК. С 1976 г. он проводил уско-

ренную «баасизацию» общества: к 1979 г. уже 800 тыс. иракцев стали членами ПАСВ, многие в «добровольно-принудительном» порядке (служащие, учителя, работники «культурного фронта»). На съезде ПАСВ в 1982 г. Саддам сократил состав СРК с 16 до 9 чел. Но еще до этого он начал войну с Ираном, формально – по поводу взаимных претензий на территории у Шатт аль-Араба и поддержки из Ирана иракских курдов. На самом же деле Саддам хотел успокоить встревоженных его воинственностью арабских правителей, выступив в роли их защитника от идей «исламской революции» 1978–1979 гг. в Иране, в чем и преуспел, получив поддержку от Кувейта, саудовцев и всех арабских государств Залива, предоставивших Ираку миллиардные займы и бесплатные поставки сырья и продовольствия. Поддержали его и США (в поставках американского вооружения Саддаму большую роль сыграл тогда доверенное лицо военных монополий США Доналд Рамсфелд, будущий военный министр и «обличитель» Саддама). США были заинтересованы во взаимной нейтрализации двух наиболее опасных для Израиля мусульманских государств, ослаблении (хотя бы временном) иракской угрозы Кувейту и Саудовской Аравии, а также – в переключении внимания Ирана на Ирак и ослаблении его возможного влияния на моджахедов в Афганистане, в том числе 30 тыс. добровольцев из арабских стран, которых США предпочитали сами контролировать через саудовские деньги, пакистанские базы и центры обучения, прямую военную помощь Пентагона (при участии и других стран Запада, вместе с американцами недальновидно и безответственно вскармливавших исламо-экстремизм наемных боевиков от Марокко и Боснии до Кашмира и Филиппин).

Помогали Ираку также СССР (с 1983 г.), заинтересованный в минимизации помощи Ирана афганским «душманам», а также Франция и Китай (соответственно на 4,8 млрд. и 3,3 млрд. долларов в 1983–1988 гг.), старавшиеся предотвратить проникновение США в Ирак. В то же время Сирия и Ливия, лидеры которых конкурировали с Саддамом за вакантное после Насера место общепарабского вождя, поддерживали Иран. Война шла с переменным успехом, обе армии несли огромные потери (в общей сложности – до 1 млн. чел.), многие их надежды и расчеты не оправдались. Вынужденный прекратить войну Саддам провозгласил себя «победителем» без особых на то оснований и, едва оправившись от 8 лет войны, решил на новую авантюру, на этот раз – против Ку-

вейта. Он явно хотел реабилитировать себя за фактическую неудачу в Иране и реализовать давние, еще с 1961 г., стремления иракских правящих кругов, особенно усилившихся в 70–80-е годы бюрократии и «бюрократического капитала», присоединить богатый нефтью Кувейт, заодно продемонстрировав амбиции малой «великой державы» регионального масштаба. В августе 1991 г. Ирак захватил Кувейт, уступавший ему в 9 раз по населению, в 25 раз по территории, в 2 раза по ВВП, в 50 раз по численности вооруженных сил, в 20 раз по танкам и почти в 30 раз по самолетам. Но гораздо труднее было Кувейт удержать, так как США сформировали против Ирака довольно широкую коалицию с участием, в том числе, и арабских стран – Египта, Сирии, Саудовской Аравии и других. В феврале 1991 г. армия Ирака под ударами войск коалиции (преимущественно авиации и флота США) покинула Кувейт.

После этого разгрома Ирак превратился в международного изгоя, изолированного и подвергнутого санкциям ООН. Однако в 1991 г. США не стали добивать Саддама Хусейна. Начавшиеся под влиянием поражения Саддама выступления курдов на севере и шиитов на юге грозили полным развалом страны, тем более что основой опоры Саддама были сунниты, т.е. меньшинство. США опасались, что успех шиитских повстанцев приведет к их присоединению к Ирану и усилит ненавистный американцам режим аятоллы Хомейни. В то же время Турция, давно испытывающая трудности с курдским населением на востоке Анатолии, опасалась отделения Иракского Курдистана, который стал бы базой сопротивления турецких курдов с возможным также их отделением. США в этом вопросе не могли игнорировать позицию своего главного на Востоке союзника по НАТО. Поэтому на глазах удивленного мира американцы прекратили громить еще сохранившую боеспособность армию Саддама и позволили ей развернуть репрессии и против шиитов на юге, и против курдов на севере, что вызвало бегство из Ирака десятков тысяч людей в Турцию и Иран. В дальнейшем, однако, США и Великобритания все же установили зоны, запретные для иракской авиации, что несколько ослабило давление Саддама и на курдов, и на шиитов, но при сохранении режима Саддама как «сдерживающего фактора» и для тех, и для других.

Режим Саддама был сильно подорван, но все же устоял и в последующие 12 лет существования демонстрировал удивитель-

ную выживаемость. Помимо устойчивости (гораздо большей, чем предполагали на Западе) взаимно переплетавшихся структур госаппарата, партаппарата, армии, разведки и госбезопасности, режим укреплялся также за счет личной харизмы Саддама, бросившего вызов США и поддержанного в этом не только иракским, но и всеми другими арабскими народами (при негативном, враждебном или сдержанном отношении к Саддаму почти всех арабских правительств). Умело лавируя в дебрях национальных, религиозных, социальных и региональных противоречий Ирака, Саддам одновременно создавал сложную иерархию солидарности суннитских кланов Мосула, Багдада и области Среднего Евфрата, на которую опиралась солидарность более узкого круга уроженцев Тикрита, а внутри этой общности – единство (не исключавшее борьбы) кланов отца и матери Саддама, выше которого – только пользовавшиеся личным доверием диктатора его сыновья Удай и Кусай, зять Иззат Ибрахим и другие близкие родственники, а также давно близкий к нему Тарик Азиз (бессменный вице-премьер).

Против этой твердыни иракская оппозиция ничего не могла поделать, будучи разьединенной в социальном и идеологическом плане, а также лишенной своей опоры: рабочие и крестьяне помнили подъем жизненного уровня 60–80-х годов, а последующий спад считали следствием «мирового заговора» против арабов империализма и сионизма, к которым примкнули – де курды, иностранцы и иноверцы. Что же до буржуазии и бюрократии, то они или были удовлетворены (по крайней мере материально) своим положением, или ценили наконец достигнутые при Саддаме стабильность и порядок. Поэтому ни либералам, ни исламистам в Ираке ничего не светило, как и коммунистам, для которых к тому же катастрофой был крах СССР в 1991 г. Сверх того, Саддам и его сторонники оказались мастерами информационной войны более ловкими, чем американцы, пропаганда которыми «демократии», «индивидуальных свобод», «гражданского общества» и т.п. воспринималась в Ираке как абстракции, не имеющие отношения к реальной жизни.

Периодически американцы оказывали нажим на Ирак, подвергали его авианалетам, угрожали, но при администрации Клинтона (1992–2000) на большее не решались. С приходом к власти Дж. Буша-младшего США стали демонстрировать больше нетерпения и бесцеремонности в международных делах, к тому же бы-

ли крайне травмированы событиями 11 сентября 2001 г., когда в результате нападения воздушных пиратов-исламистов были разрушены два небоскреба в Нью-Йорке и погибли тысячи людей. С этого момента администрация Буша была охвачена жадной мщени- ния всем странам, ранее причисленным к «врагам Америки», среди которых Ирак стоял на одном из первых мест, хотя и был абсолютно непричастен к событиям 11 сентября. Тем не менее, Буш и его правительство под надуманным (и так и не доказанным) предлогом наличия в Ираке ядерного, химического и биологического оружия организовали 20 марта 2003 г. вторжение в Ирак ан-гло-американского корпуса, к которому примкнули отдельные подразделения некоторых государств, хотя официально ни ООН, ни НАТО в этом не участвовали.

Подавляющее превосходство союзников позволило им примерно за месяц оккупировать Ирак. Страна снова подверглась разрушению, а население понесло тяжелые потери. Однако вскоре началось то, чего никто не ждал: иракцы, уклонившиеся от «правильной» войны с регулярной армией союзников, стали вести против них довольно успешную партизанскую войну. Конечно, наиболее пострадавшие от Саддама иракцы были рады свержению диктатора, который, скрываясь около года, пытался вести антиамериканскую пропаганду в «пиратских» передачах радио и телевидения, пока не был пойман. Но были и такие, кто совсем этому не радовался или предпочел бы избавиться от Саддама без иностранной оккупации. Американцев встретили не как освободителей, а как агрессоров, тем более что никаких «улик», вроде тайных складов запрещенного вооружения, в стране обнаружено не было. Мир, стабильность и демократия, обещанные Бушем, так и не наступили. Наоборот, страну захлестнула волна насилия и кровопролития. Ежедневно в Ираке гибли американцы и их союзники, а также служащие создававшейся ими администрации и полиции, которых иракцы считали прислужниками оккупантов. Созданный властями США Временный управляющий совет, во многом – из бывших антисаддамовских эмигрантов, также не пользовался авторитетом, ибо воспринимался как марионеточный орган. Некоторые его члены были убиты партизанами.

Оккупация развязала, особенно в первые месяцы, хаос, анархию, грабежи (в том числе министерств и музеев), но затем политическая ситуация определилась. Конечно, неизбежные трения между арабами и курдами, суннитами и шиитами, прочими об-

щинами страны кое-где выступили на первый план. Но основной водораздел прошел между всеми иракцами, с одной стороны, и оккупантами – с другой. Боевые операции с самого начала шли между этими двумя сторонами. И объяснялось это не только грубым проявлением военной экспансии колониалистского характера со стороны США, не позаботившихся даже о международно-правовом обеспечении своей операции, но также полной неподготовленностью американцев к управлению Ираком, непониманием ими его реальных, многочисленных и многообразных проблем, отсутствием у администрации США какого-либо продуманного плана действий после оккупации.

Более того, агрессия США в Ираке резко ухудшила положение в арабском мире и мире ислама. Режим Саддама при всех своих пороках и преступлениях был все же светским, исключавшим религию из политики. При Саддаме ни один исламист (как и всякий иной инакомыслящий) не смел поднять головы в Ираке, тем более – использовать его как пристанище и базу действий. Но США, уничтожив режим Саддама, разрушили этот барьер на пути исламистов. В результате всемирная организация «Аль-Каида» и ее филиалы, судя по всему, перебросили в Ирак тысячи своих боевиков-фанатиков, для которых вторжение США в Ирак – новое поражение арабов, новое унижение мира ислама, допустившего подобное, еще один акт тысячелетней экспансии христиан Запада на мусульманский Восток, дабы лишить его веры, обычаев, независимости, своей культуры, своего образа жизни и своих богатств, прежде всего нефти. Недаром почти все акции экономического саботажа партизан были связаны с препятствованием добыче нефти.

Положение в Ираке к середине 2004 г. сложилось крайне трудное. Даже если будет прекращена оккупация и у власти снова встанут иракцы, общество, которым они смогут (если смогут) управлять, будет уже другим. Пережившее мучительный кризис и шок от столкновения с мощнейшей военной державой мира, оно должно будет пройти почти одновременно процессы и экономического возрождения, и социальной перестройки. Как это будет происходить в полиэтничном и поликонфессиональном, полутрадиционном и многоукладном Ираке, сказать трудно. Тем более невозможно предвидеть, какие это даст политические результаты, к каким социокультурным и, возможно, цивилизационным переменам приведет.

Старина и новь в жизни арабов XXI в. За последние годы много написано о том, что у арабов нет другой альтернативы, как жить по законам «универсальным для всего мирового экономического пространства». Очевидно, так действительно будет. Но только тогда, когда сами эти законы окончательно определятся или как-то адаптируются к реальности и станут действительно универсальными, причем не для одного континента или группы стран, а для всего мирового пространства. Опыт показывает, что никакая самая великая держава в одиночку или с кучкой сателлитов не в состоянии справиться с этой задачей. Так что, вполне возможно, выработка и обкатка этих законов происходит у нас на глазах.

Пока что социальные процессы в арабских странах довольно сходны: пауперизация деревни, сверхурбанизация и гипертрофия городских низов, все увеличивающаяся поляризация богатства и нищеты, слабое развитие средних и промежуточных слоев, прогрессирующая неспособность сельских пришельцев интегрироваться в городскую экономику. В Египте примерно 2/3 их числа не находят себе места в городе, в Сирии – 1/3, в Ливане – 1/2. В то же время те, кто прижился в городе, в основном пополняют торговлю и сферу услуг, в которой занято было в 70–80-е годы 62% самодельного населения Ливана, 60% – Саудовской Аравии, 66% – Иордании.

Заметные изменения в материальном положении, условиях найма, труда и оплаты различных групп населения и, следовательно, в их психологии и политических настроениях создала межарабская миграция, главным образом из бедных стран - «доноров» в богатые нефтью страны - «реципиенты». В 1976 г. в Саудовской Аравии, Кувейте и других странах Персидского залива работали 1,5 млн. египтян, а в 1983 г. – от 2,5 млн. до 3,5 млн. египтян, т.е. 25% экономически активного населения Египта. Там же в 1982–1983 гг. трудились 250–300 тыс. ливанцев (30–35% самодельных жителей Ливана), 200–300 тыс. сирийцев (8–12%), 305 тыс. палестинцев и иорданцев (25–30%). Во многих случаях они составляли (вместе с другими иностранцами) свыше 3/4 экономически активного населения стран-«реципиентов». Все это создало некоторое перераспределение средств и рост мелкого и среднего предпринимательства в странах-«донорах» после возвращения мигрантов.

Арабский мир переживает переломный этап в своей истории, который примечателен неравномерным и негармоничным эконо-

мическим ростом, дальнейшей дифференциацией положения различных групп, классов и целых государств, противоречивым и разнопотоковым, анклавным развитием капитализма, сравнительно медленным осовремениванием социальных структур, культуры, технологии и духовного мира человека. Но стагнации нет. Есть многовариантное, с зигзагами и задержками, но все же неуклонное движение к обновлению, к хозяйственной модернизации, социальному прогрессу и демократизации.

В этом контексте правомернее ставить вопрос не о «неизбежности» глобализации как некоего бедствия, как она подчас и воспринимается, а о ее особенностях как живого процесса, неизбежно гибко реагирующего на все препятствия своему развитию. «Арабские страны в своем большинстве остаются за пределами современного научно-технического сдвига, – пишет А.О. Филоник, – усвоив только отдельные его составляющие и лишь в той мере, в какой это позволяют их научно-технические возможности и уровень компетенции национальных научных кадров со всеми вытекающими последствиями для качества процессов развития». Это – горькая правда, во многом обрекающая арабов обречься на обочине магистральной линии мирового развития и оставляющая им не так уж много шансов даже для «простого выживания в качественно новых условиях, навязываемых мировой динамикой глобализации». Тем не менее, опыт показывает, что арабские страны при всех переживаемых ими трудностях остаются активными участниками мирового развития, периодически оказываясь в фокусе особого внимания международного общественного мнения, как это происходит с Палестиной, Ираком, Алжиром, Египтом или Сирией.

Дело заключается в том, что, помимо чисто экономических, технологических, научно-технических и иных аспектов глобализации, существуют и другие – политические, идеологические, культурные, военные. Неурегулированность ближневосточного конфликта и нерешенность палестинского вопроса уже более полвека отравляет отношения арабов не только с Израилем, но и со всем Западом, прежде всего с США. Арабы – не против рыночных отношений и связей с богатыми государствами Западной Европы и Северной Америки. Об этом говорит полная и достаточно эффективная включенность в эти мирохозяйственные связи и отношения практически всех нефтедобывающих стран арабского мира – от Алжира до государств Персидского залива. Несколько

иначе обстоит дело со странами, не обладающими нефтяными доходами, но пользующимися определенными преимуществами ввиду в целом прозападной позиции их правительств, стратегически выгодного положения и исторических традиций разнообразного сотрудничества с Западом. Таковы Марокко, Тунис, Египет, Ливан, Иордания. Им часто идут навстречу, содействуя ускорению развития определенных отраслей экономики, списывая им часть задолженности и вообще «входя в их положение». И, разумеется, существуют страны-изгои, которых откровенно третируют, вроде Палестины с 1948 г., Ирака с 1990 г., а в недавнем прошлом – Ливана в 1982–1984 гг. или Ливии в 1990–2001 гг., а также Йемена и Судана.

Ввиду этого речи быть не может о «нормальной» интеграции всех арабских стран в мировое сообщество на одинаковых условиях и с одинаковыми последствиями. Для этого как минимум нужно достичь ближневосточного урегулирования и удовлетворения законных прав арабов Палестины, а также прекратить оккупацию Ирака, как и другие виды вмешательства во внутренние дела арабов. Поскольку все это в ближайшее время вряд ли достижимо, то глобализация в арабском мире, судя по всему, будет происходить неравномерно, анклавно, с разными результатами.

Нельзя сказать, что арабские страны не пытаются адаптироваться к уже идущим процессам глобализации. Об этом говорит повышение доли частного сектора в ВВП Сирии до 40% в 2000 г., дальнейший прогресс приватизации промышленности и сельского хозяйства в Алжире, формирование в Тунисе и Марокко множества смешанных предприятий с участием национального капитала и предпринимателей США, Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Италии, создание межарабских политико-экономических комплексов по типу ЕС – Союза Арабского Магриба (САМ) в составе Алжира, Марокко, Туниса, Ливии и Мавритании; Совета арабского сотрудничества (САС) в составе Египта, Иордании, Йемена и позднее к ним примкнувшего Кувейта; Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Все эти структуры, однако, малоэффективны. Гораздо больше практических результатов арабские страны получали в рамках евро-средиземноморского диалога, определенного Барселонским соглашением 1995 г., в рамках которого Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Ливан, Сирия, Иордания получили значительную финансовую, техническую и кадровую помощь в реализации совместных

проектов в сферах образования, культуры, урбанизации и внедрения новейших технологий.

Разумеется, все это – лишь первые шаги, которые только подготавливают будущую интеграцию арабов в мирохозяйственные связи самого высокого уровня. Пока что трудно предсказать, как это произойдет. Но показательны сами по себе наметившиеся тенденции к созданию особых межарабских объединений (пусть пока еще неэффективных), к предпочтению интеграционного сближения с Европой, а не с США, в сущности определяющими в качестве первой державы мира характер и направление глобализации.

Очевидно, сейчас уже можно поставить вопрос о том, что исламо-экстремизм в арабском мире, рожденный многими причинами, прежде всего – социального и внутривосточного порядка, был спровоцирован и стимулирован тем характером, который придали глобализации США. Завороженные однополюсным характером мира после 1991 г., да и раньше, например, в 80-е годы, они сочли возможным при отстаивании своих экономических, стратегических, геополитических и иных интересов не считаться ни с интересами других народов, ни с положениями международного права. Вторгаясь в Афганистан и Ирак, подвергая бомбардировкам Ливию, Судан и Йемен, угрожая Сирии и Ирану, вмешиваясь в дела Алжира и Ливана, США, даже особенно не задумываясь об этом, невольно играли на руку пропаганде исламских фундаменталистов в арабском мире, рассматривавшим все эти акции американцев как часть политики глобализации, направляемой исключительно в их интересах и представляющей собой всего лишь продолжение многовековой, еще с эпохи крестовых походов, военной, политической, религиозной, экономической и духовной экспансии Запада. Это, в сущности, и является главной причиной продолжающейся конфронтации, включающей в себя и палестино-израильское противостояние в Газе и на Западном берегу реки Иордан, и атаки «Хизб Аллах» с юга Ливана на север Израиля, и широкомасштабную партизанскую войну в Ираке, и военные акции в Алжире. Это же периодически выражается в выплескивании боевой активности арабских муджахидов и шахидов за пределы арабского мира – в Албанию, Косово, Македонию, Афганистан, Среднюю Азию, Юго-Восточную Азию и на Кавказ.

Конечно, арабы – уже не те, какими они были в эпоху арабских завоеваний, крестовых походов и даже освободительных ре-

волюций прошлого века. Модернизация и даже «вестернизация» сделали свое дело, во многом приблизив арабов к миру Запада, Европе и Америке. Но они все же продолжают оставаться носителями многих традиционных социокультурных ценностей, плохо понимаемых людьми Запада или вообще им неизвестных. Поэтому глобализация только тогда станет всеобъемлюща на земном шаре, когда она принесет всем народам не только закон господства сильного в «рыночных джунглях», но и взаимопонимание, взаимное уважение и согласие, способность решать спорные вопросы путем компромисса, а не ущемления интересов того, кто оказался слабее. Став сильнее на следующем этапе, он обязательно возьмет реванш, заложив основы для продолжения вражды.

Понимания этого пока что не наблюдается ни с той, ни с другой стороны. Исправлению этого положения, возможно, будет действовать все расширяющееся экономическое, техническое, культурное и в сфере образования сотрудничество арабских стран с государствами Европы. Имея значительные арабские диаспоры на своей территории и более длительный, чем США, опыт общения с арабами, европейцы имеют шанс внести хотя бы относительное успокоение в арабскую среду. Многое будет решаться тем, как сами европейцы поведут себя по мере нарастания глобализации и как ее в конечном счете примут в нынешней сугубо американской интерпретации.

История арабов насчитывает много веков. Ее опыт многому научил как самих арабов, так и другие народы, знакомые с их цивилизацией. Ныне, вступив в новый этап развития, арабы достаточно уверенно чувствуют себя в мире рыночных отношений, ибо за плечами у них – не одно тысячелетие культуры коммерции, особенно в бассейне Средиземноморья. Ради познания нового им вовсе не надо предавать забвению свои традиции. Мир многим обязан культуре арабов. Да им и сейчас есть что предложить миру, помимо своих природных богатств и нефтедолларовых инвестиций в экономику Европы и Америки. И, прежде всего, они могут научить мир своему удивительному тысячелетнему умению сочетать старину и новь, традиции и современность, на чем, собственно, и строится любая цивилизация, да и ее способность к развитию, без которого нет жизни.

ХРОНОЛОГИЯ

VIII в. до н.э. – IV. н.э.	Сабейское царство (Саба)
VI в. до н.э. – I в. до н.э.	Минейское царство (Маин)
III в. до н.э. – II в. н.э.	Набатейское царство
II в. до н.э. – VI в. н.э.	Химьяритское царство
I–III в. н.э.	Царство Пальмира (Тадмор)
III в. н.э. – VII в. н.э.	Царство Лахмидов
V–VII в. н.э.	Царство Гассанидов
525–575 гг.	Господство эфиопов в Йемене
575–628 гг.	Господство Ирана в Йемене
570(?)–632 гг.	Жизнь и деятельность Мухаммеда
622 г.	Переселение (хиджра) Мухаммеда в Медину
630 г.	Подчинение Мекки Мухаммеду
632 г.	Смерть Мухаммеда
633 г.	Начало арабских завоеваний
634–640 гг.	Завоевание Палестины, Сирии и части Ирака
640–642 гг.	Завоевание Египта
645 г.	Арабы у границ Индии
651 г.	Завершение завоевания Ирана
656–661 гг.	Борьба за власть между Омейядами и халифом Али
658 г.	Покорение арабами Армении и Грузии
661 г.	Возникновение халифата Омейядов
680–697 гг.	Восстания в халифате шиитов и хариджитов
698 г.	Окончание завоевания Магриба
705–715 гг.	Завоевание Средней Азии
711–718 гг.	Завоевание Иберийского полуострова и образование Аль-Андалуса
721–760 гг.	Арабы в Галлии

737 г.	Завоевание севера Кавказа и исламизация хазар
742 г.	Фактическое отделение Магриба вследствие восстания берберов
750 г.	Гибель Омейядов на Востоке и начало правления Аббасидов
751 г.	Победа арабов над китайцами
756 г.	Отделение от халифата Кордовского эмирата
761–909 гг.	Хариджитский имамат Рустамидов в Тахерте
786–809 гг.	Правление Харуна ар-Рашида
789–926 гг.	Независимое шиитское государство Идрисидов в Магрибе
800–909 гг.	Эмират Аглабидов в Ифрикийе
806–965 гг.	Арабское владычество на Кипре
814–838 гг.	Восстания хурремитов, шиитов, коптов и цыган
825–961 гг.	Господство арабов на Крите
827–1091 гг.	Арабы на Сицилии
833–842 гг.	Учреждение гвардии гулямов при халифском дворе в Багдаде
868–905 гг.	Государство Тулунидов в Египте
869–883 гг.	Восстание зинджей
870–1229 гг.	Арабы на Мальте
890–906 гг.	Восстания карматов в Ираке, Бахрейне, Сирии и Аль-Хасе
910 г.	Образование халифата Фатимидов
929 г.	Учреждение халифата в Кордове
945 г.	Бувейхиды в Багдаде и лишение Аббасидов светской власти
969 г.	Завоевание Египта Фатимидами
981–1002 гг.	Правление Ибн Аби Амира аль-Мансура в Кордове
996–1021 гг.	Правление аль-Хакима в Каире и возникновение секты друзов
1055 г.	Вступление Сельджукидов в Багдад
70–е гг XI в.	Завоевание Сельджукидами Сирии
1009–1091 гг.	«Фитна» и «мулюк ат-тавайф» в Кордовском халифате

1052–1152 гг.	Нашествие бану хилаль и бану сулайм на страны Магриба
1061–1147 гг.	Альморавиды в Магрибе и Аль-Андалусе
1073–1094 гг.	Правление Бадра аль-Джамали в Египте
1096–1099 гг.	Первый крестовый поход и образование государств крестоносцев на Арабском Востоке
1132 г.	Восстановление светской власти Аббасидов
1144–1146 гг.	Падение графства Эдессы
1146–1269 гг.	Альмохады в Магрибе и Аль-Андалусе (до 1248 г)
1147–1149 гг.	Второй крестовый поход
1171–1193 гг.	Падение Фатимидов и правление Салах ад-Дина
1187 г.	Битва при Хиттине и отвоевание Палестины у крестоносцев
1189–1192 гг.	Третий крестовый поход
1191–1489 гг.	Королевство Лузиньянов на Кипре и в Палестине
1232–1492 гг.	Эмират Насридов в Гранаде
1235–1543 гг.	Правление Зайянидов в Алжире
1245–1260	Завоевания монголов в Ираке и Сирии
1250–1382	Мамлюки Бахриты в Египте и Сирии
1258 г.	Взятие Багдада монголами и гибель Аббасидского халифата
1260–1277 гг.	Правление султана Бейбарса в Египте и Сирии Изгнание монголов
1289–1291 гг.	Изгнание мамлюками крестоносцев с побережья Палестины и Ливана
1299–1303 гг.	Вторжение монголов в Сирию
1375 г.	Завоевание мамлюками Армянского Киликийского царства
1382–1517 гг.	Мамлюки Бурджиты в Египте и Сирии

1393–1401 гг.	Вторжения Тимура в Ирак и Сирию Разорение Багдада и Дамаска
1426 г.	Экспедиция мамлюков на Кипр и подчинение ими Кипрского королевства
1468–1496 гг.	Правление султана Каит-бея
1492 г.	Падение Гранадского эмирата
1497–1499 гг.	Военная и экономическая экспансия Португалии в Персидском заливе и на юге Аравии
1510 г.	Начало испано–османской борьбы за Магриб
1516–1517 гг.	Завоевание османами Сирии и Египта Признание вассальной зависимости от них Северного Ирака, Хиджаза, Йемена и Судана
1516–1544 гг.	Эмир Фахраддин I Маан в Ливане
1518–1520 гг.	Признание Алжиром и Западным Триполи зависимости от Порты
1534 г.	Захват османами Туниса
1535–1573 гг.	Испанский протекторат в Тунисе и борьба с османами
1538 г.	Присоединение Хадрамаута, Басры и Йемена к Османской империи
1546–1550 гг.	Присоединение Южного Ирака и Восточной Аравии к Османской империи
1551–1557 гг.	Присоединение к османам Западного Триполи и Северного Судана
1565 г.	Осада Мальты османами
1568–1570 гг.	Восстание морисков (принудительно крещеных мусульман) в Испании
1574 г.	Переход Туниса под власть османов
1578 г.	«Битва трех королей» при Аль-Ксар аль-Кебире и конец португальской экспансии в Марокко
1590–1639 гг.	Эмир Фахраддин II Маан в Ливане
1609–1614 гг.	Окончательное изгнание морисков из Испании и их расселение в арабских областях Османской империи

1612–1702 гг. 1635 г.	Династия беев Мурадидов в Тунисе Окончательное завоевание Ливана османами
1638 г.	Завершение завоевания Ирака османами
1659 г.	Воцарение династии шерифов Алауи в Марокко
1659–1671 гг. 1689 г.	Власть янычарских ага в Алжире Начало правления выборных деев в Алжире
1690–1701 гг.	Антиосманское восстание племен мунтафик в Ираке
1705–1957 гг. 1672–1727 гг.	Династия беев Хусейнидов в Тунисе Правление султана Мулая Исмаила в Марокко Перенос столицы в Мекнес, изгнание испанцев, португальцев и англичан с побережья страны
1697–1840 гг.	Правление эмиров Шехабов в Ливане
1711 г.	Изгнание османского паши из Алжира и введение полновластия деев
1711–1831 гг.	Правление династии Караманлы в Западном Триполи
1746–1798 гг.	Правление мамлюкских клик в Египте
1750–1775 гг.	Правление шейха Дахира в Палестине
1763–1773 гг.	Али–бей аль–Кебир, «султан Египта и обоих морей»
1780–1831 гг.	Правление пашей–кюлеменов в Ираке
1786 г.	Образование теократического ваххабитского государства Саудидов в Аравии
1798–1801 гг.	Экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет
1805–1849 гг.	Правление Мухаммеда Али в Египте
1830–1871 гг.	Завоевание Алжира Францией

1840–1870–е г.г.	Период Танзимата в странах Арабского Востока
1845 г, 1860 г.	Друзско–маронитская резня в Ливане
1843–1891 гг.	Борьба Саудидов и Рашидидов за гегемонию в Аравии
1857 г.	«Ахд аль–аман» бея Мухаммеда в Тунисе
1859–1869 гг.	Строительство Суэцкого канала в Египте
1860–1861 гг.	Французская военная экспедиция в Ливан
1861 г.	«Органический Статут Ливана»
1870–1872 гг.	Алжирская коммуна и восстание Мухаммеда Мукрани в Алжире
1878–1908 гг.	Режим «зулюма» султана Абдул–Хамида II в арабских провинциях Османской империи
1881 г.	Захват Францией Туниса
1882–1914 гг.	Восстание Ораби–паши и британская оккупация Египта
1882–1898 гг.	Движение махдистов в Судане
1891–1914 гг.	Движение младоалжирцев в Алжире
1902–1921 гг.	Восстановление ваххабитского государства Саудидов и крах Рашидидов
1905–1914 гг.	Движение младотунисцев в Тунисе
1907–1912 гг.	Захват Марокко Францией и Испанией
1911–1912 гг.	Захват Италией Триполитании и Киренаики в результате итало–османской войны
1914 г.	Установление протектората Англии над Египтом
1916 г.	Начало «восстания в пустыне», поднятого арабами против османов; секретное соглашение Сайкс–Пико о разделе Арабского Востока
1917 г.	Декларация Бальфура о провозглашении Палестины «национальным очагом еврейского народа»

- 1918 г. Изгнание турецких войск с арабских территорий в результате разгрома Османской империи
- 1918–1919 гг. Созыв Всеобщего арабского конгресса в Дамаске Образование в Египте делегации Саада Заглула – основы будущей партии Вафд
- 1919 гг. Реформы Клемансо в Алжире Оккупация французами Ливана
- 1920 г. Решение Совета Наций в Сан-Ремо о выдаче Англии мандата на управление Ираком и Палестиной, а Франции – на управление Сирией и Ливаном; провозглашение Фейсала королем Сирии в соответствии с первой конституцией Сирии Оккупация французами Сирии
- 1921 г. Сирийско-палестинский конгресс в Женеве; выделение Трансиордании в отдельный эмират во главе с Абдаллахом аль-Хашими; провозглашение Фейсала аль-Хашими королем Ирака; победа берберов Рифа (на севере Марокко) над испанцами под Анвалем
- 1922 г. Признание Англией Египта независимым и суверенным государством; обнародование «Требований суданской нации»; первый договор Англии с Ираком; восстание в Джебель-Друзе в Сирии; договор Англии с эмиратами Договорного Омана
- 1923 г. Начало наступления итальянцев в Ливии; провозглашение демократической конституции Египта
- 1924 г. Убийство Ли Стэка и ликвидация англо-египетского кондоминиума в Судане; создание в Судане «Лиги белого знамени»

- 1924–1931 гг. Партизанская война в Ливии под руководством Омара аль-Мухтара; утверждение конституции Иракского королевства; создание «Ливанской партии народа» (фактически – компартии); низложение короля Хиджаза Хусейна ибн Али и вступление на трон его сына Али
- 1925 г. Совместное выступление Франции и Испании против республики Риф в Марокко; включение Маана и Акабы в состав Трансиордании; включение Мосульского региона в состав Ирака; провозглашение Ибн Сауда королем Хиджаза
- 1925–1927 г. Национально-освободительная революция в Сирии
- 1926 г. Гибель республики Риф в Марокко; создание ассоциации «Североафриканская Звезда» алжирскими иммигрантами во Франции; утверждение Учредительным собранием республиканской конституции в Ливане; второй англо-иракский союзный договор; договор Йемена с Италией
- 1927 г. Избрание Мустафы Наххаса лидером Вафда после смерти Саада Заглула; договор о признании Ибн Саудом «особых отношений» Англии с Катаром; оформление Федерации туземных избранников в Алжире; конгресс в Брюсселе и создание Антиимпериалистической Лиги с участием делегатов Сирии, Ливана, Палестины и Алжира
- 1928 г. Оккупация Триполитании итальянцами; создание англичанами Арабского легиона в Трансиордании; договор Йемена с СССР

- 1929 г. Роспуск «Североафриканской Звезды» и ее уход в подполье в Алжире и во Франции; восстание арабов в Палестине
- 1930 г. Берберский дахир (указ) султана и его последствия в Марокко; введение новой конституции Сирии; англо–иракский договор о независимости Ирака и его «вечной дружбе» с Англией
- 1931 г. Поражение освободительного движения в Ливии и казнь Омара аль–Мухтара; создание Ассоциации улемов–реформаторов в Алжире; выборы в первый парламент Сирии; панисламский конгресс в Иерусалиме
- 1932 г. Вступление Ирака в Лигу наций; переименование королевства Хиджаза, Неджда и присоединенных областей в Саудовскую Аравию
- 1933 г. Легализация «Североафриканской Звезды» под новыми названиями; восстание арабов в Палестине; резня ассирийцев в Ираке
- 1934 г. Образование партии Новый Дустур в Тунисе; создание «Марокканского блока национального дела»
- 1936 г. Договор Египта с Англией «о дружбе и союзе»; восстановление англо–египетского кондоминиума в Судане; объединение национальных партий Алжира в Мусульманский конгресс; создание в испанской зоне Марокко Партии национальных реформ; восстановление политических свобод в Тунисе; участие марокканских полков («таборов мавров») в мятеже генерала Франко в Испании; выборы в парламент Сирии и заклю-

- чение франко—сирийского договора об отмене мандатного управления через 3 года; государственный переворот Бакра Сидки и правительство «социальных реформ» в Ираке
- 1936–1939 гг. Всеобщее восстание арабов Палестины
- 1937 г. Запрет «Североафриканской Звезды» и ее реорганизация в Партию алжирского народа; запрещение Марокканского блока и создание в Марокко «Национальной партии для осуществления требований»; запрет деятельности Высшего арабского комитета Палестины; убийство Бакра Сидки и падение «правительства реформ» в Ираке
- 1938 г. Распад Мусульманского конгресса в Алжире; подавление массового антиколониального движения в Тунисе и роспуск партии Новый Дустур; антифашистское восстание арабов испанской зоны Марокко; открытие первой нефти в Саудовской Аравии
- 1939 г. Запрещение национальных партий в Алжире и Тунисе; отказ Франции от договоров 1936 г о признании независимости Сирии и Ливана; «Белая книга» о британской политике в Палестине с обещанием независимости через 10 лет; провозглашение Фейсала II королем Ирака и разрыв отношений Ирака с Германией
- 1940 г. Вторжение итальянских войск на территорию Египта и их разгром; оккупация международной зоны Танжера войсками Испании; немецко—итальянские комиссии по перемирию в странах Магриба, Сирии и Ливане

- 1940–1942 гг. Военные действия войск Германии и Италии против британской армии (с участием арабских и еврейских формирований) на территории Египта и Ливии
- 1941 г. Соглашение Вейгана–Мэрфи об американских поставках в Магриб без их реэкспорта в Италию и Германию; переворот Рашида Али аль-Гайлани в Ираке и его подавление британской армией; участие Арабского легиона Трансиордании в военных действиях в Ираке; вступление войск Англии и «Свободной Франции» в Сирию и Ливан; признание «Свободной Францией» независимости Сирии и Ливана
- 1942 г. Разгром германо-итальянских войск под Эль-Аламейном и приход к власти в Египте партии Вафд; меморандум Генерального конгресса Судана о независимости страны; высадка в Марокко и Алжире англо-американского десанта и начало военных действий в Тунисе после итало-германской оккупации основной его части; официальное включение Танжера в испанскую зону управления Марокко
- 1943 г. Создание партии Аль-Ашикка (в дальнейшем Национал-юнионистской) в Судане; освобождение Ливии от итало-германских войск и начало англо-французской оккупации страны; Манифест алжирского народа и Проект реформ, представленные национальными силами Алжира Французскому комитету национального освобождения; капитуляция ита-

- ло-германских войск в Тунисе, свержение и высылка тунисского бея Мухаммеда аль-Мунсефа; конференция Рузвельта, Черчилля и де Голля в Касабланке и создание в Марокко партии Истикляль; начало помощи США Саудовской Аравии; парламентские выборы в Сирии и Ливане; создание партии "Аль-баас аль-арабий" (Арабское возрождение)
- 1943–1945 гг. Восстание курдских племен Ирака во главе с Мустафой Барзани
- 1944 г. Создание ассоциации «Друзья Манифеста и свободы» в Алжире; манифест партии «Истикляль» о независимости Марокко и репрессии французских властей; установление отношений Ирака, Сирии и Ливана с СССР; формирование в Адене йеменской оппозиции
- 1945 г. Создание Лиги арабских государств с резиденцией в Каире; создание партии «Аль-Умма» в Судане; кровавое подавление восстания в Алжире и роспуск ассоциации «Друзья Манифеста и свободы»; отъезд на Арабский Восток лидера тунисской партии Новый Дустур Хабиба Бургибы; встреча с де Голлем султана Марокко Мухаммеда Бен Юсуфа и его поездка по французской зоне оккупации Германии; конфликт Франции с Сирией и Ливаном, ставшими членами ООН; террор сионистов против англичан и арабов в Палестине; нота президента США правительству Англии с требованием допустить в Палестину 100 тыс евреев из Европы; встреча президента США Рузвельта с королем Ибн Саудом

1946 г.

Образование Национального комитета рабочих и учащихся в Египте; создание Суданского движения за национальное освобождение (компартии); проект автономии Алжира, оформление партий Демократический Союз Алжирского Манифеста и Движения за торжество демократических свобод; появление баз США в Саудовской Аравии; переименование эмирата Трансиордании в Хашимитское королевство Иорданию и признание Англией его независимости; завершение вывода иностранных войск из Сирии и Ливана

1947 г.

Мирный договор с Италией, предусматривающий прекращение колониального состояния Ливии; утверждение парламентом Франции Органического статута Алжира; создание в Каире Фронта защиты Северной Африки и бюро Арабского Магриба при Лиге Арабских государств; речь султана Марокко в Танжере в поддержку национальных требований марокканцев; выборы в Сирии и Ливане; провозглашение новой конституции Иордании; резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины и начало «необъявленной войны» между сионистами и арабскими националистами

1948 г.

Фальсификация выборов и наступление колониальной реакции в Алжире; создание в Каире Комитета освобождения Арабского Магриба во главе с вождем марокканских рифов эмиром Абд аль-Кримом аль-Хаттаби; провозглашение иорданского ко-

- роля Абдаллаха королем Палестины; отмена британского мандата на управление Палестиной; отказ правительства Ирака под нажимом снизу от договора о «совместной обороне» с Англией; убийство имама Яхьи в Йемене и приход к власти его сына Ахмеда
- 1948–1949 гг. Первая палестинская война арабских стран против Израиля с участием Египта, Иордании, Ирака, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии и Йемена
- 1949 г. Решение ООН о независимости Ливии; возвращение в Тунис Хабиба Бургибы и начало его политики «почетного компромисса» с Францией; военные перевороты Хусни аз-Заима, Сами Хинауи и Адиба Шишекли в Сирии; образование Прогрессивно-социалистической партии Ливана во главе с вождем друзей Кемалем Джумблатом; подписание Родосских соглашений о перемирии между Израилем и арабскими странами
- 1950 г. Объединение Иордании и Восточной Палестины в одно государство
- 1951 г. Денонсация Египтом договора 1936 г. с Англией и столкновения в зоне Суэцкого канала; расторжение англо-египетской конвенции 1899 г. о кондоминиуме в Судане; провозглашение независимости Ливии во главе с королем Идрисом ас-Сенуси; создание в Алжире Фронта защиты и уважения свободы; образование Марокканского национального фронта националистическими партиями Марокко; второй переворот

- 1952 г. Шишекли в Сирии; помощь Иордании и США Ливану по 4-му пункту «программы Трумэна»; убийство короля Иордании Абдаллаха
 Революция 23 июля в Египте и отмена конституции 1923 г с передачей власти руководству «Свободных офицеров»; арест Бургибы и всех лидеров Нового Дустура в Тунисе; запрет партии «Истикляль» и компартии в Марокко; объединение партии Баас и Арабской социалистической партии Сирии в Партию арабского социалистического возрождения (ПАСВ), имеющую организации по всему арабскому миру; низложение короля Иордании Талала и вступление на трон его сына Хусейна; образование эмирата Фуджайра
- 1952–1954 гг. Движение сопротивления в Тунисе
 1952–1958 гг. Президентство Камиля Шамуна в Ливане, максимально благоприятное для иностранного капитала и следования Ливана курсом «доктрины Эйзенхауэра»
- 1953 г. Провозглашение Египта республикой; англо-египетское соглашение о самоопределении Судана; свержение французами законного султана Марокко; кончина короля Ибн Сауда, вступление на трон его сына Сауда; образование Фронта национальных реформ в Саудовской Аравии
- 1953–1955 гг. Движение антиколониального сопротивления в Марокко; обсуждение в ООН вопросов о Тунисе и Марокко
- 1954 г. Первое национальное правительство Судана во главе с Исмаилом аль-Аз-

хари; возникновение Фронта национального освобождения (ФНО) в Алжире; провозглашение «внутренней автономии» Туниса; свержение диктатуры Шишекли в Сирии; создание Демократической Лиги Кувейта и Высшего исполкома в Бахрейне

1954–1956 гг.

Вывод британских войск из Египта

1954–1962 гг.

Национальная революция в Алжире, поддержка ее лидерами Туниса и Марокко, борьба во Франции между сторонниками и противниками «сохранения» Алжира

1955 г.

Эвакуация английских и египетских войск из Судана; образование национального правительства Туниса с участием партии Новый Дустир; возвращение в Марокко законного султана Мухаммеда Бен Юсуфа, объявившего об окончании режима протектората; договор об обороне Сирии, Египта и Саудовской Аравии; оформление Багдадского пакта (Ирак, Турция, Иран, Пакистан, Англия)

1956 г.

Тройственная (англо–франко–израильская) агрессия против Египта; выборы в Иордании и создание патриотического правительства Сулеймана ан–Набулси; образование организации «Свободные офицеры» в армии Ирака; провозглашение независимости Марокко, Туниса и Судана

1957 г.

Провозглашение республики и избрание Бургибы президентом в Тунисе; султан Марокко Мухаммед Бен Юсуф принял титул короля и стал называться Мухаммедом V; от-

пор давлению США и Турции на Сирию, заключившую соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве с СССР; присоединение Ливана к «доктрине Эйзенхауэра» и фальсификация Шамуном парламентских выборов; расторжение англо-иорданского договора 1948 г и вывод английских войск из Иордании; создание Фронта национального единства в Ираке; вступление Саудовской Аравии в Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития

1958 г.

Образование Объединенной Арабской Республики (ОАР) в составе Египта и Сирии; установление военной диктатуры генерала Аббуда в Судане; формирование в эмиграции Временного правительства Алжирской Республики во главе с Фархатом Аббасом; вывод французских войск из Туниса; установление дипломатических отношений Марокко и СССР; высадка американских войск и вооруженное восстание в Ливане против президента Шамуна, замена Шамуна генералом Фуадом Шехабом; антиимпериалистическая революция 14 июля в Ираке

1959 г.

Признание де Голлем прав Алжира на самоопределение; образование в Марокко берберской партии Народное движение и массовой левой партии Национальный Союз народных сил (НСНС); создание палестинской организации «Фатх»; выход Ирака из Багдадского пакта, подавление мятежа в Мосуле и заклю-

- чение советско–иракского соглашения о сотрудничестве
- 1960 г. Курс на «дустуровский социализм» в Тунисе; начало войны против курдов в Ираке
- 1961 г. «Социалистические декреты» Насера и выход Сирии из состава ОАР; образование в подполье организации «Свободные офицеры» в Йемене; провозглашение независимости Кувейта; «путч генералов» и террор «Организации секретной армии» (ОАС) в Алжире и во Франции; вооруженный конфликт Туниса и Франции из–за базы в Бизете; кончина Мухаммеда V и вступление на трон Хасана II в Марокко
- 1962 г. Прекращение войны в Алжире и образование Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР); Национальная Хартия ОАР утверждена в Египте; возникновение Судано–африканского национального союза (САНУ); принятие первой конституции Марокко; «режим отделения» в Сирии и попытки военных его свергнуть; ухудшение здоровья короля Сауда и его фактическая замена его братом Фейсалом; смерть короля Ахмеда, вступление на трон Мухаммеда аль–Бадра, антимонархическая революция и провозглашение Йеменской Арабской Республики
- 1962–1970 гг. Гражданская война в Йемене при участии ОАР и Саудовской Аравии
- 1963 г. Начало борьбы с сепаратизмом на юге Судана; декреты о самоуправлении, первая конституция АНДР и избрание первым ее президентом Ах-

меда Бен Беллы; реорганизация ФНО в правящую партию Алжира; вооруженный конфликт Марокко с Алжиром; «революция 8 марта» и приход ПАСВ к власти в Сирии; свержение диктатуры Касема и репрессии против его сторонников в Ираке, отстранение баасистов и захват власти полковником Абдас-Салямом Арефом

1964 г

Свержение военной диктатуры и введение гражданской конституции в Судане; создание организации «Свободные офицеры-юнионисты-социалисты» в Ливии; разгром военных мятежей Шаабани и Айт Ахмеда в Алжире; переименование Нового Дустура в Тунисе в Социалистическую дустуровскую партию (СДП); создание Демократической социалистической партии в Марокко; новая конституция и национализация нефтересурсов в Сирии; Первый палестинский конгресс в Иерусалиме и создание Организации освобождения Палестины (ООП); новая конституция Ирака и образование единого с ОАР президентского совета; новая конституция ЙАР и созыв конференции по примирению республиканцев и монархистов Северного Йемена; начало партизанской борьбы в Адене и создание Организации освобождения оккупированного юга (ОЛОС) Аравии

1965 г

Декреты о национализации промышленности Сирии и Этапная программа сирийского руководства ПАСВ; создание Фронта патриоти-

ческих и прогрессивных партий Ливана; начало партизанских действий палестинских фидаев против Израиля; соглашение президента ОАР Насера и короля Саудовской Аравии Фейсала в Джидде о прекращении военных действий в Йемене; выступление Фронта национального освобождения Бахрейна против эмира Бахрейна; создание Фронта освобождения Дофара, руководящего партизанской борьбой на юго-западе Омана; возобновление гражданской войны на юге Судана под эгидой Фронта освобождения Азании; государственный переворот 19 июня в Алжире, отстранение президента Бен Беллы и замена его Революционным советом во главе с Хуари Бумедьеном; разрыв отношений между Тунисом и ОАР в связи с предложениями Бургибы по мирному решению палестинской проблемы; репрессии в Марокко и гибель похищенного марокканскими спецслужбами лидера оппозиции Мехди Бен Барки, жившего в Париже

1966 г.

«Движение 23 февраля» и приход к власти революционно-демократического крыла ПАСВ в Сирии; замена погибшего в авиакатастрофе Абд ас-Саляма Арефа его братом Абд ар-Рахманом Арефом и программа мирного урегулирования курдской проблемы в Ираке; эвакуация египетских войск из ЙАР; создание в подполье Партии социалистического авангарда (марксистской) в Алжире; конференция Организации экономи-

- 1967 г. ческого сообщества стран Азии и Африки в Марокко и визит короля Хасана II в СССР
Создание Арабского Социалистического Союза (АСС) в ОАР и поражение ОАР, Иордании и Сирии в июньской «шестидневной войне»; попытка военного переворота Тахара Збирри в Алжире; визит короля Иордании Хусейна в СССР; начало Палестинского движения сопротивления (ПДС) израильской оккупации на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, уход Ахмеда Шукейри с поста председателя ООП и создание Народного фронта освобождения Палестины (НФОП); правительство «военного спасения» Ирака во главе с Тахаром Яхьей; провозглашение Народной Республики Южного Йемена (НРЮЙ); перевод командования вооруженными силами Великобритании на Ближнем Востоке из Адена в Шарджу и на Бахрейн
- 1968 г. Начало налетов авиации Израиля на Ливан; первые столкновения ПДС с армией Иордании; революционный переворот в Ираке и приход к власти ПАСВ; поражение монархистов в ЙАР; вывод английских войск из Омана и создание Федерации арабских эмиратов; национализация собственности иностранного капитала в Алжире; оформление Партии освобождения и социализма (марксистской) в Марокко
- 1969 г. «Революция 25 мая» в Судане и провозглашение Демократической Республики Судан; антимонархическая

1970 г.	<p>революция 1 сентября в Ливии, низложение короля Идриса и провозглашение Ливийской Арабской Республики; отставка Ахмеда Бен Салаха и конец курса на «дустуровский социализм» в Тунисе; столкновения ПДС и ливанской армии; избрание Ясира Арафата председателем исполкома ООП; «оздоровительное движение» и общий сдвиг влево в НРЮЙ</p>
1970–1980 гг.	<p>Смерть Гамалья Абдель Насера и избрание президентом Анвара Садата; соглашение об экономической интеграции Египта, Судана и Ливии; национализация иностранных компаний в Судане; вывод английских войск из Ливии и соглашение о создании Федерации арабских республик; Хартия аграрной революции в Алжире; выборы и референдум по второй конституции Марокко; «исправительное движение» 16 ноября и приход к власти в Сирии Хафеза Асада; избрание Сулеймана Франжье президентом Ливана; столкновения ПДС с армией Иордании («черный сентябрь»); окончательное примирение монархистов и республиканцев в ЙАР; переименование НРЮЙ в Народную Демократическую республику Йемен (НДРЙ)</p>
1970–1973 гг.	<p>«Десятилетие Нуиры» и курс на развитие частного предпринимательства в Тунисе</p>
1971 г.	<p>Массовые антиколониальные выступления в Западной Сахаре и создание фронта ПОЛИСАРИО</p> <p>Утверждение новой конституции Арабской Республики Египет (АРЕ)</p>

и отъезд из АРЕ советских экспертов и советников; попытка переворота и контрпереворот Джафара Нимейри в Судане; национализация нефтегазовой промышленности и Хартия социалистического управления предприятиями в Алжире; покушение на жизнь Хасана II в Схирате; уход ПДС из Иордании; провозглашение независимости Катара и Бахрейна; создание государства Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

1972 г.

Политика инфитаха («открытых дверей») в АРЕ; учреждение Суданского Социалистического Союза (ССС) в Судане; создание Арабского социалистического союза (АСС) в Ливии; второе покушение на жизнь короля и референдум о третьей конституции Марокко; избрание Хафеза Асада президентом Сирии и создание Прогрессивного Национального Фронта (ПНФ) из всех партий и организаций страны (кроме исламистов); создание в Ливане Арабского фронта содействия палестинской революции; план короля Иордании по созданию Объединенного арабского королевства в составе Иордании и палестинских земель; национализация нефти в Ираке; военный конфликт ЙАР и НДРЙ

1973 г.

Война АРЕ и Сирии с Израилем; «марш на Каир» главы ЛАР Каддафи во имя реализации арабского единства; закон о «марокканизации» (передаче марокканцам до 50% акций иностранных предприятий) в торговле и промышленности Марокко;

конференция неприсоединившихся стран в Алжире; новый конфликт ПДС с армией Ливана; создание Палестинского национального фронта на оккупированных территориях; признание ООП единственным законным представителем палестинского народа на арабском «совещании в верхах» в Алжире; создание Прогрессивного национально-патриотического фронта в результате соглашения ПАСВ и компартии Ирака; эмбарго на экспорт нефти в США и другие страны – «пособники Израиля» по инициативе Саудовской Аравии; выборы на Бахрейне; подавление султаном Омана народного движения в Дофаре с помощью Ирана и Иордании

1974 г

Законы о практике «инфитаха» в Египте и первые соглашения АРЕ с Израилем о разъединении войск на Синайском полуострове; национализация последних иностранных компаний в Алжире; соглашение об объединении Туниса с Ливией; Общеарабское совещание в верхах в Рабате и создание Социалистического союза народных сил (ССНС) в Марокко; создание имамом Мусой Садром шиитского «Движения обездоленных» в Ливане, впоследствии преобразованного в движение «Амаль»; признание Генеральной Ассамблеей ООН национальных прав арабов Палестины и предоставление ООП статуса наблюдателя в ООН; закон об автономии Курдистана и возобновление военных дейст-

вий против курдов в Ираке; создание Народного фронта освобождения Омана; переименование южной-менской ПАСВ в Партию народного авангарда; предоставление США баз ВВС и ВМС в Омане

1975 г.

Второе соглашение по Синаю между АРЕ и Израилем; визит в Ливию главы правительства СССР АН Косыгина; конференция стран-членов ОПЕК в Алжире; провозглашение Хабиба Бургибы пожизненным президентом Туниса; признание ООН права Западной Сахары на самоопределение и «зеленый марш» 300 тыс марокканцев в Западную Сахару; начало вооруженного конфликта правохристианской партии «Катаиб» с ПДС и поддержка ПДС национально-патриотическими силами Ливана; активность палестинцев на оккупированных Израилем территориях; прекращение войны в Иракском Курдистане; создание в подполье компартии Саудовской Аравии, убийство короля Фейсала и вступление на престол Саудовской Аравии короля Халида; национализация нефти в Кувейте

1976 г.

Переход управления Западной Сахарой к Марокко и Мавритании; военные действия в Ливане и переход части ливанской армии на сторону ПДС и национально-патриотических сил, вмешательство Сирии и решения общеарабских форумов в Эр-Рияде и Каире о прекращении огня в Ливане; прием ООП в Лигу арабских государств; «День защиты

земли» арабов Израиля; победа палестинских патриотов на муниципальных выборах на Западном берегу реки Иордан; национализация иностранных нефтяных компаний в Катаре; денонсация АРЕ договора о дружбе и сотрудничестве с СССР; первый 5-летний план развития Ливии, создание Всеобщего народного конгресса (ВНК) как высшего органа власти и визит Каддафи в СССР; утверждение Национальной Хартии и новой конституции Алжира, избрание Х Бумедьена президентом АНДР

1976–1988 гг.

Военные действия в Западной Сахаре при участии армии Марокко и фронта ПОЛИСАРИО

1977 г.

Массовые выступления в январе жителей АРЕ против рекомендаций МВФ и МБРР, поездка Садата в Израиль; по решению ВНК Ливии страна приняла название Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия (СНЛАД); создание Национального фронта стойкости и противодействия (НФСП) в составе Алжира, Сирии, Ливии, НДРЙ и ООП; выборы в Национальное народное собрание АНДР (впервые – по принципу 3 кандидатов на одно место депутата); выборы в парламент Марокко и получение страной помощи Франции; мирное соглашение Мавритании с фронтом ПОЛИСАРИО и ее уход из Западной Сахары; убийство лидера патриотов Ливана председателя Прогрессивно-социалистической партии Кама-

ля Джумבלата, которого заменил его сын Валид

1978 г.

Образование партии Новый Вафд в АРЕ; помощь Судана военному режиму Сомали и сепаратистам Эритреи в борьбе против Эфиопии; реорганизация правящей партии и смерть президента Бумедьена в АНДР; подавление в Тунисе выступлений оппозиции против рекомендаций МВФ и МБРР («черный четверг»); решение о создании Королевского института берберской культуры в Марокко; визит в СССР премьер-министра Марокко Ахмеда Османа и соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве СССР с Марокко; столкновения сирийских войск с правохристианскими формированиями, вмешательство Израиля и создание им марионеточной «армии Юга Ливана»; участие ПДС в боях на юге Ливана; разрыв режима ПАСВ в Ираке (с 1974 г фактически возглавляемого Саддамом Хусейном) с компартией; избрание президентом ЙАР Али Абдаллаха Салеха и разрыв отношений с НДРЙ; подавление попытки государственного переворота Али Салеха Рубейя и образование Йеменской социалистической партии в НДРЙ

1979 г.

Соглашения Садата–Бегина–Картера в Кэмп–Дэвиде; избрание Шадли Бенджадида президентом АНДР и генеральным секретарем партии ФНО; перевод в Тунис из Каира штаб-квартиры ЛАГ вследствие бойкота, объявленного большинст-

вом арабов Садату за его произраильскую позицию и заключение мирного договора с Израилем; избрание короля Марокко председателем Комитета по Иерусалиму; создание на юге Ливана марионеточного «государства свободный Ливан»; отставка президента Ирака Хасана аль-Бакра (фактически давно отстраненного), официальная замена его Саддамом Хусейном и ухудшение отношений Ирака и Сирии; антиправительственный мятеж под лозунгами исламского фундаментализма в Саудовской Аравии под руководством Джухаймана аль-Утайбы; создание Партии народного единства в ЙАР и примирение с НДРЙ

1979–1991 гг.

Деятельность в Тунисе и за его пределами исламистского Движения исламского направления

1980 г.

Заявление об объединении Сирии и Ливии в целях укрепления экономического и политического сотрудничества; казнь лидера шиитов Ирака МБакра ас-Садра; междоусобицы в правохристианском лагере Ливана; специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу; формирование демократической оппозиции и выборы в Законодательный совет Курдского автономного района в Ираке; начало войны Ирака с Ираном; подавление мятежа анархо-экстремистов в Гафсе (Тунис) и смена Хеди Нуиры на посту генсека СДП и премьер-министра Мухаммедом Мзали; казнь 500 исламистов в Сирии после покушения на

1981 г.

президента; создание Высшего совета улемов и частичный пересмотр конституции Марокко; национализация нефти в Саудовской Аравии
Убийство президента АРЕ Садата и избрание на его место Хусни Мубарака; напряженность в Судане, разрыв Нимейри с ООП и Ливией, вторжение суданских войск в Чад; второй пятилетний план развития в Ливии; победа СДП на выборах в Тунисе; всеобщая забастовка в Марокко и 12-е общеарабское совещание в верхах в Фесе; стычки ПДС с израильтянами на юге Ливана; визит короля Иордании Хусейна в СССР; создание Генерального консультативного совета в Омане; бомбардировка израильскими ВВС атомного центра в Багдаде; создание Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); активизация Исламского Фронта в ЙАР и визит президента Салеха в СССР, введение в ЙАР выборов в ВНК по примеру Ливии; попытка государственного переворота в Бахрейне

1982 г.

Завершение вывода израильских войск с Синайского полуострова; конференция 16 стран Средиземноморья в Алжире; перевод в Тунис штаб-квартиры ООП из Бейрута; провозглашение Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) и ее вступление в Организацию африканского единства; агрессия Израиля против Ливана, осада Бейрута и вывод сил ПДС из Ливана; избрание президентом Ливана лиде-

1983 г.

ра «Катаиб» Башира Жмайеля и его гибель при взрыве штаб-квартиры «Катаиб», массовая расправа право-христианских экстремистов с палестинскими беженцами в лагерях Сабра и Шатила; избрание президентом Ливана Амина Жмайеля, ввод в страну войск США, Англии, Франции и Италии; гибель 25 тыс чел в ходе подавления мятежа исламистов в Хаме (Сирия); начало диалога ПДС с властями Иордании; смерть короля Саудовской Аравии Халида и вступление на трон наследного принца Фахда; маневры войск США на территории Омана

Создание Фронта национального спасения Ливана, бои в горных районах и начало вывода войск Израиля из Ливана по соглашению от 17 мая; взрывы штабов американских и французских войск в Ливане; межпалестинские столкновения в Триполи (на севере Ливана) и сессия Национального совета Палестины в Алжире; переговоры правительства Ирака с Национальным союзом Курдистана; введение исламского законодательства в Судане и создание Народно-освободительной армии Судана; визит Каддафи в СССР и заключение договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ливией; легализация Движения демократов-социалистов и Движения народного единства в Тунисе; встреча короля Марокко и президента Алжира в целях преодоления разногласий и объединения стран Магриба

1984 г.

Восстановление позиций АРЕ в арабском мире и Организации Исламская конференция; введение исламских налогов и переход с григорианского летосчисления на лунный календарь хиджры в Судане; лозунг «Прогресс и благосостояние» и курс на привлечение «национального неэксплуататорского капитала», на приватизацию самоуправляемых хозяйств и кооперативов в Алжире; «хлебные бунты» и демонстрации протеста против рекомендаций МВФ и МБРР в Тунисе и Марокко; переход Бейрута под контроль социалистов Джумבלата и шиитов из «Амаль», вывод из Ливана войск западных держав и аннулирование Ливаном соглашения с Израилем от 17 мая 1983 г; сессия Национального совета Палестины в Аммане и переизбрание Арафата лидером ООП; восстановление дипломатических отношений Ирака с США; военный конфликт Саудовской Аравии с Ираном; создание в ЙАР организаций ВНК на местах; призыв главы ОАЭ к США проводить на Ближнем Востоке «разностороннюю и нейтральную политику»; военные маневры в Омане

1985 г.

Референдум о переизбрании Хафеза Асада президентом Сирии; переговоры Ливана с Израилем в Накуре; соглашение Иордании с ООП «О рамках совместных действий»; создание Палестинского фронта национального спасения; восстановление отношений Ирака с Египтом; ут-

верждение 3-го пятилетнего плана развития НДРЙ; запрещение организации «Братьев-мусульман» и свержение диктатуры Нимейри в Судане; новая редакция Национальной Хартии АНДР; разрыв отношений Туниса с Ливией и нападение Израиля на штаб-квартиру ООП в Тунисе

1986 г.

Выборы в Учредительное собрание Судана и переговоры главы коалиционного правительства Садыка аль-Махди с лидером повстанцев Юга Джоном Гарангом; бомбардировка американскими ВВС городов и объектов Ливии; резкое ослабление НДРЙ вследствие вооруженного мятежа и гибели части руководства республики; визит президента АНДР Шадли Бенджадида в СССР и организованные исламистами беспорядки на востоке Алжира; отставка Мухаммеда Мзали и замена его на постах премьер-министра Туниса и генсека СДП Рашидом Сфаром, отказ оппозиции от участия в парламентских выборах в условиях пожизненной личной власти Бургибы; визит в Марокко премьер-министра Израиля Шимона Переса, разрыв ливийско-марокканских отношений и отказ короля Хасана II от председательства в комитете по Иерусалиму; возникновение «Движения исламского сопротивления» (ХАМАС) на оккупированных палестинских территориях

1987 г.

Расширение театра военных действий на юге Судана; прекращение Ливией военных действий против Чада;

визит в СССР делегации АНДР во главе с М-Ш Мессадией; государственный переворот («революция жасминов») 7 ноября в Тунисе и замена Бургибы на посту президента Зин аль-Абидином Бен Али; приватизация экспорта в Марокко; визит президента Сирии Хафеза Асада в СССР; арабское совещание в верхах в Аммане; начало интифады (движения сопротивления более 1 млн чел гражданского населения) на оккупированных Израилем палестинских территориях; выборы в Египте с 8-процентным барьером для партий оппозиции и превращение Социалистической партии труда в Исламскую партию труда

1988 г.

Преобразование СДП в Демократическое конституционное объединение (ДКО) и договор всех партий Туниса о сотрудничестве и отказе от «антиправительственной деятельности»; дело «Локерби» (о взрыве над Шотландией американского самолета при участии спецслужб Ливии); убийство израильскими командос ряда руководителей ООП в Тунисе; встреча глав государств Магриба в Алжире; помощь ЕЭС Алжиру, Египту, Тунису, Иордании и Ливану; массовые беспорядки в городах Алжира в октябре с гибелью 1 тыс чел и арестом 10 тыс чел; завершение войны Ирака с Ираном

1988–1989 гг.

Репрессии в иракском Курдистане

1989 г.

Утверждение новой конституции и многопартийности в Алжире; всеобщие парламентские и президентские

выборы в Тунисе, все места завоевало ДКО, президентом избран Бен Али; военный переворот в Судане, отмена временной конституции, роспуск всех партий и приход к власти Совета революционного командования во главе с генералом Омаром аль-Баширом; создание союза Арабского Магриба (САМ) на встрече в Марракеше; соглашения в Таифе и Касабланке о мирном урегулировании в Ливане

1990 г.

Объединение ЙАР и НДРЙ; оккупация Ираком Кувейта и объявление его «провинцией» Ирака; осуждение действий Ирака большинством арабских государств, но поддержка Ираку со стороны ООП; за время интифады погибло 1100 и ранено 57 тыс палестинцев; совещание в Тунисе президентского совета САМ и заключение соглашений по экономической интеграции между Алжиром, Марокко, Тунисом и Ливией; победа исламистов на муниципальных выборах в Алжире; возвращение в Каир учреждений Лиги арабских государств

1991 г.

Война в Персидском заливе и поражение Ирака; освобождение Кувейта от иракской оккупации войсками США при участии Сирии и Саудовской Аравии; конец гражданской войны в Ливане; в Тунисе раскрыто исламистское подполье и арестовано до 300 экстремистов; рост политической напряженности и первые вооруженные стычки в Алжире, победа исламистов в первом туре парла-

ментских выборов; восстание шиитов на юге Ирака и курдов на севере с последующим их жестоким подавлением

1992 г.

Приход к власти в Ливане правительства Рафика аль-Харири; создание парламента на Бахрейне; государственный переворот в Алжире: отставка президента Шадли Бенджадида, отмена второго тура выборов в парламент, создание Высшего государственного совета (ВГС) и начало гражданской войны; запрет партии «Ан-Нахда» и закон в защиту прав женщин в Тунисе; референдум о реформе конституции в Марокко; санкции ООН против Ливии; закон о закреплении за семьей Саудидов статуса «стержня общества» в Саудовской Аравии; конференции по ближневосточному урегулированию в Мадриде и Москве с участием большинства арабских стран

1993 г.

Создание Консультативного совета (Маджлис аш-Шура) из 60 чел по указу короля Фахда в Саудовской Аравии; теракт египетских исламистов во Всемирном торговом центре Нью-Йорка; активизация ХАМАС в Палестине; появление в Алжире «Вооруженной исламской группировки» (ВИГ), объединившей исламистов-ветеранов войны 1979–1989 гг в Афганистане; высылка из Германии зарубежного лидера исламистов Алжира Рабаха Кебира; успех исламских фундаменталистов на парламентских выборах в Иордании; подписание израильско-палестин-

ских соглашений Рабин–Арафат; самороспуск Совета революционного командования в Судане после избрания президентом Омара аль–Башира
Выборы в парламент Сирии и рост влияния «скрытых исламистов» среди «независимых» депутатов; мирное соглашение Иордании с Израилем; активность «Хезболлах» (Партии Аллаха) среди шиитов на юге Ливана; убийство исламистами спикера парламента АРЕ Рифаата Махгуба; роспуск ВГС в Алжире и избрание его председателя генерала Лиамина Зеруаля временным президентом страны; начало берберистского движения в Алжире; конфликт руководства ООП с ХАМАС и «Исламским джихадом»; выступление США с критикой Алжира; выявление в Алжире боевиков–исламистов из Йемена, Судана, Египта, Марокко и других арабских стран; подавление северойеменцами выступлений за самостоятельность юга Йемена; активность оппозиции на Бахрейне
Участие Сирии, Ливана, Египта и стран Магриба в Барселонских соглашениях по Средиземноморью; избрание Лиамина Зеруаля на первых с 1991 г всеобщих выборах в Алжире; соглашение о расширении Палестинской автономии; усиление активности исламистов на юге АРЕ; освобождение 2400 заключенных (в основном «братьев–мусульман») в Сирии и помилование их "верховного контролера" АФ Абу Гуды; неудачное покушение исламистов на

1994 г.

1995 г.

жизнь президента АРЕ Хусни Мубарака

1996 г.

Избрание парламента (Переходного национального совета) и переизбрание О аль-Башира президентом Судана; закон о запрете «благотворительности» неправительственных и иностранных организаций с целью пресечь активность исламистов в Египте; избрание Ясира Арафата президентом Палестинской автономии; план Зеруаля по решению алжирского вопроса и референдум об изменении конституции АНДР; казнь в Багдаде вернувшихся из Иордании с повинной Саддама Кямиля и Хусейна Кямиля; переговоры Ирака с ООН – «нефть в обмен на продовольствие»; созыв в США "группы наблюдения за прекращением огня" в Ливане в составе представителей США, Франции, Израиля, Ливана и Сирии; первые планы экономического сотрудничества Египта, Иордании и Марокко; экономические трудности и усиление исламизма в Ливии; взрыв базы США в Саудовской Аравии (19 убитых, 500 раненых); деятельность Арабского института по правам человека в Тунисе; новая конституция Омана

1997 г.

Выборы в Национальное народное собрание Алжира при участии 66% населения и 39 (из примерно 50) партий страны; миссия Примакова по предотвращению бомбардировок Ирака авиацией США; экономический рост в АРЕ; конфликт Палестинской автономии и Израиля из-за ли-

1998 г.

дера ХАМАС шейха Ясина; призыв «Фронта исламского действия» Иордании к «братьям–мусульманам» Сирии прекратить террор и начать переговоры с властями; возвращение из эмиграции Рифата Асада и его восстановление на посту вице–президента Сирии; встреча в Мадриде партий алжирской оппозиции
Оживление российско–сирийского сотрудничества и подписание новых соглашений в сферах промышленности, ирригации, атомной энергетики, транспорта, финансов, культуры; отстранение Рифата Асада со всех постов и его отъезд за пределы Сирии; создание исламистами Египта «Международного фронта джихада против евреев и крестоносцев»; соглашения Демократической партии и Патриотического союза Курдистана под эгидой США о противодействии режиму Багдада, с одной стороны, Курдской рабочей партии – с другой; уход в отставку президента Алжира Л Зеруаля

1999 г.

Включение Гамалы Мубарака (сына президента АРЕ) в Политбюро правящей партии; восстание шиитов на юге Ирака и массовая чистка верхушки армии и спецслужб Саддамом Хусейном; Ливия – за «Афропарламент»; кончина короля Марокко Хасана II и вступление на трон Мухаммеда VI; кончина короля Иордании Хусейна и вступление на трон Абдаллаха II; начало охоты спецслужб США за главой «Аль–Каиды» Осамой Бен Ладеном; избрание Абд

2000 г.

аль-Азиза Бутефлики президентом Алжира 73,8% голосов участников выборов; роспуск парламента Судана, введение в стране чрезвычайного положения и заявление президента аль-Башира о нежелании терпеть «конкурирующие центры власти» (прежде всего исламистов во главе с Хасаном ат-Тураби); слухи о поддержке исламистов Алжира из США. Смерть Хафеза Асада и избрание Башара Асада генеральным секретарем ПАСВ и президентом Сирии; включение 4 женщин в Высший консультативный совет Бахрейна; взрыв на базе США в Саудовской Аравии (4 погибших); визит президента Алжира Бутефлики во Францию и нападения алжирских исламистов на Тунис и Марокко; продолжение войны в Алжире, число жертв которой достигло 100 тыс чел; переговоры Я Арафата, Э Барака и Б Клинтона в Кэмп-Дэвиде; вывод израильских войск и христианской милиции из южных районов Ливана; выборы в АРЕ при участии лишь 50% избирателей; Каддафи – за «Соединенные Штаты Африки»; выборы в Ливане

2001 г.

Крупнейший бизнесмен Рафик аль-Харири 4-й раз стал премьер-министром Ливана; референдум о восстановлении парламента и предоставлении женщинам права голоса в Бахрейне; первые муниципальные выборы в Катаре; теракт 11 сентября в Нью-Йорке с гибелью нескольких тысяч человек в двух

2002 г.

разрушенных небоскребах и причастность к нему исламских боевиков из Саудовской Аравии, Египта и Марокко; XV Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Алжире; визит президента АНДР Бутефлики в Москву и выход российских компаний на нефтяной рынок Алжира; заявление президента Сирии Башара Асада при встрече с папой римским, что Израиль «стремится уничтожить все принципы чистой веры так же, как евреи в свое время предали Христа и как они стремились убить пророка Мухаммеда»; визит в Москву председателя ООП и лидера Палестинской автономии Ясира Арафата Гамаль Мубарак назначен членом генерального секретариата правящей партии АРЕ, ответственным за «политическую ориентацию»; декларация короля Мухаммеда VI в Марокко о признании испанских анклавов Суты и Мелильи «оккупированной Испанией территорией» Марокко; разрешение деятельности социально-национальной партии в Сирии; Ясир Арафат отклонил при поддержке ООН, Евросоюза и России требование США и Израиля о его отставке; взрыв исламистами синагоги на о Джерба в Тунисе (погиб 21 человек); рост числа жертв взаимных терактов палестинских боевиков и силовых структур Израиля; блокада израильтянами резиденции Арафата; гибель лидера «Вооруженной исламской группировки» – основной организации исламских тер-

рористов в Алжире; ухудшение отношений между Саудовской Аравией и США, разработка американского «чрезвычайного плана» операции против саудовцев; арабская встреча на высшем уровне в Бейруте поддержала Арафата (против Израиля) и отвергла «возможность удара США по Ираку»; выступление президента Сирии Б Асада и президента Ливана Эмиля Лахуда в поддержку проиранской шиитской организации «Хезболлах»; смерть в Багдаде палестинского «террориста номер один» Абу Нидаля; разработка «дорожной карты» – плана ближневосточного урегулирования – усилиями США, Израиля, России и ООН

2003 г.

Выборы в Сирии, победа ПАСВ (167 мандатов из 250, но 79 мест «независимых» у представителей буржуазии и 4 места – у не входящей в ПНФ социально–национальной партии) и курс на либерализацию: разрешены частные банки, университеты, радиостанции; военные действия США на территории Ирака в марте–апреле, оккупация страны англо–американскими войсками и начало партизанской войны в Ираке; проект учреждения выборных муниципалитетов наследного принца Саудовской Аравии Абдаллаха; атака террористов–смертников на дипломатические кварталы Эр–Рияда (34 убитых); теракты исламистов в Касабланке (42 погибших); успех исламистов на выборах в Кувейте, получивших 17 из 50 мест в парламенте;

2004 г.

теракты в Алжире и замена премьер-ра АНДР Али Бенфлиса Ахмедом Уяхьей; победа монархистов на выборах в Иордании (но 20 из 110 мест – у исламистов); болезнь 75-летнего президента АРЕ Хусни Мубарака; требование Каддафи к Италии выплатить компенсацию за «тысячи ливийцев, убитых итальянскими колонизаторами»; реформа семейного кодекса в Марокко

Атаки палестинских фидаев–смертников против израильтян; бои войск США и их 34 союзников с отрядами партизан Ирака в городах Эль–Кут, Эль–Фаллуджа и Эль–Куфа, а также – в Басре, Багдаде и Мосуле; предсмертное заявление палестинского лидера ХАМАС Рантиси: «Главная цель интифады – освобождение Западного берега, Газы и Иерусалима, и больше ничего»; вывод из Ирака войск Испании, Гондураса, Доминиканской республики, Португалии и Казахстана; новый теракт «Аль–Каиды» в Эр–Рияде (10 погибших, 60 раненых); предложение Осамой Бен Ладеном мира государствам, которые «не нападают на мусульман»; вхождение представителей ХАМАС и «Исламского джихада» в состав руководства Палестинской автономии; теракт в Дамаске (впервые с 1981 г) в апреле и заявление Башара Асада о том, что правительства Запада ранее предоставляли убежище террористам, «укрывали их и поддерживали», за что теперь и расплачиваются; признания бывшего ди-

ректора ЦРУ США Тенета о том, что ЦРУ знало об «Аль-Каиде» с момента ее организации «на территории оккупированного СССР Афганистана в 1988 г.»; предотвращение взрыва «Аль-Каидой» посольства США в Иордании с помощью 20 тонн взрывчатки на 5 грузовиках в апреле; обнаружение в мае сети 300 «опасных исламистов» (главным образом марокканцев) в Испании, в марте взорвавших вокзал Аточа в Мадриде; увеличение американского корпуса в Ираке со 120 тыс до 134 тыс чел; начало активных выступлений в Багдаде, Ан-Наджафе, Ан-Насирийе, Кербеле и Амаре шиитской «Армии аль-Махди» во главе с Моктадой ас-Садром; в Алжире в апреле переизбран президентом АНДР Абд аль-Азиз Бутефлика; в мае утвержден закон о предоставлении женщинам Кувейта активного и пассивного избирательного права: в ноябре умер лидер Палестинской автономии Ясир Арафат

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амин Саид*. Восстания арабов в XX веке. М., 1964.
- Ахмедов В.М.* Сирия на рубеже столетий: власть и политика. М., 2003.
- Аяш Ж.* Очерки марокканской истории. М., 1982.
- Бартольд В.В.* Ислам и культура мусульманства. М., 1992.
- Беляев Е.А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745–конец XX в.). М., 1999.
- Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. М., 1987.
- Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. М., 1986.
- Дмитриев Е.Д.* Палестинская трагедия. М., 1986.
- Дьяков Н.Н.* Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М., 1985.
- Иванов Н.А.* Кризис французского протектората в Тунисе (1918–1939 гг.). М., 1971.
- Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 2001 г. (изд. 2–е).
- История стран Азии и Африки в средние века. М., 1987, ч. 1–2.
- История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
- Ковыршина Н.Б.* Арабские страны. Лингвострановедение. Начальный курс. М., 1999.
- Котлов Л.Н.* Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии. 1908–1914 гг. М., 1986.
- Котлов Л.Н.* Становление национально-освободительного движения на арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.). М., 1975.
- Кошелев В.С.* Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981). Минск, 1984.
- Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М., 1999.

- Ланда Р.Г.* Марокко: 30 лет независимости. М., 1985.
- Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. М., 1965.
- Наушкин В.В.* «Красные волки» Йемена. М., 2003 г.
- Новейшая история арабских стран Азии. М., 1988.
- Новейшая истории арабских стран Африки. М., 1990.
- Пак П.М.* Ирак: история и современность. М., 1981.
- Развитие капитализма в арабском мире. М., 1968.
- Салиби К.С.* Очерки по истории Ливана. М., 1969.
- Сейранян Б.Г.* Египет в борьбе за независимость. М., 1970.
- Семенова Л.А.* Из истории фатимидского Египта. М., 1974.
- Семенова Л.А.* Салах ад-Дин и мамлюки. М., 1966.
- Смилянская И.М.* Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материале Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979
- Смирнов С.Р.* История Судана (1821–1956).
- Уотт У.М., Какиа П.* Мусульманская Испания. М., 1976.
- Уотт У.М.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Научное издание

Ланда Р.Г.

ИСТОРИЯ АРАБСКИХ СТРАН

Утверждено Ученым советом
Восточного университета в качестве учебника

Компьютерный набор Е.А. Щербакова
Макет и дизайн обложки В.С.Булатов
Корректор Л.В. Хохлова

Сдано в набор 19.10.2003 Подписано к печати 10.12.2004
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 20.0
Тираж 1000 экз. Зак. № 287

Восточный университет
103031, Москва, ул. Рождественка, 12
т. 925-16-04
www.orun.ru
E-mail: ou@orun.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»,
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

